АВГУСТ

1914

ДИПЛОМАТИЯ РОССИИ

ОПЫТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

СТАНИСЛАВ ЧЕРНЯВСКИЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге дается развернутый анализ гуманитарной деятельности МИД России в годы Первой мировой войны по возвращению на Родину и оказанию помощи соотечественникам, депортированным из воюющих стран Европы, а также задержанным в них гражданским лицам призывного возраста и военнопленным. Этот опыт приобретает особую актуальность сегодня, когда противодействие международному терроризму требует четкой, профессиональной защиты соотечественников. Вводятся в научный оборот малоизвестные факты из истории российской дипломатии по материалам закрытых до последнего времени Государственных архивов России, а также информационно-справочных публикаций МИД РФ для внутреннего пользования.

- Станислав Чернявский
  - К читателю
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Заключение
  - Приложения
    - Приложение 1
    - Приложение 2
    - Приложение 3
    - Приложение 4
    - Приложение 5
    - Приложение 6
    - Приложение 7
    - Приложение 8
    - Приложение 9
    - Приложени 10
    - Приложение 11
    - Приложение 12
    - Приложение 13
  - Примечания
  - Список литературы

Станислав Чернявский
Дипломатия России. Опыт Первой мировой войны

Первая задача историка – воздержаться ото лжи, вторая – не утаивать правды, третья – не давать никакого повода заподозрить себя в пристрастии или в предвзятой враждебности.

Цицерон

К читателю

Эта книга о нелегком труде российских дипломатов в условиях вооруженного конфликта всемирного масштаба. Привычка видеть героев с оружием в руках мешает взглянуть объективно на рядовую работу тех, кто обеспечивает победу другими средствами. А ведь дипломаты, как и пограничники, сразу же выдвигаются на линию огня. Они и их семьи, как правило, становятся первыми невинными жертвами любого обострения ситуации в стране пребывания. Судьба многих дипломатов, оказавшихся в силу разных обстоятельств в руках неприятеля, заканчивается трагически. Особенно обидно, когда это происходит на территории бывших советских республик или «братских социалистических» государств, в которых лозунги «с Советским Союзом на вечные времена!» давно сгнили на свалке.

К сожалению, далеко не все политические лидеры, поставленные у власти волей народов (или по роковому стечению обстоятельств) склонны делать правильные выводы из трагических событий истории. Потому-то они и заводят многие конфликты в тупик, создавая обстановку, чреватую мировым пожаром. Летом 2014 г. в России часто вспоминали события столетней давности – начало Первой мировой войны, причиной которой формально послужил террористический акт против австрийского эрцгерцога Фердинанда 28 июня 1914 г. Вспоминали с опасением, что аналогичная ситуация может произойти и в наши дни.

Первая мировая война явилась результатом длительного накопления противоречий между ведущими мировыми державами. Во всех странах усилились шовинистические настроения. Общественность, привыкшая за несколько лет постоянных кризисов к балансированию на грани катастрофы, не теряла надежды, что в последний момент кто-нибудь одумается и отступит. Правительства и дипломатические ведомства уверяли в неизбежности компромисса без потери престижа. Для России эта задача в тот период оказалась непосильной.

Выступая 1 августа 2014 г. на церемонии открытия памятника героям Первой мировой войны в Москве, президент Российской Федерации В.В. Путин напомнил, что «на протяжении многих веков Россия выступала за крепкие и доверительные отношения между государствами. Так было и накануне Первой мировой, когда Россия сделала всё, чтобы убедить Европу мирно, бескровно решить конфликт между Сербией и Австро-Венгрией. Но Россия не была услышана, и ей пришлось ответить на вызов, защищая

братский славянский народ, ограждая себя, своих граждан от внешней угрозы»[1].

В ходе кризиса механизм принятия важных внешнеполитических решений в России очередной раз продемонстрировал свои, свойственные ему изъяны – недемократичность, слабую коллегиальность, склонность к колебаниям, возросшее влияние на политику военной верхушки.

С первых же дней Великой войны – как ее до сих пор называют в Европе – перед внешнеполитическим ведомством Российской империи встала задача оказания срочной практической помощи значительной массе соотечественников, застигнутых войной за рубежом.

Российские подданные, оказавшиеся жарким летом 1914 г. в Германии, Австро-Венгрии и других европейских странах без денег, а многие и без документов, ждали поддержки только от российских дипломатов. С первых же дней войны министерство занялось сбором и анализом сведений об их положении, организацией перевода им денежных средств, добивалось улучшения условий их жизни путем заключения через посредников соответствующих соглашений с неприятельскими властями. По самым больным вопросам – таким, как помощь военнопленным – дипломатам приходилось преодолевать серьезные препятствия внутри страны, поскольку военную верхушку не интересовала судьба «отработанного материала». Между тем военнопленные нуждались в срочной профессиональной защите.

Все эти проблемы пришлось решать российскому Министерству иностранных дел, действуя, как теперь говорят, «прямо с колес», в авральном режиме.

Работа над книгой продолжалась более десяти лет. Основой для нее послужили документы Архива внешней политики Российской империи[2], информационно-справочные публикации МИД России для внутреннего пользования[3] из фондов Центральной научной библиотеки МИД.

Наибольший вклад в создание книги внесли материалы фондов АВПРИ № 133 «Канцелярия Министерства иностранных дел», № 159 «Департамент личного состава и хозяйственных дел» и № 134 «Архив «Война», в которых содержится уникальная информация о деятельности центральных и заграничных учреждений МИД России в годы Первой мировой войны. Документы фондов № 138 «Секретный архив министра. 1858–1917», № 139 «2-я (газетная) экспедиция Канцелярии МИД России. 1814–1914», № 151 «Политический архив. 1838–1917», № 323 «Дипломатическая канцелярия при Ставке. 1914–1918» и №

340 «Коллекция документальных материалов из личных архивов чиновников МИД. 1743–1933» дают четкое представление о конкретных направлениях разносторонней деятельности МИД в рассматриваемый период, изменениях в структуре, вызванных потребностями военного времени, о каждодневной рабочей жизни внешнеполитического ведомства.

Подробная информация о деятельности заграничных учреждений МИД содержится в донесениях императорских российских посольств, миссий и консульств о деятельности этих учреждений по оказанию помощи и водворению в пределы России русских подданных, захваченных войной за границей, опубликованных в ведомственном журнале «Известия МИД» за 1915–1916 гг.[4]

Бесценным подарком для автора стал выход в свет в конце 2014 г. сборника документов «Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны»[5], в котором впервые опубликованы малоизвестные исследователям документы АВПРИ: внутриведомственные справки, записки, отчеты, а также всеподданнейшие доклады министра императору об образовании и функционировании Дипломатической канцелярии при Ставке, Отдела денежных переводов и ссуд, Отдела о военнопленных, Особого политического отдела, Отдела печати и осведомления, Кабинета министра. Значительное внимание в сборнике уделяется переписке МИД с военным и другими ведомствами, Российским обществом Красного Креста (РОКК), а также различными благотворительными обществами помощи военнопленным.

В работе над монографией широко использовались так наз. «цветные книги» – сборники дипломатических документов, изданные в 1914–1916 гг. в Петрограде[6].

Разумеется, с позиций сегодняшнего дня нам трудно дать однозначную оценку работе, проделанной российскими дипломатами 100 лет назад – были успехи, были и серьезные неудачи. Ясно лишь одно – определенный опыт по эвакуации соотечественников в условиях военного времени им удалось накопить. К сожалению, в канун

Великой Отечественной войны и после нее этот опыт не был востребован. Найденных на оккупированных территориях соотечественников грузили в «телячьи» вагоны и тысячами направляли в концлагеря.

Наша цель – рассказать о гуманитарной миссии российской дипломатии, нестандартных подходах со стороны дипслужбы по предоставлению дипломатической опеки соотечественникам, их физической защите, распределении материальной помощи и

организации массовой эвакуации на родину. К сожалению, вопросы защиты соотечественников за рубежом не потеряли своей актуальности и все чаще становятся объектом практической деятельности современных дипломатов.

Сергей Дмитриевич Сазонов (29 июля 1860, Рязанская губерния − 24 декабря 1927, Ницца) – министр иностранных дел

Российской империи в 1910–1916 гг. 12 января 1917 г. назначен послом в Великобританию, но в связи с Февральской революцией к месту службы выехать не успел. Активный участник Белого движения. В 1918 г. входил в состав Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России А.И. Деникине. В 1919 г. – министр иностранных дел Всероссийского правительства А.В. Колчака и А.И. Деникина

Сергей Андреевич Котляревский (23 июля 1873, Московская губерния – 15 апреля 1939) – известный русский историк и правовед. Много печатался в «Русских ведомостях» по вопросам внутренней и внешней политики, по национальным вопросам. 17 апреля 1938 арестован по обвинению «в принадлежности к террористической организации и вредительской деятельности». 14 апреля 1939 приговорён Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации. Реабилитирован 18 ноября 1992 по заключению Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Александр Сергеевич Суворин (1834–1912, Царское Село) – русский журналист, издатель, коммерсант, предприниматель, театральный критик, драматург. Он относится к русским самородкам, сумевшим совершить головокружительную карьеру и встать в ряд крупнейших общественных деятелей России

Граф Фридрих фон Пурталес (нем. Friedrich von Pourtalès; 24 октября 1853 – 3 мая 1928) – германский посол в России в 1907–1914 гг.; советник министерства иностранных дел в 1914–1918 гг.

Фридрих-Вернер Эрдманн Маттиас Иоганн Бернгард Эрих, граф фон дер Шуленбург (нем. Friedrich-Werner Erdmann Matthias Johann Bernhard Erich Graf von der Schulenburg; 20 ноября 1875 – 10 ноября 1944) – немецкий дипломат, посол Германии в НССР (1934–1941). Участник заговора 20 июля против Адольфа Гитлера. Арестован и 10 ноября 1944 года казнен через повешение

Великая княжна Татьяна Николаевна Романова (29мая 1897, Петергоф – 17 июля 1918, Екатеринбург) – почетный председатель Комитета для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий. «Татьянинский комитет» создан в 1914 г. через три месяца после начала I Мировой войны для координации работы с хлынувшими в столицу беженцами из захваченных противником областей Польши, Прибалтики и Белоруссии. Вел. кнж. Татьяна Николаевна, которой накануне исполнилось 17 лет, лично участвовала в учреждении, а затем и в управлении деятельностью Комитета

Сэр Джордж Уильям Бьюкенен (англ. George William Buchanan; 25 ноября 1854, Копенгаген – 20 декабря 1924, Лондон) – посол Великобритании в России в годы Первой мировой войны. 25 декабря 1917 г. Бьюкенен выехал в Соединённое Королевство, где стал одним и самых активных сторонников иностранной военной интервенции в России

Барон Михаил Александрович фон Таубе (15 мая 1869, Павловск – 29 ноября 1961, Париж) – российский юрист-международник. В 1892–1917 гг. сотрудник МИД, работал в юрисконсультской части министерства под руководством Ф.Ф. Мартенса. С 18 ноября 1909 г. был представителем России в Постоянной палате Международного третейского суда в Гааге. В 1914 г., за несколько недель до начала Первой мировой войны, убедил правительство России изъять из германских банков все хранившееся там российское золото. С 1917 г. в эмиграции

Мобилизация.
Молебен перед выступлением в поход

Глава 1
Министерство иностранных дел России в канун великой войны

После русско-японской войны и революции 1905 г. ослабленная Россия вносила коррективы в свою внешнюю политику, приспосабливаясь к новому соотношению сил на мировой арене. Приходилось учитывать и внутригосударственные сдвиги.

В международных кризисах, предшествовавших Первой мировой войне, Россия длительное время придерживалась сдержанной, примирительной позиции, стремясь балансировать на противоречиях между великими державами и не обострять ни с кем отношений.

Разработкой внешнеполитической программы и ее реализацией занималось Министерство иностранных дел. Все важные внешнеполитические вопросы решались непосредственно императором и министром иностранных дел. Министр, как более подготовленный и имеющий специальный аппарат в лице МИД, предлагал алгоритмы решений, с которыми Николай II большей частью соглашался.

Несмотря на неплохие рабочие отношения, сложившиеся у министра А.П. Извольского с императором, он отзывался о нем весьма критично. Разумеется, эти оценки содержались лишь в мемуарах, вышедших уже после революции.

«К несчастью, его природный ум, – писал Извольский о царе, – был ограничен отсутствием достаточного образования. До сих пор я не могу понять, как наследник, предназначенный самой судьбой для управления одной из величайших империй мира, мог оказаться до такой степени неподготовленным к выполнению обязанностей величайшей трудности.

Образование Николая II не превосходило уровня образования кавалерийского поручика одного из полков императорской гвардии, офицеры которой принадлежали к «золотой молодежи» и обращали больше внимания на спорт и умение держать себя в обществе, чем на изучение специальных дисциплин, даже тех, которые полезны для военной карьеры»[7].

В некоторых, особо сложных случаях по указанию царя или с его разрешения вопрос передавался на коллективное обсуждение представителей заинтересованных ведомств (чаще всего Министерства финансов, а также Военного и Морского

министерств). Эти Особые (межведомственные) совещания формулировали свои предложения, с которыми царь в итоге мог и не считаться.

Представительные учреждения России – Государственная дума и Государственный совет – не имели внешнеполитических функций. К их компетенции относилось лишь обсуждение и утверждение ежегодных ассигнований на деятельность министерства. В обсуждении принимал участие министр или его первый заместитель, которым приходилось выслушивать в свой адрес немало критических замечаний.

Внешнеполитический механизм России страдал существенными недостатками, связанными с общей отсталостью самодержавного режима. Роль императора и министра иностранных дел была гипертрофирована. Чрезмерная централизация осуществлялась в ущерб координации и коллегиальности. Постоянный властный орган согласования действий соприкасавшихся с внешней политикой министерств отсутствовал. Аналитические центры Военного и Морского министерств (генеральные штабы) функционировали без тесной связи между собой и МИД[8].

Как отмечал известный русский историк и правовед Сергей Андреевич Котляревский, «русские Основные Законы не предоставляют Государственной думе и Государственному совету никакого непосредственного воздействия на иностранную политику. Министр иностранных дел может никогда не появляться в стенах Таврического и Мариинского дворца, ему не нужно отвечать на обращаемые к нему вопросы. Заключение международных договоров точно также совершенно изъято из ведения законодательных учреждений»[9].

Важную роль в определении внешнеполитического курса традиционно играл личностный фактор. Помимо царя и министра иностранных дел, в разработке и реализации стратегических решений активно участвовали высокопоставленные дипломаты, особенно представители России при великих державах. Многие из них, наряду с мидовскими рангами, имели соответствующие титулы и звания императорского двора (камергер, гофмейстер и т. п.).

Отношение российского общества к Министерству иностранных дел в предвоенный период было в целом негативным. Либералами оно рассматривалось как закостеневший оплот самодержавия, неспособный гибко реагировать на происходящие в мире и внутри России изменения. В качестве примера для подражания приводились иностранные ведомства Франции и Великобритании, находившиеся под тесным

парламентским контролем.

Особой критике подвергалось неэффективное участие МИД во внешнеэкономической деятельности, опиравшееся главным образом на консульские представительства за рубежом, а также кадровая политика в целом.

Начиная с 1817 г., при загранучреждениях МИД учредили должности «агентов по мануфактурной части» Министерства финансов, курировавшего до 1905 г. внешнюю торговлю[10]. Создание независимого загранаппарата Минфина на практике привело к дублированию усилий, а также обострению взаимоотношений между упомянутым ведомством и МИД. В предвоенный период в рамках совершенствования внешнеэкономической работы консульские учреждения МИД получили еще одного «хозяина» в лице созданного в 1905 г. Министерства торговли и промышленности[11].

Депутаты Государственной думы, политические деятели разных направлений, юристы-международники выступали с резкой критикой в адрес МИД, настаивая на необходимости коренных реформ как в определении стратегического курса российской дипломатии, так и в конкретных вопросах подбора кадров. В подготовленном ведущими российскими экспертами сборнике статей «Русская внешняя политика и национальные задачи» давалась следующая оценка деятельности МИД:

«Над русской внешней политикой издавна тяготеет обвинение в отсутствии определенного и яркого понимания национальных задач. Нашей дипломатии приписывается тот салонно-бюрократический пошиб, который отрывает ее от подлинных и органических потребностей народного самосохранения и народного роста. Деятельность этой дипломатии долгое время была отравлена особым ведомственным сепаратизмом и разменивалась на мелкую игру чиновных самолюбий. Происходит растрата народных средств и сил на предприятия, по существу чуждые кровным русским интересам. «Здоровый эгоизм» сменяется нездоровой готовностью служить чужому благополучию»[12].

Немало масла в огонь подливала оппозиционная и весьма влиятельная газета «Новое время», издававшаяся Алексеем Сергеевичем Сувориным. Из номера в номер она публиковала резко негативные статьи о работе МИД. Так, в номере от 19 февраля 1909 г. давалась следующая характеристика работе министерства:

«Много говорилось о несовершенстве нашей дипломатической службы, преклонном возрасте наших послов, отсутствии согласованности действий наших представителей,

полной деморализации остального состава наших чиновников Министерства иностранных дел за границей. Для того чтобы поставить нашу дипломатию на уровень с европейской, необходима ее коренная ломка. Но никакая реформа, ни даже мелкое преобразование в заграничном представительстве не достигнут своей цели, пока не будет проведена чистка центрального ведомства.

Управление делами министерства сосредоточено в руках чиновников, никогда не служивших за границей и устраивавших свою подчас весьма блестящую карьеру на личных отношениях и слабостях начальства. Сознание своего умственного убожества заставляет их напрягать все усилия к одной цели: не допустить к делам управления свежих и способных людей»[13].

Подобные оценки работы министерства публиковались и в других органах российской печати. Практиковались и попытки создать портрет «типичного русского дипломата». Сегодня трудно сказать, насколько эти «зарисовки» соответствовали действительности, но озлобленной критики в них немало.

«Всем, побывавшим за границей, хорошо знаком портрет русско-европейского дипломата», – писала газета «Новое время» 25 апреля 1909 г. «Это – весьма приличный господин со связями в Петербурге. Он хорошо одет, довольно хорошо говорит по-французски, не всегда хорошо по-русски, малообразован, часто прямо невежествен, но весьма высокого мнения и о себе лично, и о том мелком вздоре («дипломатическая тайна»), которым он старается возможно меньше заниматься в своей посольской канцелярии. Дипломат ведет светскую жизнь, отлично знает местное «общество», мнит себя на дружеской ноге с чиновничьей знатью. К знати весьма подобострастен, с остальными соотечественниками, а обыкновенно и с сослуживцами по консульской части, принципиально не вежлив, ибо презирает в них людей «другого круга» и ненавидит их как свидетелей своего безделья. Чувствует себя истинным европейцем и космополитом. Русской жизни прошлой и настоящей не знает, не понимает, да и знать не хочет»[14].

Проживавший в Женеве известный русский революционер-шестидесятник Михаил Константинович Элпидин[15] давал такую характеристику российским дипломатам за границей: «Посольские секретари, эти дипломаты в зародыше, представляют собой большей частью совершенно особый коллективный тип, к сожалению, еще не разработанный и дожидающийся для изображения своего Салтыкова-Щедрина. Обыкновенно это цвет нашей аристократии, молодые люди безукоризненно приличной внешности и с печатью величайшей серьезности, заставляющей

относиться к ним с почтением как к участникам в устроении судеб человечества. Хотя сдержанный и важный вид их много имеет сходства с важностью тех сторожей, которые, состоя при лабораториях и физиологических институтах, заведуют мытьем загрязненных склянок и инструментов, помогают при опытах над животными. Также как эти сторожа, посольские секретари любят уснащать свою речь исковерканными учеными словами. Их жаргон пересыпан разными терминами и выражениями, ходячими в дипломатии, хотя сами они сплошь и рядом неясно понимают смысл, скрываемый в этих выражениях. Их же собственный внутренний смысл весьма не обширен, и за внешним лоском зачастую скрывается скудное содержание и умственное убожество»[16].

А вот характеристика одного из высших должностных лиц царской дипломатии – русского посла в Великобритании графа Александра Константиновича Бенкендорфа.

Пишет его коллега и непосредственный подчиненный К.Д. Набоков: «Среди русских дипломатов старой школы он занимал одно из первых мест. Владея в совершенстве французским, немецким и итальянским языками, он говорил довольно свободно по-английски. Он находил «общий язык» не только с английскими министрами, но и с послами Великих Держав. К сожалению, русский язык он знал недостаточно, а потому на соотечественников производил впечатление иностранца. На самого предубежденного слушателя он производил впечатление мудреца. Но как только брался за перо (писал он всегда по-французски) – так в большинстве случаев его яркость и проникновенность мысли куда-то улетучивались. Телеграммы и политические письма его редактированы были то изысканно, длинными, запутанными периодами, то отрывочными фразами – так что подчас трудно было уловить их мысль»[17].

Одним из серьезных поводов для критики кадрового состава МИД было засилье в нем иностранцев, в первую очередь прибалтийских немцев. Их обвиняли не только в отсутствии патриотизма, но даже в неспособности грамотно излагать свои мысли по-русски.

«Посол в Лондоне граф Бенкендорф, как и другие остзейцы, например, барон Будберг, барон Стааль фон Гольштейн и многие другие, выполнял свои обязанности под особым углом зрения, – отмечает царский посланник России в Испании Ю.Я. Соловьев. – Остзейцы считали себя не столько на русской службе, сколько на личной службе у династии Романовых, которую порой они называли полным русско-немецким именем: Романовы-Гольштейн-Готторпские. В мирное время это очень облегчало им

службу по Министерству иностранных дел. Они лояльно служили династии, не задаваясь никакими вопросами, от которых русские не могли отрешиться. В то время как для остзейцев центром была, конечно, династия, для русских на первом месте стояла Россия. Мне пришлось слышать от одного из своих начальников-остзейцев весьма удобное толкование обязанностей дипломата. По его словам, каждое дипломатическое представительство за границей было попросту «почтовым ящиком». То, что нам предписывал Петербург, мы должны были добросовестно передавать местному правительству. Конечно, при всех достоинствах остзейских дипломатов это лишало их, за редкими исключениями, как например барон Розен, инициативы в дипломатической деятельности. Нечего говорить, что такое отношение к делу не может быть идеалом для дипломата»[18].

С подобными критическими оценками личностей царских дипломатов согласны, разумеется, далеко не все. Так, современный российский исследователь Б.Н. Григорьев придерживается противоположной точки зрения: «Внешний лоск, светские безупречные манеры – это лишь видимая сторона дипломатической работы. Настоящий дипломат – великолепный знаток страны пребывания, ее языка, политического и экономического устройства, культуры, традиций и социального уклада. Он хорошо разбирается в международной политике, международном праве, он основательно и во всех аспектах изучил страну своего пребывания и достойно представляет свою страну, свой народ и свою культуру. Жизнь рядового дипломата в царской России складывалась не только из приемов и приятных встреч; чаще всего она предполагала ежедневный кропотливый труд и серые будни. Недаром в царские времена профессия дипломата, особенно во второй половине XIX века, считалась не такой уж престижной. Зажиточная аристократия, за редким исключением, шла в дипломатию весьма неохотно, и дипломатическую карьеру избирали в основном обедневшие дворяне да лица иностранного происхождения. К тому же длительное пребывание за границей для русского человека было всегда тягостно»[19].

Справедливости ради следует отметить, что сотрудники МИД в целом отличались высоким профессионализмом и дисциплинированностью, ответственным отношением к делу. В известной степени этому способствовали «семейственность» или, как теперь говорят, «корпоративность» дипломатической службы. По свидетельству заведующего Юридическим отделом МИД Георгия Николаевича Михайловского[20], «условия службы, требовавшие доверительности и близкого личного знакомства,

делали из всего министерства одно большое посольство; это все были люди одного и того же круга, многие служили в этом ведомстве по наследству»[21].

Модернизация структуры МИД началась после назначения в мае 1906 г. министром Александра Петровича Извольского.

Для подготовки к реорганизации ведомства в 1907 г. создали специальную комиссию, разработавшую соответствующий проект, который в последующем в течение нескольких лет дополнялся и уточнялся. Судьба его складывалась не просто – в марте 1910 г. проект внесли в Государственную думу, но произошла смена руководства. 14 (27) сентября 1910 г. А.П. Извольского назначили послом в Париж. Пост министра иностранных дел 8 (21) ноября 1910 г. получил Сергей Дмитриевич Сазонов. По этой причине работа над документом затянулась, и лишь 24 июня (7 июля) 1914 г. после одобрения Государственным советом и Государственной думой законопроект о новом «Учреждении МИД» и штате центрального аппарата министерства получил утверждение Николая II.

Новое Положение о МИДе и штатное расписание ввели в действие с 1 (14) июля 1914 г. Хотя далеко не все проекты Комиссии по реорганизации ведомства воплотились в жизнь, позитивные изменения в его работе были очевидны. Полномочия и сфера деятельности структурных частей аппарата стали более четкими, что позволило свести до минимума параллелизм, повысив в целом эффективность деятельности центрального аппарата.

Согласно принятому документу, в компетенцию министерства входили:

– политические сношения с иностранными правительствами;

– анализ внутриполитической обстановки в иностранных государствах;

– защита русских экономических интересов и содействие по государственной линии расширению торгово-промышленных связей;

– забота о достойном положении православия за границей и об укреплении русского влияния на почве церковных интересов;

– защита и всесторонняя поддержка русских подданных;

– оказание содействия в решении законных требований иностранцев по их делам в России[22].

Функциям и структуре Центрального аппарата полностью посвящена вторая глава «Учреждения». В ней указано, что важнейшим управленческим звеном является Совет министерства (коллегия) под председательством министра. В него входят оба заместителя министра, директора департаментов, а также

Государственного и Санкт-Петербургского главного архивов, советники Политических отделов и управляющий Юрисконсультской частью министерства. Прерогативы и полномочия Совета министерства четко не определялись, указывалось лишь, что он «рассматривает дела, которые министр считает необходимым предложить на его обсуждение».

Центральный аппарат МИД получил в итоге преобразований следующую территориально-функциональную структуру:

Первый департамент (кадры, финансы, административные вопросы, церкви при учреждениях за рубежом);

Второй департамент (вопросы международного публичного и частного права, торгово-экономические вопросы, нотариат и дела, не входящие в компетенцию политических отделов);

Первый политический отдел (отношения с государствами Западной Европы, Америки и Африки, кроме Абиссинии и Египта, и Ватиканом). Канцелярия первого политического отдела являлась одновременно канцелярией министра. При отделе находились также шифровальное отделение и типография министерства;

Второй политический отдел (отношения с ближневосточными государствами, к которым в то время относились Албания, Болгария, Греция, Румыния, Сербия, Турция, Черногория, Абиссиния и Египет, а также церковные дела на Ближнем Востоке;

Третий (среднеазиатский) политический отдел (отношения с Персией, среднеазиатскими государствами. Индией и Цейлоном);

Четвертый (дальневосточный) политический отдел (отношения с Монголией, Китаем, Японией, Сиамом и «побережьями Тихого океана»);

отдел печати и юрисконсультская часть;

учебное отделение восточных языков при политических отделах, готовящее драгоманов для посольств и миссий на Востоке;

Государственный и Санкт-Петербургский главный архив, Московский главный архив.

Штаты центрального аппарата МИД составляли 470 человек.

Что касается заграничного аппарата, то к началу Первой мировой войны Россия имела за рубежом 9 посольств (в Берлине, Вашингтоне, Вене, Лондоне, Париже, Константинополе, Мадриде, Риме, Токио), 24 миссии, включая диппредставительства, 36 генеральных консульств, 84 консульства и 34 вице-консульств. На 1914 г. штаты загранучреждений составляли 431 человек.

В итоге структурные изменения Центрального аппарата МИД оказались не столь значительными, как предполагалось на этапе проработки проекта ведомственной реорганизации, а штаты

загранучреждений и вовсе остались прежними.

В «Учреждении МИД» 1914 г. зафиксирован порядок приема на службу и назначения на должности разного уровня в центральном аппарате и заграничных представительствах. Для поступления требовалось выдержать испытания по утвержденной министром программе. Вступительный экзамен принимала назначенная министром комиссия, собирающаяся в установленные им сроки. От экзамена освобождались только лица административно-технического состава (смотрители зданий, врачи, смотрители литографии МИД, регистраторы).

Прием на работу проходил на конкурсной основе, кандидат сдавал экзамен по русскому и французскому языкам, русскому государственному праву, политической географии и истории, а также началам международного права. Сдача экзаменов давала право стать кандидатом для занятия штатной должности в министерстве.

Для дальнейшего продвижения по службе и занятия дипломатической должности в центральном аппарате и учреждениях за рубежом требовалось сдать «дипломатический экзамен», к которому допускались кандидаты не старше 27 лет, имеющие высшее образование и прослужившие в системе МИД не менее двух лет. Дипломатический экзамен включал следующие дисциплины: русский и французский язык (умение свободно изъясняться, правильно и ясно письменно излагать свои мысли на обоих языках), международное и морское право, история международных договоров (особенно тех, в которых участвовала Россия), начала политической экономии, консульское право, всеобщая статистика.

В отношении дипломатических сотрудников в дореволюционном Министерстве иностранных дел действовала общая для всех государственных служащих система чинов, которые присваивались по мере прохождения ими службы. В основу этой системы была положена так называемая «Табель о рангах» – законодательный акт Петра I от 1722 г., действовавший с незначительными изменениями вплоть до конца 1917 г.[23]

Согласно этому акту все должности на государственной службе, а также в армии и военно-морском флоте подразделялись на 14 рангов (классов). Акт регламентировал порядок поступления на службу, продвижения по ней, выплаты жалования, предоставления льгот и привилегий. Для гражданских чинов срок службы с XIV по VIII класс устанавливался по 3 года в каждом классе, с VII по V класс – по 4 года, а с IV по I класс – по личному распоряжению императора. Лица, занимавшие чины с XIV по X класс, получали звание «почетных граждан», с IX класса

возводились в статус «личного», а с IV класса – «потомственного» дворянства.

В соответствии с «Табелью о рангах» Петра I иерархия чинов в аппарате МИД и его загранучреждениях по состоянию на 1914 г. определялась следующим образом:

Класс	Табель о рангах	МИД и загранучреждения
I	Канцлер	—
II	Действительный тайный советник	Министр, посол
III	Тайный советник	Товарищ министра, посланник
IV	Действительный статский советник	Непременный член Совета министерства, чиновник для особых поручений IV класса при министре, директор департамента, советник (заведующий) политического отдела, управляющий юрисконсультской частью, директор Государственного и Санкт-Петербургского Главного архива, директор Московского Главного архива, советник посольства, министр-резидент, дипагент и генеральный консул в Египте, генеральный консул в Монголии, Калькутте, Сеуле, Сиаме, первый драгоман посольства в Константинополе
V	Статский советник	Чиновник для особых поручений V класса при министре, вице-директор департамента, делопроизводитель V класса, старший секретарь политического отдела, переводчик политического отдела V класса, управляющий отделом печати, первый секретарь посольства (миссии), первый драгоман миссии в Пекине, генеральный консул
VI	Коллежский советник	Чиновник для особых поручений VI класса при министре, делопроизводитель департамента VI класса
VII	Надворный советник	Делопроизводитель департамента VII класса, секретарь политического отдела VII класса, переводчик политического отдела VII класса, второй секретарь посольства, вице-консул, драгоман генерального консульства в Сеуле
VIII	Коллежский асессор	Делопроизводитель департамента VIII класса, секретарь политического отдела VIII класса, второй секретарь посольства в Вашингтоне и миссии в Берне, Афинах и Брюсселе, драгоманы ряда миссий и генконсульств на Востоке
IX	Титулярный советник	Секретарь консульства, студент посольства в Токио, миссии в Пекине

Класс	Табель о рангах	МИД и загранучреждения
X	Коллежский секретарь	Кандидат для занятия штатной должности департамента (политического отдела), секретарь консульства, студенты посольства в Константинополе, миссии в Тегеране и Пекине
XI	Корабельный секретарь	—
XII	Губернский секретарь	—
XIII	Провинциальный секретарь	—
XIV	Коллежский регистратор	—

В новое «Учреждение» впервые включили пункт о том, что «штатные должности в посольствах и миссиях замещаются по преимуществу такими чиновниками, которые предварительно служили в консульских установлениях за границей»[24]. Для мидовского аппарата это явилось своеобразной революцией. Разумеется, все понимали, что опыт консульской работы позволяет сотруднику быстрее разобраться в законодательстве страны пребывания. Кроме того, позитивно сказывается и опыт непосредственной работы с людьми, требующий большого терпения и выдержки, столь необходимых дипломату. Однако дальше декларативности дело не пошло. Между посольскими и консульскими работниками по-прежнему соблюдалась большая дистанция – посольские решали политические задачи, а консульские – технические. Дипломатов и консульских работников разделяла огромная пропасть. Образно говоря, как между «голубой кровью» и «черной костью». Объем и трудности повседневной работы в миссиях и посольствах нельзя было даже сравнивать с той, которая сваливалась на плечи консульских чиновников, а между тем материальное положение последних было намного хуже. И те, и другие формально считались дипломатами, но редко кто из «чистых» дипломатов соглашался пойти работать (или даже возглавить) в консульство. Еще реже были случаи перехода консулов на «чистую» дипломатическую работу[25].

К сожалению, мероприятия по реорганизации МИД коснулись только центрального аппарата. Структура загранучреждений, в первую очередь консульских, осталась без изменений. Направлявшиеся за рубеж в 1911–1914 гг. из Петербурга циркуляры касались лишь обычных, общих инструкций и технических вопросов – о помещениях и внутреннем распорядке консульских установлений, о приобретении посольствами и миссиями портретов государя императора и государыни императрицы и т. п.

Так, в инструкции от 9 января 1912 г. уточнялись обязанности и права консульских работников. В качестве основных задач ставились оказание содействия и покровительства российским торговле и мореплаванию за границей, осведомление «правительства и частных лиц, по их просьбам, о состоянии торговли и промышленности в их округах и о возможности открыть туда доступ русским произведениям».

В инструкции подчеркивалось, что «консул обязан изучать местные экономические, торговые и промышленные условия и принять меры к тому, чтобы быть постоянно осведомленным:

1) о фирмах его округа, занимающихся привозом товаров из России, или таких, которые могли бы их оттуда привозить;

2) о причинах, которые вызывают больший успех иностранных товаров на данном рынке перед русскими;

3) о возникающих в его округе новых производствах;

4) о путях сообщения и развитии их в его округе;

5) об улучшениях в портовых приспособлениях;

6) о развитии телеграфов и телефонов;

7) о состоянии сельского хозяйства, урожае хлебов и успехах смежных с сельским хозяйством производств;

8) о скотоводстве и вывозе и привозе скота».

Традиционные консульские функции – защита интересов российских подданных и нотариат – отодвигались (по крайней мере, текстуально) на второй план.

Особо подчеркивалась «личная доступность консулов для лиц, обращающихся в консульства, и внимательное и участливое отношение к их просьбам». В инструкции напоминалось, что «По отношению к подчиненным им чинам консульств консулы суть не только начальники, имеющие право требовать правильного и усердного исполнения ими своих обязанностей, но и воспитатели более молодых своих товарищей в деле службы. На них лежит обязанность подготовлять будущее поколение консулов для служения государству и примером своего исполнения долга, своего отношения к работе и своей жизни поселять и развивать в них те качества, которые делают хорошего консула.

Ради сохранения достоинства своего, как представителя великой державы, консул обязан в своей общественной и частной жизни тщательно избегать поступков и образа действий, которые могли бы умалить уважение к его высокому званию и к личным его качествам. Он должен следить за тем, чтобы и подчиненные ему консульские чины не подрывали своими действиями и образом жизни достоинства консульства, в котором они имеют честь служить, и, если бы оказалось, что его указания в этом отношении не оказывают влияния на его подчиненных, доносить

министерству об их неодобрительном поведении, представляя об отозвании их, в случае необходимости»[26].

Циркуляр 1911 г. о выборе помещений для консульских канцелярий не получил, к сожалению, финансового подкрепления, что особенно болезненно почувствовали на себе как консульские работники, так и обращавшиеся к ним российские подданные в августе 1914 г. Зато указание от 8 января 1914 г. «О приобретении Посольствами и Миссиями портретов Государя Императора и Государыни Императрицы» были выполнены незамедлительно.

Весьма примечательно содержание этого циркуляра:

«В Департаменте Личного Состава и Хозяйственных Дел имеются указания на то, что в некоторых посольствах и миссиях наших нет совсем портретов благополучно Царствующего Государя Императора и Государыни Императрицы, а в других портреты эти не отвечают требованиям.

По мнению Министерства, в посольствах и миссиях, помещающихся в казенных домах, с большими парадными залами, должны находиться портреты Государя Императора во весь рост и натуральную величину, в прочих же – хорошие поясные портреты. Портреты Государыни Императрицы могут быть повсюду поясные. Рамы портретов должны быть хорошие, золоченые и украшены Императорской короной, скипетром и державой на подушке.

Озабочиваясь упорядочением этой важной стороны представительства наших посольств и миссий, Департамент Личного Состава и Хозяйственных Дел имеет честь покорнейше просить сообщить сведения о том, имеются ли в данном установлении отвечающие указанным требованиям портреты Их Императорских Величеств, а если таковых нет, то могут ли они быть приобретены за счет сумм, отпускаемых на содержание дома или канцелярии»[27].

Реорганизация МИД и последующая его деятельность в предвоенный период и в годы войны проходила под руководством Сергея Дмитриевича Сазонова.

Сазонов происходил из старинной провинциальной дворянской семьи. Он родился 29 июля (10 августа) 1860 г. в имении своих родителей в Рязанской губернии. Семья Сазоновых была по духу монархической и религиозной. В юности С.Д. Сазонов хотел избрать духовную карьеру, но окончание Александровского лицея открыло перед ним дипломатическое поприще, и в 1883 г. его приняли в канцелярию Министерства иностранных дел. Семь лет рутинной службы не принесли ему заметного продвижения. Шансы С.Д. Сазонова на карьеру

возросли лишь в связи с браком с А.Б. Нейгардт – свояченицей будущего председателя Совета министров П.А. Столыпина[28].

В июне 1909 г. С.Д. Сазонов получил предложение занять пост товарища министра. В сентябре 1910 г., в связи с кончиной русского посла во Франции А.И. Нелидова, на этот пост назначили А.П. Извольского. Управление министерством перешло в руки С.Д. Сазонова.

Известный российский юрист-международник Михаил Александрович Таубе дает весьма нелестную характеристику Сазонову: «Он был весьма слабый министр, производивший после Извольского впечатление недоучившегося студента, влезшего на профессорскую кафедру. В роли министра его характеризовали, к сожалению, следующие черты: недостаток соответствующей деловой подготовки, как бывшего только секретарем и советником посольства в Лондоне, а затем министром-резидентом при Ватикане, весьма слабое представление обо всем развитии русской иностранной политики до XX века, случайность, непоследовательность, нервность в его собственных политических исканиях, крайнее англофильство и сентиментальная любовь к «братушкам», постоянная склонность принимать свои желания, иллюзии и фантазии за реальные факты»[29].

Политическое наследство, полученное новым министром от предшественника, было непростым. Положение России на границах с Германией и Австро-Венгрией представлялось неустойчивым и побуждало Петербург рассматривать эти державы как вероятных противников.

Наиболее взрывоопасно складывалась обстановка на Балканском полуострове. Усилия России предотвратить вооруженный конфликт оказались тщетными. В октябре 1912 г. началась Первая Балканская война Черногории, Болгарии, Сербии и Греции против Турции. Одним из ее результатов стало укрепление влияния Антанты (особенно России) на полуострове, но мир продлился недолго. В июне 1913 г. вспыхнула Вторая Балканская война Греции, Сербии, Черногории, Румынии и Турции против Болгарии.

При этом каждая из балканских стран стремилась втянуть в братоубийственную войну славян Россию. Как с горечью отмечал посол России в Японии Д.И. Абрикосов: «…различные славянские народы оказались достаточно умны, чтобы использовать русское покровительство для своих целей, и без колебаний втягивали Россию в войну, представлявшуюся им выгодной. Россия сражалась с Османской империей, чтобы освободить Сербию и Болгарию, но вместо того, чтобы выразить свою благодарность,

Сербия под управлением короля Милана отвернулась от России и стала заигрывать с Австрией. Болгарский князь Фердинанд, старый лис Европы, тоже ради взаимопонимания с Австрией пренебрег дружбой России. После смены династии Сербия опять потребовала у России защиты от Австрии, для чего в Санкт-Петербург был послан умный министр, который удачно использовал для этого идею славянофильства»[30].

В результате Второй Балканской войны разгромленная Болгария приняла условия противников и лишилась не только некоторых своих приобретений в предыдущей войне, но и части собственной территории. Хотя общий баланс обеих балканских войн оказался в пользу России и ее партнеров, тем не менее Балканы так и остались узлом острейших противоречий. Первый секретарь миссии в Белграде, исполнявший некоторое время обязанности поверенного в делах России в Сербии Василий Николаевич Штрандман, в своих «Балканских воспоминаниях» подробно описывает непростой комплекс интриг, которые плелись в то время в Вене и Берлине[31].

Как на это реагирует российский МИД? «С Балканского полуострова из всех наших миссий и консульств, а равно и из частных писем в Петербург, – отмечает М.А. Таубе, – приходят известия, что образовавшаяся там коалиция славянских государств подготовляет войну с ослабевшей Турцией: болгары стремятся захватить Адриано-польскую область, сербы – Северную Македонию, Черногория – Северную Албанию… Сазонов, справедливо полагая, что такой новый кризис в «восточном вопросе», очень перепутавший общеевропейские отношения, может привести их к серьезным осложнениям, решает использовать для умиротворения «братьев-славян» свой авторитет русского министра иностранных дел и отправляется в круговую поездку по Балканским странам. Возвращается он весьма довольным сам собою и объявляет в Совете министров, что опасность войны им там совершенно уничтожена…»[32]

В обзоре международных событий, сделанным перед депутатами Государственной думы 10 мая 1914 г., министр попытался представить в позитивных тонах обострившуюся на Балканах обстановку. Так, он утверждал, что Россия вступила «в более спокойную пору и, хотя еще остается упорядочить многое, однако уже нет той напряженности, которая еще недавно вызывала серьезные заботы»[33].

Дав высокую оценку союзу с Францией и «дружбе» с Англией, Сазонов подчеркнул, что Россия продолжает «стремиться к поддержанию давнишних дружеских отношений с Германской империей». Тем не менее он отметил, что «за последнее время

было несколько случаев, когда казалось, что эти отношения могут омрачиться, и, если удалось избежать нежелательных последствий подобных инцидентов, то лишь в силу именно упомянутой давнишней дружбы между Россией и Германией и стремлению их правительств и на будущее время сохранить таковую. В этом стремлении правительства, к сожалению, не всегда встречают должную поддержку со стороны печати по обеим сторонам границы. Поддержание тревожного состояния в обществе без достаточного на то основания неразумно, а может быть при известных обстоятельствах и опасно. Поэтому я не могу не высказать пожелания, чтобы печать как германская, так и русская, прекратила бесплодную полемику и более спокойно обсуждала вопросы, касающиеся взаимных наших отношений (в начале 1914 г. в прессе обеих держав вспыхнула ожесточенная полемика, достигшая к середине февраля такого накала, что получила название «газетной войны». – *Прим, автора)».*

Майская речь С.Д. Сазонова в Государственной думе, составленная в «обтекаемых», «успокаивающих» тонах, удивительно напоминает другой, гораздо более поздний документ из истории советско-германских отношений – Сообщение ТАСС 13 июня 1941 г., в котором излагалась позиция руководства СССР в отношении Германии. В нем, в частности, утверждалось, что «СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными», а также то, что, «по данным СССР, Германия неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерениях Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям»[34].

К сожалению, как «розовая» тональность майской речи 1914 г., так и «успокоительное» сообщение июня 1941 г. не соответствовали реальной действительности, а отражали лишь трагический просчет руководства императорской России и Советского Союза.

В июле 1914 г. разразился очередной балканский кризис. Вечером 15 (28) июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну и сразу же приступила к боевым операциям. Германия солидаризировалась с союзницей и предупредила, что поддержит

ее в случае выступления России.

18 (31) июля германский МИД обратился к российскому правительству с грозным предупреждением, в полночь на 19-е последовал немецкий ультиматум, а вечером 19 июля (1 августа) Германия объявила России войну.

В российских источниках подробно описано, как германский посол Фридрих Пурталес заплакал, вручая Д.С. Сазонову вечером 19 июля /1 августа 1914 г. ноту с объявлением войны. Интересно здесь и то, что ноту вручили в двух вариантах – на случай отказа России выполнить германские требования и на случай согласия с ними. Второй вариант давался в скобках и его забыли вычеркнуть при передаче ноты.

Ниже ее текст – в скобках курсивом то, что не было вычеркнуто: «Императорское Правительство старалось с начала кризиса привести его к мирному разрешению. Идя навстречу пожеланию, выраженному Его Величеством Императором Всероссийским, Его Величество Император Германский в согласии с Англией прилагал старания к осуществлению роли посредника между Венским и Петербургским Кабинетами, когда Россия, не дожидаясь их результата, приступила к мобилизации всей совокупности своих сухопутных и морских сил. Вследствие этой угрожающей меры, не вызванной никакими военными приготовлениями Германии, Германская Империя оказалась перед серьезной и непосредственной опасностью. Если бы Императорское Правительство не приняло мер к предотвращению этой опасности, оно подорвало бы безопасность и самое существование Германии. Германское Правительство поэтому нашло себя вынужденным обратиться к Правительству Его Величества Императора Всероссийского, настаивая на прекращении помянутых военных мер. Ввиду того, что Россия отказалась *(не нашла нужным ответить на)* удовлетворить это пожелание и выказала этим отказом *(принятым положением),* что ее выступление направлено против Германии, я имею честь, по приказанию моего Правительства, сообщить Вашему Превосходительству нижеследующее: Его Величество Император мой Августейший Повелитель от имени Империи, принимая вызов, считает себя в состоянии войны с Россией»[35].

Анализируя поведение графа Ф. Пурталеса, столь эмоционально воспринявшего объявление войны России, и обстоятельства вручения германской ноты, можно провести параллель с аналогичными событиями в ночь с 21 на 22 июня 1941 г. Вот как их описывает автор биографической работы о Молотове В.В. Соколов:

«В субботу, 21 июня, в 9.30 В.М. Молотов неожиданно для

немецкого посла, с которым не встречался длительное время, вызвал его к себе в Кремль и решительно заявил протест против возрастающих нарушений советской границы германскими самолетами. Он указал, что за последние два месяца имело место не менее двухсот случаев нарушения границы. Перейдя затем к общим вопросам советско-германских отношений, нарком впервые отметил, что за границей циркулируют слухи о готовящейся войне между Германией и Советским Союзом, что германская сторона не опровергает этих слухов и даже не опубликовала сообщение ТАСС от 13 июня. Он просил посла объяснить ему причину ухудшения советско-германских отношений.

Ф. фон Шуленбург, который еще 5 мая пытался через находившегося в Москве советского посла в Берлине В.Г. Деканозова предостеречь советское руководство о надвигавшейся опасности, чувствовал себя очень неловко. Казалось, он сделал тогда со своей стороны все, что мог, не совершая предательства, однако его предостережение о том, что «слухи» следует рассматривать как «факт», не было принято тогда во внимание.

В 3 часа 30 минут 22 июня в Генштаб стали поступать сводки о бомбардировках советских городов Украины и Белоруссии.

Срочно были вызваны в Кремль члены политбюро, которые незадолго до этого разъехались. Молотову было предложено позвонить в германское посольство в Москве. Сталин еще не верил… Он даже допускал, что германские генералы действуют без санкции Гитлера. Но звонить не пришлось. Наркому доложили, что германский посол Ф. фон Шуленбург срочно просится на прием. Он был принят незамедлительно. Войдя в кабинет В.М. Молотова, посол сделал краткое заявление: концентрация советских войск у германской границы, по его словам, достигла таких размеров, каких уже не может терпеть германское правительство. Поэтому оно решило принять соответствующие контрмеры.

Слово «война произнесено не было. Последовала глубокая пауза. Нарком, поборов внутреннее волнение, спросил: «Это что, объявление войны?» Ответа не последовало. Шуленбург лишь, подняв плечи, беспомощно махнул рукой»[36].

При сравнении этих двух эпизодов, связанных с «извещением» России об уже начавшихся против нее военных действиях, вспоминаются стихи Н.М. Карамзина:

Ничто не ново под луною:
Что есть, то было, будет ввек.
И прежде кровь лилась рекою,

И прежде плакал человек…

Вернемся, однако, в 1914 г.

В течение 19–24 июля кризис перерос практически в общеевропейское военное столкновение.

Выступая 26 июля 1914 г. в Государственной думе перед рукоплескавшими ему депутатами, Сазонов так объяснил причины войны:

«Раздираемая внутренними неурядицами, Австро-Венгрия решила выйти из них каким-нибудь смелым шагом, который создал бы впечатление ее силы, нанеся в то же время России унижение. Для этой цели была выбрана Сербия, с которой нас связывают узы истории, происхождения и веры. Вам известны условия, при которых Сербии был предъявлен ультиматум. Согласившись на него, Сербия стала бы вассалом Австрии. Было ясно, что для нас не вступиться в дело – значило бы не только отказаться от вековой роли России как защитницы балканских народов, но и признать, что воля Австрии и стоящей за ее спиной Германии для Европы есть закон. На это не могли согласиться ни мы, ни Франция, ни Англия. Не менее нас наши доблестные союзники прилагали свои усилия к укреплению мира в Европе. Наши враги ошиблись, приняв эти усилия за проявление слабости, и после вызова, брошенного Австрией, Россия не отвергла ни одной попытки, которая могла бы привести к мирному разрешению конфликта. В этом направлении были честно до конца исчерпаны все усилия наши и наших союзников».

«Неприятельские войска вступили на русскую землю, – сказал в завершении министр. – Мы боремся за нашу родину, мы боремся за свое достоинство и положение великой державы. Владычества Германии и ее союзницы в Европе мы допустить не можем»[37].

Судя по стенографическому отчету о заседании Государственной думы, речь Сазонова неоднократно прерывалась аплодисментами. В комментариях сказано – «Члены Государственной думы стоя приветствуют министра иностранных дел продолжительными и бурными рукоплесканиями; голоса: браво; голоса справа: молодчина, вот это здорово».

В первые месяцы войны Россию, как и другие воюющие страны, захлестнула война шовинизма. Депутат Государственной думы большевик А. Бадаев[38] вспоминал впоследствии: «По улицам Петербурга с утра до ночи шествовали манифестации. С портретами царя и трехцветными флагами дворники, полицейские и охранники вместе с обывателями всех рангов и

мастей расхаживали по городу, пели «Боже, царя храни» и во все горло кричали «ура». Манифестации легко превращались в погромы. В Петербурге «патриоты» разгромили германское посольство, а в Москве погром принял более солидные размеры: был захвачен ряд немецких торговых и промышленных предприятий. Патриотические погромы сменялись коленопреклонением перед царским дворцом. Даже мелкобуржуазное студенчество, гордившееся своими «левыми» традициями, стояло на коленях перед Зимним дворцом, восторженно крича «ура» «обожаемому» монарху. Шовинистический угар густой пеленой окутал страну»[39].

Газета «Петербургский листок» от 22 июля 1914 г. с нескрываемой симпатией описывала разгром германского посольства в Петрограде.

«После состоявшегося 22 июля митинга на Невском проспекте огромная толпа манифестантов с флагами и портретами обожаемого Монарха направилась к германскому посольству. По пути манифестанты бросили несколько камней в редакцию немецкой газеты «Цейтунг» и в расположенный под ней немецкий магазин. С ресторана «Вена» на улице Гоголя манифестанты сняли флаги с подъезда.

У германского посольства их встретил большой отряд жандармов и конных городовых, пытавшихся сдерживать толпу, но из их усилий ничего не выходило. С криками «ура» и «долой немцев» толпа прорвала цепь полиции и проникла к зданию германского посольства. В окна посольства посыпались камни. Двери и ворота были вскоре сломаны. Манифестанты бросились на крышу. Дружными усилиями они свалили германский герб и сорвали германский флаг. На флагштоке взвился русский флаг.

После этого манифестанты перенесли свои действия во внутренние помещения посольства. В посольских комнатах начался форменный разгром. В самый разгар разгрома к посольству на автомобиле прибыл новый петербургский градоначальник генерал-майор князь Оболенский со своим помощником генерал-лейтенантом Вендорфом.

Многотысячная толпа беспрепятственно пропустила их к зданию посольства, но разойтись решительно отказалась. Все усилия градоначальника оттеснить толпу при помощи жандармов и полиции ни к чему не привели. Толпа все увеличивалась. Народом была занята вся площадь перед посольством, Исаакиевский сквер, Мариинская и Исаакиевская площади. На место происшествия были вызваны пожарные».

Несмотря на свойственное российскому руководству «шапкозакидательство» и иллюзорную уверенность в

«неминуемой победе», очень скоро выяснилось, что не только в Действующей армии не хватает винтовок и боеприпасов, но и в Министерстве иностранных дел нет людей, способных решать задачи военного времени. Вопреки надвигавшейся трагедии мирового кризиса подавляющее число сотрудников загранучреждений, расположенных в Европе, находились в летних отпусках. Остававшиеся на рабочих местах дипломаты были более компетентны в политических вопросах, но совершенно не знали консульской работы и не привыкли работать с «простыми людьми». Между тем с первых же дней войны перед российским внешнеполитическим ведомством встала задача оказания срочной практической помощи значительной массе людей, застигнутых войной за рубежом. О масштабах этой проблемы говорит тот факт, что лишь на территории Германии в момент войны находилось свыше сорока тысяч российских подданных.

Начавшаяся война расширила и усложнила внешнеполитические задачи, резко увеличив нагрузку как на центральный аппарат МИД, так и на его загранучреждения. Это потребовало очередной структурной перестройки ведомства.

25 июля 1914 г. при Ставке Верховного главнокомандующего создали Дипломатическую канцелярию для установления более тесной связи между МИДом и Действующей армией. Ее возглавил князь Николай Александрович Кудашев[40]. Новый орган подчинялся непосредственно начальнику Штаба Верховного главнокомандующего. В задачу Канцелярии входило осведомление Штаба «по всем вопросам круга ведения Министерства иностранных дел,

имеющим касательство к ведению войны», а также сообщение министерству «всех сведений, имеющихся в Штабе по вопросам, соприкасающимся с кругом ведения означенного министерства». В функции Дипломатической канцелярии входила, в том числе, переписка «по вопросам международного права, по вопросам, касающимся иностранных государств и подданных, и вообще по вопросам международного характера, возникающим на театре войны или связанным с деятельностью, задачами или нуждами армии»[41].

26 июля 1914 г. при Втором департаменте МИД учреждается «Бюро для наведения справок о русских подданных, застигнутых войной в западноевропейских государствах, не состоящих с нами в войне»[42]. Новое подразделение МИД координировало работу по розыску лиц, оказавшихся в этот период вне России. Вскоре его расширяют и преобразовывают в Справочный стол о российских подданных, оставшихся на территории неприятельских стран, созданный при посольстве Испании в Петрограде.

Выбор испанского посольства не случаен – 7 августа 1914 г., через неделю после начала общеевропейского конфликта Испания заявила о своем нейтралитете. Одновременно она сообщила, что готова принять на себя миссию защиты граждан воюющих стран, оказавшихся на территории противника. С этого времени и почти до конца войны испанские посольства в Берлине и Вене представляли интересы России.

Директором Справочного стола назначили Ю.Я. Соловьева, бывшего в тот период временным поверенным в делах России в Испании и находившегося летом 1914 г. в отпуске в Петрограде.

В силу малочисленности испанского посольства (посол и два секретаря) оно не могло справиться с новыми задачами своими силами. Соловьеву удалось за несколько дней набрать довольно большой штат сотрудников – около двенадцати человек, которые заняли две комнаты в посольстве Испании и вели прием посетителей. С первых же дней работа Справочного стола приобрела авральный, ненормированный характер. По воспоминаниям Ю.Я. Соловьева, за справками обращалось по несколько сот человек в день[43]. Начальник Справочного стола получил от министра широкие полномочия, вплоть до отправки ответов за его подписью на многочисленные письма и телеграммы, поступавшие в МИД с запросами о судьбе русских граждан, застигнутых войной в Германии и Австро-Венгрии. Справочный стол оперативно наладил составление и публикацию списков застигнутых войной за границей русских подданных[44]. Первые три бюллетеня были разосланы 24 сентября директором Второго департамента МИД А.К. Бентковским[45] губернаторам и градоначальникам России.

Вскоре Справочному столу передали дополнительные функции, связанные с переводом денег русским, задержанным в воюющих с Россией странах. Это было связано с поручением правительства МИДу взять на себя ответственность за российских граждан, оказавшихся за границей или задержанных в воюющих странах, и за российских военнопленных.

Через созданный в этих целях при Первом департаменте МИД Отдел денежных переводов и ссуд должны были поступать в зарубежные представительства МИД денежные средства в виде ссуд и материальных пособий, а также отправляться денежные переводы по льготному обменному курсу лицам, оказавшимся в неприятельских странах и на оккупированных территориях[46].

На Отдел возлагались следующие основные функции:

«1. Денежные переводы по льготному курсу от частных лиц нуждающимся русским гражданам, оставшимся по обстоятельствам военного времени в Германии, Австро-Венгрии,

Бельгии, Турции, Болгарии и занятых неприятелем местностях России, а также в исключительных случаях (тяжкой болезни, невозможности вернуться на родину и т. д.) в Швейцарию. Ввиду ограниченности отпускаемой валюты отдел принимал для перевода лишь до 100–150 рублей на одно лицо и до 200–300 на семью, при этом не более одного раза в месяц. Деньги переводились по телеграфу через испанские посольства в Берлине и Вене, испанскую миссию в Брюсселе и нидерландские миссии в Константинополе и Софии.

2. Выдача ссуд и пособий неимущим русским гражданам, оставшимся за границей по обстоятельствам военного времени и не имеющим возможности возвратиться на родину. Ссуды, подлежащие возмещению, выдаются нашими заграничными установлениями лишь в тех случаях, когда получатели представляют достаточные гарантии возможности впоследствии их возместить. На одно лицо выдается ежемесячно до 300 рублей. Выдача пособий ограничена месячным сроком до поиска лицами, хотя и нуждающимися, но трудоспособными, заработка; более крупные пособия выдавались лишь в самых исключительных случаях безусловной нужды, болезни и неспособности к труду.

3. Помимо переводов денег по льготному курсу от частных лиц за границу на Отдел возложили операции по переводу денег различным комитетам и организациям благотворительного характера, находящимся как в неприятельских странах и оккупированных местностях, так и в дружественных и нейтральных государствах. Переводы эти имеют целью оказание помощи русским военнопленным и бедствующему населению оккупированных местностей и поступают главным образом от Центрального комитета о военнопленных при Российском обществе Красного Креста и от других благотворительных организаций – русских, польских, литовских и еврейских.

На производство перечисленных операций Министерство иностранных дел было уполномочено особыми постановлениями Совета министров от 28 июля и 14 августа 1914 г. На первоначальные расходы выделено 750 тыс. рублей»[47].

В последующем Отдел стал отвечать и за составление сводок отчетности за предоставленные ссуды и различного рода пособия.

В рамках вынужденной реорганизации 7/20 ноября 1914 г. в министерстве создали рассыльную часть «для развозки и доставки по назначению отправляемых центральными установлениями МИД всякого рода служебных пакетов, посылок и телеграмм».

В последующем (8/21 декабря 1915 г.) в связи с возросшим объемом переписки по делам о военнопленных по распоряжению

министра был создан временный Особый отдел о военнопленных во главе с бывшим министром-резидентом в Дармштадте Сергеем Дмитриевичем Боткиным.

Первая мировая война привела к возникновению нового социально-политического понятия глобального масштаба – беженцы. Сотни тысяч людей оказались вынужденными бросить родные места, спасаясь от нашествия озлобленных, находящихся в шовинистическом угаре полчищ захватчиков. В ходе предшествующих вооруженных конфликтов перемещений подобного масштаба не наблюдалось. Новая ситуация заставила правительства европейских стран, не только втянутых в военный конфликт, но и нейтральных, принимать срочные меры.

Согласно утвержденному 14 сентября 1914 г. положению о Комитете великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий, беженцы начали получать материальную помощь эпизодического характера.

С момента образования и вплоть до августа 1915 г. «Татьянинский комитет» (великая княжна Татьяна занимала пост почетной председательницы) являлся центральным органом по защите беженцев в России. Он пользовался правительственной поддержкой и широкими государственными субсидиями.

Дополнительные поступления давали всероссийские сборы пожертвований и частные взносы. Комитет учредил губернские отделения во главе с местными губернаторами на прифронтовой территории, а затем и по всей стране, превратившись в крупнейшую общественную благотворительную организацию по оказанию помощи беженцам. «Татьянинский комитет» и его отделения выполняли важные координационные функции в центре и на местах, имея в своем составе представителей всех заинтересованных сторон, занятых беженским делом, и тратя больше половины средств на финансирование других беженских организаций, включая национальные общества. К содействию беженцам привлекались также местная администрация и органы самоуправления, Красный Крест и военное ведомство, многочисленные благотворительные организации, из которых наиболее активно работали польские общества и Комитет помощи жертвам войны евреям.

Все это происходило внутри России, а вне ее, за ее пределами, вся тяжесть работы с беженцами легла на заграничные представительства Министерства иностранных дел.

Посольство Германии в Санкт-Петербурге

Посольство Австро-Венгрии в Санкт-Петербурге

Сергей Николаевич Свербеев (13 апреля 1857, Москва – 4 апреля 1922, Берлин) – последний императорский посол в Германии в 1912–1914 гг. После революции эмигрировал в Берлин

Алексей Алексеевич Брусилов (19 августа 1853, Тифлис – 17 марта 1926, Москва) – главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта (1916 г.)

Князь Феликс Феликсович Юсупов, граф Сумароков-Эльстон (11 марта 1887, Санкт-Петербург – 27 сентября 1967, Париж) – русский офицер, патриот-монархист, общественно-политический и церковный деятель, меценат, публицист. После Октябрьской революции уехал с семьёй в Крым, откуда на борту линкора «Мальборо» выехал на Мальту. На средства, вырученные от продажи фамильных драгоценностей и двух полотен Рембрандта, Юсуповы купили дом в Париже

Лев Давидович Троцкий (при рождении Лейба Давидович Бронштейн; 26 октября 1879, Украина – 21 августа 1940, Койокан) – народный комиссар по иностранным делам РСФСР 8 ноября 1917 – 13 марта 1918 гг.

Николай Николаевич Шебеко (3 июля 1863 – 21 февраля 1953, Ментона, Франция) – посол России в Австро-Венгрии в 1913–1914 гг. Во время Гражданской войны в России, в составе Добровольческой армии в 1920 г. эмигрировал во Францию

Барон Карлос Матиас Людвиг Константин фон Буксгевден (нем. Karlos Matthias Ludwig Konstantin Freiherr von Buxhoeveden; 2 марта 1856, Дерпт – 4 августа 1935, Брюссель) – посол Российской империи в Дании 1910 – 3 марта 1917 гг.

Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна (Феодоровна) (при рождении Мария София Фридерика Дагмар (Дагмара), дат. Marie Sophie Frederikke Dagmar; 14 ноября 1847, Копенгаген – 13 октября 1928, Копенгаген) – супруга Александра III, мать императора Николая II

Глава 2
Депортация российских дипломатов из воюющих стран

В августе 1914 г. мир еще не знал, насколько грандиозной и катастрофичной станет объявленная в первый день последнего летнего месяца война. Никто не предполагал, какие неисчислимые жертвы, бедствия и потрясения принесет она человечеству и какой неизгладимый след оставит в его истории. И уж совсем никто не представлял, что именно тем страшным четырем годам Первой мировой – как она будет названа впоследствии, – суждено завершить существование четырех могущественных империй – Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской.

Как справедливо отмечает британский историк сэр Мартин Гилберт: «Никто не хотел, чтобы эта война началась, но в результате сплетения обстоятельств, которые могут показаться случайными, она оказалась неотвратимой. Участники разгоравшегося конфликта верили, что война не продлится долго и к Рождеству 1914 г. завершится их полной победой, но перемирие было подписано только четыре с лишним года спустя, в ноябре 1918-го. Первая мировая война привела к неисчислимым страданиям и жертвам на фронтах и в тылу, к эпидемиям, геноциду, распаду великих империй и революциям. Она изменила судьбы мира и перекроила его карты. Многие надеялись, что эта война, которую назвали Великой, станет последней в истории, но она оказалась предтечей еще более разрушительной Второй мировой»[48].

В кровавую бойню оказались втянутыми 38 стран с населением 1,5 млрд человек (75 % жителей земного шара); численность действующих армий превысила 29 млн; количество мобилизованных составило 77 млн. В результате доселе невиданных по масштабам боевых действий погибли и оказались искалеченными десятки миллионов людей, разрушениям подверглось немыслимое количество всего того, что создало человечество на протяжении не одной сотни лет.

Начавшаяся мировая война вызвала неоднозначную реакцию общественных и политических сил воюющих государств. Она привела к размежеванию тех, кто поддерживает войну, и тех, кто выступает против нее или старается остаться в стороне. Первых пока оказалось значительно больше.

Россию охватил патриотический подъем, порой приобретавший шовинистические формы. Владимир Маяковский в эти дни писал:

> Вздувается у площади за ротой рота,
> у злящейся на лбу вздуваются вены.
> «Постойте, шашки о шёлк кокоток вытрем,
> вытрем в бульварах Вены!

В соавторстве с Казимиром Малевичем Маяковский создал и свою серию ура-патриотических плакатов. Один авангардист рисовал, другой писал: «Немец рыжий и шершавый разлетался над Варшавой. Да казак Данила Дикий продырявил его пикой. И ему жена Полина шьет штаны из цеппелина».

А вот стихи Валерия Брюсова: «Так слишком долго мы коснели и длили Валтасаров пир! Пусть, пусть из огненной купели преображенным выйдет мир!»

В ряду этих восторженно-патриотических строк наиболее шокирующим современника выглядит воспевание русским поэтом Павлом Антокольским убийства эрцгерцога Фердинанда Гаврилой Принципом:

> …он будущее из-под парты холоднокровно рассмотрел, он видел, как штабные карты покрылись клинописью стрел, как дымных перьев опахало вверху качнулось, а внизу любой кузнец ковал грозу…
>
> Сам школьник ничего не значил, но он напрягся, зубы сжав, и жалким револьвером начал сраженье мировых держав. И тень мальчишеского торса росла в полнеба за спиной, когда он в будущее вторгся и приказал ему – за мной!

Это пропагандистское «Зазеркалье» политической «кухни», производившей медийные продукты вражды, подробно рассматривается в работе Т. Филипповой и П. Баратова «Враги России. Образы и риторика вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны». Авторы анализируют на примере конкретных прецедентов фобий военного времени в сатирической печати, этом зеркале общественных настроений, процесс формирования, трансформации и размывания сатирических образов врага и риторик вражды в русской журнальной сатире эпохи Первой мировой войны, формировавших и отражавших представления значительной части российского общества[49].

В присутствии Николая II 3 августа 1914 г. в Зимнем дворце

совершили торжественное богослужение и зачитали Манифест об объявлении военных действий между Россией и Германией.

Вот как описывала эту патриотическую церемонию французская газета «Ле Пети паризьен» в 1915 г., в первую годовщину события:

«Воскресным утром 2 августа по Петербургу молнией промчалась новость о том, что ночью Германия объявила России войну. На понедельник была намечена церемония в Николаевском зале Зимнего дворца. На нее пригласили всех гарнизонных офицеров, а после церемонии император должен был появиться на балконе, выходящем на Дворцовую площадь.

Николаевский зал огромен; с одной стороны из его двухуровневых окон открывается вид на Неву, с другой – на внутренний сад. Через весь зал, вдоль стороны, выходящей в сад, тянется вереница колонн. С обеих сторон зала находятся массивные двери, ведущие в императорские покои. Весь зал в белых цветах. Шесть огромных хрустальных люстр, каждая из которых имеет три яруса, по вечерам освещают его тысячей электрических ламп. В зале не было абсолютно никакой мебели, за одним исключением: в этот понедельник, 3 августа, в центре помещения разместили небольшой алтарь, на который водрузили самую почитаемую в России святыню – Казанскую икону Божией Матери.

Толпа заполнила зал. Там было четыре-пять тысяч офицеров в полевой форме: все они набились в помещение, оставив в центре немного свободного пространства для высоких чинов, священников и императорского кортежа, который ожидался с минуты на минуту. Перед алтарем находился митрополит в сопровождении священников, одетых в зелено-золотистые ризы и со сверкающими тиарами на головах; позади алтаря расположился императорский церковный хор в бордовой одежде, расшитой золотом. За певчими хора, в несколько рядов, стояли управители Российской империи. У каждого из них на груди были награды – сплошь золото и бриллианты; и поскольку все они стояли, а разглядеть можно было только верхние части их туловищ, бледные лица государевых мужей казались усыпанными золотыми слитками с россыпью драгоценных камней.

Состоялась короткая служба: император и члены императорской фамилии поцеловали чудотворную икону. Затем митрополит зачитал длинное объявление войны врагу, посмевшему обнажить оружие против Святой Руси. И тут пять тысяч офицеров и все присутствующие опустились на колени. Император благословил их.

Получив благословение, офицеры поднялись и обнажили

шпаги. Был слышен звук клинков, вынимаемых из ножен. Пять тысяч стальных шпаг, поднятые к небу, засверкали, и, по специальному сигналу, склонились перед императором. Тут же раздалось мощное ура, наполнившее зал таким грохотом, что казалось, будто его своды вот-вот обрушатся всем на головы. Массивные хрустальные люстры задрожали. Овации не прекращались»[50].

Весьма примечательно описание первых военных дней такими «маститыми» дипломатами, как посол Великобритании в России Джордж Бьюкенен. Вот что он пишет: «В течение этих чудесных первых дней августа Россия казалась совершенно преображенной. Германский посланник предсказывал, что объявление войны вызовет революцию. Он даже не послушался приятеля, советовавшего ему накануне отъезда отослать свою художественную коллекцию в Эрмитаж, так как он предсказывал, что Эрмитаж будет разграблен в первую очередь. К несчастью, единственным насильственным действием толпы во всей России было полное разграбление германского посольства 4-го августа. Вместо того чтобы вызвать революцию, война теснее связала государя и народ. Рабочие объявили о прекращении забастовок, а различные политические партии оставили в стороне свои разногласия. В чрезвычайной сессии Думы, специально созванной царем, лидеры различных партий наперебой заявляли правительству о своей поддержке, в которой отказывали ему несколько недель тому назад. Военные кредиты были приняты единогласно, и даже социалисты, воздержавшиеся от голосования, предлагали рабочим защищать свое отечество от неприятеля»[51].

Как всегда, первый удар войны приняли на себя дипломаты воюющих государств. В отличие от германского и австро-венгерского, российскому МИДу удалось организовать цивилизованный отъезд иностранных дипломатов и членов их семей в Берлин через Швецию. Разгром германского посольства в Петербурге и нападения на немецкие магазины и предприятия начались несколько позже.

В своих воспоминаниях о первых днях войны Д.С. Сазонов с гордостью пишет, что «отъезд германских дипломатов из России состоялся благодаря заботливости и предупредительности русских властей в полном порядке и благочинии. В этом отношении он выгодно отличался от отбытия из Берлина нашего дипломатического представительства и некоторых членов русской колонии, покинувших Германию вместе с С.Н. Свербеевым и подвергшихся оскорблениям уличной толпы»[52].

К сожалению, министр несколько приукрасил ситуацию с

отъездом германских дипломатов – на самом деле через три дня посольство Германии в Петрограде сожгли, а охранявшего здание привратника убили.

Действительно, выезд российских дипломатов из Берлина и Вены проходил в условиях, приближенных к боевым.

Конец июня в Германии выдался жарким не только в смысле погоды. Берлинские газеты пестрели сообщениями о неминуемой победе над окружающими ее врагами. Любой информационный повод использовался для демонстрации военной мощи – торжественный спуск подводной лодки, новое орудие от Круппа или очередные военные маневры с участием кайзера. Обстановка нагнеталась как в Берлине, так и в Вене.

В обеих столицах чуть ли не ежедневно собирались многотысячные демонстрации с патриотическими лозунгами, на которых представители всех политических партий оттачивали свое пропагандистское мастерство.

Алексей Алексеевич Брусилов в июле 1914 г. находился с супругой на одном из германских курортов. В день перед отъездом супруги присутствовали на местном празднестве дней «Великой Германии», поразившем их своим антироссийским настроем.

«В тот памятный вечер, – пишет А.А. Брусилов, – весь парк и окрестные горы были великолепно убраны флагами, гирляндами, транспарантами, музыка гремела со всех сторон. Центральная же площадь, окруженная цветниками, была застроена прекрасными декорациями, изображавшими московский Кремль, церкви, стены и башни его. На первом плане возвышался Василий Блаженный. Нас это очень удивило и заинтересовало. Но когда начался грандиозный фейерверк с пальбой и ракетами под звуки нескольких оркестров, игравших «Боже, царя храни» и «Коль славен», мы окончательно поразились. Вскоре масса искр и огней с треском, напоминавшим пушечную пальбу, посыпаясь со всех сторон на центральную площадь парка, подожгла все постройки и сооружения Кремля. Перед нами было зрелище настоящего громадного пожара. Дым, чад, грохот и шум рушившихся стен. Колокольни и кресты церквей накренялись и валились наземь. Все горело под торжественные звуки увертюры Чайковского «1812 год». Мы были поражены и молчали в недоумении. Но немецкая толпа аплодировала, кричала, вопила от восторга, и неистовству ее не было предела, когда музыка сразу при падении последней стены над пеплом наших дворцов и церквей под грохот фейерверка загремела немецкий национальный гимн»[53].

Несмотря на явно тревожные симптомы в развитии обстановки, в Германию и Австрию продолжали прибывать

российские подданные разных сословий, разного достатка и с разными целями. Это были «больные, едущие для лечения в богемские курорты; различные образовательные экскурсии сельских учителей и учительниц, гимназий, институтов и других учебных заведений; специалисты по разным отраслям, посылаемые министерствами в заграничные командировки; направляемые, преимущественно в славянские земли Австрии, обществом «Русское Зерно» экскурсанты – практики по сельскому хозяйству; русские рабочие, прибывшие в Австрию для полевых работ; обратные из Америки русские переселенцы и, наконец, просто путешественники и проезжие»[54].

После ультиматума, предъявленного Австро-Венгрией Сербии, угроза европейской войны прочно повисла в воздухе. Это отлично понимали как австрийцы, так и немцы, поэтому визовая работа берлинского и венского генеральных консульств России практически прекратилась – вместо ежедневно визируемых в летние месяцы 35–45 паспортов за визой обращались 2–3 лица, преимущественно военные, неизвестно с какой целью собравшиеся в столь тревожное время в российские пределы. Несмотря на то, что германцы и австрийцы свои выезды прекратили, российские подданные продолжали прибывать с традиционной беспечностью и попытки дипломатов и консульских работников «образумить» соотечественников успеха не имели. Тем не менее, видя приближающуюся опасность, дипломаты по собственной инициативе рекомендовали всем обращавшимся к ним русским не задерживаться ни в Германии, ни в Австрии и направляться если не в Россию, то хотя бы в Данию, Швейцарию или Италию. А после объявления австро-сербской войны, когда вмешательство России стало неизбежным, консульские сотрудники, взяв на себя полную ответственность ввиду отсутствия каких-либо инструкций, рекомендовали всем русским туристам или командировочным с первым же поездом возвращаться на родину. Более того, в случае необходимости в консульствах выдавались пособия на обратный проезд. Благодаря этому за десять дней до официального разрыва отношений с Австро-Венгрией и Германией многим удалось избежать последующего интернирования.

Наиболее драматично ситуация складывалась **в Берлине.**

Князь Феликс Юсупов, находившийся в это время с родителями в Германии, так описывает предвоенную ситуацию: «В Берлине царил хаос. Суматоха была в отеле «Континенталь», где мы остановились. На другой день в восемь часов утра нас разбудила полиция. Пришли арестовать меня, нашего врача, отцова секретаря и всю мужскую прислугу. Отец тотчас позвонил

в посольство, но ему отвечали, что все очень заняты и приехать к нам никто не может.

Тем временем арестованных поместили в гостиничный номер, рассчитанный от силы человек на пятнадцать. Набралось нас, однако, с полсотни. Час за часом стояли мы, не имея возможности двигаться. Наконец нас отвели в комиссариат. Посмотрели наши бумаги, назвали нас «русскими свиньями» и объявили, что упекут в тюрьму всякого, кто через шесть часов не покинет Берлина. Только к пяти смог я вернуться в гостиницу и успокоить отца с матерью. Думали они, что меня им уже не видать. Надо было решать немедленно. Ирина позвонила по телефону кузине, кронпринцессе Цецилии. Та обещала переговорить с кайзером и тут же дать ответ. Отец в свой черед пошел посоветоваться с русским послом Свербеевым. «Увы, моя миссия тут закончена, – сказал посол, – и не знаю теперь, чем вам помочь. Все же приходите вечером».

Времени не оставалось. Арестовать нас могли с минуту на минуту. Отец бросился к испанскому посланнику. Тот объявил, что не даст в обиду русских в Германии, и обещал прислать к нам своего секретаря.

Тем временем позвонила кронпринцесса и сказала, что ей очень жаль, но помочь она не в силах. Собиралась заехать к нам, но предупредила, что кайзер отныне считает нас военнопленными и через адъютанта пришлет нам на подпись бумагу о нашем местопребывании: гарантирован нам выбор из трех вариантов и корректное обращение. Подоспел испанский секретарь. Не успели мы объяснить ему всего дела, как явился кайзеров адъютант. Он торжественно вынул из портфеля лист бумаги с красною восковою печатью и протянул нам. Текст бумаги гласил, что мы обещаем «не вмешиваться в политику и остаться в Германии навсегда». Мы оторопели! С матушкой случился нервный припадок. Она сказала, что сама пойдет к императору. Я показал нелепую бумагу испанцу.

– Как можно требовать подписать подобную чушь? – вскричал он, прочитав. – Нет, тут явно какая-то ошибка. Наверно, не «навсегда», а «на время военных действий».

Наскоро посовещавшись, мы вернули бумагу немцу, попросив подтвердить правильность текста и привезти документ завтра в одиннадцать. Отец снова поехал к Свербееву в сопровождении испанского дипломата. Наконец условились, что испанец потребует у министра иностранных дел фон Ягова предоставить в распоряжение русского посла специальный поезд для членов посольства и прочих русских граждан, желающих выехать из Германии. Список предполагаемых пассажиров министру сообщат

немедленно. В списке, обещал Свербеев, будем и мы. Потом он рассказал отцу, что в тот день вдовствующая императрица Мария Федоровна и великая княгиня Ксения ехали поездом через Берлин. Узнав, что мы в «Отель-Континенталь», они хотели было заехать к нам и увезти нас с собой в Россию. Но было поздно. Судьба их самих висела на волоске. Злобная толпа била стекла и срывала шторки в окнах вагона государыни. Императорский поезд спешно покинул берлинский вокзал»[55].

После многочисленных шумных демонстраций и призывов к штурму российского посольства берлинская полиция оградила доступ толпы и приняла повышенные меры по его охране. Вплоть до 18 июля антироссийские манифестации ограничивались шествиями с криками и песнями по Унтер дер Линден.

Однако утром 19 июля здание посольства оказалось в плотном кольце враждебной толпы, и посол, которому необходимо было посетить МИД, с трудом протиснулся к автомобилю, стоявшему за оградой.

После объявления Германией войны России обстановка вокруг российских загранучреждений стала откровенно враждебной. По словам секретаря посольства С.Д. Боткина, «с самого начала обострения кризиса в посольство приходили многочисленные русские подданные за советом и помощью. Толпа русских настолько увеличилась, что заполнила подворотню и переднюю, проникая во внутренние помещения посольства. 20 июля с утра число наших соотечественников достигло многих сотен.

Они в слезах просили защиты от начавшихся притеснений со стороны немецких властей и умоляли оказать помощь, чтобы выбраться за пределы Германии. Не только весь проезд, но и двор был заполнен несчастными путешественниками. Они наводнили также парадную лестницу и прилегающие комнаты. Врывались силой в канцелярию, где в это время спешно укладывались секретные архивы. К сожалению, сотрудники посольства были бессильны оказать беженцам сколько-нибудь осязаемую помощь. Приходилось успокаивать их уверениями, что, несмотря на предстоящую войну, они, как мирные туристы и больные, притом, по большей части, женщины и дети, решительно ничем не рискуют, даже если бы, вследствие невозможности немедленно выехать, они вынуждены будут остаться еще на некоторое время в Германии. Никто в это время не мог и предполагать, какая участь ожидала наших бедных соотечественников, застрявших в Германии!»[56].

Телефоны посольства отключили, и оно оказалось отрезано от всего мира. Поступавшие на имя посла и сотрудников

посольства телеграммы, проходя германскую цензуру, доставлялись выборочно и с большим опозданием. К вечеру российскому послу вручили паспорт на выезд из Германии и предложили незамедлительно сформировать соответствующий контингент из числа сотрудников посольства и консульств для их выдворения поездом в тот же вечер. Предполагалось, что после утверждения списка германским МИДом российские дипломаты будут отправлены до границы с Данией[57].

Германский МИД назначил день отъезда русских дипломатов на 1 час 07 мин. 21 июля (3 августа). Несмотря на позднее время, у здания посольства собралась огромная толпа берлинцев, провожавшая отъезжавших свистом и оскорбительными криками. Собравшиеся наваливались на автомобили, не давая им сдвинуться с места. Они били выходивших женщин и детей палками и зонтами, плевали, забрасывали песком и мелкими камнями. Подобной участи избежала лишь машина посла, которая продвигалась под эскортом конной полиции.

Вот что пишет князь Ф. Юсупов об отъезде русского посольства из Берлина: «На другой день рано утром мы поехали в русское посольство, а оттуда на вокзал к копенгагенскому поезду. Никакого сопровождения, как полагалось бы иностранной миссии. Мы отданы были на милость разъяренным толпам. Всю дорогу они швыряли в нас камни. Уцелели мы чудом. Среди нас были женщины и дети, семьи дипломатов. Кому-то из русских палкой разбили голову, кого-то избили до крови. С людей срывали шляпы, иным в клочья изорвали одежду»[58].

Послом в Берлине в это непростое для России время служил Сергей Николаевич Свербеев. Как и большинство его коллег, он имел соответствующие гражданский и придворный чины – тайный советник, камергер. Выходец из дворянской семьи высокопоставленных государственных чиновников. Отец его служил чиновником особых поручений при Якутском правлении, а мать происходила из княжеского рода Трубецких. Свою карьеру Свербеев начал по окончании юридического факультета Московского университета в Министерстве внутренних дел, а затем перешел в МИД на должность третьего секретаря Канцелярии. Первая загранкомандировка была в 1891 г. в Константинополь, затем – в 1894 г. – в посольство в Вене. В 1896 г. Свербеев стал первым секретарем миссии в Мюнхене, а затем вновь вернулся в Вену, где в 1898–1904 гг. служил сначала первым секретарем, а потом советником русского посольства.

В 1910 г. по протекции своего друга С.Д. Сазонова получил назначение на пост Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра в Греции, а в 1912-м – с его же помощью стал послом в

Берлине[59].

Как утверждали коллеги Свербеева по дипломатической службе, «императорский посол в Берлине отличался исключительною бездарностью. Он только умел прилично одеваться, прилично держать себя и произносить кое-какие русские и иностранные слова в ответ на задаваемые вопросы. Он ничего не знал, не соображал, ни о чем не думал и ничего не делал. Дипломатическое ведомство имело в своей среде немало посредственностей. Но далеко в карьере они не шли. И Сергея Николаевича не следовало пускать далее секретаря посольства, притом преимущественно поручая ему лишь механическую работу. Министр иностранных дел Сазонов, только потому, что был одноклассником Свербеева в лицее, выдвинул его на пост посла в Берлине. И не в обычное нормальное время, а почти накануне начала мировой войны.

Не было вообще пределов легкомыслию Сазонова. И только этому печальному свойству своего школьного товарища обязан Свербеев своим возвышением не по достоинству. Обязан ли, однако? Оставайся Свербеев в тени, не было бы о нем и речи. Не приходилось бы о Свербееве упоминать как о лице, выдающемся своей бездарностью. И не лежало бы на ответственности Свербеева абсолютное бездействие важнейшего русского дипломатического поста в наиболее трагический момент истории России. Ничего-то он не видел. Ни о чем существенном не доносил. Настолько ничего не понимал, что даже отправлял в Петербург оптимистические депеши. В дни, предшествовавшие объявлению войны, умудрился отсутствовать из Берлина. Никаких ценных отношений не завязал, да и завязать был не в состоянии. Бледный, длинный, скелетически худой, с лицом, ничего не выражающим; так он и сейчас стоит перед глазами живым олицетворением жалкой посредственности»[60].

Разумеется, сегодня трудно оценить, каков элемент истины в приведенной характеристике русского посла, но, судя по итогам его работы в Берлине, многое из сказанного соответствует действительности.

Как справедливо отмечал Н.С. Гумилев:

> Жизнь всё расставит по своим местам.
> И каждый будет там, где должен быть.
> И в памяти останутся лишь те,
> Кого нам не дано забыть…

Прибыв на следующий день в Копенгаген, Свербеев сообщил в российский МИД, что отъезд дипломатов из Берлина «обставлен

был германским правительством крайне несовершенно и едва ли удовлетворял самым необходимым условиям приличия, к тому же беспорядок был невозможный. После моего энергичного протеста, еще до формального разрыва дипломатических сношений, против недостаточной охраны посольства, которое буквально осаждалось любопытной и враждебной толпой, были приняты полицией необходимые меры. Однако в день отъезда был полный беспорядок. Сам я выехал из посольства тесно окруженный эскортом жандармов, ввиду чего ограничились только шумными враждебными криками. Члены же посольства и некоторые из русских подданных, выезжая из здания посольства, подвергались оскорблениям озверевшей толпы. Били и дам, и детей, бросали камнями и плевались.

Все русские до сорокапятилетнего возраста арестовываются для выяснения, подлежат ли они военной службе. Были арестованы, затем отпущены по установлении их личности секретарь военного агента Голумбиевский, секретарь генерального консульства Субботин, нештатный секретарь Далиг. При отъезде узнал об аресте консула в Бреславле Шиллинга, но проверить не мог. Второй швейцар посольства русский запасный унтер-офицер арестован и неизвестно, где находится»[61].

В первые же дни войны началась массовая депортация российских подданных. Пытаясь хотя бы как-то получить необходимые средства для выезда из Германии, они обращались в ломбарды, но в лучшем случае им удавалось получить 30–40 % от реальной стоимости имущества. Нередко, увидев российские паспорта, сотрудники ломбардов либо отказывались принимать вещи, либо выдавали им мизерные суммы. В случае ареста русских германские власти конфисковывали их личное имущество – забирали все средства к существованию, особенно золотые марки и рубли, а в случае последующего освобождения возвращали денежные средства бумажными банкнотами.

Кстати, одной из «комических жертв» разразившейся войны оказалась жена главнокомандующего немецкой армией фон Мольтке, которую война застала на одном из французских курортов. Денег на обратную дорогу у нее не было, и она отправилась в банк получить по чеку 10 тыс. франков, но ни этот банк, на который чек был выписан, ни все остальные местные банки денег ей не выдали, объявив «политический бойкот». В итоге г-же Мольтке пришлось брать взаймы у друзей, что дало ей основание рассказывать по возвращении: «Я впервые в жизни просила милостыню!».

«Многие из наших подданных, – отмечает С.Д. Боткин, – оказались в безвыходном положении, имея лишь русские деньги,

которые совсем отказывались принимать в Берлине или же меняли по самому низкому курсу. В виду крайней нужды несчастных, посольство до своего отъезда выдало многим из них пособия, сначала под расписки, а затем, за спешностью, без таковых и поменяло русские деньги на имевшиеся казенные немецкие. Этой суммы оказалось, к сожалению, недостаточно, чтобы удовлетворить всех нуждающихся, но других средств не было, и дальнейшая денежная помощь стала невозможна».

Арестованные перевозились большими группами за собственный счет. Как правило, несмотря на приобретенные железнодорожные билеты в вагоны I и II класса, депортируемых сажали на первые попавшиеся поезда в вагоны III и IV классов. Разумеется, разницу в цене проезда никто не возвращал.

Людей перевозили в грязных вагонах, лавки в вагонах преднамеренно покрывали свежей краской, в результате чего они пачкали одежду. Часто германские солдаты загоняли людей в вагоны, используя грубую силу и приклады винтовок против детей, стариков и женщин. Во время перевозки подданных России не кормили и запрещали им посещать вагоны-рестораны, если таковые имелись.

Сильный удар по психике людей наносили сцены срыва в последний момент их выезда из Германии. Очень часто в воспоминаниях россиян фигурируют сведения о том, как их под самыми надуманными предлогами ссаживали с поездов и запрещали отъезд. Люди, предвкушавшие свободу и распрощавшиеся со своим тюремным положением, вновь возвращались к суровой действительности. В поездах постоянно проводились обыски и аресты, причем действия полиции не отличались элементарной гуманностью. Проявлением жестокости полиции стало использование специально обученных собак для охраны и конвоирования задержанных россиян. В ряде случаев полиция использовала собак по прямому назначению, натравливая на депортируемых[62].

Особый страх вызывали аресты отдельных беженцев и их отрыв от коллектива перемещенных. Ведь люди, оказавшиеся в беде, стремились объединяться и держаться вместе. Так им было легче отстаивать свои права, вести совместное хозяйство, к тому же в большом коллективе чувство страха несколько притуплялось. Поэтому человек, вырванный из своего коллектива, впадал в отчаяние, его дальнейшая судьба была неизвестна, всегда возникал вопрос, почему меня арестовали и отделили от всех, направлявшихся к свободе? Ответы в основном были выдержаны в мрачных тонах. Коллектив также подвергался сильному психологическому удару, когда он терял одного из

своих. Все волновались за судьбу арестованного. К тому же никто не был уверен, что завтра не арестуют и его. Особому воздействию подвергались члены семьи арестованного. Возраст, титулы и звания не являлись гарантией безопасности.

При аресте русские – как женщины, так и мужчины – нередко помещались в одиночные камеры, размещенные в различных концах тюрем, что вызывало дополнительное психологическое напряжение у арестованных:

> Вцепившись в набитый соломой тюфяк,
> я медленно гибну во тьме.
> Светло в коридоре, но в камере мрак,
> спокойно и тихо в тюрьме.
> Но кто-то не спит на втором этаже,
> и гулко звучат в тишине
> вперед – пять шагов,
> и в сторону – три,
> и пять – обратно к стене[63].

Не имея никакой информации, женщины полагали, что их мужья уже расстреляны, а мужчины были уверены, что женщины подвергаются сексуальному насилию со стороны германских солдат и офицеров.

После отъезда официального «посольского поезда» в Данию в Германии осталось немало консульских сотрудников – как административных, так и дипломатов. Судьба многих из них сложилась трагически – тюрьма или концлагерь. Некоторых впоследствии обменяли на германских коллег, но основная масса пропала без вести.

По согласованию с Берлином в посольстве оставили канцелярского работника Петра Павловича Ассеева, которому поручалась охрана имущества и передача архива испанскому посольству в Берлине. Через две недели после начала войны его арестовали и заключили в Северную военную тюрьму, где он содержался в одиночной камере до конца февраля 1915 г. В последующем вернулся в Россию.

В справке, приложенной к ходатайству П.П. Ассеева о пожаловании ему в виде награды классного чина, отмечалось, что возложенную на него задачу – охрану архива императорского посольства в Берлине – он исполнил добросовестно. Из деталей личной жизни известно, что ему 57 лет, православного вероисповедания, женат, имеет детей: сына Константина 18 лет и двух дочерей, Екатерину 21 года и Александру 19 лет[64].

Поскольку российское посольство покидало Берлин

практически через 48 часов после объявления войны, дипломаты, возглавлявшие сравнительно отдаленные консульские точки, не смогли попасть на «посольский поезд». Сказалась и преступная «забывчивость» посла, который не только не проинформировал своих подчиненных об отъезде, но и не выдвинул никаких требований германским властям о гарантиях дипломатической неприкосновенности брошенных им коллег. Все «оставленные» были арестованы как «русские шпионы» и вернулись на родину после длительного тюремного пребывания, причем далеко не все.

После знакомства с материалами, связанными с отъездом российских дипломатов из Берлина в 1914 г., невольно возникает вопрос: как выезжали сотрудники советских учреждений из Германии в июне 1941 г.?

Об этом подробно рассказано в справке, подготовленной для руководства МИД СССР под заголовком «Гнусные издевательства немецких властей при эвакуации советской колонии из Германии». В ней, в частности, говорится:

«Эвакуация из Германии сотрудников советской колонии, вернувшихся к настоящему времени в Москву, сопровождалась неслыханными издевательствами германских властей и агентов гестапо над советскими гражданами. Вопреки всяким нормам международного права гестаповцы с первого же дня вероломного нападения Германии на СССР установили наглое, разбойничье отношение к служащим Посольства, Торгпредства, консульств и других советских органов. Утром 22 июня на основе точно разработанного плана и по прямому указанию германского правительства агенты гестапо устроили погромы советских учреждений и квартир отдельных наших сотрудников в Берлине, Праге, Кенигсберге и других городах.

Здание Советского Посольства в Берлине рано утром 22 июня было оцеплено отрядом германской полиции. Несколько дней сотрудники Посольства не имели возможности закупать продукты для питания. Лишь после настойчивых требований Советского Посла тов. В. Г. Деканозова германские власти разрешили закупить продукты в одном из берлинских магазинов. В это же утро многие дипломатические сотрудники Посольства были задержаны и арестованы. Сотрудники торгпредства в Берлине были арестованы утром 22 июня и отвезены в тюрьмы Берлина, а затем в концентрационные лагеря»[65].

В практическую плоскость встал вопрос о перспективах отъезда советских граждан из Германии (около тысячи человек): германская сторона заявила, что все они интернированы и уехать смогут лишь 120 человек, поскольку в Москве осталось, как утверждали германские власти, 120 германских граждан.

Однако сотрудники посольства СССР, как отмечал очевидец событий тех лет В.М. Бережков, твердо придерживались своей точки зрения: все советские граждане должны вернуться на родину. Изнурительные переговоры по этому вопросу продолжались несколько дней. Благодаря посредничеству болгарской и шведской миссий в Москве, принявших на себя защиту соответственно германских интересов в СССР и советских интересов в Германии, с Германией было достигнуто соглашение об обмене советских и германских граждан. Пунктами обмена установили Ленинакан на советско-турецкой границе и Свиленград на болгаро-турецкой границе. Обмен, согласно договоренности, осуществлялся одновременно. В Свиленграде, куда прибыли 979 советских граждан, передача их в Турцию была начата 13 июля. В тот же день было передано в Турцию 237 германских граждан[66].

В Архиве внешней политики Российской империи хранятся отчеты и докладные записки брошенных в августе 1914 г. послом Свербеевым сотрудников, свидетельствующие об их личном мужестве, стойкости и верности порученному делу. Многие из этих документов достойны того, чтобы их прочувствовали и наши современники.

Консул России в Штеттине (ныне польск. Щецин) Л.Ф. Цейдлер не имел оснований жаловаться ни на чрезмерную загруженность по службе, ни на бытовые условия. Именно здесь, где когда-то в семье губернатора прусской провинции Померания родилась будущая императрица Екатерина II, ему комфортно жилось и интересно работалось. Город памятников и соборов, раскинувшийся по обоим берегам Одера, Штеттин был крупным торговым центром. Большой современный порт обеспечивал постоянное сообщение с Лондоном, Нью-Йорком и всеми крупными портами Балтийского моря.

Однако и здесь, в традиционно спокойном консульском округе, к середине июля 1914 г. внутриполитическая ситуация стала накаляться. Особенно усердствовала пресса, настраивавшая население на милитаристскую волну и призывавшая к «защите» австрийской монархии от России. Российскую диаспору серьезно встревожило необычное развитие событий. Участились обращения в консульство проживающих в Штеттине, Ростоке и Висмаре русских студентов с просьбой о выдаче ссуды на билет для возвращения в Россию.

Не имея на это достаточных средств и не располагая информацией о возможных шагах в случае начала военных действий, Цейдлер обратился 17/30 июля в посольство, но его обращение осталось без ответа. В тот же день в Германии

объявили военное положение. Критическая ситуация создала непосредственную опасность жизни всех русских, находившихся в консульском округе Штеттина. Консул запросил телеграммой посольство разрешить закрыть учреждение и выдать ему и его семье паспорта на выезд из Германии.

Дело в том, что по существовавшему в царской и в советской России правилу заграничные паспорта всех дипломатов и членов их семей должны храниться в посольстве, а на руки выдавались лишь документы, полученные от местных властей. На любую поездку вне страны пребывания дипломату нужно было получать разрешение посла, и только после этого ему выдавали на короткое время паспорт.

Ответа из Берлина на эту телеграмму также не последовало, а телефонную связь с посольством германские власти оперативно отключили. Узнав из газет, что покровительство российских подданных приняло на себя испанское посольство в Берлине, Цейдлер обратился к испанскому консулу в Штеттине с просьбой взять на себя охрану интересов русских подданных, а также консульских помещений и архива. Однако испанец отклонил эту просьбу, сославшись на то, что он «почетный консул» и по профессии коммерсант, поэтому, принимая российское предложение, навлек бы на себя надзор полиции. Отказался и штатный консул Великобритании, сославшись на то, что сам не знает, останется ли он в Штеттине.

«Я считал себя не вправе покинуть пост без разрешения начальства, – пишет Цейдлер, – кроме того, я полагал тогда еще совершенно недопустимым, чтобы посольство, покидая Германию, бросило на произвол судьбы подчиненных ему консулов и не озаботилось хотя бы снабжением их паспортами».

21 июля / 3 августа его арестовали вместе с женой и сыном. Через две недели пребывания в заключении русского консула освободили и, предоставив в его распоряжение два автомобиля с охраной, направили в пограничный пункт для отправки шведским паромом в Треллеборг[67].

Немало бед пришлось испытать и генеральному консулу России в Данциге Д.Н. Островскому. В своем рапорте на имя руководства МИД он докладывает об обстоятельствах своего задержания.

«Не имея никаких указаний, но, предчувствуя надвигающуюся грозу, я настоятельно советовал всем русским пренебречь материальными убытками по найму квартир и пансионов и возвращаться в Россию, считая лично для себя своим долгом оставаться на посту до получения распоряжений посольства или до последней возможности»[68].

19 июля / 1 августа консул сделал попытку позвонить в посольство, но разговор прервали, официально заявив, что «телефон находится в исключительном распоряжении военных властей». На следующий день он вместе с супругой выехал поездом в Берлин и успел попасть в посольство в тот момент, когда оно готовилось к выезду. Тем не менее, по неизвестным причинам их не взяли и предложили обратиться за помощью в испанское посольство.

После получения Берлином известия о разгроме здания германского посольства в Санкт-Петербурге и убийстве сторожа Островского посадили в тюрьму. Там же вскоре оказался и русский консул из Кенигсберга Поляновский (обвиненный в шпионаже, впоследствии он покончил жизнь самоубийством).

Что касается Островского, то после двух месяцев заключения его освободили в рамках обмена группами арестованных и 20 января 1915 г. он покинул Германию.

Столица союзной Германии Австро-Венгрии Вена находилась в таком же шовинистическом угаре, как и Берлин.

К 1914 г. многонациональное население австро-венгерской столицы превысило 2 млн человек. В город приезжало все больше иностранцев, и немецкоязычные жители составляли теперь лишь половину населения Вены. Новая эпоха для «царицы Дуная» открылась после того, как стеснявшие город средневековые крепостные стены были снесены и на их месте проложили кольцевую улицу Рингштрассе. Вдоль нее стояли красивые общественные здания, роскошные особняки и богатые магазины.

Международную известность Вене придавала деятельность ученых, литераторов, художников и скульпторов. Знаменитая медицинская школа привлекала множество зарубежных ученых, а Зигмунд Фрейд создал новую науку – психоанализ. Ни один город в мире не мог превзойти Вену в области музыки. Иоганн Штраус-сын сочинял вальсы и оперетты, породившие миф о беззаботной Вене, городе веселья и радости. Композиторы Иоганнес Брамс и Антон Брукнер добились признания во всем мире. В оперном искусстве блистал Рихард Штраус, особую популярность ему принесла опера «Кавалер розы». Либретто для нее и для многих других сочинений написал поэт и драматург Гуго фон Гофмансталем.

Известие о начале войны в Вене встретили с энтузиазмом. Широко разрекламированная в прессе опасность наступления русской армии сплотила австрийцев, войну поддержали даже социал-демократы. Официальная и неофициальная пропаганда внушала волю к победе и в значительной мере притушила межнациональные противоречия. Единство государства

обеспечивалось жесткой военной диктатурой, а недовольных заставляли подчиниться. Все ресурсы монархии были мобилизованы на достижение победы[69].

Как отмечал в своих мемуарах сотрудник царского МИДа Б.Б. Лопухин, «в столице Австро-Венгрии царило всеобщее ликование, толпы народа заполонили улицы, распевая патриотические песни. Такие же настроения царили и в Будапеште (столица Венгрии). Это был настоящий праздник, женщины заваливали военных, которые должны были разбить проклятых сербов, цветами и знаками внимания. Тогда люди считали, что война с Сербией станет победной прогулкой»[70].

Приветствуя «патриотический подъем масс в Австро-Венгрии», Л.Д. Троцкий, заставший в Вене начало войны, с воодушевлением размышлял над причинами подобных настроений:

«Что толкало венского сапожного подмастерья, полунемца-получеха Поспешиля, или нашу зеленщицу фрау Мареш, или извозчика Франкля на площадь перед военным министерством? Национальная идея? Какая? Австро-Венгрия была отрицанием национальной идеи. Нет, движущая сила была иная.

Таких людей, вся жизнь которых день за днем проходит в монотонной безнадежности, очень много на свете. Ими держится современное общество. Набат мобилизации врывается в их жизнь как обещание. Все привычное и осточертевшее опрокидывается, воцаряется новое и необычное. Впереди должны произойти еще более необозримые перемены. К лучшему или к худшему? Разумеется, к лучшему: разве Поспешилю может стать хуже, чем в «нормальное» время?

Я бродил по центральным улицам столь знакомой мне Вены и наблюдал эту совершенно необычную для шикарного Ринга толпу, в которой пробудились надежды. И разве частица этих надежд не осуществляется уже сегодня? Разве в иное время носильщики, прачки, сапожники, подмастерья и подростки предместий могли бы себя чувствовать господами положения на Ринге? Война захватывает всех, и, следовательно, угнетенные, обманутые жизнью чувствуют себя как бы на равной ноге с богатыми и сильными»[71].

Подобный восторг «гражданина мира» Л.Д. Троцкого понятен в контексте его призывов к «мировой революции». Однако реакция российских дипломатов была, естественно, противоположной.

Хотя их служба с каждым днем становилась все напряженнее и опаснее, они, в отличие от своих берлинских коллег, сумели за короткое время до своей депортации предпринять определенные

действия по оказанию помощи не только соотечественникам, но и сербам.

26 июня / 13 июля посол в Вене Николай Николаевич Шебеко сообщил в Петербург об объявлении частичной мобилизации и созыве ландштурма. Одновременно австро-венгерские власти переподчинили военной юрисдикции все гражданские учреждения, ужесточили паспортные правила, ввели цензуру телеграфа и телефона. Кроме того, император объявил все сессии парламента законченными, а всех депутатов лишили парламентской неприкосновенности.

После разрыва отношений Королевства Сербии с Австрией русским дипломатическим и консульским сотрудникам поручили представлять сербские интересы, что создало немало трудностей. Тем более что австрийские власти не обращали никакого внимания на заявления и протесты в пользу сербов. Русские дипломаты докладывали в Петроград, что по всей Австрии идет массовая облава на сербов – «за ними охотятся и в домах, и на улице, немедленно арестовывают и без суда заключают в тюрьмы».

Спасаясь от полицейского террора, проживавшие в Вене сербы ринулись за помощью к русским. В течение трех дней несколько тысяч сербов с женами и детьми фактически оккупировали все служебные помещения и обширный двор посольства, превратив его в цыганский табор или палубу эмигрантского парохода. Сотрудники генконсульства выдавали пособия нуждающимся, безуспешно пытаясь договориться об их беспрепятственном выезде в Сербию. Все это оказалось невозможно. Вокруг здания посольства и на прилегающих к нему улицах дежурили многочисленные наряды пешей и конной полиции, которые хватали прямо у ворот всех выходивших из здания сербов и русских. Поэтому громадная, находившаяся внутри ограды толпа сербов не решалась уходить. В конце концов им всё же пришлось покинуть двор посольства, и все они сразу же были арестованы.

Прошло несколько дней, и русские подданные (включая дипломатов) оказались в таком же беззащитном положении. Управлявший российским генеральным консульством в Вене коллежский советник Протопопов отмечает: «Толпы сербов, осаждавших генконсульство, сменились русскими в столь же огромном количестве. Они так тесно осадили служебное помещение, что когда мне для переговоров с послом приходилось покидать канцелярию, я мог это делать, лишь выбираясь через окно во двор и возвращаясь тем же путем»[72].

В своем донесении Протопопов особо останавливается на

тяжелой кадровой ситуации: «По случаю летнего времени генеральному консульству пришлось в эти трудные дни работать при минимальном своем составе. Хотя телеграммой императорского посла все чины наших в Австрии учреждений были вызваны к своим постам, но по недостатку времени они не могли уже прибыть к местам своего служения или прибыли в тот самый день, когда нам пришлось покинуть Вену. Так, генеральный консул, бывший в отпуске, доехав до границы, вынужден был за прекращением движения вернуться обратно. Один из нештатных секретарей и канцелярский служитель прибыли в Вену лишь в день отъезда. Налицо из всего состава были лишь двое: вице-консул и один из нештатных служащих».

Не располагая официальными инструкциями МИДа о том, какие действия предпринимать в отношении попавших в беду соотечественников, генконсульство выдавало им талоны на бесплатное получение билетов до ближайшего пограничного пункта. Однако отправленные таким образом люди вскоре вернулись в Вену, поскольку оказалось, что путь закрыт из-за взрыва пограничного моста. Одновременно с распределением талонов на билеты и небольших денежных пособий консульские работники помогали обменивать обесцененные российские рубли на австрийские кроны по льготному курсу.

Разумеется, действия дипломатов и консульских работников в обстановке неминуемого разрыва дипотношений требовали большого мужества от руководителя загранпредставительства – от посла Николая Николаевича Шебеко. Именно он должен был взять на себя (и взял!) всю ответственность за судьбы своих сослуживцев и российских подданных.

В Вене Н.Н. Шебеко удалось прослужить всего один год, но даже за этот короткий период он показал себя хорошим организатором. Сказалось, очевидно, его военное прошлое. Шебеко в 1879 г. поступил в Пажеский корпус экстерном, а по его окончании в августе 1884 г. произведен корнетом в Кавалергардский полк. В 1886 г. командирован в лейб-гвардии Московский полк для изучения правил одиночного обучения и ношения разных предметов солдатского снаряжения и обмундирования (современный спецназ), в 1888 г. назначен заведующим военно-практической телеграфной станцией. В 1889 г. получил звание поручика, а в 1894 г. произведен в штабс-ротмистры и командирован за границу ординарцем при генерал-адъютанте князе А.К. Имеретинском.

Выйдя в апреле 1895 г. в отставку, Николай Николаевич поступил на службу в Министерство иностранных дел сверхштатным чиновником Департамента внутренних сношений

МИД. В последующем работал на разных должностях в российских посольствах в Австро-Венгрии, Дании и Франции. Имелся опыт работы и в представительных учреждениях – в 1906–1909 гг. он представлял министерство в Государственной думе. В 1909 г. получил назначение советником в Германию. В 1912–1913 гг. – русский посланник в Румынии, в 1913–1914 гг. – посол в Австро-Венгрии[73].

Как и в Берлине, российскому послу приказали незамедлительно покинуть Вену. Однако в отличие от своего берлинского коллеги Свербеева Шебеко потребовал включить в списки отъезжающих «посольским поездом» не только дипломатов, но и многих соотечественников. В результате австрийцы сформировали поезд из одиннадцати вагонов, рассчитанный на всю венскую колонию. Однако в последний момент, уже на вокзале полиция многих задержала. В результате послу удалось увезти помимо состава посольства и генеральных консульств в Вене и Будапеште лишь четырех соотечественников.

Посольство Великобритании в Санкт-Петербурге

Георг V (англ. George V; 3 июня 1865 – 20 января 1936) – король Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии

Граф Александр Константинович Бенкендорф (1 августа 1849, Берлин – 29 декабря 1916, Лондон) – возглавлял российскую миссию в Великобритании в 1902–1916 гг.

Глава 3
В заграничной мышеловке

Реальность военного времени потребовала от российской дипломатии выхода на новый, более высокий уровень политической работы, налаживания интенсивных межгосударственных контактов в двустороннем и многостороннем формате. МИД активно содействовал укреплению Антанты, обеспечивая взаимодействие со своими главными партнерами, реализуя информационно-пропагандистские мероприятия. По дипломатическим каналам велась работа по организации зарубежных поставок вооружения и боеприпасов для русской армии.

Однако наряду с перечисленными, «классическими» функциями дипломатии война выдвинула перед внешнеполитическим ведомством ряд краткосрочных, но неотложных задач технического и гуманитарного характера. Прежде всего надо было решить вопрос, каким образом организовать выезд на родину российских подданных, находившихся к началу войны на территории вражеских государств.

В архивных документах они чаще всего именуются «путешественниками», но это определение не совсем правильно. Действительно, в летний период множество представителей различных слоев населения выезжали на курорты Германии и Австро-Венгрии (выше уже приводились данные о том, что только на территории Германской империи летом 1914 г. их оказалось не менее 40 тыс.). Значительное количество россиян искали спасение в санаториях от туберкулеза и других легочных заболеваний. Наряду с «курортниками» в Центральной и Западной Европе находилось немало сельскохозяйственных рабочих, шахтеров, моряков, студентов, представителей творческой интеллигенции.

Теперь, когда неожиданно начавшаяся война перекрыла государственные границы, все эти люди оказались в «заграничной мышеловке». Среди них было немало влиятельных лиц, как гражданских, так и военных, отдыхавших или проходивших лечение в Европе.

Кроме того, с небывалой остротой встал вопрос о судьбе военнопленных, число которых увеличивалось с невероятной скоростью. Уже к осени 1914 г. стало ясно, что воюющие державы явно недооценили масштабов развязанной ими перекройки мира.

В отличие от всех предыдущих баталий эта война обернулась невиданным доселе катаклизмом, вовлекая в свое горнило миллионы человеческих жизней. Возросшая мобильность вооруженных сил и новые виды вооружений позволили значительно быстрее продвигаться по захваченной территории, не давая ни малейших шансов на спасение ни отступающим войскам, ни гражданскому населению. В первые же месяцы войны появились большие группы пленных, исчисляемые сотнями тысяч. Солдаты австро-венгерской армии (особенно мобилизованные из числа славянских народов – чехов, словаков и сербов) десятками тысяч складывали оружие перед русскими в Галиции. Германцы, в свою очередь, пленили десятки тысяч русских солдат при разгроме армии генерала Самсонова в августе 1914 г. в Восточной Пруссии.

Реализация гуманитарной миссии по возвращению на родину застигнутых войной в зарубежной «мышеловке» соотечественников, облегчение страданий военнопленных и защита их прав возлагалась на Министерство иностранных дел. Проблема эта оказалась настолько сложной и многоплановой, что МИД взялся за ее решение без большого энтузиазма.

Во-первых, подтвердились опасения, что проведенная в начале 1914 г. реорганизация ведомства, не затронувшая загранучреждений, не дает возможности оперативно перестроить консульские службы для решения столь масштабных задач. Во-вторых, не оказалось ни кадров, ни соответствующих служебных помещений, ни денег. Подавляющее число консульских сотрудников нанималось в стране пребывания из местных граждан, поэтому в Германии и Австро-Венгрии их сразу же уволили, а в других государствах – призвали в армию.

Еще в довоенный период, комментируя состояние русской консульской службы, русский правовед-международник А.В. Сабанин отмечал, что из 474 пунктов земного шара, в которых находятся агенты русского правительства, лишь в 144 пунктах пребывают агенты «штатные», то есть российские чиновники, получившие соответственную подготовку. Только они обладают всей полнотой прав, присвоенных по закону России консулам, могут должным образом отнестись к лежащей на них в силу ст. 47 Консульского устава обязанности прилагать все свое старание к покровительству и защите русских подданных. А в остальных 330 пунктах находятся нештатные («почетные») агенты, которым подчас нет ни малейшего дела ни до России, ни до русских подданных. Уследить за их деятельностью иногда совершенно невозможно, так как ближайшее дипломатическое или штатное консульское представительство находится за тысячи километров.

Сабанин признавал, что хотя «Министерство иностранных дел ощущает неудобства, возникающие от наличия института нештатных консулов, но устранить этот институт оно не в силах, как не в силах это сделать ни одно государство. Как ни богата страна, никогда она не сможет вынести тех расходов, которые вызвало бы учреждение штатных консульств с дорогостоящим аппаратом вице-консулов, письмоводителей, канцелярий и пр. во всех тех пунктах мира, куда только волею судеб может занести её уроженца. Поэтому всем без исключения правительствам приходится мириться с существованием нештатных консульских чинов, несмотря на общепризнанную нежелательность этого явления»[74].

Выше уже говорилось, что на начало 1914 г. штаты российских загранучреждений составляли 431 человек, из них около половины – в Европе[75].

В соответствии с постановлениями Совета министров от 28 июля и 14 августа 1914 г. Министерству иностранных дел поручалось предоставить за счет государственного казначейства загранучреждениям в Европе дополнительно 750 тыс. рублей для выдачи, в случае необходимости, денежных ссуд соотечественникам. Денег этих, разумеется, оказалось недостаточно, и на практике посольствам пришлось обеспечивать нуждающихся из собственного фонда заработной платы.

Нейтральная **Дания** стала одной из первых стран, куда направились депортируемые из Германии русские.

Королевство Дания к началу XX века было одним из самых «авторитетных» в Европе – датский король Кристиан IX был родным отцом английской королевы, русской императрицы и греческого короля. Не случайно короля и его жену, королеву Луизу, именовали «тестем и тещей Европы». Датский король одновременно носил звание генерала английской и генерал-полковника германской армий.

2 августа 1914 г. Дания объявила о своем нейтралитете в войне. Ее население в этот период составляло менее 3 млн, а армия мирного времени была символической – 13 734 человека, и даже после мобилизации насчитывала бы менее 70 тыс. штыков.

Стратегическое значение Дании заключалось в том, что она контролировала проливы, соединявшие Балтийское море с Атлантикой. Немцы еще в XIX веке прорыли на своей территории Кильский канал, соединив Балтику и Атлантику в обход Дании, но для них было важно не допустить в Балтийское море английский флот. Поэтому уже 4 августа германские миноносцы без уведомления датчан начали устанавливать мины в датских проливах. В ответ англичане сами стали минировать те же

проливы. Таким образом, нейтралитет Дании был нарушен сразу обеими воюющими сторонами.

Мобилизацию Дания не начинала, поскольку боевые действия на суше велись далеко от ее границ. Кроме того, в Копенгагене понимали, что даже полностью отмобилизованная армия сможет защищать страну лишь несколько суток.

Российская миссия оказалась неподготовленной к толпам нахлынувших в Копенгаген соотечественников. В составленном позднее отчете миссии говорится: «На третий день после объявления войны в Копенгаген неожиданно прибыла первая партия получивших разрешение на выезд из Германии русских подданных. С утра они уже сотнями осаждали генеральное консульство, заполняя не только помещение канцелярии, но и лестницу, двор и улицу перед домом. На следующий день на смену этим сотням объявились новые, но уже тысячи. И так в течение пяти-шести дней. С утра и до позднего вечера сплошная, всё более сгущавшаяся масса людей закрывала подступы к дому, мешая проходить в помещающиеся на одной лестнице с консульством частные квартиры и торговые конторы, вызывая жалобы и нарекания.

Потребовался особый наряд полиции, чтобы восстановить и поддерживать какую-либо возможность движения. В самом консульстве стремительный напор посетителей на все двери и столы должен был сдерживаться добровольцами из самих посетителей, цепь которых обеспечивала более или менее правильный ход очереди, а потому и возможность работы»[76].

Озабоченность российских дипломатов сложившейся ситуацией вполне понятна – личный состав миссии в этот период состоял всего из трех человек – императорского посланника, шталмейстера Высочайшего двора барона К.К. Буксгевдена, первого секретаря барона М.Ф. Мейендорфа и второго секретаря Е.К. Гнотовского. При этом никогда ранее сотрудникам миссии не приходилось иметь дела со столь многочисленным и разнообразным контингентом соотечественников. Работа этого загранучреждения была традиционно нацелена на обслуживание представителей императорской фамилии и сопровождавших их высших чиновников. Как известно, мать императора Николая II Мария Федоровна (при рождении Мария София Фредерика Дагмар) была датской принцессой, что придавало особую важность протокольной службе, которая и являлась основной функцией деятельности российских дипломатов в Копенгагене. Тем более что у посланника сложились особые связи с императорской фамилией. Его дочь – София Карловна – служила фрейлиной последней русской императрицы Александры

Федоровны и была одной из ее ближайших подруг. Последовав за царской семьей в ссылку, она впоследствии разделила ее трудности и лишения, но не была допущена в Ипатьевский дом в Екатеринбурге, где царь, его супруга, дети и слуги были убиты. Вместе с П. Жильяром, воспитателем наследника, баронессе Буксгевден удалось уехать через Дальний Восток в Западную Европу.

Глава российской миссии – Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр Карл Карлович Буксгевден (Карлос Матиас Людвиг Константин Буксгевден) – выходец из древнего баронского рода, известного в Бременском герцогстве с 1080 г., переселившегося в Ливонию в XII веке. Родился в современной Эстонии, в городе Дерпт (ныне Тарту).

Мидовская карьера Буксгевдена проходила в элитном подразделении – Департаменте личного состава и хозяйственных дел, в котором он занимал высокие должности – и.о. управляющего (с 1891), вице-директора (с 1892) и директора (с 1897). В 1910 г. получил назначение в Копенгаген[77].

Архивные документы, содержащие донесения из Копенгагена, заставляют вновь и вновь задуматься о трагедии и несправедливостях войны, жертвами которой становятся ни в чем не повинные люди.

Дипломаты сообщают, что среди депортированных оказалось много больных, которых «выбрасывали из больниц и санаториев, не оказывая медицинской помощи и не делая никаких поблажек в содержании и передвижении по территории Германии».

Самой беззащитной категорией оказались дети, испытавшие на себе неспровоцированную жестокость и унижения. Вместе с родителями они оказывались в тюрьмах, страдали во время переезда в железнодорожном транспорте. Немецкие власти не делали для них никаких послаблений, заставляя вместе со взрослыми нести все тяготы плена. В сутолоке вокзалов и портов дети теряли родителей.

В донесениях отмечается, что стрессовая ситуация вела к появлению у людей различных заболеваний и обострению хронических болезней. Это в свою очередь усугубляло физические и моральные страдания в условиях отсутствия элементарной медицинской помощи. Показателем экстремальности положения россиян в Германии стало значительное количество людей, оказавшихся в последующем в психиатрических клиниках Швеции, Дании и России. Без багажа, без денег, без документов, измученные и часто избитые, родители без детей, жены без мужей, больные физически и морально – в таком виде попадали в Копенгаген наши соотечественники.

Появление большого количества обездоленных русских, переполнивших столицу Дании, вызвало обеспокоенность датских властей, поскольку в соответствии с местным законом для прибывающих в страну иностранцев требуется наличие определенной суммы на проживание.

К.К. Буксгевден официально принял на себя личную ответственность за всех русских беженцев, даже не имеющих необходимых документов.

Российская миссия широко распахнула двери для попавших в беду соотечественников. Ежедневно, с утра и до поздней ночи дипломаты и их жены принимали, кормили, распределяли на ночлег беженцев, заполнявших не только приемные и коридоры, но и часть служебных комнат канцелярии миссии. Получив, таким образом, возможность передохнуть в Копенгагене, соотечественники могли подготовиться к дальнейшему пути в более спокойном состоянии.

Работа с соотечественниками не ограничивалась решением срочных задач по их пропитанию и размещению. Она включала организацию поиска лиц, по тем или другим причинам оставшихся в Германии, Австро-Венгрии и Бельгии, получение информации об их здоровье и материальном положении. На втором этапе – в случае нахождения требуемых лиц – нужно было помочь им установить контакты с родственниками в России. С учетом деликатности этой миссии посланник направлял соответствующие письма задержанным русским подданным в Ростоке, Гамбурге, Заснице, Бад-Наугейме, Бад-Гомбурге, Лаубахе, Дрездене и Берлине на своем официальном бланке и за своей подписью.

Формируя списки незаконно задержанных или пропавших без вести русских подданных, посланник обращался через испанских представителей с требованиями к германскому правительству об освобождении или розыске указанных лиц, а в случае отказа или отсутствия ответа направлял повторные требования. За короткий период миссия в Копенгагене составила и направила списки более чем на 20 тыс. фамилий[78].

Помимо установления контактов с военнопленными и передачи в обе стороны медицинских свидетельств и других запрашиваемых документов большая работа велась по финансовым вопросам. Речь шла не только о денежных переводах за границу для задержанных гражданских лиц и военнопленных, но и об установлении доверительных отношений с крупнейшими датскими банками с целью оплаты аккредитивов русских подданных и различных государственных бумаг под контролем миссии. Немало времени занимала рассылка огромного

количества частных писем и пакетов, поскольку в условиях военного времени просмотр и цензура частной корреспонденции были обязательны.

Дипломатам приходилось заниматься также розыском потерянного багажа и пересылкой имущества убитых или умерших военнослужащих.

С учетом вышеупомянутого объема работы, в том числе административной и финансовой, миссия вряд ли справилась бы с поставленными задачами в одиночку. Выручала поддержка общественных организаций.

Посланнику удалось оперативно подключить к оказанию помощи беженцам попечительство местной Русской православной церкви, которое открыло с разрешения местных властей в здании городского училища временный приют для русских и оборудовало его за свой счет. Попечительство размещало в копенгагенской богадельне по 400 человек русских, которых заменяло по мере выбытия новыми беженцами. Такая же договоренность была и с приютом «Армии Спасения». Кроме того, удалось получить разрешение властей на содержание части беженцев за счет города Копенгагена и организовать бесплатные обеды от «Общества кухни датских женщин». Частные лица активно привлекались к пожертвованию одеждой, бельем, пищей и деньгами. Датчане бесплатно размещали русских беженцев в частных домах, а некоторые гостиницы соглашались предоставить им ночлег в кредит.

Позитивную роль сыграла местная еврейская община во главе с купцом Н. Мельхиором и обер-раввином А. Шорнштейном, пожертвовавшая на помощь русским беженцам без различия вероисповедания солидную сумму – 50 тыс. крон.

Со своей стороны, дипломаты постоянно предоставляли справки о дальнейшем порядке следования в Россию, печатали необходимую информацию в газетах и вывешивали ее на вокзалах, пристанях и в гостиницах.

Среди обращавшихся за помощью в генеральное консульство соотечественников некоторым удалось сохранить свои заграничные паспорта и достаточные на дорогу денежные средства. Поэтому их просьбы ограничивались чистой формальностью. Как правило, они выясняли, есть ли необходимость визировать их паспорта, и стремились как можно скорее известить родных о своем благополучном выезде из Германии. После того как консульство стало вывешивать официальную информацию о путях следования в Россию на станциях и в других публичных местах, количество обращений по этим вопросам заметно сократилось.

Гораздо больше времени отнимали те, кто, будучи в Германии насильственно отделены от своих родственников и не имея о них сведений, не знали, что предпринять. Как оказалось, в стремлении унизить и поиздеваться над беззащитными жертвами немцы во многих случаях сознательно отделяли не только мужчин от женщин, но даже малолетних детей от их родных или старших спутников. Распределив их в различные группы, одних задерживали, других высылали и, таким образом, прерывали между ними всякую связь. В подобном положении находились многие посетители консульства. Они долго и подробно рассказывали дипломатам о своих злоключениях, женщины со слезами и нередко доходя до истерики.

Беженцы все же не теряли надежду, что с ними произошло случайное недоразумение и что их родственники, отправленные, возможно, по ошибке с поездом другого направления, воссоединятся с ними, как только получат сведения об их местонахождении. Они просили совета – стоит ли оставаться в Дании в ожидании встречи с родственниками, не рискуя быть совершенно отрезанными от России. Ответить четко на подобные вопросы не представлялось возможным.

Сначала дипломатам казалось, что оставаться в Дании для некоторых лиц имело смысл, и если они располагали достаточными для проживания в стране денежными средствами, то никаких препятствий к тому не встречалось. Риски военного времени предугадать невозможно, и утверждать, что они окажутся совсем отрезанными от России, оснований не было. Вскоре, к сожалению, выяснилось, что подобные ожидания беженцев на скорую встречу с родственниками оказались необоснованными.

Наиболее многочисленную группу лиц, обращавшихся в консульство, составляли беженцы, заявлявшие о своем желании вернуться на родину, но вместе с тем и об отсутствии средств. Они рассчитывали на предоставление пособия.

В безусловной необходимости помочь им не могло быть сомнений. Во-первых, вопрос касался достоинства России. Во-вторых, датские власти начали принимать ограничительные меры по въезду русских. Во всех случаях, когда русские массами прибывали на судах в Копенгаген, полиция отказывала им в разрешении сходить на берег до тех пор, пока их личность не будет подтверждена консульством. Кроме того, требовалось представить письменное обязательство, что все неимущие будут приняты на попечение российской стороной.

Вопрос о выдаче пособий упирался в необходимость подтверждения заявителем собственной личности, так как у

многих беженцев паспорта были либо утеряны, либо отобраны в Германии. Нередко вместо российского паспорта консульству предъявлялись выданные германскими властями свидетельства о выселении данного лица по причине его принадлежности к русскому подданству.

Подобный документ вызывал подозрение у консульских работников не только потому, что германские власти сами не были уверены в принадлежности данного лица русскому государству, но и потому, что подобные «свидетельства» нередко использовались для засылки в Россию нежелательных лиц. Не могли быть признаны достаточными доказательствами подданства и заявления о принадлежности к нему, сделанные датским властям неизвестными, не имеющими бумаг лицами.

Несмотря на, казалось бы, убедительную аргументацию, которую сотрудники консульства неоднократно приводили датским властям, опасаясь огульно брать на себя ответственность за всех прибывающих беженцев, датчане настаивали на безусловном признании этих по существу липовых документов. Доводы местной полиции сводились к тому, что даже в случае подлога документов датчане лишены возможности возвращать в Германию лиц, именующих себя или признаваемых германскими властями русскими подданными. Поэтому, утверждали местные власти, генеральное консульство обязано принимать всех подобных лиц на свое попечение и возвращать их в Россию.

Вступать в споры не имело смысла. Тем более что по сведениям местного железнодорожного управления, за первой партией депортированных ожидались другие, более многочисленные, причем в неопределенном количестве. Возникала реальная угроза накопления в Копенгагене такой массы депортированных, которых будет просто негде разместить.

Исходя из этого, генеральное консульство не стало придираться к юридической стороне предъявляемых документов, приступив к немедленной выдаче пособий на возвращение в Россию. В связи с нехваткой средств необходимые суммы пришлось взять из фонда заработной платы сотрудников. В течение трех дней пособия получили 534 человека на общую сумму свыше 8800 датских крон.

Значительная часть нуждающихся воспользовалась тем, что императрица Мария Федоровна при проезде через Копенгаген приказала за ее счет снарядить поезд для возвращающихся в Россию.

26 июля стало последним днем массовой депортации русских из Германии. В дополнение к ним в эти же дни в Данию прибыло 155 человек пароходом из Северной Америки.

Особо следует сказать о моряках торгового флота. Лишенные возможности продолжать плавание в Балтийском море, русские и финские суда укрылись в нейтральных, в том числе датских, портах. Вынужденные к бездействию и неся большие расходы по содержанию экипажей, судовладельцы распустили команды, возвращая людей в Россию при содействии генерального консульства. Через некоторое время стали возвращаться и капитаны, оставляя свои суда под охраной портовых учреждений.

В отчетах российской миссии нет точных данных относительно проехавших через Данию русских беженцев, но, согласно датской полиции, с начала войны через Копенгаген по пути из Германии и Англии проехало не менее 30 тыс. русских подданных. В подтверждение приводятся данные о том, что не только все обычные поезда, но и дополнительные, а также формируемые по просьбе миссии, уходили переполненными. Только через станцию Гедсер в течение первых 20 дней войны проследовало не менее 4 тыс. русских. Основная же часть беженцев прибывала в Копенгаген через станцию Вамдруп. Через нее направлялись и дополнительные поезда.

Вынужденное внимание к оказанию помощи русским беженцам грозило датчанам осложнениями с Германией, которых Копенгаген стремился по возможности избежать.

Главной опасностью и проблемой Дании в годы войны стали нарушения морских торговых перевозок – жизнь и экономика страны критически зависели от поставок угля, зерна, нефти, хлопка и т. д. До 1914 г. главным датским товаром на экспорт была продукция мясомолочного животноводства – 60 % шло в Англию, 30 % в Германию. С началом войны импорт датского продовольствия в Англию резко сократился – мясо и масло Дании почти полностью пошли в близкую Германию, отрезанную фронтами и морской блокадой от иных источников продовольствия. Дополнительные поставки продовольствия из Дании позволяли Берлину прокормить два десятка дивизий.

К 1914 г. в Дании работал 21 большой завод по производству мясных консервов. За время войны их число выросло в 7 раз – до 148, а экспорт мясных консервов в соседнюю страну вырос более чем в 50 раз. В результате поголовье крупного рогатого скота и свиней в нейтральной Дании сократилось в тех же пропорциях, что и в воюющей Германии.

Расчетливые датские бизнесмены для увеличения прибыли продавали немцам в основном так называемый «гуляш» – консервы низкого качества, в которых мяса было меньше, чем соуса и «растительного содержания», а само мясо разбавляли субпродуктами. Но голодающая Германия покупала и такую

продукцию в любом количестве. Нуворишей, сказочно разбогатевших на поставках продовольствия немцам, в скандинавском королевстве тогда именовали «гуляшбаронами». За годы войны они понастроили по всей стране настоящие дворцы, даже породив особый архитектурный стиль.

Еще большие прибыли нейтральной Дании приносила перепродажа стратегического сырья и материалов, закупавшихся в основном в США. Так, уже к ноябрю 1914 г. королевство закупало там меди в 13 раз больше, чем в довоенное время. Занимавшаяся такими операциями датская «Восточноазиатская компания» в 1916 г. выплатила своим акционерам дивиденды в размере 30 % на вложенный капитал. Золотой запас Дании за годы мировой войны вырос более чем в 2,5 раза.

Война всколыхнула практически все российское общество – не только тех, кто оказался на вражеской или оккупированной территории, но и соотечественников, проживавших в государствах Антанты. В том числе **в Великобритании.**

Несмотря на тесное англо-русское сотрудничество и совместную борьбу против центральных держав, количество лиц, пожелавших срочно вернуться на родину, оказалось значительным. В первые три месяца после начала военных действий сотрудникам генерального консульства в Лондоне приходилось принимать по 200–300 посетителей. При этом штаты консульства состояли из 2 сотрудников, включая самого генерального консула, а в посольстве работало четыре дипломата, включая посла[79].

Подобное штатное расписание и в мирное время не соответствовало стоявшим перед посольством задачам. Согласно внутримидовскому справочнику, изданному в начале 1914 г. (буквально в канун войны), отмечалось: «Служебная деятельность консульских чинов в Лондоне касается отечественного судоходства, торговли и промышленности, нотариальной части, исполнения различных поручений от центральных ведомств, императорского посольства и частных лиц, забот по благотворительности. В их функции входит также содействие отдельным соотечественникам, информирование по всем предметам, способным иметь интерес для России, проведение совещаний и переговоров с заинтересованными в торговле и промышленности русскими и великобританскими подданными. Число текущих номеров корреспонденции генерального консульства, обрабатываемой ежегодно, превышает 9000. В течение года генеральное консульство имеет дело с 230–250 судами под русским флагом. Разнообразие занятий в генеральном консульстве можно сравнить лишь с калейдоскопом, а круг его

деятельности – с заколдованным кругом, из которого нет возможности выйти, чтобы наслаждаться жизнью в Лондоне»[80].

Эта справка писалась в связи с подготовкой мероприятий по реорганизации центрального аппарата МИД, но, к сожалению, осталась «под сукном». О лондонских предложениях в Петрограде вспомнили лишь после начала военных действий, когда требования к консульским учреждениям в Великобритании возросли многократно.

Посол в Лондоне – граф Александр Константинович Бенкендорф – начал службу в МИД России в феврале 1868 г. в миссии во Флоренции и Риме. В марте 1871 г. получил звание камер-юнкера российского императорского Двора, а в 1883 г. назначен церемониймейстером Двора с оставлением в штатах МИД России.

В 1886 г. Бенкендорфа направляют первым секретарем посольства в Риме, в 1893-м – советником посольства в Вене, где он довольно быстро вырос до должности временного поверенного в делах в Австро-Венгрии. Связи при дворе ускорили дальнейший рост Бенкендорфа вверх по служебной мидовской лестнице. С 1897 по 1902 гг. он руководит в качестве Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра посольством в Дании, по-прежнему совмещая свою должность с придворной – сначала церемониймейстера, а с 1899 г. – гофмейстера (почетный титул, привнесенный в дворцовый табель о рангах из средневековой Германии). Принадлежал к ближайшему окружению императора Николая II.

В 1902 г. А.К. Бенкендорфа назначают Чрезвычайным и Полномочным Послом в Великобритании. Как политический работник он очень активен, обладает прекрасными связями на самом высоком уровне. Принимал личное участие в англо-русских переговорах 1903 и 1907 гг. относительно политики на Среднем Востоке и в Лондонской конференции послов великих держав в декабре 1912 г. За участие в конференции получил высочайшую благодарность Николая II «за ревностные и успешные труды».

Небезынтересна оценка личности Бенкендорфа одним из его коллег – посланником России в Испании Ю.Я. Соловьевым, возвращавшимся в октябре 1914 г. из Петрограда в Мадрид через Лондон.

«В течение многих лет наш посол граф Бенкендорф с большим авторитетом занимал в Лондоне этот пост, а перед тем, как и Извольский, был довольно продолжительное время посланником в Копенгагене. Во всяком случае, надо отдать ему справедливость – Бенкендорф гораздо беспристрастнее своего

парижского коллеги относился к политической обстановке, вызвавшей войну. На него ни в коем случае нельзя возвести того обвинения, которое по справедливости возводится на Извольского. К сожалению, к его голосу в Петербурге меньше прислушивались, чем к словам Извольского. К тому же он был гораздо скромнее последнего и не пытался вести за собой министерство. Как курьез могу привести слова Сазонова. Последний мне как-то говорил, что ему всегда трудно читать частные письма Бенкендорфа: он писал их от руки, весьма неразборчивым почерком, к тому же его стиль, хотя и литературный (писал он по-французски), был чересчур витиеват»[81].

В отличие от депортированных из Германии беженцев, обращавшихся в российское посольство в Копенгагене, посетители лондонского генерального консульства имели необходимые документы, и проблем с подтверждением их личности не было.

Проблемы в основном финансовые – требовались ссуды на приобретение билетов и пособия на временное проживание в ожидании парохода. Кроме того, поскольку большинство русских отправлялись домой через Скандинавию, их снабжали не только деньгами, но и теплой одеждой.

Способ возвращения в Россию для всех одинаков – пароходом в первые два месяца войны через Копенгаген, а в последующем через Стокгольм, Христианию (ныне Осло) или Берген. Ссуды выдавались небольшие, для контроля ставился штамп в загранпаспорт. Имелось в виду, что когда, вернувшись домой, заемщик будет обменивать свой загранпаспорт на внутренние российские документы, с него удержат выданную сумму.

Беспрепятственно выдавались ссуды возвращавшимся из Канады и США эмигрантам призывного возраста. Как правило, они добирались за свой счет до Англии, а, высадившись, шли в миссию просить о помощи. Особым внимание и почетом пользовались в обществе те немногие солдаты и офицеры, которым удалось бежать из немецкого плена и добраться до Лондона. Но подобные случаи были немногочисленны.

Наряду с русскими подданными генеральному консульству приходилось защищать права славян нерусского подданства, выходцев из Германии и Австро-Венгрии, которые рассматривались британскими властями как представители вражеских государств. По каждому подобному лицу британское МВД обращалось к русским консульским работникам с просьбой помочь выяснить, насколько данный германский или австрийский подданный славянин может считаться благонадежным и может ли

он быть освобожден от заключения в концентрационном лагере. С одной стороны, это требовало от генерального консульства дополнительных усилий, поскольку в каждом конкретном случае необходимо удостовериться в том, – насколько это вообще возможно, – есть ли симпатии у данного лица к России. С другой стороны, подобные обращения поддерживали авторитет российского загранучреждения как покровителя всех славян в Великобритании – будь то русский, германский или австрийский подданный. Чехи и поляки составляли особые комитеты, задача которых состояла в том, чтобы выдавать свидетельства о принадлежности к польской или чешской нации, но эти свидетельства все равно должны заверяться российским генеральным консульством.

Среди посетителей, обращавшихся в посольство за материальной помощью, были люди разных категорий. Некоторые по болезни или по другим уважительным причинам не могли отправиться в путь сразу и поэтому получали ссуды на проживание в Лондоне. Исключения делались для артистов, студентов, изобретателей, журналистов, поскольку они в силу служебной или иной необходимости должны были оставаться за границей. По личному указанию посла русским студентам, которым до окончания учебы оставалось не более шести месяцев, а также студентам, родители которых проживали в местностях, занятых немцами, выдавались ссуды для проживания в Лондоне.

Разумеется, попадались и те, кто добивался безвозвратной денежной помощи для проживания за границей, отказываясь при этом возвращаться на родину. Таким просителям выдавалась денежная помощь лишь для того, чтобы дать телеграмму родственникам или друзьям в Россию с просьбой выслать деньги. К сожалению, подобный гуманный подход консульских работников привел к злоупотреблениям со стороны некоторых лиц, получавших не один раз помощь и твердивших, что они не получают денег от своих родных.

Грустно звучат высказываемые дипломатами эпохи Первой мировой войны наблюдения о человеческих нравах и финансовой нечистоплотности некоторых соотечественников: «Выдача денег и ссуд, к сожалению, слишком часто деморализует слабохарактерных. Есть много людей, старающихся добиться как можно больших льгот, преимуществ и предпочтений, настаивая, например, на выдаче больших сумм денег, тогда как генеральное консульство получило предписание сообразоваться в размере выдаваемых денег лишь с самыми неотложными нуждами просителей, избегая лишних затрат. Иные требовали гарантии от немецких мин на море, доискивались каких-то несуществующих

путей сообщения и т. д.»[82].

Как и в других российских загранучреждениях, личный состав посольства наряду с основной работой уделял большое внимание поддержке общественных благотворительных организаций. Основными среди них были: Британский комитет для оказания помощи русским, спасающимся от войны *(The Anglo-Russian Committee for the Assistance of Russian Refugees),* Комитет для беглецов из-за войны *(War Refugee Committee)* и Русский благотворительный фонд *(Russian Benevolent Fund)*. Перечисленные организации активно помогали всем нуждающимся. Так, общее число лиц, воспользовавшихся помощью Русского благотворительного фонда до конца **1914** г., составило 1222 человек.

В предвоенный период Россия, наряду с генеральным консульством в Лондоне, имела консульские учреждения в крупных портах – **Ньюкасле-на-Тайне и Ливерпуле.**

Консульство в **Ньюкасле-на-Тайне** учредили в **1894** г., ориентируясь на работу преимущественно с шотландцами. Город Ньюкасл, расположенный на северо-восточном побережье Англии неподалеку от устья реки Тайн, между Лондоном и Эдинбургом, являлся крупным центром судостроения и угледобычи. Ньюкасл по праву считался столицей Северной Англии. В справочнике МИД, составленном для командируемых за границу русских дипломатов, об этом загранучреждении говорилось следующее: «Консульство считается одним из самых деятельных наших учреждений заграницей. Оно состоит из консула, секретаря консульства и письмоводителя. Ему подчинены **18** нештатных консульских учреждений на севере Англии и в Шотландии. Главная деятельность консульства сосредоточена на мореходных делах и делах эмигрантов, которых в Ньюкасле изрядное количество.

Самая неприятная и тяжелая сторона деятельности консульства – общение с многочисленными безработными моряками. По правилам, моряки, являющиеся в консульство без документов, не имеют права на вспомоществование. Между тем большинство моряков являются именно без документов, вследствие чего им приходится отказывать в выдаче денег, а это влечет за собой неприятные и тяжелые сцены. Общение с местными властями тоже не всегда отличается приятным характером. Эти власти, сохраняя обыкновенно внешнюю корректность формы, неохотно идут навстречу нуждам и просьбам императорского консульства. Существующее предубеждение против русских неблагоприятно отражается и на официальных отношениях консульства с британскими

властями»[83].

Очевидно, для подобных нелестных отзывов об обстановке в консульском округе имелось достаточно оснований, в противном случае МИД вряд ли бы решился заранее настраивать командируемых из Петербурга сотрудников на столь грустную волну.

Как и повсюду, война предъявила к деятельности консульства новые требования, заставив сотрудников сконцентрироваться, в первую очередь, на помощи беженцам[84]. Работа велась по двум направлениям: оказание конкретной материальной помощи неимущим в целях их возвращения на родину, а также организационное содействие в этой области.

К денежной помощи консульства прибегало сравнительно немного соотечественников, поскольку в Лондоне им уже выдали пособия и билеты для проезда в Норвегию. В Ньюкасле выписывали нуждающимся – в основном рабочим и эмигрантам из Америки – проездные билеты третьего класса до Христиании и выдавали денежное пособие на питание в пути. В некоторых случаях размер пособия увеличивался (больным, женщинам с малолетними детьми), а просителям из интеллигенции вместо билета 3 класса выдавался билет 2 или 1 класса.

При проезде больших групп эмигрантов приходилось устраивать их на ночлег. С этим возникали сложности, так как нередко партии рабочих из Канады превышали сотню человек.

Наиболее обременительным для консульских работников было обязательное личное присутствие на причале при пропуске пассажиров на пароход. Дело в том, что разрешение на посадку давалось устно британским чиновником, просматривавшим документы и подвергавшим, особенно ехавших из Германии или Австро-Венгрии, подробному расспросу о месте, где их застигла война, о времени и месте проживания в Великобритании и на континенте. Ситуация зачастую осложнялась чрезвычайно нервным и возбужденным состоянием пассажиров, мнительных, готовых видеть во всем излишний бюрократизм иностранных чиновников, «оскорбляющих их национальные чувства». Вдобавок многие русские не владели английским языком, и подобная процедура приводила к ненужному обострению отношений с полицией. Для облегчения прохождения указанных формальностей сотрудник консульства дежурил на пристани ежедневно с 21 до 24 час., выполняя функции переводчика и одновременно удостоверяя на основании паспорта подданство пассажиров, ограждая их от излишней придирчивости местных чиновников.

Ежедневно из Ньюкасла отправлялось по 100–150 человек.

В первые недели войны, когда волна беженцев была особенно велика, на небольших пароходах, совершавших рейсы в Берген, не хватало места. Но, несмотря на это, никто не соглашался остаться хотя бы на один день в Ньюкасле, что ставило консульство в затруднительное положение, так как капитаны опасались брать слишком много пассажиров на уже переполненный пароход. Попытки объяснить эти объективные трудности пассажирам успеха не имели, вызывая недовольство и упреки в адрес консульства.

Работа консульства затруднялась неорганизованной и несогласованной деятельностью различных бюро путешествий, продававших билеты на даты, не соответствовавшие действительности, дававших самые фантастические сведения и справки о путешествии, о времени отхода пароходов. Попытки разъяснить эти трудности соотечественникам, ожидавшим отхода строго по расписанию, также успеха не имели.

Хотя консульство имело дело главным образом с отъезжавшими на родину русскими подданными, нередко бывали случаи приезда в Великобританию из России лиц, находившихся в правительственной командировке или приезжавших по коммерческим делам. Обслуживание таких персон требовало особого внимания и представителю консульства приходилось, кроме текущей работы, проводить в день от 6 до 7 часов на пристани в ожидании отбытия или прибытия парохода. Поскольку суда приходили крайне нерегулярно, требовалось в течение всего дня осведомляться о времени их прибытия, которое в результате сообщали лишь за час.

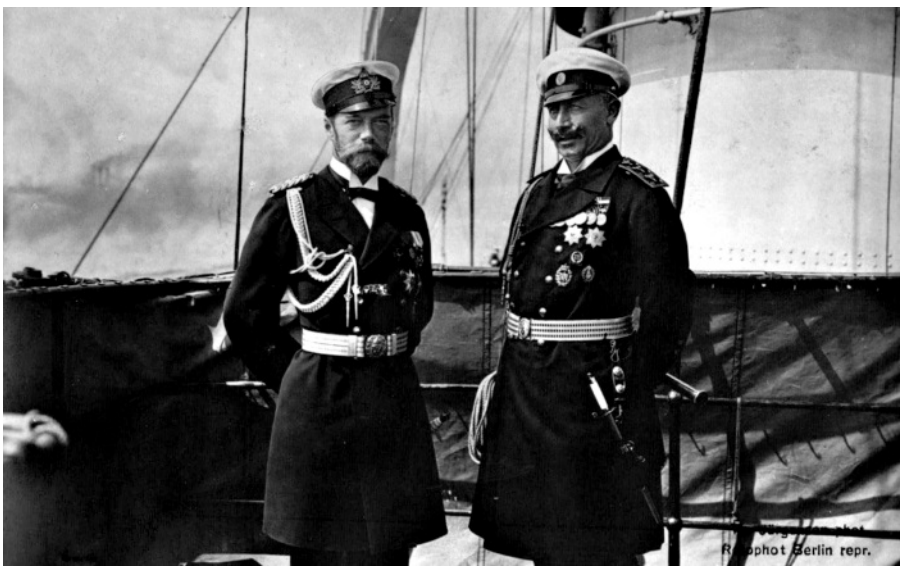
В консульстве в Ливерпуле возникали проблемы лишь с моряками, оставшимися без работы в результате военных действий. Русское консульство здесь было также малочисленно, как в Ньюкасле, и ориентировалось на нотариальную деятельность, связанную с реализацией торговых операций. В уже упоминавшемся мидовском справочнике указывалось, что его функции заключаются «в содействии торговым интересам представителей купечества, как нашего, так и английского. Основная работа – ответы на запросы наших купцов из России и английских коммерсантов, проживающих в районе консульства. Второе место занимает нотариальная и паспортная часть, а затем судоходство и наши матросы. По сравнению с Ньюкаслем-на-Тайне в Ливерпуль заходит русских судов не очень много, но русских матросов, завербованных на иностранные суда, большое количество; матросы дают немало неприятной работы консульству. Иммигранты и ищущие заработка русские и финляндцы также приносят немало проблем»[85].

Российские консульские учреждения в Великобритании (в том числе и посольство) подверглись резкой критике депутатов Государственной думы. Выступая в Петрограде на заседании Бюджетной комиссии 17 января 1915 г., депутат П.Н. Милюков обвинил консульских работников в высокомерном отношении к посетителям: «Грубость обращения – это черта, вытекающая из сознания, что русский подданный за границей не имеет права требовать защиты, черта постоянная и которую пора устранить особенно теперь, потому что она теперь особенно ярко проявилась.

Нельзя сказать, что дело нормально поставлено, когда канцелярская работа занимает весь служебный досуг консула. Бывают другие, однако, работы, которые я лично наблюдал, когда консульский состав освобожден от обязанностей заниматься своим естественным делом. Я знаю тип консулов, которые за отсутствием работы, кроме канцелярской, занимались нумизматикой, были большими специалистами в этой части, ботанистами хорошими. Одного я знаю, который содержал большой великолепный погреб вин и считался специалистом в этом деле. Я думаю, что такого рода кабинетная работа является результатом того, что, кроме канцелярской переписки, консулы за границей не имеют никаких других обязанностей, а между тем, на них лежат другие, весьма серьезные обязанности. Я считаю это второй чертой – занятие этого рода кабинетной работой. Далее консулы наши оказываются недостаточно осведомленными во всем том, в чем они должны быть осведомлены, и эта черта постоянная, и в данном случае она проявилась особенно ярко. Я знаю ряд случаев, о которых мне рассказывали лица, испытавшие это на себе, когда они обращались к консулам в том или другом месте за деловыми сведениями. Человеку нужно узнать, какие есть маршруты, куда и откуда идут пароходы, в какое время, какое расписание, а у консула не было средств самых элементарных, чтобы удовлетворить эту потребность. Консулы, которые чувствовали, что они должны дать ответ и что они настоящего ответа не имеют, начинали выдумывать и давать неверные справки, которые людей, нуждающихся в деловых справках, вводили в заблуждение. Вот это есть третья черта, которая вызывается предыдущими двумя, – это неосведомленность чисто техническая, так сказать, в деловой стороне той работы, которая должна вестись, и неудовлетворительность, таким образом, справок и показаний, которые нужны в нормальном ходе работы. Я считаю, что все это должно теперь обратить на себя внимание более чем когда-нибудь, потому что ярче, чем когда-нибудь, обнаружились

отрицательные результаты»[86].

Исходя из своего личного, более чем 30-летнего опыта дипломатической работы, весьма скептически отношусь к приведенным демагогическим высказываниям П.Н. Милюкова в адрес российских консульств, ибо наши соотечественники, как правило, обращаются за консульской помощью лишь в тех случаях, когда оказываются в экстремальной ситуации, нередко созданной ими самими. При этом от консульских работников обычно хотят немедленного решения сложных административно-финансовых вопросов, требующих определенного времени и материальных затрат. Что же касается недовольства со стороны высоких государственных чиновников или депутатов, то они не отличались ни раньше, ни сейчас элементарной скромностью и всегда требовали к себе неоправданно большого внимания.



Двоюродные братья – императоры Николай II и Вильгельм II

Германия, около 1911 г. Открытка напечатана в Германии и показывает статую немецкого короля Вильгельма в городе Штеттине (до 1945 г. в Германии, после второй мировой войны этот город стал частью Польши)

Сергей Васильевич Арсеньев (1 апреля 1854–1922, Москва) – русский дипломат, генеральный консул в Швеции, чрезвычайный посланник в Норвегии (1912–1914). Один из членов-учредителей Императорского Православного Палестинского Общества. Состоял на дипломатической службе вплоть до Февральской революции. 2 января 1920 арестован с женой и дочерью

Анатолий Васильевич Неклюдов (15 апреля 1856, Афины – 19 сентября 1943, Ницца) – посланник России в Швеции в 1914–1917 гг.

В апреле 1917 г. назначен Временным правительством послом России в Испании, но в августе, после неудачи корниловского выступления, ушел с дипломатической службы. В эмиграции с 1917 г.

Возвращение русских домой поездом Хапаранда-Торнио

Возвращение на Родину – встреча на пограничной станции Торнио (Финляндия)

Глава 4
По пути «из варяг в греки»

Шусские путешественники, традиционно посещавшие западноевропейские курорты, знакомившиеся с многочисленными историческими памятниками и восхищавшиеся демократией и гуманизмом западных обществ, возвращались на родину в подавленном состоянии. Летние рубашки и платья вряд ли могли уберечь от холодных ветров Балтики:

Море Балтийское, небо там низкое,
Тучи свинцовые, красный закат.
Волны холодные, дали неблизкие,
Штормы ударили в ярый набат.
Море суровое, воды солёные,
И на волну набегает волна,
Чайки кричащие, ночи студёные,
В воздухе музыка ветра слышна[87].

Отправляясь на каникулы, они и не предполагали, что им придется повторить древний путь викингов «из варяг в греки». За тысячу лет до них, почти по такому же маршруту совершали свои грабительские набеги на Русь варяги из Норвегии и Швеции, а в обратную сторону шли ладьи бесстрашных новгородских купцов.

Теперь же «счастливчикам», которым удалось получить билеты на пароход, талоны на питание в пути, а некоторым и теплую одежду, предстояло пересечь **Норвегию и**

Швецию, чтобы попасть на родину – в российскую Финляндию. Сотни людей, вынужденных возвращаться этим путем, беспомощно толпились на палубах грузовых судов под яростными балтийскими ветрами. Спускаться в трюм боялись – опасались, что судно налетит на одну из многочисленных мин и тогда уж шансов на спасение вообще не останется. Поскольку мужчины призывного возраста были задержаны немцами, среди пассажиров преобладали женщины и дети.

Транзитный переезд больших партий русских беженцев создал немало трудностей обоим государствам. Тем более что за их нейтралитетом внимательно наблюдали обе воюющие группировки. Великобритания и Германия оказывали постоянное давление на Норвегию из-за ее географического положения, позволяющего контролировать восток Северного моря. В

результате воюющие стороны привлекли северные страны к косвенному участию в войне: Швеция и Норвегия передали значительную часть своего торгового флота Антанте, а Германия вынудила Данию частично заблокировать минами пролив Большой Бельт.

Что касается Норвегии, то формально, к моменту начала Первой мировой войны, она являлась самым молодым независимым государством Европы. В качестве самостоятельного королевства возникла только в 1905 г., после расторжения «унии» со Швецией, а ранее – почти пять веков была автономной провинцией Дании, а потом Швеции. По Карльстадским соглашениям (1905) Стокгольм признал независимость Норвегии. Великие европейские державы – Россия, Германия, Великобритания и Франция – в равной степени взяли на себя обязательства о гарантиях целостности ее территории. В соответствии с подписанным 20 октября (2 ноября) 1907 г. в Христиании (с 1924 г. Осло) договором о территориальной неприкосновенности нового государства (Христианийская конвенция) они обязались признать и соблюдать неприкосновенность Норвегии. А Норвегия – «не уступать никакой державе ни в качестве временного занятия, ни в виде какой-либо иной меры никакой части норвежской территории»[88].

К началу XX столетия Норвегия была весьма зажиточной и благополучной страной. В отличие от других стран Европы, к 1914 г. ее земля уже два века не знала войн (если не считать таковой стычку со шведами в 1814 г., в которой погибло несколько десятков норвежцев). Небольшое государство на самой окраине Европы с населением немногим более 2 млн на случай войны могло мобилизовать армию численностью 110 тыс. человек. Норвежский военный флот был невелик и предназначался исключительно для береговой охраны. Разумеется, на случай войны крупные державы интересовали не скалы Норвегии и ее маленькая армия, а огромный торговый флот – по числу пароходов эта маленькая страна занимала третье место в мире после Британской империи и США. В 1910 г. под норвежским флагом плавало 7917 торговых судов, к 1914 г. их число перевалило за 8 тысяч.

4 августа 1914 г. Христиания официально объявила о своем нейтралитете. Нейтралитет страны с огромным торговым флотом тут же обернулся ростом товарооборота и огромными прибылями. К 1916 г. валовые доходы норвежских судовладельцев от фрахта увеличились в 5 раз по сравнению с довоенным временем. В тот год, когда сотни тысяч солдат погибали под Верденом и в Галиции, норвежские судовладельцы заработали на фрахте своих

пароходов в пересчете на нынешний курс фантастическую сумму – почти 18 млрд долларов.

Российское консульство в Христиании занималось, как и в других портовых городах, обслуживанием морских судов, легализацией судовых документов, оказанием правовой помощи российским подданным, посредническими услугами между русскими торговцами и норвежскими властями. Готовились донесения по вопросам рыболовства, сельского хозяйства, промышленности и торговли.

Консульство располагалось в арендуемой двухкомнатной квартире, расположенной в деловой части столицы. Согласно штатному расписанию Христианию обслуживал один штатный консул, а еще тринадцать, но уже принятых на месте, работали в провинции. Судя по справочнику той эпохи, «собственно русской колонии здесь нет. Только несколько сот русских евреев и политических ссыльных, которым был разрешен выезд за границу, проживают мирно, зарабатывая себе кусок хлеба и не обременяя ни местных властей, ни российского консульства»[89].

Российскую миссию в Христиании возглавлял Сергей Васильевич Арсеньев – личность незаурядная. Человек, увлекавшийся историей и археологией, он состоял одним из членов-учредителей Императорского Православного Палестинского общества. Арсеньев имел большой опыт работы в загранучреждениях МИД России как на Севере, так и на Востоке. Начинал как первый секретарь генерального консульства в автономной турецкой провинции Восточная Румелия (1880). Затем стал поверенным в делах в Румелии (1881), первым секретарем дипломатического агентства (1882) и поверенным в делах в Болгарии (1882–1883), вторым секретарем посольства в Берлине (1883–1886). В 1886 г. получил назначение первым секретарем миссии в Швеции и одновременно, до 1891 г., поверенным в делах. Затем попал на Восток – генеральный консул в Иерусалиме (1891–1897) – и снова вернулся в Европу – генеральный консул в Стокгольме (1897–1900), министр-резидент при дворе Великого герцога Ольденбургского и Сенате вольных ганзеатических городов Гамбурга и Любека (1900–1910), Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр в Черногории (1910–1912). И, наконец, с 1912 г. аккредитован в той же должности посланника при дворе короля Норвегии.

Человек общительный и энергичный, Арсеньев умел быстро сходиться с людьми, пользовался авторитетом в различных кругах норвежского общества. Как дипломат он обладал большим практическим опытом, что благоприятно повлияло на результативность той деятельности, которую в авральном режиме

пришлось развернуть в связи с наплывом русских беженцев.

С середины августа 1914 г. между английским Ньюкаслом и расположенным на западе Норвегии Бергеном установились регулярные ежедневные рейсы. Несмотря на опасность германских мин, россияне вынуждены были следовать по этому маршруту. Взрывы товаро-пассажирских пароходов, наскочивших на мины, происходили довольно часто (в результате подводной войны и морских мин погибло около 2000 норвежских моряков). Капитаны на линии Ньюкасл – Берген вели себя крайне осторожно. В ночное и, особенно, в бурное время они отстаивались в открытом море, застопорив машину. Пассажиров заставляли одевать спасательные жилеты и всю ночь оставаться на палубе, не спускаясь в каюты.

«Переезд через Северное море не доставил ничего приятного: пароход был мал, погода весьма бурная, – вспоминает свою поездку Северным путем в октябре 1914 г. посланник России в Испании Ю.Я. Соловьев. – Приблизительно на полпути мы были остановлены английским крейсером. Прибывший офицер проверил документы пассажиров и груз парохода. Это происходило при столь бурной погоде, что подошедшие к нам в шлюпке моряки были в спасательных поясах. Лишь с большим трудом ее команде удалось не сломать нашего трапа, о который нещадно билась военная шлюпка. В Ньюкасле мне впервые пришлось присутствовать при сложных процедурах переезда границы воюющей державы, а отчасти и невольно участвовать в них. Пассажирам было разрешено покинуть пароход лишь на следующее утро. В течение многих часов на пароходе заседала смешанная комиссия из полицейских и таможенных чиновников, которым были вручены наши паспорта»[90].

Ежедневно из британских портов Ньюкасла, Глазго и Ливерпуля прибывало по 2–3 парохода с беженцами из Швейцарии, Франции и Англии. С учетом болезненного состояния многих соотечественников (морской переход продолжался не менее 30 часов), незнания ими норвежского языка, местных обычаев и порядков консульский работник лично встречал каждый прибывающий пароход. После проведения обычных консульских формальностей он по мере сил и возможностей помогал соотечественникам разобраться с наиболее сложными проблемами. Бесценную поддержку оказывали проживавшие в Бергене русские купцы, многие из которых прекрасно владели норвежским языком. Они добровольно и безвозмездно предлагали свои услуги в качестве переводчиков и гидов, чем значительно облегчали русским беженцам решение бытовых вопросов. В том числе торг с

носильщиками и извозчиками, взвинчивавшими плату до сказочных высот, а также с пароходными и железнодорожными служащими.

Основной контингент возвращавшихся на родину русских составляли коммерсанты, студенты заграничных университетов, ремесленники и моряки. По национальностям преобладали евреи и поляки. Настроение беженцев, особенно в первые дни, было нервозное, что объяснялось опасностями морского перехода, постоянным риском наскочить на германскую мину. Сказывалось и то, что маленькие и грязные норвежские суда бергенской пароходной компании *Bergens Damskibselskab* были лишены элементарных санитарных удобств. Пугало и полное отсутствие средств для дальнейшего путешествия. Этот пессимистический и истеричный настрой беженцев сразу же обрушивался на встречавших их консульских работников.

О том, в каких условиях перемещались морским путем российские подданные, с горечью говорится в донесении бывшего российского консула в Штеттине Л.Ф. Цейдлера: «То, что нам пришлось увидеть на пароме, не поддается никакому описанию, равно как и все виденное дальше на пути через Швецию и Финляндию. На пароме скопилось до 1 500 русских подданных, беглецов из Германии, в большинстве поляки и евреи, согнанных, иначе трудно это назвать, из многочисленных купальных мест и курортов. Без различия социального положения все они оказались помещенными в ожидании шведского парома в здании карантина для скота. Большинство без средств или с самыми скудными ресурсами. Более чем 100 человек из них не могли вовсе уплатить даже за переезд в Швецию, так что, я, имея при себе из аванса на пособия неимущим русским еще известную сумму, внес 480 марок за билеты 80 человек наших подданных. В Швеции дальнейший путь им оказался обеспеченным, так как управление железной дороги отправляло всех неимущих бесплатно до финляндской границы в Торнио»[91].

Общее количество русских беженцев, проследовавших из Западной Европы через Берген в Россию за три месяца (20 августа – 20 ноября), составило примерно 2000 человек. Из них лишь пятая часть воспользовалась пособиями, причем заимообразно. Считалось, что пособия настолько минимальны, что все, даже лица, не владеющие каким-либо имуществом, в состоянии вернуть выданные им средства. Исключение делалось лишь для выходцев из разоренных или занятых неприятелем областей, а также для лиц, не способных к труду или потерпевших кораблекрушение. Им пособия выдавались безвозвратно.

Судя по официальной отчетности, с 19 июля по 31 декабря

1914 г. консульством в Христиании, вице-консульством в Бергене и французским консульским агентством в Тронхейме (по поручению российского посольства) выдано пособий под 2174 расписки[92]. По этой статистике трудно судить об общем количестве лиц, получившим помощь, поскольку пособия выдавались на всю семью под одну расписку. По подсчетам консульских работников, общее число лиц, получивших пособия с 19 июля по 31 декабря 1914 г., составило не менее 2,5 тыс., или 20 % всех русских, проехавших через Норвегию.

Каждый, кто путешествует с пересадками, опасается возможных осложнений с личным багажом. Разумеется, в условиях военного времени беженцы с их нехитрым скарбом испытывали еще большие сложности. Решать эти проблемы приходилось консульству. Эффективную помощь в поиске багажа оказывали местные благотворительные организации.

Созданный при бергенском благотворительном обществе Комитет помощи путешествующим иностранцам высылал к каждому пароходу и поезду свою представительницу, предлагавшую содействие всем иностранцам, в том числе и русским. Услуги этой дамы, бесплатно и ревностно оказывавшей помощь, были особенно ценны женщинам и детям.

По расписанию пароходы линии Ньюкасл – Берген приходили в Берген в середине дня, так что пассажиры, едущие далее на Христианию и Стокгольм, успевали пообедать до отхода вечернего поезда. В случае задержки парохода беженцев приходилось устраивать на ночлег в Бергене. Проблемы с организацией ночлега возникали и с пассажирами, прибывавшими из Лондона после отхода вечернего поезда в Стокгольм. На консульстве в таком случае лежала не только оплата их проезда до Стокгольма, но и забота о ночлеге и пищевом довольствии до следующего утра. К счастью, и в решении этих вопросов помогали волонтеры. Ночлег для тех, кто не имел собственных средств, оплачивался консульством в приюте благотворительного общества *Hjemmes Vel,* а бесплатное питание обеспечивал Датский комитет в Христиании (с отделением в Бергене), в состав которого входили норвежские и русские женщины.

Было бы ошибочно полагать, что занимаясь в авральном режиме помощью соотечественникам, российские консульские учреждения отодвигали на второй план свою основную работу – информационно-аналитическую. Пример тому – направленные в Петроград в рассматриваемый период донесения российской миссии в Христиании и консульства в Бергене об экономическом и внутриполитическом положении страны пребывания. Каковы же

были их аналитические оценки?

Приведем в качестве примера некоторые из наблюдений:

– Обрабатывающая промышленность в этой молодой и сравнительно бедной капиталами стране слабо развита. Металлургия находится в зачаточном состоянии. Текстильная промышленность стоит на более высокой степени развития, но пока способна удовлетворять только внутренний рынок. Широким спросом пользуются норвежские ювелирные серебряные и эмалированные изделия;

– сельское хозяйство не в состоянии прокормить население, поэтому в Берген почти ежедневно приходят из Америки и русских портов большие суда с ячменем, пшеницей и кукурузой;

– рыбный промысел и отрасли, связанные с переработкой морепродуктов, кормят значительную часть населения и дают большое количество продукции на экспорт. Страна славится выловом и заготовкой сельди, которая сотнями тысяч бочек традиционно уходит за границу, преимущественно в Штеттин и Гамбург. По сравнению с шотландскими норвежские сельди более низкого качества. Однако война и нехватка съестных припасов в Германии резко повысили цены на норвежскую сельдь, большая часть которой отправляется через шведские порты, причем даже испорченный товар сбывается по высоким ценам;

– особое значение со времени начала военных действий приобрел торговый флот. Еще до войны, благодаря неутомимой энергии и предприимчивости норвежских судовладельцев, он занял по тоннажу третье место в мире, а после уничтожения германского торгового флота поднялся на второе место. Если до начала военных действий вследствие конкуренции Германии в делах норвежских судоходных компаний наблюдался некоторый застой, то блокада германских портов и усилившаяся потребность в транспорте заметно оживили деятельность норвежских судовладельцев, повысивших цены на фрахт чуть ли не в два раза.

Кроме огромного торгового флота Норвегия могла предложить воюющим сторонам столь же солидный рыболовецкий флот и богатые месторождения меди. После

1914 г. Норвегия стала основным поставщиком меди и атлантической сельди в Германию. Без меди не могла обойтись оружейная промышленность, а рыба шла не только в еду – из рыбьего жира получали глицерин, необходимый для производства взрывчатых веществ.

Если в 1914 г. Норвегия продала в Германию 68 тыс. тонн рыбы (как выловленной норвежскими рыбаками, так и купленной норвежскими коммерсантами у иностранных поставщиков), то в 1915-м – уже 161 тонну, а в 1916-м – 194 тонны. До 1917 г. на

Норвегию приходилось свыше 60 % поставляемой в Германию рыбы.

В 1915 г. норвежцы продали германцам почти в 4 раза больше меди, чем годом ранее. Берлин закупал почти весь добываемый в Норвегии никель, необходимый для производства высокопрочной брони и самого разного военного оборудования. За первые три года войны Германия заплатила за норвежский никель и норвежскую медь в пересчете на нынешний курс почти 3 млрд долларов. В начале войны Норвегия по примеру остальных стран Скандинавии также активно перепродавала немцам хлопок, купленный у англичан и американцев. Если в 1913 г. норвежцы купили в британских колониях 460 тонн хлопка, то в 1915 г. – уже 6600 тонн, то есть в 14 раз больше.

В стране начался бум создания новых акционерных обществ в торговле и промышленности – в 1915–1916 гг. было создано 2764 компании, и за два года войны их число выросло на треть по сравнению с довоенным. Курс акций норвежских предприятий в среднем вырос в 3 раза, а ценные бумаги особо востребованных судоходных обществ – в 6 раз.

Весьма полезная информация шла из консульства и о значительных изменениях политических настроений в Норвегии.

«До войны, – докладывали дипломаты, – общественное мнение делилось на два лагеря: англофилов и германофилов; к русским норвежцы относились с некоторым недоверием, подозревая Россию в желании завладеть Нарвиком или каким-либо другим из северных незамерзающих портов. Нарушение германцами бельгийского нейтралитета и вызванное этим негодование норвежской прессы усилило английское влияние, особенно в портовых городах, тесно связанных с английскими портами.

В настоящее время три четверти, если не больше, норвежцев сочувствуют англичанам, а косвенным образом и нам, русским, как союзникам англичан.

В виде иллюстрации борьбы английского и германского влияний могу привести следующие характерные случаи. Почти ежегодно император Вильгельм во время своих поездок в шхеры останавливался на несколько дней со своей яхтой в Бергене. Для приема его иногда приезжал и норвежский король.

С целью создания себе популярности Вильгельм запросто, без свиты ходил по Бергену, ездил по его окрестностям, беседовал зачастую с бергенскими жителями, обедал у германского генерального консула, норвежца Мора. Перед отъездом на яхте императора устраивался обыкновенно бал, на который приглашались судовладельцы, торговцы и вообще весь высший

буржуазный круг Бергена. Вместе с тем германские офицеры на яхтах и других конвоирующих ее судах не упускали случая ежегодно делать промеры, а также другие исследования и фотографировать укрепленную сильными фортами бергенскую бухту. Подобные инциденты производили на норвежцев самое неблагоприятное впечатление.

Разбрасывание немцами мин в Северном море чрезвычайно стеснило навигацию норвежского торгового флота, восстановив норвежское общественное мнение против Германии. Особенно возмутилась норвежская пресса двукратным появлением в пределах Бергена германских подводных лодок»[93].

В 1916 г. в норвежское «нейтральное процветание» вмешалась британская морская блокада Германии. Англичане потребовали от Христиании права преимущественной покупки норвежской рыбы и запрета продажи немцам медной руды. Норвегия и ее огромный торговый флот критически зависели от поставок угля и нефти из Великобритании, поэтому в августе 1916 г. ей пришлось заключить с Лондоном соглашение об ограничении своего экспорта в Германию, предусматривавший, в том числе, запрет на продажу немцам всех вновь добываемых или изготовляемых рыбных продуктов, кроме консервов. Тем не менее норвежцы продолжали поддерживать тесные экономические связи с немцами. Когда в конце 1916 г. царское правительство России по примеру англичан впервые опубликовало свой «черный список» фирм, торгующих с Германией, то лидером в нем из всех стран Скандинавии оказалась именно Норвегия со 137 компаниями против 76 датских и 107 шведских.

Только в 1917 г. британцам удалось установить плотный контроль за норвежскими торговыми судами – судовладельцы должны были давать обязательства, что груз, который они везут, не предназначается Германии. Всем норвежским пароходам приходилось заходить в английские гавани для проверки, причем для выхода в Северное море, омывающее берега Соединенного Королевства, Норвегии, Дании и Германии, требовалось особое разрешение британских властей.

Когда в войну вступили Соединенные Штаты, Христиании пришлось испытать на себе уже совместное давление Лондона и Вашингтона. Значительную часть своего торгового флота Норвегии пришлось отдать в аренду англичанам и американцам. Однако Антанта уже не довольствовалась одним лишь участием молодого скандинавского королевства в блокаде Германии, но потребовала от него и чисто военных мер.

За годы войны ее активно действовавший торговый флот понес самые большие потери среди кораблей всех нейтральных

стран. С 1914 по 1918 гг. на минах и торпедах подорвалось и затонуло 889 норвежских судов, погибло около 2 тыс. норвежских моряков.

И все же мировая война обернулась для нейтральной Норвегии в буквальном смысле золотым дождем – государственный золотой запас к концу 1918 г. увеличился по сравнению с довоенным более чем в 3 раза, благодаря потокам иностранной валюты и золота было создано 75 новых банков (кстати, норвежские банки предоставили воюющей Германии кредиты на общую сумму свыше миллиарда современных долларов). Капитал всех банков королевства за время войны увеличился в 7 раз, а размеры банковских вкладов норвежцев выросли в 4 раза.

После Норвегии русским беженцам предстояло добраться до Швеции и пересечь ее, двигаясь к границам русской Финляндии. Именно «пересечь», так как традиционный и относительно короткий маршрут морем стал не безопасен (минирование Балтийского моря велось практически постоянно как германскими, так и русскими кораблями). Приходилось искать возможность добраться до России по железной дороге, что значительно удлиняло путь домой[94].

Расторжение в 1905 г. унии с Норвегией, существовавшей с 1814 г., стало сильнейшим ударом по самолюбию шведов. Оно изменило не только геостратегическое положение страны, но и политическую платформу шведского руководства – «панскандинавизм».

Шведская политика строилась на принципах «безусловного нейтралитета», который подкреплялся демонстрацией взаимного сотрудничества (в том числе военного) Швеции и двух других скандинавских государств.

В декабре 1914 г. по инициативе короля Густава V в Мальмё состоялась встреча трех королей скандинавских стран, на которой представители Швеции, Дании и Норвегии официально заявили о намерении оставаться вне войны. Основным принципом скандинавской политики этого периода шведский король выдвинул охрану и поддержание нейтралитета, который обязались соблюдать все три государства. Для практической защиты провозглашенного нейтралитета Швеция предоставила значительные военные силы, обеспечивавшие охрану на море и на побережье.

Политика строгого нейтралитета вызывала неоднократные конфликты с воюющими сторонами, стремившимися «притормозить» шведскую внешнюю торговлю. Антанта внимательно следила за шведским экспортом в Германию, а с

другой стороны немецкие мины и подводные лодки угрожали шведским транспортам, идущим в Великобританию. По оценкам страховых компаний, число потопленных шведских судов за период 1914–1918 гг. достигло двухсот восьмидесяти.

Связанные с войной события накладывали сильный отпечаток на все сферы общественной жизни. Растущую роль стал играть германский фактор, отрицательно влиявший на российско-шведские отношения.

Российская сторона вела себя со шведами весьма деликатно. «За последнее время много говорилось о настроении, теперь господствующем у наших северных соседей в Швеции, – отмечал министр иностранных дел С.Д. Сазонов, выступая перед депутатами Государственной думы. – Из слов, произнесенных недавно ее государственными деятелями, выводились различные заключения. Наше дружественное отношение к шведам и наше искреннее желание поддержать с ними самые лучшие добрососедские отношения до того общеизвестны, что мне едва ли нужно его еще раз подтвердить.

Мы вместе с тем вполне отдаем себе отчет в неизбежных затруднениях, создаваемых шведской торговле, благодаря положению страны, окруженной воюющими державами, но я рад отметить прямодушие, с которым шведское правительство оберегает своей нейтралитет, хотя оно заботится в то же время об охране своих отечественных интересов.

Ведущиеся ныне в Стокгольме англо-шведские переговоры, оставаясь на чисто деловой почве, обнаружили у обеих сторон несомненное стремление найти почву для соглашения, и мы искренно желаем, чтобы эти переговоры пришли в скором времени к успешному окончанию»[95].

Несмотря на стабильную экономику и внутриполитический консенсус, социально-экономическое положение страны с каждым днем обострялось. В связи с началом войны на три дня объявили банковский мораторий, а после возобновления работы банков иностранные деньги перестали принимать. Началась мобилизация, въезд и выезд из страны, а также движение по железным дорогам перешли под контроль военных.

В это неспокойное для Швеции время к ее берегам хлынули потоки русских беженцев из Германии и Норвегии. В первой половине августа их количество составляло в среднем 1000–1500 человек в сутки. После 8—11-часового пути они прибывали из Осло в Стокгольм. Предполагалось, что дальше, до России суда пойдут через финский порт Або. Однако сразу же после объявления войны эта пассажирская линия закрылась. Последний пароход в Россию отошел из Стокгольма в субботу 19 июля / 1

августа вечером, а уже на следующий день, распоряжением финляндского генерал-губернатора, доступ иностранных судов в порт Або запретили. Таким образом, все прибывающие беженцы на какой-то период сосредоточивались в Стокгольме, и их надо было где-то размещать и чем-то кормить.

Личный состав российской миссии состоял из посланника и двух секретарей, а также одного генерального консула.

Миссию России в Швеции в это время возглавлял Анатолий Васильевич Неклюдов, известный дипломат, действительный статский советник, камергер. Окончил Московский университет. В 1881 г. поступил в МИД: служил секретарём представительств в Болгарии, Константинополе, Сербии и Штутгарте, советником во Франции. В 1911–1914 гг. – посланник России в Болгарии. С 1914 г. Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр в Швеции[96].

Как и в других русских загранучреждениях, принимавших беженцев, оказываемая помощь концентрировалась на двух аспектах – финансовом и организационном. Иными словами, где взять деньги на выдачу пособий и по какому маршруту отправлять измученных людей (в основном женщин и детей).

Активность германского флота на Балтике нарастала, и шведские судоходные компании с неохотой брались за перевозку русских. Приходилось изыскивать различные, ранее неизведанные пути отправки соотечественников.

Одно из выбранных сухопутных направлений – *Стокгольм-Торнио*. Расстояние до этого городка на финской границе превышало тысячу километров. Таким длинным и неудобным маршрутом раньше никто не пользовался, поэтому он не располагал необходимой инфраструктурой, отсутствовали и пункты питания. Тем не менее российской миссии удалось настоять на оперативной организации перевозок, и уже 20 июля / 2 августа из Стокгольма вышел первый поезд с беженцами. Большим успехом дипломатов было то, что им удалось договориться с управлением шведских железных дорог о бесплатном проезде по данному маршруту. Это было тем более важно, что, не располагая первое время никакими дополнительными поступлениями из МИДа, миссия оказывала материальную помощь на свой страх и риск из фонда заработной платы сотрудников.

Удалось договориться и с военными, которые предоставили в распоряжение русских беженцев бесплатное размещение в казармах, а в нескольких местах (на станции прибытия) организовали пункты питания, где русских кормили бесплатно и выдавали им сухой паек на дорогу до границы. Всех больных, а их

было немало, прямо с вокзала отправляли в больницу.

Роль Швеции в оказании помощи русским беженцам высоко оценивалась российской стороной. Выступая 27 января 1915 г. в Государственной думе, министр иностранных дел С.Д. Сазонов особо отметил «заботливость, с какой относилась к русским путешественникам Швеция, через которую лежал путь этих несчастных жертв германского насилия. О таком сердечном обращении шведов свидетельствуют все прибывающие сюда русские, и я надеюсь, что это послужит новым поводом к закреплению наших добрососедских отношений, упрочения и развития коих мы, со своей стороны, искренне желаем»[97].

Посильную помощь оказывало местное отделение «Армии Спасения», с которой активно сотрудничали многие шведы. Подключился к работе с беженцами и созданный под председательством супруги посланника, г-жи Неклюдовой Русский комитет для оказания помощи русским путешественникам.

Комитет имел собственное помещение в гостинице «Континенталь», находящейся напротив вокзала. Его казначеем являлся священник отец Румянцев. Волонтеры предоставляли всю необходимую информацию – адреса миссии и генерального консульства, подходящей гостиницы, имеющей свободные помещения, и т. д. По прибытии больших партий рабочих из Германии или Америки миссия поручала членам Комитета подыскать необходимое для них помещение, и затем вся партия отправлялась в Россию также при содействии Комитета. Эта добровольная и безвозмездная поддержка представляла особую ценность в Швеции, где без знания местного языка весьма трудно чего-либо добиться.

Комитет также оказывал миссии полезные услуги по выяснению подлинного материального положения путешественников, ибо, как это отмечали консульские работники, не раз бывали случаи, когда лица, обладавшие достаточным количеством денег для возвращения в Россию, все же являлись в миссию или консульство с целью получить субсидию.

Поскольку прибывающие из Германии, вступив на шведскую территорию, нуждались в немедленной помощи, российскому нештатному вице-консулу в Мальмё поручалось снабжать их необходимыми средствами, отправлять в местные больницы и обустраивать тех, кто не мог, после перенесенных в Германии страданий, продолжать путешествие.

Вот что сообщала в июльские дни 1914 г. Петроградская газета «Новое время»:

«Вчера, 28-го июля, прибыл экстренный поезд из Торнио с

русскими, которые собрались в Копенгагене из разных мест Германии после целого ряда нравственных и физических оскорблений. Государыня Императрица Мария Феодоровна приняла участие в положении русских людей и снарядила два поезда, из которых первый прибыл вчера. Из Копенгагена русских людей доставил особый пароход на шведский берег в г. Мальме, где был подан поезд. На нем, минуя Стокгольм, русские люди бесплатно доехали до последней северной железнодорожной станции. Оставалось 27 километров до Торнио. Этот путь был совершен на автомобилях и лошадях. Благодаря заботам заведующего отделом Императорских поездов А.Н. Стародубцева пассажиры упомянутого поезда пользовались всеми удобствами. На означенном поезде прибыли князь Урусов, князь Волконский, князь Багратион.

Прибывшие русские путешественники передают, что русский генеральный консул в Данциге и консул в Мангейме арестованы немецкими властями. Консул в Бреславле барон Шиллинг рассказал корреспонденту Санкт-Петербургского телеграфного агентства, что он также был арестован в течение 19 часов и сидел в арестантской камере. После освобождения от ареста он выехал с женой и детьми, причем подвергаясь всяческим неприятностям, в воинском поезде был доставлен в Кенигсберг, где подвергся обыску; из Кенигсберга он был отправлен в Инстербург, а оттуда в Пиллау, где сел на норвежский пароход и прибыл сюда.

Возвращавшиеся из-за границы по территории Германии член Государственного совета Н.Н. Шрейдер с супругой и министр народного просвещения Л.А. Кассо были жестоко избиты до потери сознания.

Прибыли лишь те, которым удалось воспользоваться 48-часовым сроком, в течение которого русским было предложено покинуть пределы Германии».

Маршрут Стокгольм-Торнио не смог, однако, обеспечить отправку того большого контингента беженцев, которые прибывали в Швецию, – не хватало подвижного состава, да и не все могли благополучно перенести столь длительный путь домой. Ведь, проехав от Стокгольма до Торнио более 1000 км, путникам предстояло еще 740 км ехать до Хельсинки. Весь маршрут занимал не менее 10 дней.

Неразвитость путей сообщения в довоенное время сильно препятствовала развитию российско-шведских экономических связей, но царское правительство не обращало на это внимания, поскольку Швеция не являлась приоритетным торговым партнером. Все сообщение шло по финляндским железным дорогам и на судах финляндского пароходства. Ежегодно в

Стокгольмский порт заходило в среднем около 490 судов под российским флагом, из них 460 – финляндских. Железнодорожное и морское расписание было подчинено интересам прямого и беспрерывного сообщения Великого Княжества Финляндского с Западной Европой. Сообщение между Петербургом и Стокгольмом происходило через Або (Турку) и в меньшей степени через Гангут (Ханко). Расписание поездов, прибывающих из Петербурга и отходящих обратно, не было согласовано с расписанием судов. «Скорый» поезд из Або в Петербург проходил 575 км за 18 часов 40 минут, имея в пути 59 остановок.

Вопросы выбора дополнительного маршрута обсуждались 25 июля / 7 августа А.В. Неклюдовым с проезжавшим через Стокгольм начальником Финляндских железных дорог графом Бергом, а также Эммануилом Нобелем и представителями шведских и финских судоходных компаний. Речь шла о восстановлении пароходного сообщения через один из российских портов в Ботническом заливе. В качестве такого перевалочного пункта выбрали финский порт Раума, и беженцев вновь стали отправлять морем.

7 сентября 1914 г. германцы совершили рейд в Ботнический залив тремя крейсерами, утопив финский пароход «Улеаборг», с которого они взяли в плен возвращавшиеся из России англичан. После этого случая миссия старалась «сортировать» пассажиров: все официальные лица и, по возможности, мужчины от 17 до 45 лет направлялись по железной дороге на Торнио, остальные – главным образом женщины и дети – морем на Раума. К сожалению, очень скоро – 24 ноября / 7 декабря, наткнувшись на германские мины, в Ботническом заливе взорвались три шведских парохода. После этого морское сообщение с Россией вновь прервалось, и остался единственный путь – сухопутный на Торнио.

В донесениях российских дипломатов в МИД немало говорится о тяжелых испытаниях, постигших соотечественников. «Непрерывно следовавшие один за другим транспорты беглецов до того затрудняли путь до финляндской границы, что о немедленном продолжении путешествия не могло быть речи, – сообщает упоминавшийся выше бывший российский консул в Штеттине Л.Ф. Цейдлер. – Прибыв в Стокгольм, я обратился в наше генеральное консульство, но туда вместе с остальной публикой допущен не был. Пришлось самому искать наиболее удобный путь для возвращения, пролегающий через Раума в Финляндии. Только на одиннадцатый день пути я прибыл в Выборг»[98].

Посланник России в Испании Ю.Я. Соловьев, возглавлявший короткое время, будучи в отпуске в Петрограде, Справочный отдел МИД, возвращался в это нелегкое военное время в Мадрид Северным путем – через Торнио, Хапаранда и Стокгольм. Вот как описывает он свое путешествие: «Северный путь – единственная связь между Россией и Западной Европой в течение всей войны. Путешествие через Финляндию и Швецию при полной неорганизованности этого пути для массового передвижения русских за границу и обратно было своего рода скачкой с препятствиями. От конечной железнодорожной станции Торнио до пограничного шведского города Хапаранды пришлось ехать по крайне неудобной скользкой дороге. Навстречу нам изредка попадались поезда, переполненные русскими, возвращающимися из Германии. Дважды я встречался с ними на станциях и видел, в каком жалком виде они возвращались; почти у всех у них был потерян багаж»[99].

Как часто бывает в России, пострадавшие соотечественники, к которым внимательно и заботливо отнеслись за рубежом, провожая их на родину, оказавшись дома, столкнулись с полным безразличием властей. В связи с отсутствием элементарной (в первую очередь медицинской) помощи, нехваткой денег на пропитание «возвращенцы» оказались в бедственном положении сразу же после пересечения границы Российской империи. После многочисленных жалоб МИД направил генерал-губернатору Финляндии Ф.А. Зейну официальное письмо с просьбой принять меры к тому, «чтобы русские подданные, переехав отечественную границу, равным образом не оставались без надлежащих забот со стороны местных властей или общественных организаций, и чтобы им была обеспечена возможность доехать без лишений до места их жительства в империи»[100]. Только после этого местные власти увеличили количество поездов, идущих от шведской границы, организовали первичный медицинский осмотр и кое-где открыли пункты бесплатного питания.

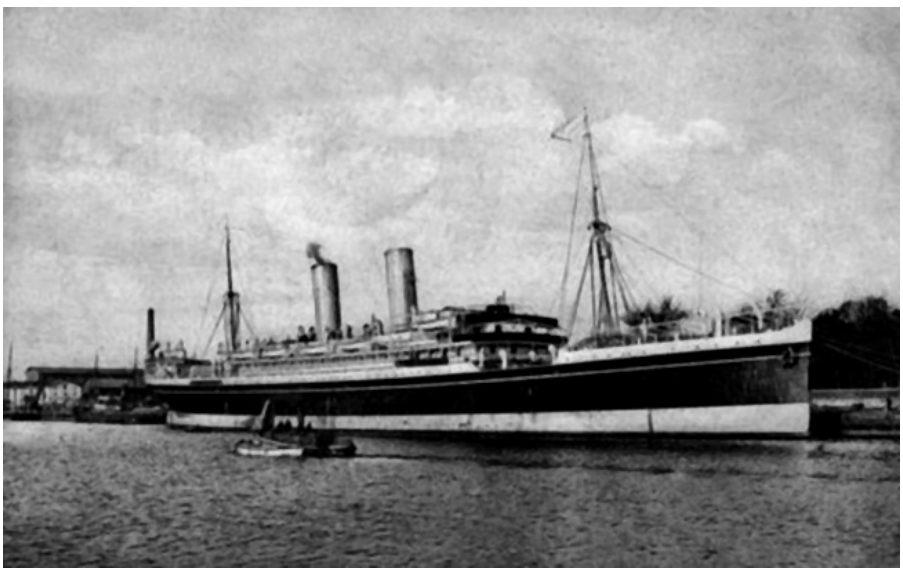
Александр Петрович Извольский (6 марта 1856, Москва − 16 августа 1919, Париж) – министр иностранных дел России в 1906–1910 гг. После отставки с поста министра иностранных дел, в 1910 г. Извольский – посол в Париже (до 1917 г.). Сыграл видную роль в консолидации Антанты и в подготовке 1-й мировой войны 1914–1918 гг. В мае 1917 г. вышел в отставку и впоследствии, находясь во Франции, поддерживал военную интервенцию против Советской России

Альберт I (фр. Albert I; 8 апреля 1875, Брюссель – 17 февраля 1934) – король Бельгии. Вскоре после Сараевского убийства 3 июля 1914 г. в личном письме кайзеру Вильгельму Альберт известил его о нейтралитете своей страны. Однако германские войска нарушили нейтралитет Бельгии и вторглись на ее территорию. Альберт стал, согласно 68-й статье Конституции, главнокомандующим бельгийской армией. До конца войны бельгийцы во главе с королем, несмотря на неравенство сил, удерживали небольшой плацдарм на своей территории. Российский император Николай II 5 сентября 1914 г. наградил его орденом св. Георгия 4-й степени, а в ноябре того же года пожаловал ему и 3-ю степень этого ордена

Граф Алексей Алексеевич Игнатьев (2 марта 1877 – 20 ноября 1954) – с 1907 г. военный агент в Дании, Швеции и Норвегии; с 1912 г. военный агент во Франции. После Октябрьской революции оставался во Франции; в 1925 передал советскому правительству находившиеся в его распоряжении российские денежные средства; работал в советском торгпредстве. С 1937 г. – в СССР; преподавал в высших военных учебных заведениях. Генерал-лейтенант Советской армии

Василий Романович Бахерахт (с рождения получил имя Вильгельм Александр Карл Роберт; 1 апреля 1851 – 5 октября 1916, Берн) – посол Российской империи в Швейцарии (1906–1916)

Беженцы на дорогах Европы



Грузо-пассажирский пароход Добровольного флота России «Курск», предоставленный для транспортировки беженцев из Генуи

Глава 5
В нейтральных и союзных странах

Проблема помощи российским подданным, оказавшимся по тем или иным причинам в воющей Европе, оказалась значительно сложнее, чем представлялось в первые дни войны. Во многом за счет ее многоплановости и затратности – целый клубок организационных, юридических и финансовых вопросов, с которыми МИД никогда ранее не имел дела. Эта гуманитарная деятельность встречала постоянное противодействие со стороны Военного министерства и Министерства финансов, настаивавших на ее «нерентабельности».

Основной вид помощи соотечественникам заключался в выдаче им денежных ссуд для возвращения домой. Ссуды на проживание в данной стране предоставлялись лишь в порядке исключения либо лицам, принудительно задерживаемым в неприятельских странах в качестве военнообязанных, либо больным, состояние здоровья которых лишало их возможности вернуться в Россию. Суммы выдавались настолько мизерные, что давали возможность покрыть расходы, вызываемые лишь крайней необходимостью. Предусматривалось, что возврат ссуд будет обеспечен внесением соответствующих записей об их выдаче в заграничные паспорта получателей. Контрольные функции поручались учреждениям МВД, обменивающим заграничные паспорта на внутренние. Непосредственное же возмещение возлагалось на Казенные палаты (губернские отделения Министерства финансов), которым МИД передает подробные списки лиц, получивших за границей упомянутые ссуды.

Наряду с российскими дипломатическими и консульскими учреждениями, предоставлявшими денежные пособия в союзных и нейтральных странах, в Германии и Австро-Венгрии (кроме Будапешта) этим занимались испанские дипломаты, в Будапеште – американские, в Турции – итальянские и американские, а в Болгарии – нидерландские дипломаты. Такая многоплановость создавала трудности с отчетностью и, по-видимому, способствовала казнокрадству.

Контингент лиц, которым требовалась помощь, постоянно расширялся. В частности, за счет русских эмигрантов из США, Канады, Аргентины и Бразилии. Кто-то из них возвращался из чувства патриотизма для вступления в армию, но значительно большая часть с другими целями. Во-первых, чтобы воссоединиться с пострадавшими от войны родственниками,

бежавшими во внутренние губернии из оккупированных германцами районов. Во-вторых, из-за существенного падения заработков вследствие порождаемого войной торгово-промышленного кризиса.

Возвращавшиеся из Северной Америки эмигранты следовали в Россию через Англию, Норвегию и Швецию, а прибывающие из Южной Америки высаживались во Франции. Во Францию же направлялись русские подданные из Италии и Швейцарии. Эта категория лиц, как правило, отправлялась в путь без денег, оплатив лишь проезд и пропитание на пароходе до ближайшего транзитного порта. Оказалось, что российские беженцы есть практически во всех европейских странах. В Швейцарии немало туберкулезных больных, в Египте сосредоточились беженцы из Турции, а в Греции – русские подданные, попавшие туда из Италии, Болгарии и Сербии.

В государствах-членах Антанты или в нейтральных европейских странах в летний период традиционно скапливалось множество русских семей. Причины разные – учеба в университетах, работа на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве, лечение и отдых на морских курортах. Среди них встречались депутаты Государственной думы и другие влиятельные лица, требовавшие к себе повышенного внимания. Скопилось и немало политических эмигрантов. Словом, публика разнородная, но весьма требовательная.

Как и в Северной Европе, российские загранучреждения в западной части европейского континента не отличались многочисленностью штатов, да и работа у них ориентировалась в основном на чисто дипломатическое представительство и оказание традиционных консульских услуг. Поэтому толпы соотечественников, наводнившие в первые же дни войны помещения посольств, миссий и консульств, вызвали растерянность и даже некоторый испуг у дипломатов, привыкших к другому образу жизни.

Такие настроения нередко проскальзывают в донесениях, поступавших в этот период в МИД России. Заметно и определенное недовольство дипломатов эгоизмом соотечественников, их стремлением все свои трудности переложить на консульских работников, обвиняя их – заслуженно и незаслуженно – в недостаточном содействии. Так, будущий министр иностранных дел, депутат Государственной думы П.Н. Милюков, побывавший в этот период за рубежом, обвинял дипломатов в грубости: «Поражает уверенность наших консулов за границей, что они существуют вовсе не для надобностей русских подданных, путешествующих за границей, а для своего

собственного успокоения. Грубость обращения с русской публикой, как с нарушителями душевного покоя консула, к сожалению, есть черта, которая повторяется на пространстве годов, а не только сказалась в июле, августе 1914 г. Это есть чувство человека, потревоженного в обычном исполнении своих обязанностей, в круг которых он не вводит общение с русскими подданными за границей»[101].

В наши дни трудно определить степень обоснованности выдвинутых Милюковым обвинений, но каждый дипломат, имеющий опыт консульской работы, подтвердит, что и посетители консульских учреждений ведут себя далеко не всегда корректно (а во многих случаях «нахраписто»), нередко требуя того, что не предусмотрено законодательством.

Одной из первых стран, захваченных Германией, стала **Бельгия. 2** августа **1914** г. Берлин предъявил нейтральной Бельгии ультиматум с требованием предоставить ее войскам свободный проход к границам Франции. После официального отказа 4 августа германская армия вторглась в Бельгию. Вскоре выяснилось, однако, что германский генштаб недооценил патриотизм рядовых бельгийцев и политическую волю руководства страны. Агрессору оказали упорное сопротивление, остановив его на рубеже Льеж – Намюр. Здесь немцы застряли с **4** августа по **12** сентября, что дало возможность Франции завершить мобилизацию.

В эти трагические дни особенно остро прозвучали стихи великого бельгийского поэта Эмиля Верхарна «Герои Льежа»:

Вы, люди завтрашнего дня!
Быть может, все сметет вдоль наших побережий
Клятвопреступная смертельная война,
Но не забудет ввек под Солнцем ни одна
Душа – о тех, кто чашу пил до дна
Там, в Льеже!

Героическое сопротивление Бельгии превратило ее города и селения в груду дымящихся руин. Сотни расстрелянных, в том числе женщины и дети. Память о них до сих пор сохранилась в названиях улиц Льежа, Намюра и Брюсселя. По дорогам страны потянулись вереницы беженцев, среди которых немало русских.

Кто они и как оказались в этих краях? Во-первых, молодежь. Только в Льежском университете обучалось около 1,5 тыс. русских студентов. Не меньшее число их было в специализированных вузах Брюсселя, Гента, Жамблу, Вервье и Лувена. Во-вторых, несколько тысяч шахтеров на угольных

разработках в Шарлеруа, рабочие на металлургических предприятиях, многочисленные торговцы и предприниматели, занимавшиеся куплей-продажей текстильных изделий и бриллиантов. Наконец, так же, как и в ряде других стран, туристы, приехавшие отдохнуть на морском побережье и подлечиться в местных санаториях. В одном лишь Антверпене российская община насчитывала не менее 5 тыс. человек. Разумеется, в том же Антверпене – одном из крупнейших морских портов мира – постоянно находилось по несколько сотен моряков (в основном финны и поляки).

Как и в наши дни, российские дипломаты любили Бельгию. Всемирно известные памятники церковного зодчества Гента и Брюсселя, Брюгге с его венецианскими каналами – все в этой богатой традициями стране доставляло удовольствие. В справочнике МИДа, изданном в 1914 г., немало лестных слов о бельгийской столице – Брюсселе. В нем, в частности, отмечается, что центральное положение Брюсселя в географическом отношении, а также сравнительная дешевизна жизни, делают этот пост весьма привлекательным для дипломатической службы. Интенсивность двусторонних торгово-промышленных контактов дает возможность «обрастать полезными связями». Однако в консульском отношении служба требует «особого внимания к паспортному делопроизводству, объемы которого значительно выше, чем в других миссиях Европы. Все это, вместе с обычной дипломатической перепиской, требует от кандидата на дипломатическое место в Брюсселе серьезной подготовки не только в чисто дипломатическом, но и в консульско-нотариальном отношении, а также соответствующей работоспособности.

Однако эти сложности дипломатической службы в Брюсселе вполне вознаграждаются теми, приятными почти во всех отношениях условиями жизни, какими может легко обставить себя русский дипломат в Брюсселе. Этот европейский центр делает доступными для дипломата все блага современной цивилизации»[102].

Возглавлял российскую миссию князь И.А. Кудашев, выходец из старинного дворянского рода, происходящего из Золотой орды. Отец его был директором крупного киевского частного банка, брат – Николай – также дипломат, известный специалист по Китаю. Иван Александрович в 1879-м окончил Пажеский корпус. Затем вступил корнетом в лейб-гвардии Конный полк, в 1882-м переведен в резерв гвардейской кавалерии. Потом на дипломатической службе: в 1896 г. первый секретарь миссии в Копенгагене, а в 1901-м назначен министром-резидентом в

Гессене и Саксен-Кобург-Готе. В 1906–1910 гг. служил посланником в Дании, а с 1910 г. – аккредитован в качестве Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра при бельгийском королевском дворе[103].

В первый же день германского вторжения Кудашев направил в Петроград телеграфное сообщение о заявлении, сделанном ему министром иностранных дел Бельгии. В нем говорилось: «Бельгийское Правительство с прискорбием должно сообщить российскому императорскому Правительству, что сегодня утром вооруженные силы Германии в нарушение установленных договором обязательств вступили на бельгийскую территорию. Королевское Правительство твердо решило сопротивляться всеми средствами, находящимися в его распоряжении. Бельгия обращается к Великобритании, Франции и России как к державам-поручительницам с призывом о сотрудничестве в защите ее территории. Это будет согласованная и общая акция, имеющая целью сопротивление насильственным мерам, примененным Германией к Бельгии, и вместе с тем гарантией независимости и неприкосновенности Бельгии в будущем. Бельгия счастлива возможностью заявить, что она возьмет на себя защиту укреплений»[104]. В ответ Николай II поручил посланнику выразить свое отношение к происходившему. В телеграмме королю Альберту I, переданной Кудашевым, есть такие строки: «С чувством глубокого восхищения мужественной бельгийской армией, Я прошу Ваше Величество поверить в Мою сердечную симпатию и принять Мои лучшие пожелания успеха в этой героической борьбе за независимость своей страны»[105].

Зверства немецких оккупантов на бельгийской земле вызвали поголовное бегство гражданского населения в прибрежные города Северного моря – Зеебрюгге, Антверпен, откуда можно было перебраться через Ламанш. Русские же все устремились в Брюссель, рассчитывая на содействие и защиту со стороны представителей России. Поскольку промышленное производство прекратилось, рабочие лишились заработка. Студенты были традиционно бедны, а «курортники» – даже некогда богатые – стали нищими, так как обмен рублей на местную валюту прекратился[106].

По требованию И.А. Кудашева брюссельское отделение Петроградского международного коммерческого банка с понятным неудовольствием согласилось принимать рубли по льготному курсу (200 франков за сто рублей), но только на основании выдаваемых консульством удостоверений о том, что предъявитель – русский подданный и заслуживает содействия банка. При этом на обмен принималось не больше ста рублей от

каждого отдельного лица. Позже эту проблему решили более простым способом, поскольку миссия получила указание МИДа о порядке обмена русских денег в российских миссиях и консульствах по льготному курсу 250 франков за сто рублей. Содействие банка оказалось излишним, и русские деньги менялись как миссией, так и в подведомственных ей консульствах.

Оперативное решение финансовых вопросов облегчило возможность возвращения домой тем немногим, кто лишь случайно, вследствие прекращения нормальных сообщений, оказался в затруднительном положении. Однако проблему удалось решить лишь частично, поскольку основной контингент не имел ни гроша.

Как и во многих других европейских государствах, военные действия привели в Бельгии к резкому подъему активности гражданского общества. Наряду с существовавшими ранее благотворительными организациями возникали новые комитеты, комиссии, фонды по оказанию помощи пострадавшим гражданам, независимо от их национальности или принадлежности к тому или иному государству. Что касается помощи российским подданным, то с инициативой, как правило, выступали дипломаты, но реализовывали ее волонтеры при широкой поддержке местного населения. Так случилось и в Брюсселе.

Общественным центром русской колонии уже многие годы являлись православная церковь, клуб и читальня. На их базе решили создать Комитет взаимопомощи. Представители избранного Комитета предложили миссии свои услуги по организации помощи неимущим. Они арендовали пустующий дом для устройства в нем общежития или, скорее, ночного убежища, помещение же, занимаемое русским клубом, превратили в столовую.

Располагая небольшим капиталом, образовавшимся из частных пожертвований, миссия смогла предоставить Комитету денежные средства, необходимые для оборудования ночлежного дома и столовой. Для дальнейшего существования этих заведений членами Комитета, а также сотрудниками миссии и консульства собирались частные пожертвования. Кроме того, до выезда миссии из Брюсселя Комитету выделили дополнительно 600 франков[107].

Столовая, открытая русским Комитетом, пользовалась большой популярностью, и в ней кормились не только неимущие, которым обеды отпускались бесплатно, но и лица, имевшие достаточные средства, чтобы заплатить за еду весьма скромную цену, назначенную Комитетом.

Более сложным оказалось организовать ночлежный дом для рабочих. Выяснилось, что его меблировка слишком дорога, и поэтому вместо кроватей пришлось довольствоваться сеном и соломой, на которых ночевали бездомные беженцы. Представители интеллигенции размещались по частным квартирам, с хозяевами которых Комитет заключал особые соглашения. В результате, хотя подобная «сортировка» разнородных по происхождению, образованию и достатку подданных вызывала определенное недовольство, Комитету удалось предотвратить более серьезные столкновения и трения, которые могли бы произойти в условиях сосредоточения этих лиц в общем помещении. Деятельность благотворительного Комитета оказывала существенную поддержку миссии, давая возможность консульским работникам сосредоточиться на юридических вопросах и организации транспорта. Миссия выдавала заверенные печатью купоны на проезд в Лондон и Париж, которые обменивались в железнодорожной кассе на соответствующие билеты. Когда немцы оккупировали Брюссель, в нем остались только те русскоговорящие, которые привыкли считать Бельгию второй родиной и прервали все связи с Россией.

С наибольшими сложностями в работе с российскими беженцами столкнулись сотрудники **консульства в Антверпене.**

Население этого всемирно известного морского порта состояло из людей многих национальностей, говоривших на разных языках. Простые люди занимались обслуживанием судов, перевозкой товаров и рыбной ловлей. Богатые – банковским делом и торговлей бриллиантами. Русскоговорящая колония (в основном евреи и поляки) была довольно многочисленной.

В городе работали консульства 22 государств. По численности эти учреждения невелики – как правило, по 3–4 сотрудника. Такое же штатное расписание и в российском консульстве, деятельность которого концентрировалась на обслуживании судов и работе с моряками, служившими на иностранных судах. Как докладывали в Петербург консульские работники, «в течение летних месяцев этот беспокойный элемент не причиняет больших хлопот, так как моряки легко находят места на иностранных судах. Наплыв назойливых просителей начинается с сентября и продолжается до мая месяца. Что касается русской колонии, то она состоит исключительно из евреев, а поскольку на месте существует несколько еврейских благотворительных обществ, то консульству мало приходится иметь дело с выдачей им пособий. Основная работа заключается в выдаче и продлении паспортов, легализации документов, оповещении военнообязанных о сроках призыва, оформлении

наследств и браков»[108].

Дыхание войны консульские работники в Антверпене ощутили еще за день до ее начала, когда к ним обратились несколько русских военных, которых германские власти не пропустили через границу. В тот же день просителей отправили на шведском пароходе в Норвегию. На следующий день в консульство прибыла новая партия соотечественников. Ими оказались более 200 эмигрантов из Америки, возвращавшихся домой. Капитан парохода, зафрахтованного до Петербурга, отказался следовать дальше в связи с началом военных действий и высадил всех пассажиров в Антверпене. Эмигрантов удалось временно разместить на русском судне «Рудольф», где в течение трех недель их кормили бесплатно.

В консульство стали в большом количестве обращаться русские подданные с просьбой о подтверждении подлинности их документов. По распоряжению антверпенских властей все иностранцы, прибывшие в город после начала военных действий, должны были немедленно покинуть его. Поэтому консулу приходилось удостоверять время прибытия в Антверпен того или иного лица. Выяснилось, что в консульском округе проживает не менее 500 военнообязанных, состоявших в запасе или в ополчении, которым делались отметки в паспортах о невозможности явиться в срок в Россию для отбытия воинской повинности по независящим от них причинам.

Чрезмерное скопление русских подданных, не владевших иностранными языками и подвергавшихся частым арестам из-за пьяных драк, причиняло консульству немало хлопот. Норвежский поэт Нурдаль Григ, проплававший не один год на торговых судах, с исчерпывающим реализмом описал царящую в портах обстановку:

Гавань утехой грубой
Скалит мне пьяный рот.
Драки, попойки, ругань —
Дым коромыслом идет.
В кубрике, как в борделе,
Много часов подряд
Пьют, бранятся и делят,
Жрут, ножами грозят[109].

Перед консульством происходила постоянная давка. Один из назойливых посетителей даже схватил за горло консульского секретаря. Во избежание повторения подобных случаев грубого насилия со стороны особо «нетерпеливых» посетителей пришлось

установить постоянное дежурство жандармов.

Посланник в Бельгии И.А. Кудашев неоднократно предпринимал меры по организации массового выезда соотечественников на родину. Первоначально ему удалось договориться с военными властями, предложившими использовать задержанный и стоявший в порту немецкий пароход «*Gneisen.au*». Но правительство Нидерландов отказалось пропустить пароход через устье Шельды, обосновав это тем, что судно, как захваченное в порту воюющей стороной, составляет морской приз и не может быть использовано. С другой стороны, в проходе этого судна по территориальным водам голландское правительство усматривало нарушение своего нейтралитета.

В конце концов Кудашеву удалось добиться согласия англичан на предоставление для беженцев безвозмездно большого парохода «Калипсо» для возвращения их в Россию через Архангельск[110].

С 20 сентября по 10 октября продолжалась германская осада Антверпена. Под градом снарядов из жерл тяжелых орудий, подвезенных немцами и установленных на заранее ими же выстроенных платформах, в порту пылали огромные цистерны с нефтью. Боевые «цеппелины» и самолеты забрасывали несчастный город бомбами. Мирное население в панике бежало из обреченного города десятками тысяч, спасаясь кто куда – на судах в Англию и Францию или на велосипедах в Голландию.

Согласно подсчетам современных историков, жертвами немецкого террора стали около 6 тыс. бельгийцев. Сожжено 25 тыс. жилых домов и других зданий. Полтора миллиона бельгийцев (20 % от предвоенного населения страны) стали беженцами.

К сожалению, как об этом сообщается в донесениях в Петроград из Антверпена, консульским работникам далеко не всех удалось убедить выехать на родину. Немало лиц, особенно среди евреев, упорно настаивали, чтобы им предоставили право остаться в Антверпене, даже когда военные власти стали удалять из крепостного района все гражданское население. «Лишь после того как немцы стали расстреливать из тяжелых орудий бельгийские города, ими овладела паника, и они с той же настойчивостью стали требовать содействия дипломатов к немедленной отправке в Великобританию и Голландию»[111]. Поэтому ко времени эвакуации миссии из Антверпена в этом городе практически не осталось нуждающихся в помощи русских подданных.

В прилегающих к Бельгии **Нидерландах** события развивались по уже знакомому сценарию. Ограниченный штат сотрудников,

тесные помещения миссии и генерального консульства, отсутствие опыта работы с большим количеством посетителей и четких указаний из Петрограда создали непростую ситуацию для дипломатов.

В начале 1914 г. Голландия была крупной и богатой колониальной империей. Ее заморские владения в Ост-Индии (Индонезия) и Вест-Индии (острова Антильского архипелага и Суринам) превышали размеры метрополии более чем в 60 раз. В колониях проживало 38 млн человек, в то время как население собственно Голландии едва превышало 6 млн. По формальному числу подданных Королевство Нидерландов лишь немногим уступало Австро-Венгрии, одной из крупнейших держав начала XX века.

По уровню экономического развития Голландия занимала в 1914 г. пятое место в мире по объему внешней торговли.

Голландия оказалась одной из немногих нейтральных стран Европы, у границ которой сразу же развернулись боевые действия. Поэтому, несмотря на мирный статус, в стране 1 августа началась мобилизация 200 тыс. резервистов. До начала войны голландская армия на своей европейской территории насчитывала всего 60 тыс. человек, но потом ее численность была увеличена до 450 тыс. штыков.

Сразу же после падения Антверпена в Нидерланды хлынули толпы бельгийских беженцев. К октябрю 1914 г. их насчитывалось около 900 тыс. (в основном фламандцев). В специально организованных для беженцев лагерях разместились не только беженцы из Бельгии, но и около 35 тыс. бельгийских интернированных военных, а также свыше 15 тыс. дезертировавших немцев, несколько сотен бежавших из плена англичан, французов и даже несколько десятков русских.

Естественно, что при таких масштабах беженцев нидерландским властям было не до русских, хотя они и оказывали им всю возможную помощь. Первые партии русских отправлялись на последних отходивших из Нидерландов в Норвегию пароходах. Операция эта проходила с большими трудностями – судоходные компании неохотно принимали на борт русских, опасаясь задержки судов немецкими крейсерами. Вскоре прямые пассажирские рейсы между Нидерландами и Норвегией прекратились. Единственным путем в Россию остался маршрут из Великобритании на норвежский Берген или Архангельск.

Основная масса беженцев сосредоточилась в Роттердаме, в котором, несмотря на их регулярную отправку партиями два-три раза в неделю, постоянно проживало до 200 человек.

Большинство составляли студенты из Германии и Бельгии, не имевшие никаких средств. При содействии генерального консульства они размещались в гостинице «Метрополь», принадлежащей «Армии Спасения», а 20 человек находили приют в доме одного из местных меценатов, предоставившего свое жилье бесплатно.

Помимо беженцев в Роттердаме оказалось около сотни русских матросов, оставшихся без работы в связи с прекращением рейсов многих судов, в том числе немецких. В затруднительном положении находились также сотни русских эмигрантов, возвращавшихся из Америки компаниями «Ураниум», «Голланд-Америка» и «Голландию Ллойд». Эти компании, не имея возможности выполнить свои контракты по доставке эмигрантов на родину, стремились сдать их на попечение миссии, настоявшей, однако, на выполнении судовладельцами их контрактных обязательств. В результате в ожидании отправки на родину эти эмигранты содержались за счет названных компаний в портовых бараках Роттердама и Амстердама.

Личный состав генерального консульства в Роттердаме (2 сотрудника) работал самоотверженно.

Посланник в Нидерландах Александр Николаевич Свечин докладывал в Петроград: «Деятельность вверенной мне миссии и особенно нашего генерального консульства в Роттердаме в начале войны была сопряжена с большими затруднениями. Эти затруднения проистекали, с одной стороны, из финансового кризиса, охватившего голландский рынок, а с другой – из-за отсутствия средств, из коих мы могли бы почерпать необходимые суммы для оказания безотлагательно необходимой помощи русским подданным»[112].

А.Н. Свечин возглавлял российскую миссию в Нидерландах с 1912 г. Он начал свою дипломатическую службу в 1880 г. в посольстве в Италии, в 1882-м получил назначение вторым секретарем миссии в Швейцарии, а в 1885-м – посольства в Турции. В 1894-м – третий, в 1895-м – второй и в 1898-м – первый секретарь посольства во Франции. В 1902–1912 гг. – советник посольства в Константинополе.

Начало войны ознаменовалось в Нидерландах небывалой денежной паникой. Все биржи закрылись, банки прекратили выдавать суммы по аккредитивам и даже по текущим счетам. При расплате в магазинах принимались только металлические деньги, размен бумажных купюр был крайне затруднен. С учетом невозможности получения денег по аккредитивам и трудности размена любой иностранной валюты, поставившей даже состоятельных лиц в безвыходное положение, миссия и

генеральное консульство приступили к выдаче ссуд и размену русских денег на голландскую валюту. Поскольку официальные инструкции из Петрограда о выделении дополнительных кредитов на оказание помощи беженцам задерживались, средства на эти цели решили временно взять из фонда заработной платы сотрудников. Это дало беженцам возможность приобрести билеты и располагать хотя бы минимальными средствами на пропитание.

Последующее выделение Центром кредитов миссии для оказания помощи соотечественникам и установление порядка ее выдачи заметно разрядили ситуацию.

После оккупации германскими войсками Бельгии, особенно после падения Антверпена и переезда союзных миссий из Брюсселя в Гавр, императорской миссии в Гааге пришлось оказывать посильную помощь многочисленным русским подданным, оставшимся в этой стране. Миссия стремилась облегчить тяжелое положение русской колонии в Льеже, состоявшей главным образом из учащихся местных учебных заведений. Этот город, оказавшийся отрезанным от внешнего мира, немцы подвергли суровой расправе. Вскоре после его оккупации свыше 400 русских подданных арестовали и впоследствии интернировали в Мюнстерлагере, Цельлагере и других пунктах в Германии. Положение 200 русских, оставшихся в Льеже на свободе, было также незавидным. Они постоянно находились под угрозой ареста, официально лишенные права легальным путем покинуть страну.

Консульским работникам в Роттердаме и Гааге впервые пришлось работать в авральном режиме с такой огромной массой разных по возрасту соотечественников, представителей практически всех имущественных категорий – от банкиров и депутатов Государственной думы до шахтеров и мелких торговцев. Свои наблюдения о поведении этих людей, их желании вернуться на родину (или отсутствии такового) они впоследствии изложили в консульских донесениях в Петроград.

К каким же выводам пришли дипломаты?

Во-первых, при формировании отбывающих в Россию групп миссия неожиданно столкнулась с тем, что около 100 беженцев, получивших ссуды, уклонились от поездки, пытаясь вернуться обратно в оккупированную немцами Бельгию. Многие из выехавших в Англию как в транзитную страну не вернулись в Россию, поступив в учебные заведения в Лондоне или найдя там работу.

Во-вторых, немало людей, главным образом мелких торговцев-евреев, неоднократно обращались за помощью, но не собирались ехать на родину и возвращать полученные деньги.

Большинство из них давно порвало всякую связь с Россией и являлось лишь формально русскими подданными.

Поэтому миссии приходилось с особой осторожностью относиться к просьбам о пособиях и ссудах со стороны этой категории беженцев, большей частью вовсе не желавших возвращаться на родину. Тем не менее, и таким лицам пришлось выдать довольно много ссуд и пособий ввиду их бедственного положения. Всего со времени начала войны миссией и генеральным консульством в Нидерландах оказана помощь почти 1300 лицам, причем зарегистрированы лишь главы семейств, подчас и многочисленных.

Предоставление беженцам бесплатного проезда в Архангельск через Великобританию не облегчило положение дел в Роттердаме. Хотя генеральное консульство продолжали осаждать просьбами о пособиях или бесплатных билетах в Великобританию, нежелание возвращаться в Россию затрудняло деятельность консульских работников, требуя от них тщательной перепроверки данных о просителях, что в условиях военного времени было крайне затруднительно. А ведь главная задача дипломатов состояла в том, чтобы содействовать возвращению русских подданных в Россию, а не содержать их в Нидерландах.

В донесениях российских дипломатов в Петроград, наряду с отчетами о решении практических вопросов, связанных с оказанием помощи российским подданным, содержится немало достойных внимания наблюдений экономического характера. Отмечается, в частности, рост «контрабанды» заморских товаров и сырья в Германию. Так, к 1916 г. поставки из Голландии мяса увеличились в 4 раза, а сыра – в 5 раз по сравнению с довоенным временем. Немцы же расплачивались углем, на котором работала вся нидерландская промышленность.

Легальная и «контрабандная» торговля по обе стороны фронта дала огромную прибыль. Золотой запас страны

за годы мировой войны вырос в 4,5 раза. В 1915–1918 гг. в сейфы центрального банка Нидерландов попало свыше 400 т драгоценного металла, в основном из Германии. К концу войны стоимость золотого запаса Голландии почти в 2 раза превышала общую номинальную стоимость всех бумажных денег, обращавшихся как в метрополии, так и в колониях.

Оказание помощи российским подданным во Франции столкнулось с серьезными трудностями, связанными с большим количеством бельгийских беженцев (около 600 тыс. бельгийцев-валлонов), к которым вскоре присоединились и многочисленные французы (700 тыс.) из северных районов, оккупированных немцами. И это при том, что начало Первой мировой войны

подавляющее число французов встретило с воодушевлением. Президент Франции Р. Пуанкаре так описывал эти дни: «Никогда во всей своей истории Франция не была столь прекрасной, как в эти часы, свидетелями которых нам дано было быть. Мобилизация, начавшаяся 2 августа, заканчивается уже сегодня, она прошла с такой дисциплиной, в таком порядке, с таким спокойствием, с таким подъемом, которые вызывают восхищение правительства и военных властей»[113].

«Опытные гарсоны не успевали менять опорожнявшиеся бутылки шампанского, – докладывал русский военный атташе Алексей Алексеевич Игнатьев. – Денег никто не жалел. Некоторые из этих гарсонов, уже уходившие на фронт, принимали участие в общем празднике: гости подносили им полные стаканы искристого вина. Широчайшие окна витрин и двери были настежь открыты, и скоро ресторан слился с улицей. По ней проходили кучки молодежи. «На Берлин! На Берлин!» – подхватывали они в темп марша этот победный клич. Больно было это слышать. Были ли это люди только невежественны, или просто обмануты? А быть может, они были счастливее меня, не сознавая всей тяжести предстоящей борьбы?»[114].

Те же ощущения о французском патриотизме и о добровольцах, рвущихся на фронт, выразил в своих стихах и Н.С. Гумилев:

…Вышли кто за что: один – чтоб в море
Флаг трехцветный вольно пробегал,
А другой – за дом на косогоре,
Где еще ребенком он играл;
Тот – чтоб милой в память их разлуки
Принесли «Почетный легион»,
Этот – так себе, почти от скуки,
И средь них отважнейшим был он!

Правящие круги страны жаждали реванша за поражение во франко-прусской войне 1870–1871 гг. Уверенность в скорой победе и возвращении захваченные пруссаками Эльзаса и Лотарингии казалась им бесспорной. Ситуация, как известно, сложилась совсем не так, как это планировали французские генералы.

Те, кто побывал в Париже, знают, что в августе город пустеет – жители уезжают на морские курорты и по улицам бродят лишь туристы. На этот раз все по-другому – толпы патриотически настроенных парижан и не меньшее количество иностранцев, обеспокоенных своей судьбой.

В русское посольство, расположенное на тихой улочке Гренель, двинулись соотечественники[115]. Первыми пришли студенты. По традиции, сложившейся с давних времен, Франция являлась одним из главных центров притяжения русского студенчества. В первую очередь, разумеется, Париж, насчитывавший немало учебных заведений с бесплатным образованием. Только в Сорбоннском университете в 1914 г. обучалось 1,6 тыс. студентов и студенток из России, что составляло примерно половину всех иностранцев и 20 % всего французского студенчества. 512 россиян учились на историко-филологическом факультете (специализируясь главным образом на истории французской культуры), 250 – юристы и столько же естественников. На втором месте по численности русских находился университет Нанси, где количество русских студентов выросло с семи в 1903 г. до 450 в 1913 г. Около полусотни русских студентов обучалось в Гренобле, почти столько же в Лионе. Среди первых просителей о помощи оказалось более 20 групп преподавателей и учащихся, совершавших коллективные поездки по приглашению французских школ и университетов, а также и те, кто ранее учился в высших учебных заведениях Германии, а теперь оказались во Франции.

Не имея никаких инструкций из Петрограда, консульские работники не могли ответить на главный вопрос – как и где обменять обесцененные русские деньги, какую ссуду и на каких условиях может выдавать посольство. Тем временем количество просителей росло с невероятной скоростью. Вскоре в Париже появились шахтеры, трудившиеся в бельгийских каменоломнях, и сельскохозяйственные рабочие. К ним присоединились представители интеллигенции и купечества, традиционно отдыхавшие на морских курортах Нормандии и Бретани.

С утра и до позднего вечера соотечественники заполняли обширный двор посольства, коридоры и приемные канцелярии генерального консульства, а также значительную часть приемных и личных помещений, предоставленных послом для просителей.

Две-три недели ушло у сотрудников на организационные мероприятия по порядку и условиям выдачи денежной помощи. Она оказывалась в различной форме: лица, лишенные заработка и не имеющие никаких источников дохода в России, получали пособия. Некоторые, находившиеся в особо тяжелом положении (учащаяся молодежь, художники и т. д.), получали материальную помощь вплоть до 31 декабря 1914 г.

Генерал А.А. Игнатьев, анализируя настроения посетителей и их отношение к войне, писал: «Принимая в свое ведение во дворе посольства неорганизованную и возмущенную толпу, я не

предполагал встретить в ней столь разнообразные и даже враждебные друг к другу элементы. «Я эмигрант, враг царского режима, – заявляет другой [военнообязанный]. – Никаких документов у меня нет, но я желаю защищать свою родину от проклятых немцев». Таких приходится уговаривать не возвращаться в Россию. Некоторые из эмигрантов-патриотов не послушали моего совета и были арестованы русскими жандармами при переезде через финляндскую границу»[116].

Число посетителей было настолько велико, что посольство и генеральное консульство в силу нехватки персонала физически не могли оказать помощь соотечественникам. Выход нашли путем привлечения к консульской работе группы русских, постоянно проживавших в Париже.

Под председательством бывшего секретаря посольства князя Н. Аргутинского-Долгорукова был создан Комитет выдачи пособий, который включился в работу по переводу присылаемых МИД России денег и обмену иностранных денег на местную валюту. Находившееся под председательством супруги посла М.К. Извольской Благотворительное общество также оказывало услуги по выдаче пособий наиболее нуждающимся.

Лица, имеющие источники дохода на родине, но кратковременно лишенные возможности ими воспользоваться в виду затруднительности сообщений с родными, получали ссуды. Обращавшиеся с такой просьбой заполняли соответствующие анкеты, отвечая на поставленные в них вопросы. Каждое прошение внимательно рассматривалось с учетом кредитоспособности просителя. Лицам, имевшим русские деньги, облегчался их обмен по льготному курсу, и, наконец, организована была выдача денег, переведенных родственниками из России через МИД. Операция эта, на первый взгляд простая, осложнялась ввиду значительного количества совершаемых переводов (более 4,5 тыс. мелких переводов, не превышавших 300 франков), искажений имен и адресов телеграфом, плохой работой почты и частой переменой местожительства адресатов.

Обмен денег производился небольшими суммами во избежание спекуляций. Кроме того, по ходатайству посольства парижское отделение Русско-Азиатского банка выплачивало деньги по аккредитивам, не признававшимися парижскими банками.

Что представляли собой российские загранучреждения в Париже, в каких условиях работали дипломаты? Что думали о сотрудниках посольства посещавшие его соотечественники?

Процитируем некоторые высказывания. Уже упоминавшийся ранее М.К. Элпидин писал: «Наше консульство в Париже

помещается в обширном доме, главный корпус которого занят посольством. Внешние размеры помещения позволяют догадываться, что посланник живет широко, просторно и комфортабельно. Под консульство же отведены во флигеле две комнаты, из которых в одной заседает консул, а другая, входная, где стоит стол секретаря, предназначена для приема посетителей. Нам случилось однажды попасть в эту комнатку, и мы надолго сохраним вынесенное впечатление: внешняя грязь, пыль, паутина по стенам, тяжелая атмосфера, насыщенная табаком, и посреди этой обстановки – маленький, юркий секретарь, то поднимающий свой голос до металлических повелительных нот с одними посетителями, то спускающий его до подобострастных и ласково-певучих с другими. Кучка просителей, запуганных, робких и выносящих безропотно гостинодворские остроты и глумления этого нахального и самодержавного чиновника. Все это сразу перенесло нас на далекую родину и воскресило в памяти обстановку канцелярии в каком-нибудь захолустном губернском городе России»[117].

А вот что написано о работе в Париже в мидовском справочнике 1914 г.: «Что делает службу в Париже особенно тяжёлой, так это отвратительное помещение, маленькое, с грязными, низкими стенами и потолком, отапливаемое из экономии печкой «саламандрой», дающей слишком высокую температуру, и действующей, благодаря газам, выделяемым ею, на голову находящихся в канцелярии лиц. Положение усугубляется и тем, что часть состава консульства позволяет себе курить, отчего воздух окончательно портится и приходится прибегать к открытию окон, что зимой сопряжено с опасностью для здоровья. Жизнь консульских чинов в смысле общественном проходит совершенно незаметной, поскольку при наличии посольства все внимание и все почести отводятся составу посольства»[118].

Посольство России во Франции возглавлял талантливый русский дипломат, бывший министр иностранных дел Александр Петрович Извольский.

В МИД Извольский поступил в 1875 г. Вначале служил в Канцелярии МИДа, затем на Балканах под началом посла в Турции князя А.Б. Лобанова-Ростовского, о котором с благодарностью вспоминал как о своем учителе. В 26 лет Извольский назначен первым секретарем российской миссии в Румынии, откуда вскоре переведен на такую же должность в Вашингтон. Затем его продвижение по служебной лестнице замедлилось. Лишь в 1894 г. он получил свой первый самостоятельный дипломатический пост – министра-резидента

России при Папском престоле. В следующем году, после 20 лет службы, Извольского произвели в действительные статские советники. Прослужив три года в Риме, он отправился посланником в Сербию, а еще через три года в той же должности служил при баварском королевском дворе в Германии. Назначение в ноябре 1899 г. посланником в Японию позволило ему оказаться в центре борьбы великих держав за сферы влияния и раздел Китая. Осенью 1902 г. Извольского отозвали из Токио в Петербург, и уже в октябре он получил назначение послом в Данию. Этот пост рассматривался как весьма почетный, поскольку датскую королевскую семью с Романовыми связывали родственные узы. В результате в конце апреля 1906 г. он стал министром иностранных дел России[119].

В историю российской дипломатии А.П. Извольский вошел как мастер политического компромисса – разграничение интересов, выделение сфер влияния, «уступки» и «обмен» территорий третьих держав. Его подход отличался реализмом, не связанным ни с какими политическими традициями или идеологическими догмами. В большом количестве сложных проблем он умел выделить главные, подчинить второстепенные вопросы основным – политическим. В бытность министром А.П. Извольский подготовил модернизацию МИДа, в котором, по его оценке, царили «застой и разложение». Наряду с другими нововведениями он поставил на современный уровень информационную службу министерства, ввел в практику систематическую рассылку копий основных дипломатических документов в заграничные представительства, а также главе правительства и некоторым министрам, что имело положительное значение для согласования деятельности ведомств и принятия совместных решений. Ему удалось сменить всю министерскую верхушку, однако заменить послов и посланников, многие из которых достигли преклонного возраста, он не сумел. Новый министр сократил число дипломатических миссий в Германии и увеличил количество штатных консульств за границей.

После своей отставки в 1910 г. и назначении послом во Францию А.П. Извольский активно работал над укреплением русско-французского сотрудничества[120].

Военное положение Франции стремительно ухудшалось. 20 августа 1914 г. президент Р. Пуанкаре и правительство обратились к стране с манифестом, в котором сообщалось о переезде государственных учреждений в Бордо[121].

«Священная война за честь нации и восстановление попранного права будет продолжаться без устали, –

подчеркивалось в Манифесте. – Везде и повсюду французы встанут на защиту независимости страны, но чтобы придать их борьбе грозную мощь, необходимо, чтобы правительство оставалось свободным в своих действиях. Поэтому по предложению военных властей Парижа правительство переносит временно местопребывание в такую часть территории, где может оставаться в постоянном свободном общении со всем государством, и приглашает членов законодательных учреждений не удаляться от него. Правительство оставляет Париж, приняв все меры к защите города».

Ночью 21 августа президент и правительство выехали в Бордо. В этот же город выехало и посольство России. «Бордо, – отмечает в своих мемуарах Ю.Я. Соловьев, – представлял в это время необыкновенное зрелище. Там находились все французское правительство и все иностранные посольства и миссии. Город был переполнен. Не могу не отметить интересной подробности. Наше посольство выехало из Парижа в полном составе, несмотря на то, что там скопилось много русских, находившихся к тому же в весьма затруднительном материальном положении. Перед опустевшим зданием посольства стояла обыкновенно громадная толпа русских, пришедших туда за помощью. Был образован местный благотворительный комитет, и лишь через несколько дней после выезда посольства в Бордо оттуда в Париж был послан один из консульских чиновников, чтобы позаботиться о русских, оставшихся во французской столице»[122].

Пройдет всего 27 лет, и в июне 1941 г. советское посольство будет покидать Париж в совершенно других условиях. Рано утром 23 июня эсэсовцы штурмом возьмут генконсульство в Париже (посольство в этот период находилось на юге Франции – в Виши), и уцелевших сотрудников отправят в Германию. Что касается посольства, то 30 июня всем его сотрудникам будет предложено покинуть Францию специальным поездом. Вишисты намеревались произвести обмен русских дипломатов на их коллег – французов, но французский посол в Москве, а также все его сотрудники отказались возвращаться в Виши и уехали в США. Лишь в конце июля к пленникам приехал представитель шведского Красного Креста Бернадотт и сообщил, что при посредничестве Стокгольма достигнута договоренность о возвращении советских сотрудников на родину в обмен на дипломатов держав «оси». Возвращение предстояло по маршруту Марсель – Милан – Белград – София. На болгаро-турецкой границе должен был произойти обмен.

Однако вернемся в 1914 г. Часть русских, не желавших или не имевших возможности оставить Францию, после переезда правительства и посольств предпочла также выехать из Парижа.

Более состоятельные уезжали в Бордо. Неимущие, благодаря содействию французских властей, бесплатно эвакуировались в город Тур. В течение первых четырех дней после отъезда правительства и посольств из Парижа в Тур выехало более 1700 русских. Основная масса беженцев направилась на юг и сконцентрировалась в Марселе.

Генеральное консульство России в Марселе по своей значимости для развития российско-французских отношений не уступало посольству в Париже. Естественно, в Париже проходили встречи «в верхах», обсуждались вопросы военно-политической стратегии, но центром практической реализации достигнутых договоренностей (особенно в торговой сфере) все же являлся Марсель. Территория, на которую распространялась юрисдикция генерального консульства, охватывала почти четвертую часть Франции с пятью большими университетскими городами, а также все французские колонии, кроме Алжира и Туниса.

Марсельский консульский округ считался в МИД России одним из самых больших. К сожалению, штатное расписание этого не учитывало. Текучка, связанная с обслуживанием судов и оформлением торговых сделок, заполняла все рабочее время сотрудников. Русская колония в тот период в Марселе была немногочисленна – в основном учащаяся молодежь. Студенты постоянно обращались с просьбами о материальной помощи и запросами по различным вопросам – оформление доверенностей, выдача документов об отсрочке от призыва в армию, легализация аттестатов и иных удостоверений. «Среди русских посетителей консульства преобладали беспаспортные бродяги, эмигранты, матросы, требующие денежной помощи, работы или отправления на родину. Консульство, получая для этой цели из министерства весьма ограниченную сумму, не в состоянии удовлетворить и одной десятой части нуждающихся, что вызывает возмущение со стороны просителей и вынуждает сотрудников в крайних случаях прибегать к помощи французской полиции в целях «успокоения» особо недовольных»[123].

Расположенное в двухэтажном уютном домике на севере Марселя генконсульство не располагало служебными помещениями, способными вместить сотни посетителей. Тем более что многие из них стремились избрать дворик консульства для ночлега, поскольку отхода парохода приходилось иногда ожидать по несколько дней.

По мере того как становилось ясно, что война принимает затяжной характер, из многих курортных местечек стали поступать запросы об условиях отправки из Марселя. Поэтому генеральное консульство организовало три дополнительных

опорных пункта сбора – в Тулузе, Туре и Гренобле. Отсюда по ходатайству французского правительства русские подданные отправлялись группами бесплатно в Марсель, где их встречал российский вице-консул. Опасаясь вступления в войну Турции, пароходная компания сократила число рейсов на Одессу и стала использовать старые и небольшие суда, отчего в ожидании рейса скапливалось иногда до 100 человек одновременно. После закрытия Дарданелл эта же французская компания перенаправила свои суда на Салоники.

О том как складывалась **обстановка в Швейцарии** в годы Первой мировой войны, писали многие авторы, в том числе проживавший в Женеве талантливый российский журналист А. Дивильковский. В серии статей, опубликованных в 1914–1915 гг. в журнале «Вестник Европы», он в деталях рассказывает о финансовом положении и психологическом настрое русских беженцев, наводнивших в первые недели войны Швейцарию[124].

Известная русская журналистка З. Журавская, оказавшаяся летом 1914 г. вместе с семьей в Берне, весьма эмоционально описывает события этого периода в своем очерке «В швейцарской мышеловке».

«На другой же день после объявления войны, – пишет З. Журавская, – швейцарские банки перестали менять деньги – русские, французские, немецкие, английские, какие бы то ни было – выдавать по чекам и аккредитивам. Даже швейцарцам-вкладчикам выдавалось в счет вклада не более двухсот франков, единовременно, хотя бы вклад был в 20–30 тыс. А так как отпускники всегда опасаются до последнего дня взять из банка последние деньги на дорогу, то почти все они оказались в трагическом положении. И когда в Берне стали кормить неимущих на средства города похлебкой с хлебом по два раза в день, за наскоро сколоченными из досок длинными столами не редкость было увидеть и людей с высоким общественным положением. Все не безусловно нужное для жизни сразу утратило цену, и за тысячные серьги давали в продаже 50 франков, а в заклад и вовсе не хотели принимать»[125].

В швейцарском обществе превалировали германофильские настроения, в определенных политических кругах даже сомневались, стоит ли сохранять нейтралитет. Во главе швейцарской армии стоял генерал Ульрих Вилле, который был женат на родственнице канцлера Бисмарка, графине Кларе фон Бисмарк. Генеральный штаб швейцарской армии тайно обсуждал с прусскими властями план действий на случай французского вторжения. В таких обстоятельствах швейцарский нейтралитет оказался более чем когда-либо под угрозой.

Швейцария стояла перед непростым выбором. В августе 1914 г. германские войска оккупировали нейтральную Бельгию. Конфедерацию могла ожидать такая же участь. В стране прошла мобилизация – 220 тыс. человек призвали для защиты швейцарских границ от возможной агрессии. В разгар уборочных работ это нанесло значительный урон экономике, ведь большинство солдат набрали из крестьян. Вместо них на поля отправились женщины. Тысячи семей рабочих оказались на грани нищеты, что вынуждало их обратиться за социальной помощью.

Количество русских беженцев в августе 1914 г. достигало 7–8 тысяч. Среди них разные люди – много сельскохозяйственных рабочих, высланных из Германии, студенты, больные, находившиеся на лечении на курортах Германии, Австрии и Швейцарии, туристы и, наконец, постоянная русская колония. Особенно много студентов. В предвоенный период Швейцария стала главным центром русского студенчества за границей: из 6197 студентов ее университетов 2553 были из России (то есть более 40 %). При этом в некоторых университетах русские составляли большинство по сравнению с местными. В Лозанне на 300 швейцарцев приходилось 457 русских, а в Женеве на 210 швейцарцев – 671 русский.

Многие русские, обеспокоенные судьбой оставшихся в России родственников и не видя для себя дальнейших перспектив в Швейцарии, стремились вернуться домой. Все они, естественно, ринулись в русское посольство.

Как их встретили дипломаты? Предоставим слово участникам событий.

«Мы бросились в посольство, – пишет З. Журавская. – Перед ним вся улица запружена русскими. У дверей посольства часовой, с ружьем, к которому привинчен штык, и с немецким строгим окриком: «Halt!» Да и к двери не пробраться… Наконец, проскользнули внутрь. Но и внутри, в узком темном коридоре такая же толчея, духота – и тишина. Служащие нашей миссии, проводившие дотоле жизнь в приятном ничегонеделанье, естественно, растерялись и обозлились под наплывом непривычной и неожиданной работы и, понятно, встретили соотечественников не очень-то приветливо»[126].

Возглавлял российскую миссию в Швейцарии в качестве Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра Василий Романович Бахерахт, выходец из голландцев, переселившихся в Россию в XVII веке.

Василий Романович Бахерахт – типичный представитель высшего звена царской дипломатии. При рождении в 1851 г. получил имя Вильгельм Александр Карл Роберт. Происходил из

старинного рода голландцев, обосновавшихся в России в 1636 г. В МИД пришел по стопам отца Романа Ивановича Бахерахта (1797–1884), дипломата, бывшего генеральным консулом в Генуе. Воспитывался вне России, лютеранин.

В 1871 г. поступил на дипломатическую службу в миссию в Берне, а через три года вынужден был принять православие и русское имя – Василий. Вся последующая жизнь прошла вне России, в основном в германоговорящих странах. 1871–1875 гг. – миссия в Швейцарии, в 1875–1883 гг. – в Баварии, с 1883 г. – в Бельгии, с 1885 г. – посольство в Германии, с 1893 г. – секретарь миссии в Португалии и с 1895 г. – 1-й секретарь миссии в Швейцарии. Затем, на относительно короткий период, получил назначение российским министром-резидентом в Марокко. С 1906 г. – вновь в Швейцарии, на этот раз в должности Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра.

Не имея достаточных оснований, трудно судить о понимании Бахерахтом трудностей, с которыми столкнулись русские беженцы. Никого из них (независимо от должности) он не принимал, ни перед кем не выступал с утешительными речами, стараясь входить и уходить со службы незамеченным. Ни он, ни его супруга не подключались к деятельности каких-либо комитетов помощи.

Вся эта кропотливая работа легла на плечи немногочисленных консульских сотрудников среднего и младшего звена.

В ноябре 1914 г. русские эмигранты создали в Берне Центральный Комитет помощи российским гражданам в Швейцарии во главе с профессором Н.М. Райхсбергом. Комитет занимался выдачей ссуд лицам, уезжающим в Россию и не имеющим средств на отъезд; оказанием помощи военнопленным; выдачей денежных переводов по указаниям Московского комитета помощи русским военнопленным и застигнутым войной за границей; розыском военнопленных, установлением и облегчением сношений между ними и их родственниками[127].

Миссия под руководством посланника взяла на себя лишь транспортные вопросы, связанные с организацией отъезда беженцев из Берна в Геную или Венецию, а также распределение купонов на железнодорожные и пароходные билеты.

По получении инструкций МИДа, поручавших миссии взять на себя работу по возвращению российских подданных на родину, посланник дал указание опубликовать эту информацию в наиболее читаемых швейцарских газетах, сообщив одновременно подробные условия проезда на предоставляемом российским правительством пароходе «Курск» из Генуи.

Организованная затем в миссии запись на этот пароход шла довольно бойко, и в одном только Берне записалось около 430 человек[128].

Для доставки соотечественников в Геную дипломаты договорились с федеральным правительством о формировании специальных поездов из Берна, Женевы и Цюриха до итальянской границы, откуда они должны были следовать также поездом в Геную.

Однако когда до отправления поездов оставался один день и миссия начала выдавать записавшимся контрамарки на «Курск», выяснилось, что первоначальное намерение соотечественников вернуться во что бы то ни стало на родину заметно ослабло и многие в последний момент отказались от поездки. Причем, взяв в миссии талоны на билеты, они возвращали их за час до отхода поезда. В результате из записавшихся в Берне 430 человек выехало лишь 165, а всего Швейцарию покинуло 566 пассажиров вместо ожидавшихся 1400. Возникла проблема с заполнением уже зафрахтованных трех пароходов. Поэтому миссия обратилась через посольство в Риме с просьбой о задержке хотя бы одного судна до 21 сентября.

Просьбу удовлетворили, но ситуация повторилась – беженцы записывались на пароход, брали талоны на бесплатный проезд, заказывали места и в самый последний момент отказывались от поездки. Во многом это объяснялось тем, что им не сообщали точного расписания отхода пароходов, а поскольку большинство людей не имели никаких средств для проживания в Генуе в ожидании отъезда, они предпочитали оставаться в Швейцарии, полагая, что здесь жизнь дешевле. Многие считали, что дипломаты их попросту «хотят сплавить», а некоторые предъявляли завышенные и нереальные требования на комфорт в пути.

Определенную роль в подобных настроениях беженцев и их колебаниях играли распространявшиеся слухи относительно минирования морских путей, противотифозного карантина, якобы объявленного в Салониках. Такого рода информация воспринималась с большой доверчивостью и создавала тревожное настроение. Миссия пыталась на рабочем уровне бороться с этими слухами, предоставляя все получаемые ею официально из Рима и Генуи дополнительные сведения и стараясь в беседах с посетителями успокаивать их и, насколько возможно, исполнять различные ходатайства.

Все эти меры, однако, имели лишь частичный успех, и многие соотечественники предпочли остаться в Швейцарии, выжидая здесь дальнейшего хода событий, несмотря на то, что их

оповестили о прекращении денежной помощи.

Итоги работы миссии по возвращению российских подданных на родину оказались более чем скромными и пароходы, зафрахтованные правительством, в особенности первые из них, ушли полупустыми. Не лучшим образом характеризует работу миссии и тот факт, что даже в отчетных документах в Петроград посланник затруднился назвать точное количество оставшихся в Швейцарии русских и привел на этот счет данные швейцарских властей – не менее 3000 на начало 1915 г.

Вопрос о неудовлетворительной работе миссии в Берне получил широкую огласку в феврале 1915 г. на заседании Государственной думы. Депутаты потребовали немедленной отставки и замены В.Р. Бахерахта.

Выступая перед депутатами, товарищ министра иностранных дел В.А. Арцимович[129] безуспешно пытался разъяснить им, с какими трудностями столкнулись российские загранучреждения в первые месяцы войны: «По сведениям, которые мы получили из нашей миссии в Берне и из нашего посольства в Риме, в Швейцарии было от 7 до 8 тыс. русских, в Италии тоже около того. Министерство вошло в сношение с Обществом Восточно-Азиатского пароходства, с Добровольным флотом и с Русским Обществом пароходства и торговли. В наше распоряжение мы получили шесть пароходов. На миссию в Берне была возложена обязанность, во-первых, озаботиться ознакомлением русских подданных с возможностью, которую правительство представляло им для возвращения домой. Во-вторых, по отправке той массы лиц, которые предполагали вернуться. Миссия в Берне с большим усердием занялась этим делом.

У меня в руках целая пачка объявлений, которые русской миссией были напечатаны в швейцарских газетах по этому поводу, и я утверждаю, что, если говорят, будто русские подданные были недостаточно осведомлены, то вина в их неосведомленности падает не на нашу миссию в Берне. У меня имеется донесение нашего посланника в Берне о том, как совершалась эта эвакуация, и о тех трудностях, с которыми миссия встретилась при исполнении поручения министерства. Из него видно, что отправление русских путешественников из Швейцарии встретило ряд затруднений. Прежде всего, укажу на некоторую неопределенность сроков отхода пароходов. Это произошло от того, что два парохода находились в Каире, а два другие в Пирее; их нужно было собрать в Генуе, снабдить углем, провиантом и т. п., так что полной уверенности относительно тех чисел, в которые может произойти посадка русских подданных на пароходы, не было. Ни министерство, ни миссия ими не

располагали. Затем многие заинтересованные лица не нашли средств и боялись долгого ожидания очереди отправки в Генуе. Миссия начала ссужать их средствами для того, чтобы они могли выехать, и бесплатными билетами для тех из них, кто не мог представить никакого ручательства в том, что ссуду, которую миссия им даст, они возвратят.

Несмотря на то, что миссия во многом пошла навстречу потребностям русской публики, всё же на пароходы, которые мы зафрахтовали, явилась приблизительно четверть того числа, которое мы предполагали вывезти. Оказалось, что многие предпочли, в конце концов, ехать на Бриндизи, другие поехали в Марсель, третьи – кругом через Францию, Англию и Норвегию. Таким образом, русская публика и в этом случае металась и не воспользовалась теми возможностями, которые широко ей были предоставлены. Но я утверждаю, что и тут миссия сделала всё, что было в её силах. Нашего посланника в Берне обвиняли в том, будто он оставался безучастным и лично не принимал публику. Это было высказано здесь, я читал об этом в газетах и слышал со стороны. Но неужели вы поставите требование, чтобы посланник лично принимал сотни людей, менял им деньги, сообщал, куда им ехать, где прокормиться и т. д.? Мы такого требования посланнику поставить не можем.

Когда была объявлена война, посланник должен был заняться сложными вопросами международного права, которые при этом возникли. Он должен был улаживать затруднения, возникшие в деле допущения русских подданных, которое одно время Швейцария, ввиду большого наплыва иностранцев, хотела ограничить. Наконец, он личными переговорами с банкирами с большим трудом устроил денежный заем. Если бы он занимался разменом 50 рублевок на франки, то конечно не смог бы сделать всей той необходимой работы, которую он сделал.

Вот почему я считаю крайне несправедливыми нападки на нашего посланника в Берне»[130].

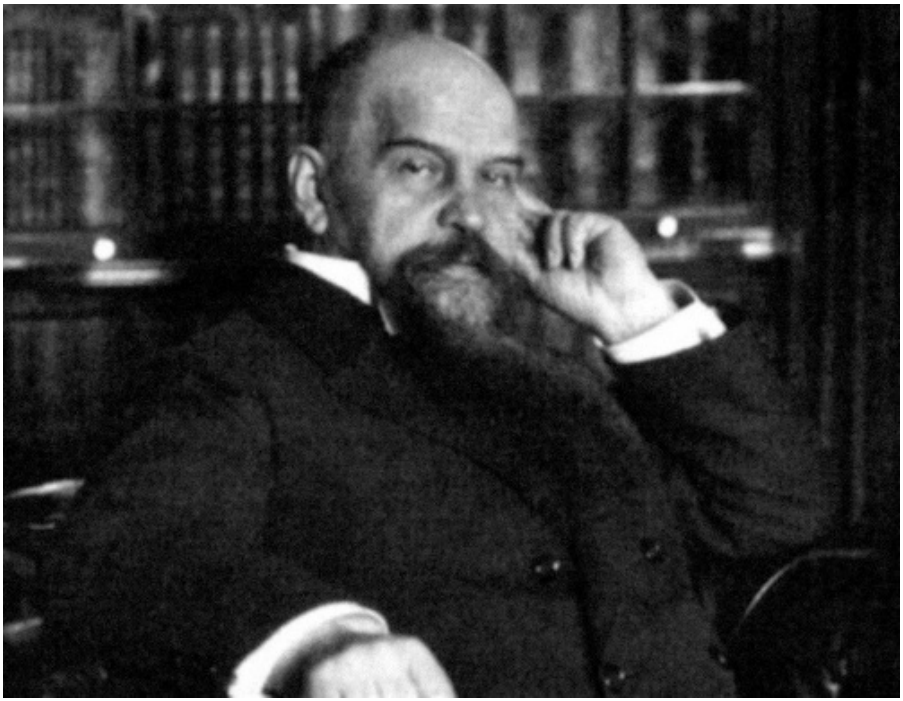
Несмотря на жесткую критику со стороны депутатов, руководству МИДа удалось отстоять посланника, бывшего длительный период дуайеном дипломатического корпуса в Швейцарии. Василий Романович Бахерахт скончался в Берне 5/18 октября 1916 г. после долгой болезни – у него были больные сердце и почки. Вдова посланника надолго пережила супруга. После его смерти она обосновалась в Веве и намного пережила своего супруга, скончавшись в этом городе 8 мая 1941 г.

Анатолий Николаевич Крупенский (3 ноября 1850, Кишинев – 5 декабря 1923, Рим) – посол Российской империи в Италии в 1912–1915 гг. После революции остался в Италии

Елим (Элим) Павлович Демидов (6 августа 1868, Вена – 29 марта 1943, Афины) – посланник в Греции с 1912 по 1917 гг. В Россию не вернулся. В 1920 г. представлял правительство генерала Врангеля. Был почетным атташе Югославии в Греции. Известен поддержкой российского шахматного движения

Великая Княжна Ольга Константиновна Романова (22 августа 1851, Павловск – 18 июня 1926, Рим) – королева эллинов

Князь Григорий Николаевич Трубецкой (17 сентября 1873 – 6 января 1930, Кламар) – русский общественный и политический деятель, дипломат, публицист из рода Трубецких. Принял назначение чрезвычайным посланником и полномочным министром в Сербии после смерти в 10 июля 1914 г. Н.Г. Гартвига. Трубецкой вступил в управление миссией, которая вместе с правительством ранее отступила в город Ниш, 8 декабря 1914 г., в период побед сербской армии над австро-венгерскими войсками. В следующем году во время отступления сербской армии, которое превратилось в исход, эвакуировался с нею и правительством на о. Корфу. 2 марта 1916 г. вместе с сербским правительством, которое отправлялось в союзные страны, испросив в МИДе отпуск, Трубецкой отплыл в Италию. Оттуда через Париж, Лондон и Стокгольм прибыл 26 марта в столицу

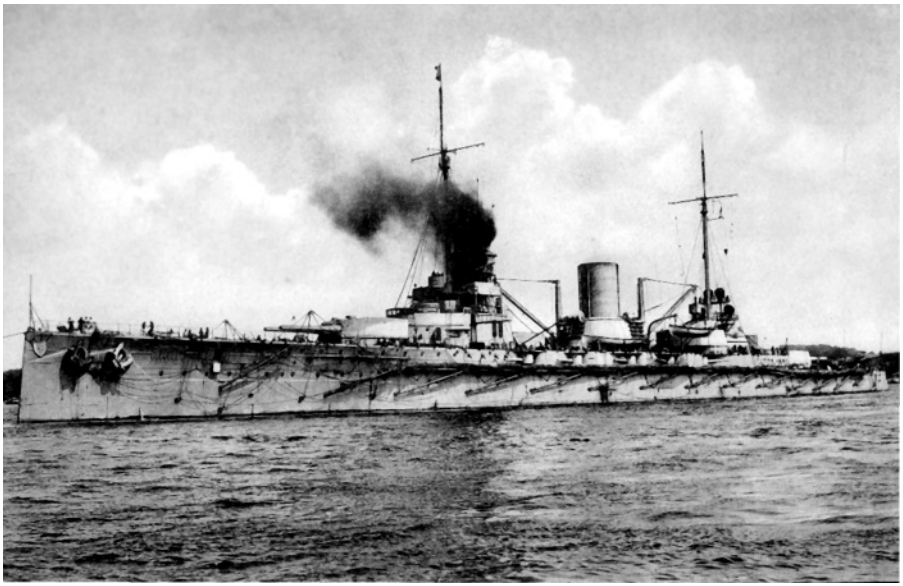


Николай Генрихович Гартвиг (16 декабря 1857, Гори – 10 июля 1914, Белград) – российский посланник в Сербии в 1909–1914 гг.

Фердинанд I (от рождения Фердинанд Максимилиан Карл Мария Саксен-Кобург-Готский; 26 февраля 1861 – 10 сентября 1948) – с 1908 по 1918 гг. князь, затем царь Болгарии из Саксен-Кобург-Готской династии

Александр Александрович Савинский (1879–1931) – посланник в Швеции (1911) и Болгарии (1913–1915). После разрыва отношений вынужден был остаться в Софии вследствие острого приступа аппендицита. Здоровье дипломата позволило ему покинуть Софию лишь 25 октября. Перед его отъездом, обставленным с исключительной предупредительностью (был подан личный поезд Фердинанда, на вокзал прибыли адъютанты царя, царицы, обеих принцев, представителей МИДа), в русскую миссию приехал Фердинанд и около часа говорил с бывшим уже дипломатическим представителем Петербурга

Станислав Альфонсович Поклевский-Козелл (1868, Пермская губерния – 1939) – посланник в Бухаресте (1913–1915). В декабре 1915 г. заменен на Н. Шебеко. Снова назначен на этот пост Временным правительством после Февральской революции. В 1918 г., после Октябрьской революции работать на большевиков отказался, жил в Румынии. В 1920–1930 гг. был представителем Верховного комиссара по делам беженцев при Лиге наций в Румынии, занимался вопросами оказания помощи русским эмигрантам



Линейный крейсер «Гёбен» (нем. Goeben) – германский корабль времен Первой мировой войны. В 1914–1917 гг. вел операции на Черном море против русского флота. С августа 1914 г. – в составе турецкого флота под именем «Султан Селим Грозный» (тур. Yavuz Sultan Selim) или просто «Yavuz». До 1950 г. был флагманом военно-морского флота Турции

Михаил Николаевич Гирс (22 апреля 1856 – 27 ноября 1932, Париж) – русский дипломат. В 1911–1914 гг. был послом при Его Величестве Султане (в Константинополе). В 1915 г. занял пост посла России в Италии. Во время Октябрьской революции находился за границей, остался в эмиграции и поселился в Париже. Был представителем генерала П.Н. Врангеля при командовании союзников. Скончался в Париже

Глава 6
Домой через Дарданеллы и Босфор

После начала воины о своем нейтралитете заявили Болгария, Греция, Швеция, Норвегия, Дания, Голландия, Испания, Португалия, а также Италия и Румыния, формально являвшиеся союзницами Центральных держав. Их гражданам посчастливилось избежать ужасов кровавой бойни, оккупации и разрухи. По итогам Великой войны все они оказались в выигрыше – экономики нейтральных стран усиленно работали на воюющие державы, причем порой одновременно на обе стороны. Именно в годы Великой войны были заложены основы нынешнего «скандинавского социализма» и славы швейцарских банков. Однако далось это богатство большинству нейтралов не просто. Лично нажилось на войне лишь ограниченное число банкиров и промышленников, а для большинства простых граждан война обернулась массовой безработицей и теми же продуктовыми карточками.

Из неевропейских стран объявили нейтралитет Соединенные Штаты Америки, ряд государств Азии и Латинской Америки. Однако объявление нейтралитета вовсе не означало, что все эти страны намеревались оставаться в стороне. Правящие круги многих «нейтралов» втайне стремились к участию в войне, рассчитывая при удобном случае реализовать свои территориальные притязания. Что касается воюющих держав, то они исходили из того, что подключение новых государств способно оказать влияние на ее длительность и конечный исход. Поэтому каждая из двух воюющих коалиций прилагала максимум усилий с тем, чтобы привлечь на свою сторону эти страны или же заручиться их благожелательным нейтралитетом до конца войны.

В числе нейтральных государств находилась **Италия,** которая с самого начала войны стала маневрировать между сложившимися в Европе военными блоками. Было очевидно, что итальянское правительство занимает выжидательную позицию, прикидывая, на чьей стороне окажется победа и за счет каких союзников можно получить более ценный приз. Будучи членом Тройственного союза, Италия 3 августа 1914 г. заявила, что война вызвана нападением Австро-Венгрии на Сербию, а Тройственный союз по своей сути исключительно оборонительный. Поэтому Рим не считает себя связанным какими-либо союзническими обязательствами и заявляет о нейтралитете. Возмущенный кайзер оставил на письме итальянского короля, извещавшего, что

обстоятельства возникновения войны не подходят под формулировку *casus foederis* в тексте договора о Тройственном союзе, краткую пометку: «негодяй».

Такая двойственная позиция итальянцев вполне объяснима. В силу своего географического положения и безраздельного господства на Средиземном море англофранцузского флота, а также экономической зависимости от стран Антанты их страна имела мало шансов на успех в войне с Лондоном и Парижем. Тем не менее итальянский министр иностранных дел маркиз ди Сан-Джулиано продолжал в доверительных беседах намекать австрийским и немецким коллегам, что при определенных условиях Италия не прочь рассмотреть вопрос о том, каким способом она могла бы помочь недавним союзникам. Параллельно с этим итальянское правительство активизировало тайные переговоры с Антантой о той территориальной компенсации, которую смог бы получить Рим в случае вступления в войну на ее стороне.

Активное участие в дипломатических контактах и беседах по этой теме принимало российское посольство во главе с Анатолием Николаевичем Крупенским.

А.Н. Крупенский родился в семье богатейшего бессарабского землевладельца из старинного молдавского дворянского рода. Отец, статский советник, камер-юнкер Николай Матвеевич Крупенский, в 1866–1869 гг. являлся бессарабским губернским предводителем дворянства. Сам Анатолий Николаевич пришел в МИД в середине 1870-х гг. С 1876 г. секретарь канцелярии министерства, затем на дипломатических постах за границей: второй секретарь посольств в Австро-Венгрии (1878–1883) и Великобритании (1883–1891), первый секретарь посольства в Великобритании (1891–1896), советник посольства в Италии (1896–1905), Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр в Норвегии (1905–1912). В 1912 г. переведен на пост посла в Италии, который занимал до 1915 г.[131] Его брат Василий служил послом России в Японии.

Летом 1914 г. в Италии, как обычно, отдыхало большое количество русских семей. Война застала их загорающими на многочисленных итальянских дачных, купальных и лечебных курортах. В русской диаспоре в этот период обсуждался вопрос о затянувшейся болезни римского папы Пия X, возглавлявшего католическую церковь с августа 1903 г.[132], а военным вопросам отводилось второстепенное место. Но неожиданное нашествие русских беженцев из южно-германских и адриатических курортов Австро-Венгрии, их рассказы о перенесенных невзгодах всколыхнули пребывавших в сладкой дреме курортников.

Все они, естественно, сразу же «вспомнили» о том, что в Италии существует российское посольство, которое «обязано» взять их под свою защиту, и ринулись в Рим[133].

В обычное время пребывающие в Италии русские старались не обременять себя визитами в посольство. Правда, в зимние скучные месяцы, когда в Риме постоянно проживало не менее 400 россиян, причем весьма богатых и влиятельных, в моде было посещение русских «культурных центров» – православной церкви и Русской читальни имени Н.В. Гоголя, где регулярно проходили музыкальные и литературные вечера. Сюда же наведывались и проезжавшие зимой через Рим артисты и деятели культуры. За зиму здесь бывало не менее 2000 человек.

В моде была благотворительность, что связано с постоянно растущим числом неимущих русских (интеллигенция – поэты, писатели, художники), обращавшихся за помощью. Проживавшее в Риме русское общество отличалось большой отзывчивостью, все просьбы посольства о денежных пожертвованиях для благотворительных целей, как правило, получали щедрую поддержку.

Что касается непосредственно консульской работы, то в справочнике МИДа утверждалось, что «русская колония доставляет консульству много работы, потому что она в значительной части состоит из людей состоятельных, обращающихся за засвидетельствованием актов по управлению находящимся в России имуществом. Немалых усилий требуют нотариальные вопросы наследственного характера, связанные с передачей недвижимости в Риме, а также делопроизводством по вопросам торгово-экономического характера, касающимся не только консульского округа, но и всей Италии»[134].

В канун войны в Италии находилось несколько загранучреждений российского МИДа – посольство и консульство в Риме, генеральное консульство в Генуе, консульства в Неаполе и Флоренции, нештатные (или почетные) консульства в Милане, Венеции, Сан-Ремо и Анконе, консульское агентство в Бриндизи. Общая численность дипломатов, командированных МИД России, не превышала 20 человек. Остальные сотрудники – почетные консулы и технический состав – нанимались на месте.

Всем соотечественникам, пожелавшим как можно быстрее вернуться в Россию, требовалась самая разнообразная помощь, начиная от обычного консульского инструктажа по паспортным делам и кончая материальной помощью в приобретении билетов на пароход. Особо остро нуждались первые партии беженцев, депортированные из Южной Германии, запуганные и голодные. Почти у всех (в том числе и у ранее состоятельных граждан) не

было ни гроша, так как итальянские банки прекратили платежи по переводным векселям, чекам и аккредитивам иностранных банков, а также размен наличных иностранных денежных знаков.

Как и другим российским загранучреждениям, консульству в Риме пришлось перестраиваться на новые условия работы, причем делать все в авральном характере. Консульство состояло из четырех сотрудников – двух кадровых и двух, принятых на месте. Этого оказалось явно недостаточно даже для обработки поступавшей корреспонденции – многочисленные запросы по почте и телеграфу со всех концов Италии, а также из Швейцарии, Франции, Германии и Австрии. Тем более что основная часть рабочего времени уходила на прием посетителей. Пришлось перейти на ежедневный непрерывный режим работы – с 9 утра до 9 вечера.

С первых же дней войны Италию охватила экономическая паника. В самом Риме банкам пришлось выставить вооруженную полицейскую охрану для защиты от встревоженных толп вкладчиков, стремившихся во что бы то ни стало немедленно вернуть как мелкие сбережения, так и крупные капиталы. Понятно, что эта картина охраняемых жандармами банков и толпившихся на улице перед их входом тысяч людей производила угнетающее воздействие на русских беженцев, тщетно старавшихся разменять свои ценности на местные лиры.

С учетом того, что вопрос о наличии денег стоял наиболее остро, А.Н. Крупенский этим занялся лично. Несмотря на значительные трудности, ему удалось при поддержке итальянского министра иностранных дел разблокировать и получить в национальном банке *Banca d'ltalia* 300 тыс. лир, а затем и еще 200 тыс. на оказание помощи беженцам. Получив эту сумму наличными (кредит был выделен МИД России, но, опасаясь дефолта, банки не выдавали таких сумм единовременно), консульство приступило к выдаче субсидий тем многочисленным русским, которые уже находились на его попечении. Прежде всего, следовало установить разумные пределы субсидий. Расчетной базой послужила цена билетов третьего, второго и первого класса до Одессы. Соответственно этому устанавливались три нормы в 400, 300 и 175 лир на человека, причем применение той или иной нормы обусловливалось сведениями о наличии у отправляемых денег, об их состоятельности, общественном положении и состоянии здоровья. В исключительных случаях допускались, конечно, и отступления от установленных норм. Деньги предоставлялись в виде ничем не обеспеченных ссуд, если уезжавший на родину не располагал никакими личными средствами, или в виде ссуд, гарантированных аккредитивными

письмами, чеками, переводными ассигновками и векселями.

У второй, сравнительно обеспеченной группы лиц при выдаче ссуды отбирались все банковские ценности, стоимость которых большей частью превышала выданную сумму. Эти ценности оставлялись на хранение в консульстве впредь до погашения ссуды. Ссуды выдавались также под обеспечение оставляемых на хранение в консульстве русских, французских и швейцарских бумажных денег.

Все финансовые операции проводились посольством и по его поручению консульствами в Генуе и Венеции под личную ответственность посла. На первых порах наибольшие суммы посол передал в распоряжение нештатного консульства в Милане, что объяснялось его близостью к Швейцарии. Имелось в виду, что в него, как в ближайшее для беженцев консульское учреждение, будет обращаться наибольшее количество русских. Однако низкая компетентность личного состава, неспособность оценить кредитоспособность и реальные потребности обращавшихся беженцев поставили под сомнение целесообразность распоряжения его сотрудниками столь крупным благотворительным фондом. Поэтому миланскому консульству предложили ограничиться выдачей мелких пособий на покупку железнодорожных билетов до Венеции или Генуи, а вся работа по отправке беженцев легла на генеральное консульство в Генуе и нештатное консульство в Венеции.

Подробные инструкции относительно кредитования в *Banca d'Italia*, порядка выдачи помощи и отчетности за нее поступили уже после отправки первых партий беженцев. С учетом большого объема этой работы, в основном технического характера, посол переложил ее на консульство в Риме, которому, таким образом, пришлось руководить деятельностью всех остальных консульств в Италии по возвращению русских на родину и снабжению их необходимыми средствами.

Нестабильная работа итальянской почты по доставке адресатам денег, отправляемых консульством телеграфным переводом, частые перемены местожительства адресатов, ошибки в передаче телеграфом иностранных фамилий, недовольство получателей недостаточными, по их мнению, размерами пересылаемых им сумм, необходимость соблюдения формальных предосторожностей при выплате переведенных денег – всё это вносило дополнительные трудности в относительно простую консульскую операцию.

Консульство в Риме вело всю подготовительную работу по отправке беженцев. В том числе – по заключению соглашения с итальянскими железными дорогами о провозе по льготному

тарифу русских из Швейцарии, оповещению об отправке пароходов, предварительной записи лиц, желающих ими воспользоваться, и отправке в Геную лиц, проживавших в римском консульском округе и в более южных местах Италии.

Неудачным опытом первых дней стала попытка римского консульства облегчить отъезжающим дорожные хлопоты, снабжая их бесплатными билетами на торгово-пассажирские суда. В этот период пассажирское сообщение из Италии к Черному морю обеспечивалось двумя крупными итальянскими компаниями *Servizi Marittimi* и *Marittima Italiana*. Суда первой компании совершали по два рейса в неделю из Венеции, Анконы и Бриндизи в Константинополь, один быстроходный, другой медленный. Вторая компания отправляла еженедельно один медленный грузовой пароход из Генуи и Неаполя на Сицилию, Константинополь и Одессу. Вследствие громадного наплыва отъезжающих достать билеты на ту или другую пароходную линию оказалось непросто, приходилось записываться за несколько недель вперед.

По этой причине консульство сначала охотно согласилось на предложение агента общества *Marittima Italiana* о предоставлении фиксированного количества билетов на медленные грузовые пароходы, отправляющиеся из Неаполя в Одессу. Образовалась группа из 79 человек, для которых консульство приобрело коллективный билет на пароход «Фавиньяна». При этом агентство обещало, что, хотя билеты имеются только третьего класса (других классов на этом пароходе имелось лишь 10–15 мест, и все они уже были проданы), пассажирам будут предоставлены матрацы, подушки и одеяла, а также свободный доступ во все помещения парохода.

Отправка этой группы доставила консульству немало хлопот из-за постоянных отказов лиц, записавшихся на пароход, и замены их новыми пассажирами. Список пришлось переделывать трижды, причем из первоначальных просителей выехали лишь немногие. Зато из Флоренции, Неаполя и окрестностей съехалось так много русских, что третьеклассных пассажиров на пароходе набралось не 79, как предполагалось, а более 200 человек. Однако вскоре выяснилось, что обещанных спальных мест капитан судна не оборудовал, и вообще он неожиданно заявил, что пойдет только до Константинополя, так как дальнейший путь небезопасен.

После нескольких недель неопределенности и вынужденного безденежья настрой русских туристов стал меняться в худшую сторону. В консульствах их тоже встречали не очень гостеприимно. Весьма грустно звучит, к примеру, рассказ о

встрече беженцев в российском консульстве в Милане.

«Больно отметить, но самое неприятное впечатление нами вынесено из русского консульства. Крохотная квартирка на 4-м этаже где-то на задворках; узкая полутемная передняя, где консул, стоя, принимает посетителей – и никакой готовности идти навстречу. «Нельзя ли немножко денег под аккредитив? не хватает на дорогу». – «Денег нет». – «Нельзя ли протелеграфировать турецкому консулу в Бриндизи, чтоб он встретил пароход? Мы приезжаем туда поздно вечером, стоим недолго, попадем ли к консулу – а, говорят, без визы в Константинополь не пускают». – «Я турецкому консулу не начальник – как же я могу ему телеграфировать?» И тон такой, что один из присутствующих, человек горячий, резко заявляет, что не стоило и ходить в консульство. После чего его просят удалиться… Наконец, дамы, более дипломатичные, выпросили обещание, что будет послана депеша русскому агенту в Бриндизи»[135].

Претензии со стороны соотечественников к работе консульских учреждений в Италии касались многих вопросов. Однако в основном речь шла о тех трудностях, в решении которых дипломаты вряд ли могли помочь. Так, обоснованное недовольство вызывала смена направления рейсов, связанная с изменением ситуации в районе Босфора и Дарданелл. Пассажиры «Курска», правда, с самого начала были предупреждены о том, что пароход пойдет не на Одессу, а на Архангельск. Пассажирам других пароходов сначала говорили, что они также возьмут курс на Архангельск, но затем сказали, что отправятся в Одессу. На самом же деле их отправили на Салоники, а оттуда по железной дороге через Сербию, Болгарию и Румынию на русскую границу.

Руководство операциями по возвращению российских подданных на родину возлагалось на посольство в Риме, направлявшее, насколько это было возможным, деятельность консульств в Венеции, Флоренции, Неаполе и Генуе.

Консульство в Венеции договорилось с двумя недорогими гостиницами, согласившимися по особым карточкам консульства содержать русских подданных в долг, который впоследствии обязалось вернуть консульство. Для больных удалось пригласить местного врача, который бесплатно проводил медосмотр. Одновременно консульство договорилось с местным пароходным обществом *(Societa Italiana di Servizi Marittimi),* что оно будет выдавать русским подданным в кредит билеты третьего класса с питанием в Россию через Константинополь. При этом по сравнению с другими итальянскими портами Венеция представляла то преимущество, что пароходы на

Константинополь выходили из нее два раза в неделю, один быстроходный, другой медленный. Всего консульство отправило в Россию около 1000 беженцев.

Практическая деятельность **консульства во Флоренции** по оказанию помощи русским подданным началась 28 июля 1914 г., когда в итальянских газетах появилось первое объявление об отходе из Неаполя парохода на Одессу. Тогда в консульство стали обращаться беженцы, не получившие билеты на пароход в Венеции. Большинству из них пришлось прожить несколько недель во Флоренции в ожидании свободных мест на пароходы, отходящие из Бриндизи.

Всего с 28 июля по 31 декабря 1914 г. консульство выдало пособий 134 лицам. Получатели принадлежали почти исключительно к интеллигенции: среди них семьи, приехавшие на лечение и купание в *Montecattim, Viareggio, Rimini* и др. места, беженцы из Швейцарии и Австрии (в том числе шестеро бежавших из плена), студенты и художники, местные и из города Пизы, а также некоторые русские – постоянные жители Флоренции. По информации консульства, из 135 выехавших лиц 35 поляков, 27 евреев и 6 военнообязанных.

В своем отчете консульство особо отмечает «чрезвычайную любезность и сердечность», проявленную итальянцами-хозяевами отелей и пансионов в отношении русских постояльцев. Они согласились подождать с оплатой долгов за проживание до момента возвращения русских домой. Такого, по словам беженцев, швейцарские и французские хозяева не делали.

Волна беглецов, докатившаяся до **Неаполя,** оказалась невелика – около 400 человек. Некоторые располагали скромными собственными средствами, дававшими им возможность вернуться на родину без помощи генерального консульства. Но большинство всё же нуждались в ней, так как по русским аккредитивам лиры не выдавали. Среди беженцев было немало больных, преимущественно женщин и детей, что усиливало общее состояние растерянности и беспомощности, требуя психологической поддержки и медицинской помощи.

Первые партии беженцев разместили на пароходы компании *Societa Marittima*, уходившие из Неаполя в Одессу. Однако использование этой линии для сообщения с Россией представляло большие неудобства не только из-за длительности путешествия (14 дней), но и из-за невероятной тесноты и антисанитарии. Поэтому многие, имевшие время и материальную возможность, предпочли переждать, чтобы воспользоваться отходившими из Генуи в конце сентября русскими пароходами.

Несмотря на активную деятельность посольства в Риме по

организации помощи русским беженцам, основная тяжесть работы легла на **генеральное консульство в Генуе** – крупнейшего из торговых портов Италии, ближе всего отстоящего от французской, швейцарской и германской границ.

Значимость Генуи для российской торговли общеизвестна. Сюда традиционно стекались торговые пути Европы и Америки, Северной Африки и Ближнего Востока. Здесь находились представительства многих торговых компаний, принадлежавших русским купцам.

В сферу деятельности расположенного в Генуе генерального консульства входило обслуживание торговых и пассажирских судов – включая составление морских протестов, истребование различного рода документов, подтверждение российского подданства. Работа велась в основном с моряками и носила цикличный характер – от прихода до ухода судна. Посетителей было немного, да и русской колонии в Генуе в тот период практически не существовало. Основная масса соотечественников проживала в окрестных курортных местечках.

Вот что пишет о ситуации в Генуе мидовский справочник 1914 г. издания: «Немало русских живет в таких местечках, как Нерви, Пельи, Рапполло и Кави ди Лаванья. Около 4/5 русскоподданных в Нерви состоит из евреев, среди которых немало лиц с замаранным в политическом отношении прошлым. Преобладающее большинство живущих или временно проживающих в Неври страдает какими-нибудь болезнями (чаще всего чахоткой). Кави ди Лаванья служит еще большим центром, чем Нерви, для политически неблагонадежных, общения с которыми следует избегать. Консульство, как правило, не имеет с ними каких-либо дел. Более отдаленным от Генуи центром пребывания русских является Сен-Ремо, где проживают не только больные, но и пенсионеры и лица, находящие удовольствие там жить. Менее значительные в численном отношении русские колонии находятся в Бардигери, Оспедалетти и других местах со стороны французской Ривьеры. Русские колонии обычно возрастают к зиме и уменьшаются к лету, то есть преобладающее число этих русских состоит из больных.

Работа генерального консульства заключается в засвидетельствовании документов, выдаче разных свидетельств, визировании паспортов, переписке по пенсионным и наследственным делам. В целом эти дела мало интересны. По большей части они нотариальные, но отнимающие много времени. Личный состав генерального консульства состоит из одного штатного чиновника и одного вольнонаемного служащего»[136].

И вот в это загранучреждение, где всего два сотрудника, в первые же недели войны устремились русские со всех уголков Италии. Сюда же, в Геную, прибыли из Швейцарии те «счастливчики», которым удалось вырваться из Австро-Венгрии и Германии и которые не решились предпринять длинный путь через Францию, Англию, Норвегию и Швецию. Появились и русские эмигранты из далекой Южной Америки, стремящиеся воссоединиться со своими семьями в России.

В огромном количестве стали поступать письменные и телеграфные запросы разного характера. О путях и способах возвращения в Россию, о размене и курсе русских денег, пересылке денег и корреспонденции, о бронировании мест на пароходах, снабжении документами взамен утерянных или отнятых при депортации из Германии и Австро-Венгрии, наведении справок об участи родных и близких.

Анализ полученных в Петрограде отчетов генерального консульства в Генуе свидетельствует о том, что консульские сотрудники (а их, напомним, всего двое!), оценив свои реальные возможности, приняли правильное решение. Они оперативно приступили к поиску судов большой вместимости для ускоренной эвакуации беженцев.

Однако поиск крупных океанских судов, которые могли быть зафрахтованы целиком для 3–4 тыс. человек, не увенчался успехом. Значительную часть подобных транспортных средств уже зафрахтовали консульские учреждения США и ряда южноамериканских государств для массового возвращения домой своих соотечественников. Кроме того, существенными препятствиями для фрахта крупных судов на Одессу служили, с одной стороны, вопрос о гарантиях от военных случайностей, с другой – крайняя дороговизна каменного угля в Италии. После продолжительных поисков и многочисленных переговоров с агентами крупнейших итальянских пароходных обществ консульству удалось наконец получить приемлемые предложения от владельцев двух океанских лайнеров, способных доставить не менее 3800 человек в Одессу за сравнительно умеренную плату.

Но пока готовились эти предложения, в министерстве уже утвердили другой проект, по которому за беженцами высылались в Италию русские пароходы – сначала «Курск», а затем два парохода Русского общества пароходства и торговли и три парохода Добровольного флота. Исходным пунктом для отправки судов определялась Генуя. При этом всю работу по сортировке и посадке в общей сложности около 2,5 тыс. человек предстояло выполнить генеральному консульству.

Несмотря на полученные сведения о запланированном

прибытии русских судов, беженцы все же устремились на еженедельно отходившие переполненные итальянские пароходы, и деятельность генерального консульства сосредоточилась на выдаче ссуд для приобретения билетов и проживания в Генуе до их отхода. Среди обратившихся за денежными пособиями оказалось немало лиц, которые при первых известиях о подобной возможности с быстротой молнии устремились за деньгами. Однако, получив ссуды на возвращение в Россию, никуда не уезжали и продолжали жить на прежних местах, урегулировав свои дела благодаря открывшейся затем возможности получать деньги из России через банки или Министерство иностранных дел.

Об объеме «технической» работы генконсульства за три месяца можно судить хотя бы по количеству расписок за выданные ссуды. Их получили 1268 лица на общую сумму в 118 035 итальянских лир, причем некоторым денежная помощь предоставлялась неоднократно.

Организация отправки беженцев на пришедших в Геную русских пароходах проходила в обстановке постоянных претензий к консульским работникам. Недовольство их работой достигло апогея. Сотни людей, вынужденных жить в Генуе в ожидании возможности ухать на том

или другом пароходе, дни отхода которых назначались и изменялись по причинам политического или случайного характера, воспринимали любые объективные сложности как недоработку генерального консульства.

Немало сложностей в работу загранучреждений России в Италии внесли кадровые проблемы, о которых упоминает Ю.Я. Соловьев, побывавший в Риме весной 1915 г. «В нашем посольстве в Риме, – пишет он, – я застал осложнения – результат войны. Первый секретарь посольства был внезапно уволен в отставку за поддержание контактов с германским военно-морским атташе. Посол А.Н. Крупенский был отозван и замещен моим бывшим начальником в Бухаресте М.Н. Бирсом. Советник же посольства, вскоре затем душевно заболевший, был уже тогда не совсем нормален. Например, он сбрил бакенбарды, которые носил всю жизнь; мне он объяснил, что бакенбарды придают ему большое сходство с Францем Иосифом, и поэтому появиться в таком виде в Петрограде неудобно. Из Рима до Петрограда я ехал вместе с послом Крупенским»[137].

Справедливости ради следует упомянуть и о благодарственных письмах, приходивших в МИД от лиц, которым удалось вернуться в Россию благодаря помощи консульских работников. Один из примеров – письмо капитана 2-го ранга в

отставке Н. Фильковича министру иностранных дел С.Д. Сазонову: «Считаю своей нравственной обязанностью засвидетельствовать перед Вашим высокопревосходительством мою глубокую признательность посольским и консульским чинам в Париже, Афинах, Салониках, Нише, Софии и Бухаресте за их теплое и сердечное участие к нам, русским беженцам, возвращающимся к себе на родину из разных мест Европы во время текущей войны.

Уверен, что многие тысячи русских людей, возвращающихся к себе домой из заграницы в такое тяжелое время и с крайне ограниченными средствами, благодарят Бога за то, что только при посредстве русских консулов за границей они могли добраться живыми и целыми к себе на родину. А между тем ни один из иностранцев нерусского подданства не мог бы сказать то же самое про свои консульства и посольства во время возвращения к себе на родину, так как их никто из консульских чинов не встречал нигде и никакое посольство им не оказывало денежной поддержки, в чем нам, русским, со стороны наших консульств и посольств было повсюду оказано»[138].

После вступления в войну Турции и закрытия Дарданелл рейсы *Societa Marittima* на Одессу прекратились, сообщение с Россией отныне поддерживалось только пароходами, шедшими в Пирей и Салоники (северо-восток Греции) из юго-восточной части «итальянского сапога» – порта Бриндизи.

Работа российских загранучреждений, расположенных в «южном поясе» Европы, по оказанию помощи соотечественникам шла по той же схеме, что и везде – размещение на ночлег, выдача ссуд или безвозмездных пособий, поиск необходимого транспорта и консульское обслуживание при прибытии и отбытии. Лица, выехавшие из Западной Европы или Италии и побывавшие в русских загранучреждениях, за деньгами, как правило, не обращались. Не требовалось и консульского подтверждения их документов.

Иначе обстояло дело с русскими подданными из Турции, начавшими прибывать **в Грецию** в конце ноября 1914 г.

«Первой прибыла партия в 47 евреев из Кайфы, бежавшая оттуда еще до объявления войны с Турцией, – сообщили в Петроград из генерального консульства в Салониках. – Более жалких и несчастных людей нам не приходилось видеть. Консульству пришлось выкупить их с парохода, потому что многие не могли заплатить за свой проезд. Пришлось везти их на колясках в консульство для выдачи им пособий, так как некоторые не держались на ногах от голода и истощения»[139].

Первое время после объявления войны Турция не выпускала

русских подданных, и они находились под полицейским надзором. Затем им предложили принять турецкое подданство либо подвергнуться немедленному изгнанию из Оттоманской империи. Так, по крайней мере, поступили с евреями Сирии и Палестины. В середине ноября каждый пароход, приходивший из Александрии, привозил не менее 150–200 евреев. Люди эти не имели ни гроша, и каждому из них приходилось выдавать пособие, чтобы он мог доехать до границы России, так что прибытие каждого парохода из Александрии регулярно опустошало кассу генерального консульства. Кроме евреев прибывали из Палестины и монахи, состоявшие при русской Духовной миссии в Иерусалиме, монахини и послушницы Горненского монастыря и члены Палестинского общества. Немало забот причиняли больные, особенно туберкулезные, изгнанные из санаториев, которых приходилось переносить в больницу и в вагоны на носилках или на руках.

Откуда появилось такое большое количество русских подданных в Египте?

В годы Первой мировой войны на территории Палестины и Египта оказались три группы вынужденных временных мигрантов из России. Первая группа – беженцы из Палестины, евреи с российскими паспортами (около 3400 человек), вторая группа – сотрудники Русской духовной миссии и православные паломники (около 200 человек). Наконец, третья группа – моряки торгового флота и туристы, приехавшие на лечение (как правило, от туберкулеза).

Деятельность Русской православной церкви на этой земле имеет многовековую историю. Только в Константинополе (Стамбуле) и окрестностях к началу XX века существовало семь русских храмов, в том числе три – при подворьях русских обителей Святой Горы Афон. После вступления летом 1914 г. Османской империи в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии российское посольство покинуло страну, а посольскую церковь Святого

Константина и Елены закрыли. В 1914 г. турецкие власти закрыли также храм-памятник русским воинам в местечке Сан-Стефано (в 17 км от Константинополя), в крипте которого находились останки 20 тыс. русских воинов, погибших в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Турки взорвали храм, расквартировав на этом месте воинскую часть.

В начале XX века через Стамбул ежегодно проезжали 8—10 тыс. русских паломников. В ожидании парохода на Афон или Святую Землю они около недели проводили в городе, принимая участие в ежедневных службах на церковно-славянском языке,

получая в зданиях подворий бесплатное жилье и пропитание. Кроме паломников берега Босфора посещало большое количество моряков с российских торговых и военных судов. Каждый такой путешественник считал своим долгом поклониться константинопольским православным святыням. В годы Первой мировой войны все подворские храмы закрыли, имущество частично разграбили, здания заняли под казармы (подворье Свято-Андреевского скита под склад), а некоторых монахов интернировали.

Судя по сообщению императорской миссии в **Афинах** от 14 января 1915 г., «большинство проезжающих относилось с терпением к своим испытаниям, проявляя благодарность за скромную помощь, оказываемую миссией деньгами и советами. Многие, вернувшись в Россию, письменно благодарили миссию в самых теплых выражениях, и лишь некоторые, под влиянием усталости и трудностей путешествия, проявляли раздражительность и преувеличенные требования»[140].

Трудно сказать, насколько объективной была подобная самооценка, поскольку российский посланник в Греции Елим (Элим) Павлович Демидов не отличался большим усердием в работе.

Он происходил из знаменитого рода купцов и промышленников Демидовых. Увлекался шахматами и активно поддерживал международное шахматное движение.

Попытка родственников приобщить его к семейному делу не удалась. Демидов трижды бывал в Нижнем Тагиле, но в заводские дела не вникал, приходя в ужас от пыли, жара и шума. Семья выбрала для него службу в Министерстве иностранных дел, к которой он относился весьма легкомысленно. Службу начал с того, что четыре дня пропадал на охоте. Тем не менее, в 1894 г. получил назначение в посольство в Лондоне, а в 1897 г. стал вторым секретарем посольства, продвигаясь в придворных чинах от надворного советника до камер-юнкера. В 1901 г. являлся егермейстером императорского двора в Санкт-Петербурге, но в 1902 г. вернулся в МИД, получив назначение на должность первого секретаря посольства в Мадриде, а в 1903 г. – первого секретаря посольства в Копенгагене. С 1905 по 1908 гг. служил первым секретарем посольства в Вене.

В 1911 г. получил назначение на должность советника посольства в Париже, а с 1912 г. командирован посланником в Грецию в чине действительного статского советника[141].

Длительное время для русских дипломатов все в Греции, включая политическую и дипломатическую жизнь, «вертелось» вокруг греческого двора. Король Греции, Георг I (1845–1913), по

происхождению датский принц, брат русской императрицы Марии Федоровны и английской королевы, посаженный на трон в 1863 г., ловкий и циничный правитель, уверенно лавировал между политическими течениями и международными силами. Он относился к своему королевству весьма легкомысленно и каждый год уезжал на отдых во Францию, предаваясь там приятному времяпрепровождению.

Королевой Греции являлась великая княгиня Ольга Константиновна (1851–1926) – не менее яркая и колоритная личность, чем супруг. Дочь генерал-адмирала и великого князя Константина Николаевича (1827–1892), она продолжала и после замужества считать себя русской великой княгиней. По натуре добрая и религиозная женщина, она бесцеремонно, «по-матерински», вмешивалась в жизнь многочисленной русской колонии и русской дипломатической миссии. Особым ее вниманием пользовалась русская Средиземноморская эскадра, постоянно зимовавшая в Пирее. Королева чуть ли не ежедневно появлялась на кораблях и часто устраивала там многочисленные приемы и обеды. Более того, она считала себя вправе давать «ценные указания» адмиралу А. А. Бирюлёву, как командовать флотом, и невероятно баловала русских матросов.

Приглашала их, например, во дворец на чаепитие, что вызывало неудовольствие короля-супруга и адмирала Бирюлёва, считавшего, что все эти заигрывания серьезно подрывают дисциплину в эскадре. Повышенное внимание греческой королевы к своим соотечественникам оскорбляло национальное чувство греков и мало способствовало поднятию русского престижа в Греции.

Не менее сложными у нее были отношения и с русскими посланниками. Ольга Константиновна считала русскую миссию филиалом своего двора и еще более бесцеремонным образом, нежели в дела флота, вторгалась в прерогативы русских дипломатов, диктуя им свою волю. Недаром предшественник Демидова на посту посланника в Афинах барон Р.Р. Розен называл русскую миссию «придворной конторой» королевы Греции. Греческий и петербургский дворы связывали многочисленные браки: кроме королевы Ольги, в Афинах появились великая княгиня Елена Владимировна, вышедшая замуж за королевича Николая, а греческая принцесса Мария вышла замуж за великого князя Георгия Михайловича. Оба двора вели между собой оживленную переписку – чаще всего через головы своих дипломатов, так что фактически между Афинами и Петербургом велась двойная дипломатия, причем официальная нередко уступала.

Многие беженцы, прибывавшие в Грецию, имели при себе деньги или аккредитивные письма. Тем не менее, ввиду прекращения размена рублей, они все же обращались к содействию представителей миссии. Во избежание лишнего проезда в Афины и опасения опоздать к пароходу прибывавших русских направляли к российскому генеральному консулу, находившемуся в портовом городе Пирее (расстояние от Пирея до Афин 11 км).

В последующие месяцы заботу об оказании помощи беженцам переложили на генерального консула в Салониках, куда направился основной поток русских, прибывавших из южных итальянских портов. В общей сложности миссия и консульские учреждения в Греции за четыре месяца 1914 г. оказали помощь не менее 12 тыс. беженцев.

Несмотря на военные действия, развернувшиеся между Австро-Венгрией и **Сербией**[142]**,** некоторые, «особо храбрые» русские беженцы стремились из Западной Европы проехать в Россию через сербскую территорию. Не будучи в силах предоставить им даже элементарные удобства, сербские власти решили перевозить русских бесплатно по железной дороге от греческой до болгарской границы. Администрация железных дорог, по просьбе российской миссии, предоставляла им прямые поезда для следования по всей Сербии без пересадки, от греческой границы (пограничный пункт Гевгели) до болгарской (Цариброд).

Этим воспользовались несколько тысяч человек.

Миссия выдавала особо нуждающимся лицам денежные пособия на питание в пути и покупку железнодорожных билетов в Болгарию. С учетом полного отсутствия свободных жилых помещений в городе Нише, в котором русские делали краткую остановку, консульские работники стремились обеспечить им хотя бы минимальные удобства.

Коллектив российской миссии в Сербии оказался в сложной ситуации, связанной не только с военными действиями, но и с трагическими внутренними событиями, произошедшими в канун войны. 10 июля 1914 г. во время визита к австрийскому посланнику в Белграде барону фон Гизлю глава русской миссии Николай Генрихович Гартвиг скончался от инфаркта. Сербская пресса немедленно обвинила персонал австрийской миссии в преднамеренном отравлении русского посланника. По просьбе сербского правительства Гартвига похоронили в Белграде. На его похоронах присутствовали многие высшие должностные лица страны, включая премьер-министра Н. Пашича.

Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр Н.Г.

Гартвиг родился в 1857 г. в грузинском Гори в небогатой дворянской семье военного врача, обрусевшего немца. В 1875 г. поступил на службу в Азиатский департамент МИДа. Продолжительное пребывание на посту директора Азиатского департамента, ведавшего, в том числе, подбором кандидатов из балканских славян на получение российских стипендий, сформировало в славянских землях огромный круг его «воспитанников», сторонников, почитателей и друзей.

Заграничная работа Гартвига также началась на Балканах – первая командировка в столицу Черногории Цетинью, а затем служба консулом в болгарском Бургасе. Все это повлияло на формирование его политических взглядов.

Несмотря на существующие у дипломатов ограничения, Гартвиг регулярно выступал со статьями в нацио-налистически-славянофильской газете «Новое Время». В них он критиковал политику России в отношении стран Ближнего Востока и балканских государств как «маловыразительную и мягкотелую», призывая к жесткости в отношении Турции и Австро-Венгрии.

Такие взгляды создали ему популярность в российском Генеральном штабе, руководство которого полностью соглашалось с мнением Гартвига. Многие рассматривали его как правую руку министра иностранных дел графа В.Н. Ламздорфа и будущего преемника. Однако после отставки Ламздорфа пост министра занял конкурент Гартвига А.П. Извольский, назначивший его в 1906 г. посланником в Тегеран. На этом послу Гартвиг неоднократно превышал свои полномочия и в 1908 г. был отозван из Тегерана.

Министр не захотел держать его в Центральном аппарате и уже на следующий год направил посланником в Сербию. Назначение Н.Г. Гартвига в 1909 г. посланником в Белград сербы встретили с воодушевлением и признательностью.

Правительство поставило перед новым посланником двойственную задачу – максимально оттянуть сроки возможного выступления Сербии против Австро-Венгрии и в то же время укрепить антиавстрийский союз сербов с другими балканскими народами. Однако Гартвиг фактически пренебрег этими указаниями. Как и в свою бытность в Тегеране, он и здесь стремился проводить собственную политику, независимую от данных ему инструкций, ошибочно рассматривая себя как представителя не только официальной, но и неофициальной России – панславистов и воинствующей просербской части императорского двора.

Свой панславизм Гартвиг демонстрировал повсюду, грубо нарушая элементарный дипломатический этикет. По

воспоминаниям ответственного сотрудника Дальневосточного департамента МИДа (впоследствии посла в Японии) Дмитрия Ивановича Абрикосова, «новый русский посланник в Сербии придавал политическую окраску даже приемам в русской миссии. Там были поставлены «живые картины», где жена посланника изображала сцену, как Россия принимает дань уважения от коленопреклоненных балканских государств. Среди гостей были немецкий и австрийский министры, и изображенное вряд ли могло способствовать улучшению отношений между нашими странами. Когда война витает в воздухе, любое, даже самое незначительное событие увеличивает напряженность»[143].

Провокационные выходки Гартвига предпринимались в условиях, когда Россия в обстановке полной секретности вооружала сербскую армию. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов в докладе царю 30 сентября / 13 октября 1914 г. о масштабах оказанной Белграду помощи отмечал, что на приобретение в России вооружения Сербии открыт кредит в размере 6 млн рублей. Дополнительно к 120 тыс. трехлинейных винтовок и 120 млн патронов, отпущенных ей перед войной и доставка которых продолжалась уже после начала военных действий, Сербии предоставлены два 6-дюймовых орудия с 1 тыс. снарядами и при них 10 нижних чинов, 10 тыс. запасных частей для винтовок, 13 тыс. снарядов для полевой артиллерии, 22 тыс. ружей и 75 тыс. комплектов обмундирования[144].

В своих мемуарах российский юрист-международник М.А. Таубе, касаясь непосредственных причин начала войны, отмечает:

«При наличии в Европе определенных факторов, толкавших этих государей на войну, вовлечь их в эту всеевропейскую свалку можно было, лишь устроив поджог со стороны, – как оно и случилось в 1914 г.

Кто же явился таким поджигателем европейского, колебавшегося уже, но все еще державшегося мира?

Официальный ответ общеизвестен: сербско-босно-герцеговинское сообщество «Черна Рука» с его злодейским убийством эрцгерцога Франца-Фердинанда 15/28 июля 1914 г., ибо последовавших за этим убийством политических и военных событий уже никто не смог остановить…

И вот возникает вопрос: эту «Черную Руку» не направляла ли из-за кулис «белая» рука из того или другого военно-политического лагеря, на которые распадалась якобы единая и якобы мирная Европа.

Как это выяснилось через несколько лет, «белая» рука оказалась рукой полковника сербского генерального штаба Димитриевича, организатора заговора против эрцгерцога, не без

ведома русской военной агентуры в Белграде. А если это последнее указание справедливо, то конечно и русский посланник в Сербии недалек был от всей этой преступной махинации: ведь Н.Г. Гартвиг, бывший директор 1-го Департамента министерства иностранных дел, неосторожно назначенный Сазоновым в Белград, отличался не только своими способностями и рвением к службе, но и известной всем грубостью, заслужившей ему прозвище «старшего дворника», соединенной с самовольными политическими замашками. Вдали от Петербурга, в специфической заговорщической обстановке Сербии он легко мог поддаться соблазну вести там свою собственную «энергичную политику», за что судьба и послала ему, как известно, вскоре после Сараевского убийства апоплексический удар при его таинственных объяснениях об этом злодеянии в австрийском посольстве в Белграде»[145].

Возвращаясь к трагедии, разыгравшейся в кабинете у посланника Австро-Венгрии, попытаемся высказать собственное суждение. Николай Генрихович был тучным мужчиной и страдал одышкой. Попытки сбросить лишний вес не приводили к успеху. Очевидно, жара, а в июльские дни температура в Белграде значительно превышает 30 градусов, сыграла с ним в данном случае роковую роль.

Как утверждала австрийская сторона, в ходе беседы посланник Гизлинген заметил, что дымивший перед ним сигарой русский коллега сильно возбужден. Спустя некоторое время Гартвиг неожиданно упал в кресле, потом скатился с него на пол и… умер от обширного инфаркта.

После смерти Н.Г. Гартвига на его замену в срочном порядке выехал князь Григорий Николаевич Трубецкой. Старинный род Трубецких выдвинул в новейшей истории России немало признанных религиозных и общественных деятелей. В 1996 г. «Воениздат» выпустил хронику этой всемирно знаменитой семьи выдающихся представителей дворянского сословия, в которой есть и подробная автобиографическая статья Г.Н. Трубецкого «Годы смут и надежд»[146].

Вкратце же имеющиеся о новом посланнике в Сербии сведения таковы.

После окончания историко-филологического факультета Московского университета князь Г.Н. Трубецкой поступил на службу в МИД, получив назначение атташе в Константинополь. С 1901 г. он служит в чине первого секретаря посольства, занимаясь к тому же поиском древностей Ближнего Востока. Его статьи по истории Константинопольской патриархии стали появляться на страницах журнала «Вестник Европы». Десять лет провел князь

Трубецкой в Константинополе. В 1906 г. он оставил дипломатическую службу и переехал в Москву, где вместе со своим братом Евгением Николаевичем приступил к изданию газеты «Московский еженедельник».

Шесть лет спустя, в 1912 г., Григорий Николаевич вернулся служить в МИД советником по ближневосточным делам, а летом 1914 г. срочно выехал Чрезвычайным Посланником и Полномочным Министром в Белград.

Трубецкой застал Сербию в весьма тяжелой ситуации – массовые перемещения населения, связанные с военными действиями, привели к эпидемиям всех видов тифа (брюшного, возвратного и сыпного), а также черной оспы, скарлатины и дифтерита.

О том, с каким мужеством вели себя в этот период сотрудники российских загранучреждений, стремившиеся максимально помочь своим соотечественникам, подробно сообщается в донесениях, поступавших в Петроград.

В начале войны сербское правительство и дипломатический корпус переехали в город Ниш. Поскольку здание миссии в Белграде осталось практически без охраны, 31 июля в Белград командировали второго секретаря Л. Зарина и канцелярского служащего И. Гачевича. Цель поездки – проверка здания миссии в условиях австрийских бомбардировок и оказание содействия тем русским подданным, которые вопреки настойчивым советам миссии не пожелали покинуть свои дома.

Ниже – краткий пересказ донесения второго секретаря миссии Л. Зарина.

«Я прибыл в Белград 1-го августа вечером, и весь следующий день провел в интенсивной работе. Отъезд назначил на 3 августа к двум часам дня, причем в виде исключительного внимания к нашей миссии военные власти согласились предоставить в мое распоряжение три экипажа и одну подводу.

3 августа утром начался обстрел прилегающего квартала. Народ в панике бежал по улице, женщины бились в истерике.

В это время начался обстрел миссии. Я вышел к подъезду, и на моих глазах снарядом снесло решетку здания. Пройдя в столовую, я приказал подать себе чаю. Не прошло и двух минут, как новый сильный взрыв – это снаряд разорвался в саду недалеко от дома. Сотрясение было настолько сильно, что чашка выпала у меня из рук, а Иван Гачевич, прикладывавший печати к двери, ведущей в залу, был опрокинут на пол. Лошади были поданы, и мы поспешили уехать. Иван остался, желая исполнить свой долг до конца. К счастью, он не был убит, так как, если бы это случилось, я бы вечно упрекал себя, что насильно не захватил

его с собой»[147].

Как отмечалось в представлении министра иностранных дел С.Д. Сазонова на получение правительственных наград сотрудниками учреждений МИД в пределах Сербского королевства, военные действия, происходившие на Балканском полуострове, заставили их действовать «в непривычной для чинов гражданского ведомства военной обстановке».

В числе представленных были консул в Белграде Емельянов, нештатный драгоман миссии Мамулов и второй секретарь Зарин.

Емельянов и Мамулов несли службу во время троекратного наступления австрийцев на Сербию, причем во время пребывания миссии в Нише постоянно подвергались опасности заразиться пятнистым и брюшным тифом, свирепствовавшим в городе. Во время наступления австрийцев им пришлось при эвакуации сербского правительства и дипломатического корпуса, сопровождая главную квартиру, пробираться по узким тропинкам, проходившим по склонам гор, через расположение восставших против Белграда албанских племен, постоянно подвергаясь, наряду с отступавшей сербской армией, действию неприятельского огня.

Что касается упомянутого выше второго секретаря Зарина, то ему во время бомбардировки австрийцами Белграда было поручено вывезти из города находившихся там русскоподданных и принять меры к охране архивов императорской миссии. Несмотря на грозившую опасность, Зарин с полным успехом выполнил порученную ему задачу, проявив при этом мужество и хладнокровие.

Награждение представленных к наградам министром сотрудников МИД состоялось[148].

Гуманитарная миссия российской дипломатии в Сербии в этот период перешагнула далеко за рамки общепринятых понятий оказания помощи соотечественникам. Рост эпидемий всех видов тифа, черной оспы, скарлатины и дифтерита к концу осени 1914 г. принял угрожающий характер.

Нехватка продовольствия, резкое удорожание предметов первой необходимости, отсутствие перевязочных средств и антисанитарные условия, созданные вследствие того, что из оккупированных австрийцами территорий население хлынуло в Ниш, наконец, скопление пленных, многие из которых сдавались больными, все это создало благоприятную почву для быстрого распространения болезней. Одним из самых опасных источников распространения заразы являлись железнодорожные вагоны.

Однако у сербов не оказалось ни врачей, ни санитаров. Как сообщала русская миссия, «на всю Сербию имеется всего 445

врачей, считая стариков и недоучившихся лекарей. Если принять во внимание необходимость обслуживать 200-тысячную армию, 60 тысяч военнопленных и, кроме того, содержать госпитали для раненых, то неудивительно, что население остается совершенно на произвол судьбы, а тяжелые условия, содействующие распространению в его среде эпидемий, создают грозную опасность для той же армии. И гражданские, и военные власти по привычке ждут в этом помощи от России»[149].

С помощью врачей, прибывших из Петрограда, миссия открыла госпиталь для раненых на 350 человек, а также столовую и чайную для всех нуждающихся в гуманитарной помощи.

Русскому посланнику князю Г.Н. Трубецкому пришлось испить сполна горькую чашу сербского поражения. Наступление Австро-Венгрии при поддержке болгарской армии с востока вынудило сербскую армию отступить к Адриатике. Правительство Сербии и Верховное командование в этих условиях постоянно меняли свои решения о переносе временной столицы. Дипломатические миссии и правительство сначала переместились в Кральево, затем в небольшой городок Рашку, затем в Чачак и Призрен. В конце концов правительство и остатки войск были эвакуированы на остров Корфу. В этой трагической ситуации русский посланник получил из Петрограда следующую телеграмму: «Считая необходимым, чтобы представитель России разделил участь сербского правительства, прошу Вас не покидать последнего и оставаться все время при нем»[150].

Г.Н. Трубецкой до конца выполнил свой долг и был отозван в Петроград лишь после окончательной эвакуации сербского правительства.

Одной из транзитных стран, через которую пролегал путь русских на родину, была **Болгария.**

В начале войны болгары провозгласили нейтралитет и вплоть до 14 октября 1915 г. придерживались заявленного курса. Российская дипломатия лелеяла надежду на восстановление славянского блока времен Первой Балканской войны, но сделать это можно было только одним способом – уговорить соседей Болгарии Грецию и Сербию пойти ей на уступки и вернуть земли, захваченные в ходе Второй Балканской войны. Министр иностранных дел Сазонов уделял Болгарии особое внимание, но изменить ее позицию оказалось невозможно.

Австрийский ставленник немецкий принц Фердинанд Кобургский, избранный в 1887 г. на болгарский престол, маневрировал между великими державами, не скрывая своих прогерманских симпатий. Российские представители вели себя напористо, зачастую пренебрегая интересами Болгарии.

Как посол, так и русские военные дипломаты сходились в том, что Фердинанд играет главную роль в жизни государства и последнее слово в решении всех важных вопросов остается за ним. Они отмечали его ум и хитрость, таланты прирожденного дипломата и изворотливого политика, особо подчеркивали его осторожность и благоразумие. Фердинанда Кобургского они считали эгоцентриком, озабоченным в первую очередь упрочением своей власти и династии. Оказавшийся волею случая на болгарском престоле Фердинанд все время чувствовал себя чужаком, постоянно испытывал боязнь конкуренции и потери статуса. В донесениях в МИД дипломаты отмечали атмосферу недоверия, сложившуюся вокруг Кобурга, «тот разлад, который всегда существовал между ним и управляемым им народом, в результате чего та власть, тот престиж, то тонкое умение владеть людьми, словом, тот личный режим, который он так долго и с таким упорством создавал, не дают ему уверенности ни в личной безопасности, ни в будущности своей династии». Это ощущение непрочности и заставляло немца и католика Фердинанда стараться быть большим болгарином, чем сами болгары, в решении самых главных для них вопросов – завершении национального объединения и превращении Болгарии в полноценное европейское государство.

Российский историк В. Каширин приводит в своей книге, посвященной российской политике на Балканах, нелестную характеристику деятельности российской дипломатии, данную в отчете бывшего военного агента в Болгарии генерал-майора Н.И. Протопопова начальнику Генерального штаба России. Военный агент сообщал: «Если проследить деятельность наших представителей при болгарских правительствах, то резко бросается в глаза полнейшая по временам нетактичность некоторых из них. Наши дипломаты, не ограничиваясь обязанностями посредника и наблюдателя, зачастую выражали стремление играть особую роль в княжестве и явно, а большею частью тайно вторгались во внутреннюю жизнь страны, в ее распорядки и партийную борьбу, явно и тайно своим положением поддерживали то одну, то другую партию, смотря по своему вкусу и личным взглядам, и роняли престиж представителя, теряли симпатии к себе, а в лице своем и к России, и наживали врагов русскому влиянию беспрограмм-ной, изменчивой политикой. Каждый из них считал себя знатоком восточного вопроса, искусным политиком и вел политику личную, мало сообразную с интересами России. Впрочем, были и теперь есть такие, которые и не знали России, так как выросли, учились и окончили образование, начали службу и дослужились до больших чинов и

никогда в России не жили, а, следовательно, не могли знать ни ее жизни, ни ее потребностей. Бывали и такие, что всем и каждому, при случае, заявляли, что они не русские и даже не славяне. Можно ли требовать после этого, чтобы болгары относились к нам всегда искренно, как к братьям, когда они видят, что мы сами не желаем иметь посредниками истинно русских людей по рождению и по воспитанию. В Болгарии нам необходимо иметь истинно русских людей, не зараженных дипломатическим самомнением и не делающих карьеру на дипломатическом поприще, а потому и не имеющих надобности своими донесениями нравиться Министерству иностранных дел. Нам надо назначать туда людей, любящих славянство, способных усвоить демократический дух болгар, способных стать на их точку зрения и понимать их, отказавшись раз и навсегда от старых приемов и принципов нашей дипломатии. Туда нам нет нужды назначать, так сказать, присяжных дипломатов, а посылать лишь людей, способных войти в круг болгарской жизни, сблизиться с ними, а не изображать из себя что-то недоступное, стоящее выше тех людей, с которыми и среди которых приходится жить и работать. Задача нашего представителя в Болгарии так проста и ясна, что вовсе не требует какой-то специальной дипломатической подготовки и долговременной практики – чем проще и естественнее он будет себя держать, чем он доступнее будет для всех, тем будет лучше для дела. Для нашей политики в Болгарии не нужны хитрости, коварство и всякие дипломатические тонкости и подвохи, – искренность и правда всегда дадут лучшие плоды, так как устранят недоверие и подозрительность, а, следовательно, и скрытое и явное противодействие нашим желаниям»[151].

Российскую миссию в Софии в этот период возглавлял Александр Александрович Савинский, юрист по образованию. Его дипломатическая карьера началась в 1892 г. в качестве чиновника Департамента личных и хозяйственных дел, в котором он прослужил до 1901 г., занимаясь перехватом и дешифровкой дипломатической переписки. Судя по отзывам, работа этой службы под его руководством значительно улучшилась. С 1901 по 1910 гг. Савинский являлся директором Канцелярии МИДа – доверенным лицом министра. Принимал участие в работе комиссии по пересмотру структуры центральных учреждений МИДа, в дальнейшем получил назначение на должность Чрезвычайного Посланника в Швеции (1912–1913).

Получив в 1913 г. назначение в Болгарию, Савинский активно включился в дипломатические интриги, направленные на отрыв Софии от Германии и Австро-Венгрии. Для России это имело

важное значение, поскольку по географическим и геополитическим причинам Болгария являлась своеобразным ключом ко всему Балканскому полуострову. К тому же из всех балканских стран она обладала наиболее боеспособной армией.

В своей дипломатической деятельности в Софии Савинский пытался сыграть на «необъяснимом и болезненном страхе» царя Фердинанда I за престол. Пытаясь убедить Фердинанда в «благих намерениях России», посланник утверждал, что Николай II высоко ценит и уважает болгарского царя, а посему не может желать антидинастического переворота. Опасность же для династии идет, мол, от возмущения болгарского народа, которому навязывают «противную его сознанию прогерманскую политику».

Доводы Савинского не пользовались успехом при болгарском царском дворе, вызывая недовольство и возмущение. В итоге Фердинанд обвинил посланника не только в посягательстве на суверенитет Болгарии, но и на свою собственную жизнь. Летом 1914 г. в телеграмме болгарскому представителю в России Фердинанд сообщал: «Русский посланник здесь продолжает свои подлые операции против моей личности, используя разных болгарских и сербских анархистов с явной целью создать в скором времени повторение сараевского дела. Россия жестоко ошибается, так как с моей смертью она потеряет последнюю надежду на всякое влияние в Болгарии».

Болезненная реакция Фердинанда на активность Савинского вызвала беспокойство в Петрограде. МИД не поддержал и его предложение выделить дополнительные средства на работу с болгарской печатью, чтобы создать благоприятное для России информационное поле. Руководство МИДа предложило посланнику относиться ко всему происходившему в стране пребывания более сдержанно и проявлять гибкость в работе, руководствуясь тем, что «в конце концов, мы гораздо нужнее Болгарии, чем она нам. Рано или поздно она это поймет, и тогда обращение ее к нам будет более искренно и плодотворно».

Несмотря на личную неприязнь высшего руководства к российскому посланнику, болгарская сторона не чинила каких-либо серьезных препятствий для транзита русских подданных, хотя и шла весьма неохотно на какие-либо уступки. По данным российской миссии в Софии, через Болгарию[152] в Россию проследовало более 7000 человек. Из них около 500 человек через Дедеагач на Тырново – Варну и Тырново – Рущук, а остальные через Софию, откуда они направлялись частью на Варну – Одессу, частью на Рущук – Бухарест.

В первое время из-за нехватки подвижного железнодорожного

состава и отсутствия на станциях жилых помещений и съестных припасов, а также принятых карантинных мер против холеры и чумы в портах Пирея и Салоник транспортировка беженцев столкнулась с серьезными трудностями. Однако после настоятельных просьб на официальном уровне миссии удалось частично обойти эти препятствия, взяв на себя проблемы с питанием.

Поезда с соотечественниками прибывали из Сербии в поздние часы, между полуночью и 4 часами утра ежедневно. Их встречал представитель миссии, давал необходимые практические указания о дальнейшем направлении, выплачивал денежные авансы с соответствующей отметкой в паспортах и получением расписок, усаживал либо в специальные поезда, когда для их формирования было достаточно пассажиров, либо в обычные поезда, снабжая льготными железнодорожными билетами.

Из Софии пассажиры направлялись частью на Варну, частью на Рущук, где им оказывалось содействие со стороны российских консульств. В Варне их отправляли на пароходах Русского общества пароходства и торговли в Одессу, а до прибытия пароходов предоставляли приют и ночлег.

Российская дипломатия вела постоянную закулисную борьбу за вовлечение Болгарии в войну на стороне Антанты, но деятельность эта успеха не имела. Более того, результатом этих интриг стал разрыв отношений между двумя странами. Как отмечал российский историк, участник Первой мировой войны Филипп Иосифович Нотович, «Болгария превратилась в место формирования и в операционную базу руководимых болгарскими офицерами многотысячных диверсионных банд для разрушения сербских коммуникаций и связей между странами Антанты и Россией. Болгария стала транзитным коридором для доставки в Турцию вооружения из Германии, правительство дало возможность центральным державам организовать на территории Болгарии шпионаж, снабжало их политической и военной информацией и оказывало им всякого рода услуги»[153].

В секретной телеграмме министра иностранных дел от 19 сентября (2 октября) 1915 г. посланнику в Софии предлагалось немедленно сделать председателю Совета министров Радославову следующее письменное сообщение:

«События, происходящие теперь в Болгарии, свидетельствуют об окончательном решении правительства короля Фердинанда отдать судьбу страны в руки Германии. Присутствие германских и австрийских офицеров в военном министерстве и штабах армии, сосредоточение войск в пограничной с Сербией области, широкая финансовая помощь, принимаемая софийским кабинетом от

наших врагов, не оставляет сомнения в том, против кого направлены нынешние военные приготовления болгарского правительства. Державы Согласия, принявшие близко к сердцу обеспечение чаяний болгарского народа, неоднократно предостерегали Радославова, что всякое враждебное действие против Сербии будет сочтено ими, как направленное и против них самих. Увериям, расточавшимся в ответ на эти предупреждения главой кабинета, противоречат факты. Представитель России, связанной с Болгарией неувядаемой памятью ее освобождения от турецкого ига, не может оставаться в стране, в которой готовится братоубийственное нападение на союзный славянский народ. Императорский посланник получил предписание покинуть Болгарию со всем составом миссии и консульств, если в 24-часовой срок болгарское правительство не порвет открыто с врагами славянства и России и не примет мер к немедленному удалению из армии офицеров государств, воюющих с державами Согласия»[154].

Письменный ответ болгарского правительства на российский ультиматум был вручен Савинскому 22 сентября. Ввиду полной его неприемлемости российский посланник заявил Радославову о разрыве сношений и вручении охраны российских интересов голландскому поверенному в делах. После чего вернулся в посольство и сжег шифры.

В заявлении болгарского правительства подчеркивалось, что «Царское правительство самым энергичным образом протестует против приписываемого ему обвинения, что оно предало судьбы страны в германские руки. Болгарское правительство отрицает самым категорическим образом присутствие германских и австрийских офицеров в военном министерстве и разных штабах армии, хотя и убеждено, что отдельные случаи приема на службу в армию иностранных офицеров ни в коем случае не могли бы быть сочтены за неприязненный акт, ни за такой, который бы посягал на независимость и нарушал суверенные права Болгарии. После данных уже объяснений касательно мобилизации болгарской армии заключение, выведенное ультиматумом из того обстоятельства, что болгарское правительство прибегло к кредиту частных, будь то и германских банков, для выполнения, в трудные для страны минуты, при неимоверно тяжелых условиях кредита, долговых обязательств за границей и по отношению к императорскому правительству, – не только не основательно, потому что это вменяется в долг всякому правительству, которое дорожило бы добрым именем Болгарии, но и явно тенденциозно. Угрожая покинуть Болгарию, если в 24-часовой срок болгарское правительство не порвет открыто сношения с противной России

группою воюющих держав, императорский посланник призывает Болгарию выйти из нынешнего ее нейтралитета, следствие которого в пользу союзников России, бесспорно.

Нет сомнения, что, продолжая свою настоящую политику, Болгария совершенно не в силах воздействовать на отмену принятого императорским правительством решения. Ей остается с сокрушенным сердца искренно пожалеть, что положенные до сих пор болгарским народом и правительством усилия к тесному единению с братской Россией рушатся не по ее почину и инициативе»[155].

Комментируя действия Болгарии в своей речи в Государственной думе, министр иностранных дел С.Д. Сазонов заявил: «Австрийский ставленник, правящий злосчастным болгарским народом, повторил, усугубив его, преступление, совершенное им в 1913 г. Союзная дипломатия подверглась строгому осуждению за то, что ей не удалось привлечь на свою сторону Болгарию. В правительственном сообщении от 24 сентября минувшего года указывалось, что не наступило еще время для обнародования всех документов, которые пролили бы свет на деятельность дипломатии. Я готов признать, что для достижения своих целей ей пришлось избрать не самый краткий и верный путь. С целью ослабления тяжелого впечатления, произведенного своей изменой, сторонники принца Кобургского прибегают к позорному для всякой страны отречению от национального облика, и, отказываясь от своей принадлежности к славянской семье, ищут установления родственных связей с турками и мадьярами. Россия, ценой своей крови освободившая болгарский народ от угнетавших его турок, с негодованием смотрит на братание болгар с их вековыми врагами»[156].

Деятельность российской миссии **в Румынии**[157] протекала в условиях острой дипломатической борьбы между великими державами за ее вовлечение в свой лагерь. Интрига развивалась по тому же сценарию, что и в других балканских государствах, – правительство в Бухаресте упорно торговалось из-за новых территорий, которые могло бы получить в том или ином случае, и очень боялось продешевить.

Ситуация осложнялась тем, что формально Румыния еще с 1883 г. состояла в союзе с Германией и Австро-Венгрией. Однако к началу Первой мировой войны этот договор так и не наполнился практическим содержанием, потеряв всякое реальное значение. Обстановка в мире изменилась коренным образом, а характерной чертой румынской внешней политики всегда была ориентация на более сильного. Борьба румынского населения Австро-Венгрии за равноправие встречала сочувствие в

румынском королевстве, а потому отношения между Бухарестом и Веной не отличались радушием.

31 июля 1914 г., за день до начала войны, немцы предложили румынам Бессарабию в качестве платы за участие в их коалиции. Приз, конечно, устраивал Бухарест, но лишь в случае, если Россия будет полностью разбита и вынуждена уступить некоторые земли Австро-Венгрии. В противном случае Бессарабию румынам было не удержать. Поэтому Коронный совет Румынии принял 3 августа 1914 г. решение о «вооруженном выжидании». Так было, по крайней мере, официально. На деле же Бухарест вел тайные переговоры с Петроградом, и уже к 13 сентября 1914 г. С.Д. Сазонов и румынский посланник в Петрограде К. Диаманди подготовили проект соглашения, по которому Россия признавала за Румынией право «в удобный для нее момент» занять и аннексировать населенные румынами территории Австро-Венгрии. В соответствии с просьбами румын в Буковине граница должна была пройти по линии этнографического большинства.

Предполагалось, что до наступления «удобного момента» Румыния должна соблюдать благожелательный нейтралитет. Через три дня (16 сентября) румынская сторона дала согласие подписать ноту Сазонова, а днем раньше подписание ноты одобрил император Николай II.

Миссию России в Бухаресте возглавлял Станислав Альфонсович Козел-Поклевский, происходивший из старинного дворянского рода. Сын крупного предпринимателя, виноторговца, горно– и золотопромышленника, одного из основателей асбестовой промышленности на Урале и первого пароходства на реках Западной Сибири, Поклевский был профессиональным дипломатом – с 1897 по 1901 гг. служил первым секретарем миссии в Токио. С 1901 по 1906 гг. – первый секретарь, с 1906 по 1909 гг. – советник посольства в Лондоне. В 1913 г. Поклевский получил назначение на должность Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра в Бухарест[158].

Деятельность миссии в этот период заключалась в содействии и помощи лицам, выезжавшим из Австро-Венгрии через Бухарест. Дипломаты договорились с управлением румынских железных дорог о 50-процентной скидке для всех русских подданных, следующих в Россию, с предоставлением большим партиям на тех же условиях целых вагонов. На вокзале установили дежурство служащих миссии ко времени прихода поездов направления Ниш – София – Бухарест и отхода поезда на Яссы – Учтены. В случае нестыковки поездов приезжавшим в Бухарест оказывалось содействие для остановки в гостинице, неимущие помещались в дешевые комнаты в счет выдаваемых им на следующий день

казенных ссуд для дальнейшего следования.

При посредничестве миссии шел обмен телеграммами между русскими, находящимися в Австрии (а первые шесть недель войны и в Германии), и их близкими в России, затем – вся переписка между этими лицами и, позднее, денежные переводы. При миссии учредили специальное бюро, которое, под флагом испанской миссии, ведало этими делами и через которое прошло по 31 декабря 1914 г. до 10 тыс. телеграмм в обе стороны и громадное количество писем.

К сожалению, южный путь на родину через Дарданеллы и Босфор в Черное море вскоре был перекрыт – Турция вступила в войну с Россией.

На позицию Константинополя во многом повлияла Германия, направившая в проливы два военных корабля – «Гебен» и «Бреслау» – для усиления турецкого военно-морского флота. История их проникновения в Черное море и последующих действий подробно описана в монографии известного английского военного историка сэра Б.Л. Гарта – «История Первой мировой войны»[159].

Линейный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау» оказались в Средиземном море в ноябре 1912 г. в период очередной Балканской войны с целью защиты интересов Германии в случае занятия болгарами Константинополя. Несмотря на подавляющее превосходство французских и английских сил, германские корабли безнаказанно бороздили воды Средиземноморья. Получив из Берлина известие о начале войны, они на рассвете 4 августа 1914 г. обстреляли два алжирских порта, в которых шла погрузка французских воинских подразделений. 10 августа германские крейсера беспрепятственно подошли к Дарданеллам, и в тот же день вошли в Мраморное море.

Допуск турками в Черное море германских кораблей означал серьезный просчет российской дипломатии, «просмотревшей» поворот Константинополя в сторону Тройственного союза. Возможно турки «убаюкали» многоопытного Бирса, но скорее всего, как об этом свидетельствуют опубликованные шифротелеграммы того периода, российская дипломатия запуталась в собственных интригах с балканскими государствами.

Михаил Николаевич Гире происходил из старинного русского дворянского рода шведского происхождения и являлся сыном министра иностранных дел (1882–1895) Николая Карловича Гирса. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., награжден знаком отличия Военного ордена 4-й степени.

По окончании войны в 1878 г. поступил на службу в МИД. С

1897 г. посланник в Бразилии. В 1898–1901 гг. посланник в Китае, награжден за деятельность в период подавления боксерского восстания. В 1911–1914 гг. Гире был Чрезвычайным и Полномочным послом при Его Величестве Султане (в Константинополе). В 1915 г. занял пост посла России в Италии. После Октябрьской революции остался в эмиграции и поселился в Париже, где и похоронен.

26 июля (8 августа) 1914 г. М.Н. Гире, ссылаясь на главу турецкого правительства, сообщал, что «Гебен» и «Бреслау» через Дарданеллы турки «никоим образом не пропустят». Однако уже 30 июля (12 августа) 1914 г. он запросил срочных указаний министра в связи с «покупкой» этих германских крейсеров. 31 июля (13 августа) 1914 г. российский посол докладывал: «Немедленно по получении известия из Дарданелл о входе германских судов мною был заявлен протест, поддержанный французским и английским представителями, касательно нарушения Турцией нейтралитета. При сегодняшних вторичных моих объяснениях великий визирь повторил мне, что покупка судов состоялась в самое последнее время по предложению Германии после захвата англичанами турецких дредноутов. Великий визирь утверждает, что теперь же происходит удаление всей германской команды и замена ее турецкой. Английский поверенный в делах поручает адмиралу Лимпусу удостовериться в действительности замены. Лимпус настаивает, чтобы ни один немец не оставался на судах. Продолжаю думать, что лучшим решением для предупреждения брожения германской команды на судах будет высылка ее из пределов Турции, но для возможности подобного решения необходимо пропустить команду чрез Болгарию и Румынию или на нейтральном пароходе морем»[160].

Несмотря на протесты России и ее союзников, 16 августа «Гебен» и «Бреслау» были официально «проданы» Турции, получив имена, соответственно, *«Явуз Султан Селим»* и *«Мидилли»*. Обещания турок отослать немецкую команду на родину не подтвердились. Команда на кораблях оставалась полностью германской, а контр-адмирал В. Сушон продолжал быть командиром эскадры. Более того, 23 сентября 1914 г. Вильгельма Сушона назначили главнокомандующим военно-морскими силами Османской империи.

20 сентября (3 октября) 1914 г. от российского посла министру поступила еще более тревожная телеграмма:

«Лично. Прошу расшифровать лично.

В напряженное время, переживаемое здесь, единичные события так быстро чередуются и сообщаемые сведения так противоречат друг другу, что, опасаясь ввести Вас в заблуждение,

передаю Вам лишь те, которые могут иметь влияние на общее положение. Оно за последние недели упорно развивается в одном направлении – усиленной подготовки Турции к войне. Появление «Гебена» и «Бреслау» совершенно вскружило голову туркам, чем не замедлили воспользоваться немцы и австрийцы для окончательного привлечения Турции на свою сторону. Из телеграмм секретного источника и моей телеграммы Вам известно, что состоялся даже договор между ними. С тех пор военный министр, назначенный генералиссимусом армии и флота, совершенно передал как ту, так и другую в немецкие руки. Турция наводнилась немецкими офицерами, нижними чинами, орудиями и снарядами. Немцы стали усиленно готовить ее к войне со всеми державами Согласия, усиленно укреплять проливы и создавать нам всем затруднения на границах. Обращение всей Турции в военный лагерь отразилось и на отношении гражданских властей к иностранцам, и роль посольств и консульств в защите интересов иностранных подданных стала крайне тяжелой. Ухудшение положения немцев на театре военных действий до некоторой степени отрезвило более умеренных министров, и они начинают противиться стремлению немцев немедленно втянуть Турцию в военные действия. В Совете идет борьба между умеренной партией и Энвером, часто поддерживаемым Талаатом, – борьба постоянно колеблющаяся в зависимости от известий, получаемых с театра военных действий. Но война может возникнуть и помимо решения кабинета от самовольных распоряжений немцев, имеющих флот в руках. Последний может выйти в море и самовольно напасть на нас. В стране, обираемой для военной цели, несомненно, возникает сильное недовольство правительством. В армии растет недовольство против немецкой гегемонии, но нет достаточно энергичного лица, чтобы стать во главе движения. Говорят о бунтах в войске, но слухи эти недостаточно проверены, и строить на них расчеты нельзя. Такое тревожное, неопределенное положение может продолжаться до полного нашего успеха на войне, когда у нынешних же министров может явиться смелость избавиться от Энвера и от немцев. Вероятнее же, однако, что до того немцами будет создан инцидент, который ввергнет Турцию в войну.

Мои сотоварищи и я руководствуемся убеждением, что в настоящий момент нет выгоды идти на войну с Турцией, раз таковой добивается Германия, и потому всеми мерами сдерживаем Порту, стараясь лишь, насколько возможно, не вызывая крупного конфликта, обеспечить интересы наших подданных. При другой политической конъюнктуре отношение

наше было бы несомненно более требовательным, ныне же оно только сыграло бы в руку немцам и вызвало бы немедленно войну.

Последняя, вероятнее всего, неизбежна; но Вашему высокопревосходительству надлежит указать мне, когда возможно будет ее допустить.

Положению нашему здесь будет нанесен, однако, тяжелый удар, если война начнется хотя бы частичной неудачей нашего флота»[161].

К сожалению, так оно и произошло. В ночь на 16 октября 1914 г. «Гебен», подойдя в густом тумане к Севастополю, где сосредоточилась вся русская Черноморская эскадра, обстрелял порт и безнаказанно ушел.

16 (29) октября 1914 г. С.Д. Сазонов направил в Константинополь телеграмму, в которой послу предлагалось «сделать распоряжение о выезде наших консулов, передав охрану наших интересов итальянскому послу. Вместе с сим заявите Порте, что, вследствие упомянутых враждебных действий, вам предписано покинуть Константинополь с подведомственными вами чинами.

Я просил итальянского посла передать турецкому правительству, что с его представителями и подданными в России будет поступлено так же, как с нашими в Турции»[162].

Война с Турцией стала неизбежной. 2 ноября ее объявила Россия, 5 ноября – Великобритания, 6 ноября – Франция. Турция стала участницей Тройственного союза.

Как ни странно, но с прибытием всего двух германских кораблей ситуация на Черном море роковым образом изменилась в пользу Турции. Инициатива отныне принадлежала немцам – «Бреслау» и «Гебен» постоянными обстрелами терроризировали российские города. 16 октября 1914 г. в районе Керчи подорвались на германской мине и затонули пассажирские суда «Ялта» и «Казбек», а в июне 1915 г. германская подводная лодка потопила близ Батуми российское госпитальное судно «Вперед». События, связанные с нападением германо-турецкого флота на русские порты Черного моря в октябре 1914 г., подробно описаны в работе военно-морского офицера Русского императорского флота В.К. Лукина, подготовленной им в 1920 г. по заказу Военно-морской исторической комиссии (Мориском) с целью изучения опыта войны на море в 1914–1918 гг.[163]

Борьба с немецкими крейсерами стала ключевой задачей Черноморского флота. Южный морской путь для беженцев оказался перекрытым, оставалось одно – ждать конца войны.

Не менее серьезная обстановка сложилась и на Балтийском

море. Опасаясь высадки германских войск на Аландские острова, замыкающие вход в Ботнический залив, Россия начала строить на них военные укрепления, чем вызвала недовольство шведов.

Архипелаг Аландские острова, состоящий из 6757 островов, после Крымской войны в 1856 г. стал демилитаризованной зоной. Поэтому размещение на нем гарнизона численностью около 8 тыс. человек восприняли в Стокгольме как угрозу национальной безопасности.

Поднятая в шведских газетах шумиха, направленная на запугивание соотечественников «русской угрозой», серьезно встревожила Петроград. Обострение российско-шведских отношений могло привести к запрету экспорта в Россию необходимого ей оборудования и полному перекрытию Северного пути. В январе 1915 г. российский посланник в Швеции А.В. Неклюдов по указанию С.Д. Сазонова сообщил шведскому министру иностранных дел К.

Валленбергу, что меры по обеспечению обороны архипелага имеют превентивный характер на случай возможного нападения Германии. В заявлении подчеркивалось, что защита Ботнического залива от германского проникновения отвечает интересам не только России, но и самой Швеции, а возводимые укрепления имеют временный характер и по окончании войны будут демонтированы[164]. Эти объяснения на какой-то период удовлетворили шведское правительство и антироссийская шумиха в прессе затихла.

Следует отметить, что российская сторона очень осторожно относилась к любым возможным обострениям отношений со Стокгольмом. Характерный эпизод – реакция Петрограда на поставку 10 тыс. лошадей для германской армии. В официальном обращении товарища министра иностранных дел В.А. Арцимовича на имя директора Дипломатической канцелярии при ставке Н.А. Кудашева предлагалось рекомендовать Верховному Главнокомандующему «закрыть глаза» на этот шаг нейтральной Швеции. В письме подчеркивалось, что «Министерство иностранных дел полагало бы необходимым соблюдение в настоящем деле некоторой осторожности, ибо какое-либо воздействие с нашей стороны в смысле сокращения экспорта из России в Швецию может нежелательным образом отразиться на нашем настоящем, чрезвычайно обширном и разнообразном транзите через Швецию, имеющем непосредственное касательство к предметам, необходимым для целей войны»[165].

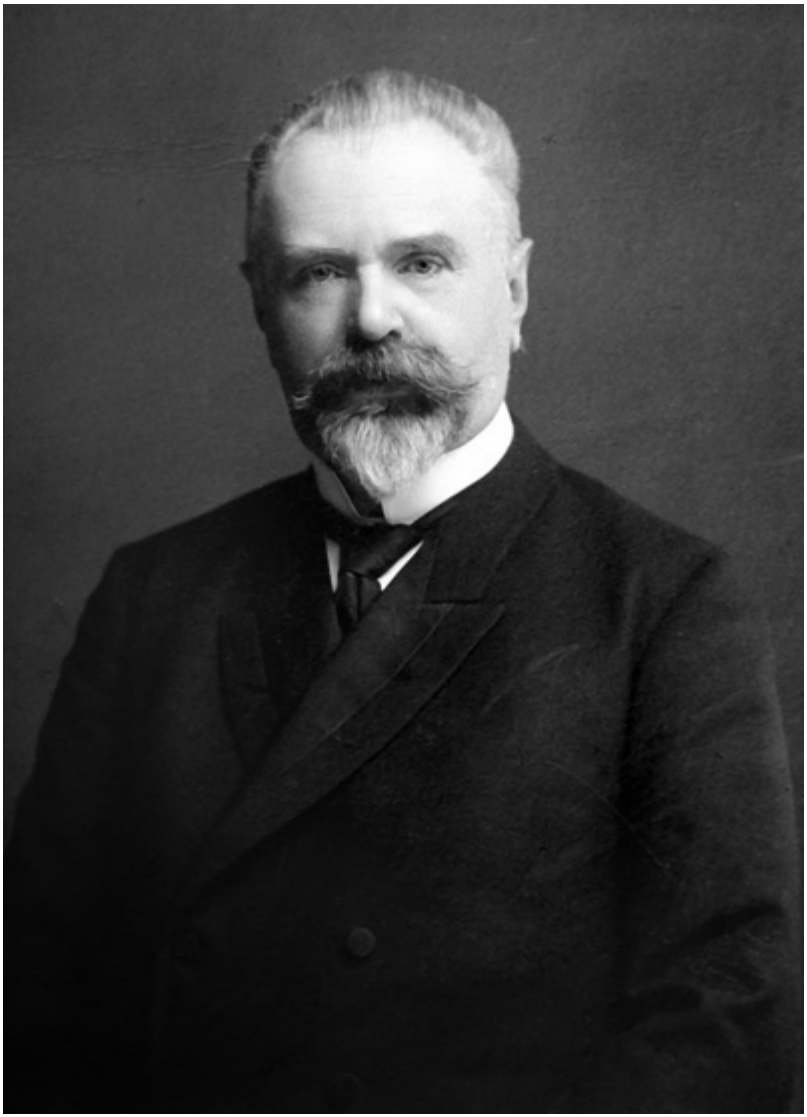
Не лучше обстояли дела и на Дальнем Востоке – 9 августа 1914 г. на пути из Нагасаки во Владивосток германский крейсер «Эмден» захватил и потопил русский пароход «Рязань».

Оставалась лишь одна, тоже далеко не безопасная дорога – Архангельск – Лондон.

Здание Министерства иностранных дел Российской империи в Санкт-Петербурге

Николай II (6 мая 1868, Царское Село – 17 июля 1918, Екатеринбург) – Император Всероссийский, Царь Польский и Великий Князь Финляндский

Михаил Владимирович Родзянко (1859 – 24 января 1924, Югославия) – председатель Государственной думы третьего и четвертого созывов. Один из лидеров Февральской революции 1917 г., в ходе которой возглавил Временный комитет Государственной думы. Во время Октябрьской революции находился в Петрограде, пытался организовать защиту Временного правительства, позднее выехал на Дон. В 1920 г. эмигрировал в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев



Борис Владимирович Штюрмер (15 июля 1848 – 20 августа 1917, Петроград) – в 1916 г. (с 20 января по 10 ноября) председатель Совета министров Российской империи, одновременно, до 7 июля того же года, Министр внутренних дел, а с 7 июля до 10 ноября того же года министр иностранных дел. В ходе Февральской революции 28 февраля 1917 г. Арестован и заключен в Петропавловскую крепость

Николай Николаевич Покровский (27 января 1865 – 12 декабря 1930, Ковно) – последний при императорском режиме министр иностранных дел Российской империи

Павел Николаевич Милюков (15 января 1859, Москва – 31 марта 1943, Эксле-Бен) – министр иностранных дел в первом составе Временного правительства (март – май 1917). Одним из первых указаний Милюкова на посту министра было распоряжение посольствам оказывать помощь возвращению в Россию эмигрантов-революционеров. В ноябре 1918 г. выехал в Турцию, а оттуда – в Западную Европу, чтобы добиться от союзников поддержки Белого движения. Жил в Англии, с 1920 г. во Франции. 28 марта 1922 г. на него совершено покушение, но Милюков остался жив, а погиб известный деятель кадетской

партии В.Д. Набоков, отец писателя Владимира Набокова

Сергей Григорьевич Сватиков (1880, Ростов-на-Дону 1942, Франция) – активный участник Февральской революции. В мае 1917 г. направлен в качестве комиссара Временного правительства в западноевропейские страны для ликвидации заграничной агентуры Департамента полиции и проверки дипломатических служб. Публичные выступления Сватикова произвели за границей неблагоприятное впечатление. Еще больший вред Сватиков нанес работе русских посольств, пытаясь искать их несуществующие связи с охранкой. Под конец своей поездки Сватиков дошел до того, что пытался самовольно смещать с постов русских дипломатов за границей, обвиняя их в «реакционности». В конце концов, был отозван Временным правительством в Россию

Александр Федорович Керенский (22 апреля 1881, Симбирск – 11 июня 1970, Нью-Йорк) – военный и морской министр Всероссийского Временного Правительства с 5 мая по 1 сентября 1917 г.

Константин Дмитриевич Набоков (1872, Ростов-на-Дону – 1927, Лондон) в 1916 г. направлен советником посольства в Великобритании, с мая 1917 г. временно управлял посольством, оставаясь в должности советника с присвоением ему лично звания чрезвычайного посланника. После Октябрьской революции уволен в отставку. Жил в Норвегии, умер в Лондоне

Возвращение В.И. Ленина в Петроград, апрель 1917 г.

Глава 7
МИД и Государственная дума

Неудачи на фронте и перенапряжение экономики вели к радикализации социально-политической обстановки в стране. Росли недовольство и озлобление практически всех слоев общества политикой царской верхушки, которую все чаще обвиняли в предательстве. В этих условиях не только Военное министерство, но и Министерство иностранных дел служили своего рода «громоотводом».

Хотя область внешней политики не являлась предметом ведения Государственной думы, в ней образовались довольно эффективные «группы давления» на правительственную политику в лице фракций политических партий, массовой прессы различных направлений, предпринимательских и общественных организаций. Растущее влияние на политическую жизнь оказывали партии, оппозиционные царскому самодержавию, связывавшие борьбу против внешней политики царизма с главной задачей социальной революции – свержением абсолютистского строя в России.

Руководство МИДа охотно шло на расширение сотрудничества с Государственной думой. На это настраивали МИД и послы в ведущих западноевропейских государствах – Великобритании, Франции, скандинавских государствах, призывавшие «модернизировать» монархию, создать хотя бы видимость демократического принятия важнейших решений. А.П. Извольский в свою бытность министром иностранных дел пытался проводить эту

линию с тем, чтобы привести существующую систему государственного управления в более совместимую с западноевропейскими, придав ей внешнюю привлекательность. Однако Николай II категорически отверг внесенное в августе 1906 г. в Совет министров предложение о предварительном обсуждении и получении мнения Думы и Государственного совета даже по неполитическим международным договорам и соглашениям России (торговым, железнодорожным и пр.) с последующим их утверждением царем. Во всеподданнейшем докладе от 1/13 мая 1907 г. А. П. Извольский все же предложил предоставить министру иностранных дел право в некоторых случаях выступать в Думе с информацией по важнейшим внешнеполитическим событиям. Речь шла о возможности ответов на запросы депутатов или разъяснений при рассмотрении сметы

МИДа, а также при обсуждении законопроектов, вытекающих из принятых Россией международных обязательств. Николай II согласился с предложением А.П. Извольского и разрешил министру иностранных дел «в тех случаях, которые он признает нужными, давать Государственной думе соответственные разъяснения».

В ноябре 1910 г. министром иностранных дел назначили единомышленника Извольского С.Д. Сазонова. Новый министр продолжал линию на сотрудничество с Думой, поддерживая связи с представителями думских фракций, в том числе и оппозиционных. Его выступления на пленарных заседаниях Думы не были частыми, однако он постоянно отстаивал одну и ту же мысль: «Без добрых отношений с законодательными учреждениями никакое правительство, как бы оно ни было самоуверенно, не может управлять страной». Кроме того, С.Д. Сазонов, по свидетельству директора департамента личного состава В.Б. Лопухина, практиковал совместные «чаепития» с лидерами партий либо в здании Министерства иностранных дел, либо у себя на квартире. Наиболее тесные личные контакты сложились у С.Д. Сазонова с лидером кадетской фракции Госдумы

П.Н. Милюковым, который впоследствии не раз заявлял: «Я был сторонником Сазонова и защищал его от нападок германофилов и правых. Поскольку Сазонов являлся защитником интересов наших и наших союзников, я всегда выступал его защитником и сторонником»[166].

Первая мировая война привела к усиленной централизации государственного управления – законы принимались помимо Думы в виде указов императора, распоряжений и узаконений правительства и министров. Хотя правительство перестало созывать Думу на длительные сроки, в январе 1915 г. предстояло утверждение «драконовского» государственного бюджета, и для этого депутатов созвали на трехдневную сессию.

В ходе заседаний стало очевидно, что неудачи на фронте коренным образом изменили настрой депутатов. Прозвучала резкая критика в адрес всех ведомств, включая Министерство иностранных дел. Этот негативный настрой особенно проявился в рамках обсуждения Бюджетной комиссией Государственной думы проекта сметы МИДа на 1915 г. Замечания депутатов носили конкретный характер и в значительной степени были связаны с тем, что многие из них застали начало войны, находясь в Западной Европе. Поэтому, «хлебнув горя» в отношениях с русскими дипломатами за рубежом, они называли конкретные фамилии сотрудников загранучреждений, настаивая на срочной

замене некоторых руководителей и пересмотре кадровой политики МИДа.

На заседании 14 января П.Н. Милюков обвинил российских консулов в «пренебрежительном отношении» к русским подданным. В качестве примера он привел Швейцарию, где, по его словам, «русские подданные терпели от недостатков в распределении материальной помощи, отпущенной правительством; суммы не доходили по назначению, задерживались и получались несвоевременно; при возвращении русских на нанятых для того пароходах публика не была достаточно осведомлена об условиях эвакуации; в Париже русских подданных оставляли беспомощно толпиться под дождём на дворе и на улице, и консул не выходил к ним; в Швеции наши путешественники менее терпели, по-видимому, потому, что местное население проявило к ним сочувствие».

Депутат Государственной думы И.С. Клюжев заявил, что в генеральном консульстве в Лондоне вице-консул Гамбс, выйдя к посетителям, обратился к ним со словами: «Ну что, попрошайки, опять пришли попрошайничать?», в Ньюкасле-на-Тайме вместо консула на пристань к отходу парохода выехал служащий консульства, не говоривший по-русски; в Стокгольме посетители вынуждены были ожидать под дождем очереди для того, чтобы их впустили в консульство, и т. п. Прозвучали также обвинения в адрес русских послов в том, что они подолгу находятся за рубежом, редко бывают в России и не знают ее проблем.

Депутат Н.Н. Ковалевский предложил «воспользоваться моментом, когда нынешние послы выехали уже из Германии, Австрии и Турции для того, чтобы они изучили те вопросы, знакомство с которыми будет им нужно впоследствии, и ближе ознакомились с русской жизнью. Дело в том, что дефекты в их работе происходят от того, что наши послы, живя постоянно за границей, отчуждённые от русской жизни, отвыкают от обычного русского уклада и не совсем отчетливо понимают, кто есть кто в современной России. Так, бернский посланник не только отказался вообще принимать просивших его об этом лиц, но не принял даже вице-председателя Государственного совета. Согласны, что послу нельзя заниматься такими мелкими вопросами, как выдача справок и денег; у него есть общие вопросы, но ведь он является как бы апелляционной инстанцией над своими подчинёнными, а вот именно бернский посланник отказался быть этой апелляционной инстанцией».

Основной лейтмотив выступлений, несмотря на их внешне «технический» характер, заключался в необходимости коренной перестройки работы МИДа в послевоенный период.

Отбиваясь от нападок со стороны депутатов, товарищ министра иностранных дел В.А. Арцимович оправдывался тем, что загранучреждения России в значительной степени состояли не из дипломатов, направленных Петроградом, а из почетных консулов, то есть местных граждан. Особенно много их было в Германии и Австро-Венгрии: «Сразу же после объявления войны приказом по министерству все консулы, состоявшие в подданстве держав, находящихся с нами в войне, были уволены. Что касается их замены русскими подданными, то в этом отношении мы поставлены в большое затруднение тем обстоятельством, что среди лиц, принадлежащих к торговому классу в тех местах, где нам нужно иметь консулов, но куда не могут быть назначены штатные консулы, совсем нет русских подданных. В этом отношении Англия, Германия, Австрия находятся в гораздо более благоприятных условиях, благодаря тому, что в их распоряжении имеются лица купеческого класса, рассеянные по всему земному шару. Нам же, к сожалению, приходится пользоваться местными жителями, удовлетворяющими более или менее тем условиям, которые мы ставим к консулам»[167].

«Кроме того, – продолжал Арцимович, – внезапное объявление войны застало на заграничных курортах массу русских подданных, а наши консульские учреждения работали в условиях летних отпусков. На рабочих местах находилась молодёжь, а начальники постов отсутствовали; деньги, которыми они могли располагать на помощь русским подданным, имелись в ограниченном размере, рассчитанном на нормальные обстоятельства. При этом беда обрушилась не на самые деятельные консульства, которые оказались именно вследствие войны закрытыми, то есть консульства в Германии и Австрии, а на такие, которые в обычное, нормальное время не требуют особо напряжённой деятельности и не имеют большого штата служащих. В таком положении оказались наши норвежские и шведские консульские посты, наша миссия в Берне, наши консульства в Марселе и Генуе. Места эти все тихие, с кабинетной деятельностью, с небольшой канцелярской работой, где от консулов большой напряжённой деятельности обычно не требуется. На этих консулов и в этой их обстановке сразу навалилась возбуждённая, нервная, расстроенная толпа соотечественников, ищущих возможности возвратиться на родину. При этом телеграфное сообщение было дезорганизовано; железнодорожное тоже; пароходное тоже; банки закрыли свои кассы; общая путаница царила во всех странах. И вот консулы были поставлены в необходимость помогать русским деньгами, советами, указаниями, каким путём доехать домой. Одним

словом, они должны были руководить толпой людей, совершенно потерявших голову»[168].

Особо остановился В.А. Арцимович на стесненных условиях, в которых консульским работникам пришлось решать срочные вопросы, связанные с оказанием финансовой помощи и отправкой соотечественников. Он отметил, что в европейских странах помещения российских консульств не рассчитаны на прием многочисленных посетителей. Как правило, это маленькие, скромные помещения из 2–3 комнат, в которых нельзя сразу принять 40–50 возбужденных людей, осыпающих вас вопросами, и при этом работать, сохраняя спокойствие и хладнокровие.

Например, в Берне канцелярия миссии помещается на 3 этаже, узкая лестница запружена народом, всё это кричит, толпится и каждый хочет войти первым. Одним словом, повсюду положение дел было самое тяжелое.

Как только консулы, высланные из Германии и Австрии, появились в Швейцарии, Франции и Англии, их прикомандировали к тем учреждениям, в которых нужно было пополнить штаты. Для того чтобы дать возможность консульским учреждениям помогать деньгами русским подданным, в них нуждающимся, – а они нуждались в размене русских денег, в ссудах и пособиях, министерство вошло с представлением в Совет министров о выделении ему особого фонда. Постановлением Правительства МИД в начале августа получил кредит, который и предоставили в последующем в распоряжение ряда загранучреждений.

С учетом прозвучавшей в адрес министерства критики Государственной думы С.Д. Сазонов в своем выступлении перед депутатами 27 января специально затронул вопрос о помощи соотечественникам.

«По поводу наших соотечественников, задержанных в Германии и Австрии, – сказал министр, – считаю долгом уверить вас, что императорское правительство принимает все меры к облегчению их участи и, по возможности, водворению их на родину».

Подводя итоги военных действий, Сазонов заявил: «Призванная на этот единственно достойный ее путь великодушным своим государем, Россия без всякого колебания поднялась как один человек и с верой в Провидение ополчилась на врага, навязавшего ей войну. Правительство и народ, движимые одним чувством и общим сознанием великой ответственности перед родиной, действовали заодно в полном согласии, и вы, представители народа, запечатлели эту историческую минуту редким единодушием, в котором вы в

горячих словах здесь заявили о своем единении с правительством.

За истекшие шесть месяцев наши доблестные войска под водительством своего Верховного Главнокомандующего не переставали творить чудеса храбрости, вплетая новые лавры в неувядаемый венец славы русского оружия. Рука об руку с нашими союзниками воины наши идут твердым шагом к своей цели, и мы, гордясь их доблестью и стремясь облегчить им выполнение их задачи, спокойно ждем светлой минуты конечного торжества. Наши союзники отдали дань удивления усилиям России, которая послала на поле брани свои несметные дружины и успешно борется с тремя империями на фронте громадного протяжения»[169].

Однако на этот раз патетическую речь С.Д. Сазонова во славу российского воинства, встречавшую обычно одобрительную реакцию депутатов, восприняли весьма прохладно, поскольку оснований для восхищения подобными бравурными выступлениями не было.

Война с центральными державами привела к резкому разрыву внешних хозяйственных связей России с ее традиционными партнерами. Половина покупаемых до войны за границей товаров шла из Центральной Европы. Около трети русского экспорта направлялось в этот же регион. Для других стран Антанты прекращение торговли с Германией и Австро-Венгрией не имело таких разрушительных последствий.

Положение осложнялось еще и тем, что в силу особенностей географического положения война нарушила хозяйственные связи России практически со всем миром. Сухопутная европейская граница, за исключением шведско-норвежской и не имеющей торгового значения румынской, через которую нельзя было попасть никуда, кроме Румынии, оказалась закрытой. В Балтийском море хозяйничали германские подводные лодки. После вступления в войну Турции такое же положение создалось в Черном море. А ведь через все эти границы в 1913 г. проходило 9/10 экспорта и 5/6 импорта.

Связь России с внешним миром повисла на тонкой ниточке Великого сибирского пути протяженностью в 8 тыс. километров с единственным выходом к морю во Владивостоке.

В летние месяцы связь поддерживалась через Архангельск, связанный с Центром узкоколейной железнодорожной линией, перешитой на широкую колею только в 1916 г. Архангельск был рассчитан на небольшую пропускную способность грузов. Насколько низкой была пропускная способность этой железной дороги, можно судить по тому, что перевозка товаров шла в

основном гужевым способом, как во времена Ивана Грозного. Грузы везли на лошадях по тракту Архангельск – Вологда, а дальше – из Вологды в Петроград. Расстояние около 1200 километров, и все это на лошадях!

«Еще в начале войны в Думу стали поступать сведения, что вывозка по узкоколейной дороге на Архангельск очень затруднена, а порт завален грузами, – писал в своих мемуарах председатель Государственной думы М.В. Родзянко. – Заказы из Америки, Англии и Франции складывались горами и не вывозились вглубь страны. Уже в первые дни войны стало ясно, что Архангельский порт в ужасном состоянии. Из Англии ожидалось получение большого количества угля для петроградских заводов, но уголь этот негде было даже сложить. Несмотря на то, что Архангельск был единственным военным портом, соединявшим нас с союзниками, на него почти не обращали внимания. Между тем к концу лета 1915 г. количество грузов было так велико, что ящики, лежавшие на земле, от тяжести наложенных поверх грузов, буквально врастали в землю»[170].

На первое место в приоритетах МИДа вышла работа по согласованию с иностранными государствами вопроса о срочных поставках России вооружений и боеприпасов, путей их доставки и правового оформления различного рода таможенных процедур, связанных с военными грузами. Это направление деятельности требовало большого напряжения как сотрудников Центрального аппарата, так и загранучреждений. В срочном порядке разрабатывались и заключались договора о военных поставках, в том числе с самыми неожиданными партнерами.

Бурно и результативно стало развиваться японо-русское взаимодействие в военной, военно-технической, финансовой и торгово-промышленной сферах. Осенью 1914 г. российскую военно-закупочную экспедицию пригласили в Токио. Японцы предложили безвозмездно вернуть свои порт-артурские трофеи – 4 пушки и 12 гаубиц с 7 тыс. снарядов, а также продать «часть орудий тяжелой осадной артиллерии с боевым комплектом и винтовки с патронами, какими вооружена японская армия». С учетом заинтересованности русского командования в получении укомплектованных частей осадной артиллерии в Петроград доставили японские гаубицы, а с ними прибыли и 29 японских артиллеристов. В течение недели 21–28 октября 1914 г. было заключено несколько крупных сделок: о покупке 200 тыс. винтовок и 2,5 млн патронов, артиллерии и полумиллиона снарядов на общую сумму в 10,5 млн иен. К началу 1915 г. Главное артиллерийское управление приобрело и заказало в

Японии 335 тыс. винтовок и к ним 87,5 млн патронов; 351 орудие, из них 135 крупного калибра и 216 легких, свыше полумиллиона снарядов, сотни тысяч пудов пороха, зарядные ящики, гильзы, штыки, пистолеты, серу, камфару, латунь и пр.

Военное сотрудничество потребовало от МИДа срочной разработки соответствующих документов. 20 июня / 3 июля 1916 г. подписывается Соглашение между Россией и Японией о взаимоотношениях на Дальнем Востоке и одновременно – Соглашение между Россией и Японией о союзе[171].

Были подписаны соответствующие договора и с другими странами.

В соответствии с «Меморандумом о соглашении между Россией и Великобританией о мерах для обеспечения перевозки военных грузов в Россию» от 4 мая 1916 г. порты Белого моря должны были принять в период с 1 мая 1916 по 1 мая 1917 г. боевые материалы весом в 2 млн 600 тыс. тонн. Русское правительство обязывалось «принять все необходимые меры для перевозки и срочной отправки внутрь страны всех грузов, равно как и для быстрого оборота (разгрузка и погрузка) и проводки судов в портах. Эти операции должны производиться днем и ночью. Все средства порта должны быть использованы полностью для этой цели, равно как и для погрузки уходящих пароходов. Главноначальствующему поручена русским правительством забота об обеспечении необходимой рабочей силы. Русское правительство гарантирует достаточное количество рабочих рук, чтобы обеспечить порты Белого моря постоянной работой в полном объеме как днем, так и ночью»[172].

В авральном порядке строилась железная дорога Петроград – Романов-на-Мурмане (Мурманск), которую удалось закончить лишь 16 ноября 1916 г.

По сравнению с другими государствами Антанты Россия резко выделялась огромной протяженностью фронта боевых действий. Занятые неприятелем местности России намного превосходили как по абсолютным размерам, так и по своему значению для страны все территории, захваченные у Австро-Венгрии и Франции. За время войны многомиллионные русские и австро-германские армии не единожды прошагали взад-вперед по громадной территории восточного театра военных действий. Вследствие маневренного характера военных операций разрушению подверглись не только места военных действий, но и прилегающие к ним области, испытавшие губительные последствия эвакуаций, охвативших в России более 500 тыс. квадратных километров с населением в 25 млн человек, то есть седьмую часть населения страны. Три миллиона человек снялись

с насиженных мест (иногда не по собственной воле) и устремились в тыл. Тысячные толпы беженцев несли с собой дезорганизацию, панику, расстраивая весь хозяйственный организм. В противоположность Франции, где оккупация и эвакуация пронеслись только один раз – в августе 1914 г., охватив небольшую часть территории, Россия в течение всей войны испытывала постоянные потрясения от оккупаций и эвакуаций.

Для оказания помощи внутренним беженцам требовались значительные средства, поэтому реализация гуманитарной миссии МИДа по поддержке русских подданных, застигнутых военными действиями в Германии и Австро-Венгрии, столкнулась с серьезными финансовыми трудностями.

Хотя к январю 1915 г. значительное число русских подданных вернулось из Европы и Турции на родину, в воюющих странах оставалось немало соотечественников – в большинстве своем мужчин призывного возраста (военнообязанных) и членов их семей. По данным испанского посольства в Берлине, только в Германии оставалось не менее 7000 нуждающихся в помощи русских подданных, из которых 4500 находились в Берлине; в Дрездене – 120; в Ганновере, Галле, Гальберштадте и Лейпциге – 400; в Хемнице – 1200; на юге Германии около 400 и в остальной части империи – 500. Кроме того, 5300 гражданских задержали в качестве «военнообязанных», из которых 1300 человек помещены в Гольцминдене, 2000 в Гавельберге и 2000 человек в других германских концентрационных лагерях. На оказание им помощи требовалось, по подсчетам испанского посла, не менее 200 тыс. марок ежемесячно.

Начиная с 11 августа 1914 г. денежные переводы задержанным в Германии и Австро-Венгрии русским подданным шли через МИД. Поступавшие в Петроград средства передавались по телеграфу в российскую миссию в Копенгагене и оттуда направлялись через испанскую миссию в испанские посольства в Берлине и Вене. На эти загранучреждения возлагалась задача доставки через германских и австрийских агентов денег по назначению, причем срок выдачи переводимых сумм зависел от различных обстоятельств, предвидеть или изменить которые было невозможно.

Встречавшиеся при выполнении переводных операций затруднения возникали из-за неточности предоставленных отправителями сведений о местонахождении адресатов, их частых перемещений, не всегда известных близким им лицам, а также вследствие ошибок перегруженного работой телеграфа и проявлявшихся в отдельных случаях намеренных задержек и небрежности передаточных инстанций в Германии и Австро-

Венгрии. Часть исполненных министерством переводов не находила адресата и «терялась».

Согласно отчету испанского посольства в Берлине на октябрь 1914 г., из 6 639 переводов, поступивших в Германию на общую сумму 1329 275 рублей, лишь 3586 переводов на сумму 714 062 рублей были выплачены адресатам или доверителям; 1488 переводов на сумму 321 155 рублей были уничтожены по просьбе отправителей, как не достигшие своей цели, и возвращены им Министерством, и, наконец, 1565 переводов на сумму 294 058 рублей остались невыплаченными за выездом адресатов из Германии[173].

Неоднократные попытки Министерства повысить эффективность деятельности испанских агентов успеха не имели. Весьма болезненной становилась проблема отчетности.

Вопрос об отчетности за представленные в распоряжение заграничных учреждений Министерства средства на оказание материальной помощи русским подданным, застигнутым войной за границей, неоднократно рассматривался на межведомственных совещаниях представителей Государственного казначейства, Государственного контроля и Министерства иностранных дел.

На заседании 6 февраля 1915 г. участники совещания пришли к выводу, что с учетом больших расходов центральным направлением этой деятельности должен быть перевод соотечественникам денежных сумм, поступающих от их родственников и различных учреждений в России, поскольку именно эти операции требуют минимальных государственных затрат.

Министерству предлагалось действовать в соответствии с уже апробированной практикой. Получив от частных лиц или российских учреждений соответствующие средства для перевода за границу, Первый департамент МИД дает разрешение заграничным представительствам выдать адресатам соответствующую сумму в иностранной валюте по курсу, установленному Особенной канцелярией по кредитной части. Выдача производится в счет специальных кредитов, открытых Кредитной канцелярией в местных банках. Телеграфные расходы на передачу министерством указаний о выдаче денежных средств несут отправители.

Вторая по значимости операция заключалась в обмене на месте ограниченных сумм русской валюты на иностранную в счет тех же кредитов и по тому же курсу, что и перевод денежных сумм. Операция эта более затратна для государства, поэтому предлагалось проводить обмен небольшими суммами.

Третий вид помощи – выдачу ссуд – Министерство финансов

требовало значительно сократить из-за ее обременительности для бюджета. Возврат выданных заимообразно денег затруднен тем, что российские учреждения, обменивающие заграничные паспорта возвращающихся на внутренние, не обращают должного внимания на сделанную в них запись о выданной ссуде, а губернаторы не сообщают списки должников Первому департаменту МИД. В этой связи губернаторам предложили ускорить составление и передачу списков недоимщиков, обнаруженных при обмене заграничных паспортов на внутренние виды на жительство, с тем чтобы вернувшиеся в Россию «не ускользнули от установленного за недоимщиками надзора».

Отчетность по предоставленным ссудам поступала от заграничных учреждений со значительными задержками. Традиционную дипкурьерскую связь загранучреждений с Центром прервала война, поэтому документы отсылались с командировочными, приезжавшими или возвращавшимися в Россию. К тому же составление отчетов было сопряжено с техническими трудностями в силу нехватки личного состава загранучреждений, на который сверх обычной текущей работы, чрезвычайно осложненной событиями войны, лег крайне тяжелый труд по оказанию различных видов помощи значительному контингенту русских подданных. Тем более что в рамках отчетности от загранучреждений требовались помимо соответствующих ведомостей, книг и расписок «исчерпывающие данные обо всех подробностях совершаемых означенными установлениями операций».

На производство всех перечисленных действий Министерству иностранных дел решениями Совета министров от 28 июля и 14 августа 1914 г. выделили 750 тыс. рублей. На оплату частных переводов заграницу с начала войны и по 1 января 1915 г. поступило 4 439 267 рублей 04 копеек.[174]

Расходы на указанные цели постоянно росли, и к февралю 1915 г. общая сумма разновременно открытых кредитов составила 7 221 239 рублей. По различным странам сумма эта распределилась следующим образом:

Австро-Венгрия	886 687 крон	349 088 р.
Великобритания	31 000 ф.ст.	293 167 р.
Германия	4 867 617 марок	2 253 219 р.
Франция	2 200 000 франков	—
Бельгия	225 000 фр.	—
Греция	450 000 фр.	—
Италия	1 000 000 фр.	—
Испания	90 000 фр.	3 009 906 р.
Португалия	25 000 фр.	—
Румыния	95 000 фр.	—
Швейцария	3 941 417 фр.	—
Дания	1 000 000 крон	—
Норвегия	125 000 кр.	—
Швеция	950 000 кр.	1 080 672 р.
Нидерланды	170 000 гульденов	132 787 р.
Египет	—	102 700 р.
Итого		7 221 539 р.

Министерство финансов и Государственный контроль требовали значительного сокращения ассигнований МИД на гуманитарные цели. Представители указанных ведомств настаивали на том, что русские подданные, застигнутые войной за границей, имели возможность вернуться в Россию. Задержанные же во вражеских странах военнообязанные содержатся в концентрационных лагерях и не должны пользоваться пособиями от Министерства иностранных дел. Выдача ссуд проживающим за границей русским подданным, которые остаются там по собственному желанию, необоснованна. Если же оказание материальной помощи русским подданным за границей признать необходимым по политическим соображениям, то следует оказывать помощь в виде ссуд только для выезда на родину и лишь точно определенным лицам, которые в такой помощи безусловно нуждаются, и именные списки которых должны сообщаться на предварительное рассмотрение русского правительства.

Учитывая подобный негативный настрой контрольных органов, С.Д. Сазонов неоднократно обращался в Совет министров с просьбой не только не сокращать, но, напротив,

увеличить ассигнования на помощь соотечественникам. Министр приводил при этом следующие доводы.

Застигнутые войной в неприятельских странах русские подданные далеко не все и не отовсюду смогли вырваться на родину. Если в Германии и Австро-Венгрии принудительно задерживались только определенные категории лиц, то в Турции аресту подверглись поголовно все русские подданные. Лишь часть из них бежала, преимущественно из Палестины, в Египет. Добиться разрешения на выезд из Османской империи удалось незначительному числу русских подданных.

Точных данных о количестве русских военнопленных не обнаружено. Имеются лишь приблизительные данные, основанные на подсчетах пленных турецким генералитетом[175]. По данным начальника Генерального штаба Турции, маршала Февзи Чакмака, в турецком плену оказалось в годы войны около 700 русских офицеров и около 10 тыс. солдат и матросов. Турецкие исследователи данного вопроса называют цифровой диапазон от 10 до 15 тыс. человек, указывая, кроме того, на некоторое количество перемещенных лиц гражданского населения. Военнопленных, захваченных на Кавказском фронте, турецкое правительство собирало в начальный период войны, главным образом в двух пунктах – Трабзоне и Эрзеруме. Далее оттуда существовало два пути отправки военнопленных. Первый – из Эрзерума через Эрзинджан и Сивас в район Анкары. Второй – из Эрзерума в Трабзон, откуда в свою очередь пленные отправлялись в Стамбул. По прибытии в Стамбул или же в Анкару пленные распределялись по различным лагерям военнопленных.

Те пленные, которые были захвачены на европейских территориях и на море, доставлялись первоначально в Стамбул, откуда направлялись далее в лагеря.

Имеются детальные данные о размещении русских военнопленных и непосредственно вблизи Кавказского фронта в Эрзеруме. Так, военнопленные офицеры были помещены в брошенные армянами дома в городе. Пленные солдаты содержались в казематах крепости Эрзерума, в казармах городского полицейского управления и в одном из караван-сараев города.

Далее, уже в Сивасе и Эрзинджане офицеры отделялись от солдат и содержались отдельно. Для их размещения турецкое правительство арендовало отели или использовало брошенные армянским населением дома. Серьезно осложняли положение эпидемии среди пленных. В основном это были брюшной тиф и дизентерия. Турецкие правительственные ведомства отмечали случаи заболевания или смерти. Специально для выявления таких

случаев был введен карантин и устроены лазареты для военнопленных, но из-за нехватки врачей и лекарств эти меры не всегда были эффективными. Представителям учреждений Красного Креста и Красного Полумесяца разрешалось доставлять посылки и осуществлять наблюдение за пленными. Однако посылки не всегда доходили до адресатов, если внезапно обострялась военная обстановка или же – в связи со злоупотреблениями руководства лагерей. Ситуацию осложняла борьба турецкого Военного министерства и полиции за право распоряжаться трудом военнопленных. Имели место и попытки поставить под контроль распределение помощи Красного Креста.

На начальном этапе войны в Турции было создано три лагеря, в которых размещались русские пленные: лагеря в Эрзинджане, Измите и Дамаске. Первым лагерем военнопленных, созданным в Турции, стали судоверфи в Измите. Впоследствии число лагерей возросло. К середине 1916 г. в Турции существовало примерно 7 лагерей для военнопленных: Афьонкарахисар, Анкара, Сивас, Маниса, Мосул, Позанты. К концу войны в Турции было создано еще несколько лагерей в окрестностях городов: Бурса, Эскишехир, Кастамону, Йозгат, Конья, Урфа, Искендерун, Нигде, Тузла (в окрестностях Стамбула). Во всех этих лагерях находились русские военнопленные, однако основными центрами их содержания были Афьонкарахисар, Сивас, Бурса, Измит, Тузла, Эскишехир.

В связи с призывом в армию значительного числа населения в Османской империи ощущалась нехватка рабочих рук. Поэтому пленные и их труд широко использовались в турецком сельском хозяйстве, строительстве и промышленности. Например, – на судоверфях Измита – на этих верфях использовался исключительно труд военнопленных. Из документов следует, что на этих верфях работали как русские моряки, взятые в плен в октябре 1914 г., так и перемещенные гражданские специалисты. Пленные из лагерей Анкары и Сиваса строили железную дорогу от Анкары далее на восток к Сивасу и затем – к Трабзону и Эрзеруму.

Труд русских и английских военнопленных использовался также при строительстве Багдадской железной дороги. Были созданы специальные «рабочие батальоны», которые состояли из пленных. Лагеря их размещались вдоль пути следования железной дороги. Один из наиболее крупных располагался рядом с деревней Ресулайн в районе Урфы. В нем работало около 5 тыс. англичан.

Окончательно вопрос о пребывании пленных на турецкой территории был решен в ходе подписания Московского договора от 16 марта 1921 г. В статье 13 Договора указывались детали

обмена пленными и перемещенными гражданскими лицами[176].

В Германии и Австро-Венгрии многие мужчины призывного возраста размещены в концентрационных лагерях. Условия пребывания в них настолько невыносимы, что отказывать им в помощи не представляется возможным. Те, кому удалось избежать лагерей, зарабатывают себе на пропитание на различных промышленных предприятиях, преимущественно угольных шахтах и металлургических заводах. Среди них немало учащейся молодежи, совершенно не приспособленной к тяжелому физическому труду. Фабриканты принимают на работу подданных неприятельских стран неохотно. Приходится соглашаться на крайне низкую заработную плату, совершенно недостаточную при чрезвычайно возросшей дороговизне для сколько-нибудь сносного существования. Очевидно, и этой категории лиц настоятельно необходима помощь со стороны русского правительства.

Трудно настаивать на том, чтобы в условиях тяжкого плена их оставили наиболее близкие им люди: мужей – жены, детей – родители. К судьбе этих лиц, фактически принудительно задерживаемых в неприятельских странах, нельзя оставаться равнодушными. Наконец, в этих странах немало больных и престарелых, для которых трудный в условиях военного времени путь в Россию представляется совершенно немыслимым. Часть таких лиц, ранее получавших средства к существованию из оккупированных неприятелем и им разоренных русских губерний, не получают в настоящее время с родины ничего и, если им не прийти на помощь, они осуждены на гибель.

С.Д. Сазонов особо подчеркивал, что утверждения Министерства финансов о том, что, якобы, русские подданные сознательно остаются в неприятельских странах с тем, чтобы уклониться от воинской повинности на родине, беспочвенны.

Все лица призывного возраста задержаны принудительно, заявил министр. В Турции их положение особенно тяжелое. Все высланы вглубь страны, а имущество конфисковано. Попытки отправлять средства из России успеха не имели, турецкое правительство никакой помощи им не оказывает. Многие уже погибли от голода и инфекционных болезней. Они брошены на произвол судьбы в совершенно невыносимых условиях. Принудительному задержанию, на общих принятых в Германии основаниях, подвергнуты и русские подданные, застигнутые войной на оккупированной германскими войсками территории Бельгии.

Кроме неприятельских стран, помощь русским подданным требуется в нейтральных и союзных государствах. Наблюдается

значительный возврат в Россию русских эмигрантов из Северо-Американских Соединенных Штатов, Канады, Аргентины и Бразилии. Люди прибывают для вступления в армию или для воссоединения с пострадавшими от войны семьями, эвакуированными во внутренние губернии из оккупированных неприятелем местностей. Часть возвращается из-за сокращения заработков в Южной Америке в связи с торгово-промышленным кризисом. Репатрианты из Северной Америки следуют в Россию через Англию, Норвегию и Швецию, а прибывающие из Южной Америки высаживаются для дальнейшего пути во Франции. Во Францию направляются для возвращения на родину и русские подданные из Италии и Швейцарии. Подавляющая часть их отправляется в путь без средств, оплатив лишь проезд и пропитание на пароходах до ближайшего транзитного порта. Нельзя этих людей оставлять без помощи на промежуточных этапах. Приходится озаботиться их прокормлением и отправкой далее по пути в Россию. Следует предусмотреть помощь и военнопленным, убегающим из концлагерей через Нидерланды и Швецию. Нуждаются в помощи по пути следования в Россию и высылаемые в последнее время из Германии некоторые категории русских подданных.

В Швейцарии, настаивал министр, помощь необходима больным, престарелым и детям, для которых не представляется возможным трудный путь в Россию. В Египте сосредоточились бедствующие русские беженцы из Турции. Возвращение их в Россию, с закрытием Салоник, крайне затруднительно и потребовало бы весьма крупных расходов. Часть из них нашла заработки в Египте, но имеется много неспособных, по возрасту или по болезни, к труду. И им приходится оказывать ту или иную материальную поддержку. В Греции нуждаются в помощи часть беженцев из Турции, ранее прибывших в Салоники, а также неимущие русские подданные, попавшие в Грецию из Италии, Болгарии и Сербии[177].

4 декабря 1915 г. министр иностранных дел С.Д. Сазонов направил в Совет министров очередное Представление МИД «Об отпуске средств на оказание помощи русским подданным за границей».

В документе отмечается, что ранее выделенные средства на оказание помощи русским подданным за границей полностью исчерпаны, и эта деятельность ведется в счет разного рода займов. На пополнение и покрытие текущих издержек требуется новое ассигнование государственного казначейства.

Выдача денежных ссуд русским подданным, застигнутым войной за границей, производится дипломатическими и

консульскими учреждениями: в союзных и нейтральных государствах – российскими, в Германии и Австро-Венгрии, за исключением города Будапешта, – испанскими, в Будапеште – американским представителем, в Турции – итальянскими и американскими учреждениями и в Болгарии – нидерландскими.

По данным поступившей в МИД отчетности за период с начала войны до 1 сентября 1915 г. израсходованы следующие суммы, в рублях:

Страна	1914 г.	1915 г.			
		январь	февраль	март	апрель
Австро-Венгрия	67 182	9 618	13 669	14 083	9 057
Болгария	33 490	4 067	2 883	2 327	2 334
Великобритания	120 304	10 100	1 515	17 322	101
Германия	593 832	86 438	97 632	115 492	94 517
Греция	42 419	15 683	6 320	7 970	11 890
Египет	125 347	—	—	—	—
Испания	10 564	—	—	—	—
Италия	125 798	1 266	3 995	428	1 982
Нидерланды	22 885	448	826	709	1 142
Норвегия	32 150	2 999	1 720	3 073	1 614
Португалия	7 434	2 000	—	—	—
Румыния	71 823	3 988	1 972	1 012	994
Сербия	7 354	88	412	608	—
Франция	214 093	4 308	5 035	6 957	8 111
Швейцария	149 162	5 069	7 277	3 299	3 071
Итого	1 623 837	146 072	143 256	173 280	134 813

Страна	1915 г.				
	май	июнь	июль	август	всего
Австро-Венгрия	6 329	6 455	—	—	126 393
Болгария	1 886	1 314	2 062	2 344	52 707
Великобритания	1 212	2 424	17 550	24 779	195 307
Германия	72 124	—	—	—	1 060 035
Греция	7 128	2 238	4 544	6 652	104 844
Египет	—	—	—	—	125 347
Испания	—	—	—	—	10 564
Италия	—	—	—	—	133 469
Нидерланды	636	918	1 505	—	29 069
Норвегия	1 533	4 996	4 910	—	52 995
Португалия	—	—	—	—	9 434
Румыния	960	626	627	1 468	83 470
Сербия	—	—	—	—	8 462
Франция	3 132	4 050	—	—	245 686
Швейцария	—	—	—	—	167 878
Итого	94 940	23 021	31 198	35 243	2 405 660

Общий расход согласно отчетности составил 3 033 577 рублей. Принимая во внимание, что отчеты доведены лишь до августа 1915 г., а по многим странам не представлено данных и за более ранние месяцы, министерство определяет округленно расходы в 3,5 млн рублей.

Исходя из поступивших просьб о выделении дополнительных средств русским подданным в Австро-Венгрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Греции, Египте, Норвегии, Турции, Франции, Швейцарии и Швеции, МИД предложил выделять им ежемесячно следующие суммы в рублях:

Австро-Венгрия	6 000
Бельгия	3 000
Великобритания	20 000
Германия	50 000
Греция	5 000
Египет	2 000
Норвегия	5 000
Турция	25 000
Франция	4 000
Швейцария	5 000
Швеция	10 000
Итого	135 000

Всего Министерство иностранных дел запросило на два месяца 270 тыс. рублей. К сожалению, этой суммой потребности МИД не ограничились, поскольку необходимо было срочно оплатить 22 451 рублей по счетам шведских железных дорог за проезд возвращавшихся в Россию русских подданных с 1 апреля по 1 октября 1915 г. Требовалось также возместить правительству Италии 31 621 рублей, розданных ее дипломатическими и консульскими представителями в качестве ссуд и пособий русским подданным в Турции. Таким образом, итоговая сумма затребованных министерством срочных дополнительных ассигнований на ближайшие два месяца составила 324 тыс. рублей[178].

В заключение своей просьбы руководство МИД подчеркивало, что полное прекращение невозможно по политическим причинам как противоречащее «великодержавному достоинству нашего отечества».

В результате все запрошенные средства были выделены, причем деятельность министерства по оказанию помощи соотечественникам поддержали все фракции Государственной думы. МИД, со своей стороны, также продолжал идти навстречу депутатам. В августе 1915 г. юрисконсультская часть МИД по поручению С.Д. Сазонова занялась разработкой законопроекта об изменении Положения о Государственной думе и Государственном совете в отношении «права интерпелляции», то

есть права запросов. Подготовленные документы, составленные на базе парламентской практики западноевропейских стран, предусматривали возможность широкого контроля Думы над всеми действиями правительства и могли стать в случае их реализации «первой серьезной ступенью к парламентскому режиму».

С весны 1916 г. руководство МИД приступило к подготовке программы территориальных, политических и экономических условий и требований, с которыми России предстояло выступить на мирной конференции после победы над Германией и ее союзниками.

Депутаты выступали за совместную с МИД разработку будущего России в послевоенном мире и приняли в этом активное участие. Совместно был подготовлен проект создания «специального секретного совещания», действующего на постоянной основе, для изучения вопросов, связанных с международным положением России после войны. Председательствовать в этом совещательном органе должен был министр иностранных дел, а в его состав должны были войти три члена от Думы и Государственного совета. К работе «совещания» предполагалось привлекать специалистов военного ведомства и ученых (географического, востоковедения, палестинского и др. обществ). Однако эти проекты реализованы не были.

Под влиянием событий на фронте и резкого ухудшения экономической ситуации в России нарастало недовольство политикой правящей верхушки. Однако погрязшая в интригах царская камарилья не придавала значения роковым изменениям в обществе, продолжая заниматься «коридорной дипломатией».

В июле 1916 г. неожиданно для всех (и для него самого!) министра отправили в отставку (12 января 1917 г. Сазонова назначили царским послом в Лондон, но занять этот пост ему помешала Февральская революция).

Его преемником 15/27 июля назначили Бориса Владимировича Штюрмера – человека некомпетентного в международных делах, пользовавшегося поддержкой Г. Распутина и хорошо ориентировавшегося в придворных веяниях. С 20 января и по 10 ноября 1916 г. он исполнял обязанности Председателя Совета министров Российской империи и, одновременно, до 7 июля того же года – министра внутренних дел. Штюрмер настойчиво боролся против революционного движения и думской оппозиции, подавляя любые инициативы сотрудников министерства, выходящие за рамки полученных инструкций. За время своего краткого нахождения на посту министра (уволен в отставку 10 ноября 1916 г.) он не внес, да и не мог внести в силу

своей некомпетентности ничего нового во внешнюю политику страны и деятельность МИДа. Его министерская активность носила во многом протокольный характер. Опасаясь принимать какие-либо ответственные решения, но чувствуя настроения царской семьи, он стал осторожно прощупывать возможность использовать аппарат МИДа для заключения сепаратного мира. Это окончательно дискредитировало его в глазах чиновников МИДа и в обществе.

1 ноября 1916 г. П.Н. Милюков с трибуны Государственной думы обвинил императрицу Александру Федоровну и премьер-министра России Б.В. Штюрмера в подготовке сепаратного мира с Германией и государственной измене. Его речь, вошедшая в историю под заголовком «Что это, глупость или измена?» привела к отставке Штюрмера[179].

Следующее назначение на должность министра бывшего государственного контролера Николая Николаевича Покровского также стало неожиданностью. Новый министр не имел какой-либо дипломатической подготовки и не владел иностранными языками. На посту министра проработал с 30 ноября 1916 по 4 марта 1917 г.

Свои серьезные финансовые познания и богатый административно-бюрократический опыт Покровский не сумел применить в министерстве. По свидетельству современников, он «чувствовал себя на своем новом посту нехорошо», просился у царя в отставку, жалуясь на совершаемые без его ведома закулисные попытки заключить сепаратный мир.

Несмотря на монархистские настроения многих сотрудников министерства, дипломаты продолжали активно сотрудничать с Государственной думой и в период Февральской революции, когда думцы на короткое время оказались во главе государства. В тот период Совет старейшин Думы по поручению частного совещания депутатов (сессия палаты к тому времени была прервана) избрал Временный комитет для наведения порядка в Петрограде. 28 февраля этот комитет объявил себя правительственной властью и до 2 марта являлся чем-то вроде правительства.

Разослав своих депутатов в качестве «комиссаров» в страны Антанты, новая власть благодаря активной деятельности зарубежных учреждений МИДа получила международное признание. Вскоре Временный комитет Думы по соглашению с Исполнительным комитетом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов сформировал Временное правительство. Из 11 его членов 8 являлись депутатами Думы, в их числе и ставший министром иностранных дел П.Н. Милюков.

Известный политический деятель, историк и публицист Павел Николаевич Милюков прослужил в этой должности с 3/16 марта по 2/15 мая 1917 г. Лидер Конституционно-демократической партии (кадетской), он получил прозвище «Милюков-Дарданелльский» – за настойчивые требования передать России после войны контроль над проливами Босфор и Дарданеллы.

Новый министр всячески демонстрировал свою «непохожесть» на бывших руководителей, бравируя показным демократизмом и революционной демагогией. Это наглядно проявилось при его первой встрече с коллективом МИДа. 3 марта 1917 г. руководящие чиновники царского Министерства иностранных дел, фактически не работавшего с 28 февраля по причине революции, получили извещения о намерении нового главы ведомства вступить в должность. Им было предписано явиться на службу к 12 часам следующего дня. Никаких парадных мундиров – в пиджаках. Такой «неформальностью» встречи планировалось подчеркнуть демократизм и деловитость сменившего царизм режима (к аналогичным «приемам» прибегал в последующем советский министр иностранных дел времен «перестройки» Э.А. Шеварднадзе).

Февральская революция 1917 г. внесла радикальные изменения в положение российских дипломатических загранучреждений.

Прежде всего, ускоренными темпами велось обновление руководящего состава российских представительств. Одними из первых вынуждены были уйти в отставку посланники в Лиссабоне и Копенгагене – П.С. Боткин и К.К. Буксгевден, а также поверенный в делах в Берне М.М. Бибиков. Послу в Испании кн. Кудашеву П.Н. Милюков также предложил подать в отставку. Его место занял посланник в Стокгольме А.В. Неклюдов, ставший первым послом Временного правительства.

На ключевые дипломатические посты в союзных и нейтральных державах Временное правительство назначало не профессиональных дипломатов, а представителей «политической общественности», лояльной к республиканской власти в России. Должность российского посла в США занял Б.А. Бахметев, по образованию инженер-гидравлик, кадет, стоявший во главе Русского Заготовительного Комитета в Нью-Йорке, сформированного в 1916 г. царским правительством для военных заказов. Посланником в Швейцарии стал И.Н. Ефремов, прогрессист, бывший Государственный контролер Российской империи. Послом во Францию назначили известного адвоката, одного из лидеров кадетской партии Б.А. Маклакова, а в Испанию, вместо внезапно подавшего в отставку А.В. Неклюдова –

генерал-губернатора Финляндии, октябриста М.А. Стаховича[180].

Несмотря на подобные ускоренные замены профессионалов политическими деятелями, от П.Н. Милюкова требовали более радикальной ломки старого загранаппарата. Весьма примечателен в этом плане секретный доклад Временному правительству «комиссара» С.Г. Сватикова, командированного 17 мая за границу с поручением расформировать заграничную политическую агентуру департамента полиции[181]. Вот какие выводы о заграничном коллективе МИД он сделал: «Все черносотенцы оставлены на своих местах и пользуются усиленною поддержкою таких же черносотенцев, оставшихся в управлениях и министерствах в Петрограде. Такие выражения, как «жиды, шайка жидов, завладевшая Россией, Советы Собачьих Депутатов» и т. п. выражения являются высокохарактерными для представителей России за границею. Но, глубоко ненавидя революцию, они всеми силами стараются дискредитировать не только демократию, но и само Временное правительство, указывая иностранцам на то, что революция виновата в разрухе, переживаемой Россией. Представители России даже в области благотворительной продолжают вести резкую борьбу с общественными элементами русскими и иностранными, на что горько жаловался мне депутат Поль Лафон в Париже, рассказавший мне целую историю тяжкой и бесплодной борьбы за очищение состава и оздоровление деятельности общества помощи пленным, бывшего раньше под покровительством г-жи Извольской. Характерною чертою для наших посольств является продолжающееся в них пренебрежение к русским гражданам и возобновившееся, после короткого перерыва, преследование политических эмигрантов. Господа дипломаты травят эмигрантов в полном смысле этого слова»[182].

Как ни парадоксально, но новая власть любым путем стремилась «добить» монархистов, рассматривая их как «контрреволюционеров» и не обращая внимания на реальную угрозу со стороны крепнущих левых сил.

В срочном порядке менялась внешняя атрибутика российских загранучреждений – с посольского флага убирали двуглавого орла, выбрасывались царские портреты, а на дипломатических паспортах, бланках посольств удалялись слова «императорское» и изображение орла. Кстати, аналогичный процесс проходил с российскими загранучреждениями после развала Советского Союза, когда из зданий посольств торопливо выносили бюсты В.И. Ленина и затирали не только государственный герб на табличках у входа, но и название государства (СССР), которое представляет посольство.

После Февральской революции сфера деятельности российских дипломатических загранучреждений значительно расширилась. Впервые им вменялось в обязанность тесное сотрудничество с находящейся в стране пребывания российской диаспорой, независимо от ее политических воззрений. Дипломаты должны были принять меры не только к обеспечению беспрепятственного возвращения на родину политических эмигрантов, но и «объединить, примирить и направить» русские диаспоры, внутри которых господствовали монархические настроения.

Одним из первых распоряжений П.Н. Милюкова на посту министра стало указание посольствам оказывать помощь возвращению в Россию эмигрантов-революцио-неров. В направленной им 9 марта 1917 г. циркулярной телеграмме в дипломатические представительства России за границей предлагалось считать более недействительными «сообщенные в разное время Министерством иностранных дел и Департаментом полиции данные о воспрещении выдачи документов на возвращение в Россию и визы паспортов лицам, коим въезд в Россию воспрещен по политическим соображениям.

Ввиду последовавшего ныне акта о политической амнистии, все указанные запрещения отпадают. Посему благоволите впредь отказывать в визе паспортов и выдаче документов для возвращения в Россию лишь тем лицам, кои значатся в международных и наших военных контрольных списках, а также тем иностранцам, въезд коих в Россию был воспрещен как осужденным по суду за общеуголовные преступления или безвозвратно высланным из России за порочное поведение»[183].

Временное правительство стремилось взять под контроль волну реэмиграции, отделив «благонадежных оборонцев» от «крамольных интернационалистов». Эта нелегкая задача, поставленная перед дипломатическим ведомством, реализовывалась с большим трудом, несмотря на то, что контроль над реэмиграцией поручался особым, образующимся на местах эмигрантским комитетам, действующим под контролем дипломатов. Такой порядок устанавливался согласно циркулярной телеграмме министра иностранных дел от 18 марта 1917 г.:

«На случай возникновения каких-либо сомнений о личности политических эмигрантов, желающих возвратиться в Россию, в силу акта амнистии, благоволите образовать при вверенном вам заграничном учреждении министерства комитет из представителей политических эмигрантов для разъяснений всех могущих возникнуть сомнений по этому вопросу. Милюков».

То же подтверждалось последующей телеграммой от 1 апреля: «При выдаче паспортов эмигрантам можете руководствоваться засвидетельствованием их военной благонадежности другими достойными эмигрантами или комитетами, образованными на основании нашего предыдущего указания».

Неустойчивая внутриполитическая ситуация в России вынуждала министра постоянно лавировать, что вносило двусмысленность в его распоряжения и создавало дополнительные трудности сотрудникам загранучреждений.

В монографии «Война, породившая революцию. Россия, 1914–1917» В.П. Булдаков и Т.Г. Леонтьева справедливо отмечают: «Русская революция была своеобразной реакцией на мировую войну, причем амбивалентной в своей основе. По существу, усталым народным массам было предложено решить, как добиваться мира: через жертвенное приближение отдаленной победы или более коротким путем сепаратного мира. У политиков вроде бы имелись доктринальные аналоги этой дилеммы. И добиться их слияния в рамках идеологии новой России было нелегко, если вообще возможно»[184].

Милюков колебался. 5 апреля он направил дипломатическим представителям в Лондоне и Париже инструкцию, фактически перечеркивающую предыдущие указания: «Настоятельно просим, по соображениям внутренней политики, не проводить различия между политическими эмигрантами пацифистами и не-пацифистами. Благоволите сообщить о сем великобританскому (французскому) правительству»[185].

Новости из России были с восторгом встречены российскими гражданами за рубежом. В посольства стали поступали многочисленные ходатайства о возвращении на родину от самых различных групп граждан: трудовых эмигрантов, лиц, выезжавших на время за рубеж и задержавшихся из-за войны, от учащихся, а также военнопленных.

Все они, в соответствии с «Правилами об оказании помощи русским подданным заграницей», установленными Временным правительством, имели право на получение пособий и ссуд для возвращения на родину.

Российским загранучреждениям предлагалось в местах наибольшего сосредоточения эмигрантов установить взаимодействие с их комитетами, а там, где таких комитетов нет, предлагалось их образовать. Дипломатам разрешалось принимать участие в работе комитетов «без ущерба для прямых обязанностей». Списки нуждающихся политэмигрантов, а также сроки возвращения ссуд должны определяться комитетами[186].

Отправляемым на родину политэмигрантам выдавали особые проездные листы, куда вписывали ссуды и пособия, как выданные в месте отправления, так и полученные в пути. Эмигрантам, ожидавшим отправления, а также их семьям, не имевшим возможности их сопровождать, разрешалось выдавать ссуды и пособия на проживание.

Особое внимание загранучреждения обязаны были проявлять к совершенно неимущим гражданам; преимущественно старикам, больным и женщинам с малолетними детьми, предоставляя им безвозвратные пособия. Основные потоки этой категории возвращенцев из Франции, Швейцарии, Италии и США проходили через российское посольство в Париже, откуда их направляли в Лондон.

Разрешив эмигрантам беспрепятственный въезд на родину, Временное правительство переоценило свои возможности. Бравируя своей «революционностью», оно оказалось не в состоянии контролировать мощный поток реэмиграции ни политически, ни технически. Особенно наглядно это проявилось в неспособности помешать выезду из Швейцарии 3 апреля первой, «ленинской» группы политэмигрантов. Все попытки российской миссии на свой страх и риск задержать «ленинцев» не встретили поддержки со стороны охваченного внутренними разногласиями Временного правительства.

«Вчера, – докладывал 1 (14) апреля из Стокгольма посланник в Швеции Неклюдов, – здесь остановился Ленин и еще несколько эмигрантов пораженческого лагеря из Швейцарии. Проезд через Германию был устроен для них стараниями швейцарского социалиста толка Циммервальда, Фрицом Платтеном, который провожал их до Стокгольма. В Стокгольме Ленин и оставшийся пока здесь Радек совещались вчера с крайними отщепенцами социалистической шведской партии, уверяя их, что через 2 недели они вернутся с другими товарищами, дабы встретить в Стокгольме германских уполномоченных, а может быть, и французских, и начать переговоры о мире.

Проезд и похвальбы Ленина с товарищами очень взволновали здешних латышских и эстонских бывших эмигрантов. Многие уверяют, что наши пораженцы, при проезде через Германию, имели кое-где свидания с тамошними социалистами, некоторые из коих проводили их до Мальме. Латыши и эстонцы утверждают, что Ленин обладает большим красноречием и замечательною ораторскою способностью, почему они боятся его влияния на Совет Рабочих и Солдатских Депутатов в пораженческом смысле»[187].

Как известно, сразу же по возвращении в Петроград В.И.

Ленин провозгласил свои знаменитые «апрельские тезисы», ставшие практическим руководством к подготовке Октябрьской революции.

Об остроте «эмигрантского вопроса» в Швейцарии свидетельствует телеграмма поверенного в делах Андрея Михайловича Ону из Берна от 5(18) апреля: «В Швейцарии пока образовались две организации для эвакуации эмигрантов: одна в Цюрихе носит скорее интернационалистический характер, другая в Берне – так называемые «обороновцы», желающие продолжения войны и составляющие лишь пятую часть всей политической организации. Обе группы с большим нетерпением ждут отъезда и просят миссию передать Временному правительству горячую просьбу об ускорении их отправления на родину; при этом обороновцы ссылаются на желание поскорее поступить в русскую армию. Ввиду бедности многих эмигрантов общая цифра уезжающих, вероятно, не превысит тысячи человек. Обе организации просят об оказании материальной помощи как уезжающим, так и временно оставшимся в Швейцарии семействам и больным».

В телеграмме того же поверенного в делах от 7 (20) апреля сообщалось: «Среди эмигрантов упорно распространяются слухи, что Англия пропустит в Россию только «надежные элементы». Немало эмигрантов уже ликвидировали свои дела в Швейцарии и желают во что бы то ни стало ехать в Россию поскорее. Поэтому следует ожидать, что под влиянием указанного слуха они будут уезжать через Германию, подобно тому, как уехала группа Ленина».

Не менее тревожные сведения шли в Петроград из Парижа. В телеграмме от 30 марта (12 апреля) поверенный в делах во Франции Матвей Маркович Севастопуло писал: «Вопрос о составлении эмигрантского комитета осложняется существующими между эмигрантами несогласиями; вследствие сего, быть может, придется действовать через посредство двух комитетов: комитета обороны под председательством гр. Нессельроде и комитета, обнимающего всю остальную эмиграцию. На завтра у меня назначено свидание с некоторыми видными эмигрантами. Можно надеяться, что в начале будущей недели вопрос окончательно выяснится. Есть надежда найти небольшой пароход, который провез бы четыреста – пятьсот эмигрантов из Гавра в Норвегию по 250 фр. за человека. В общем же, единственным средством сообщения, на которое можно рассчитывать с уверенностью, являются пароходы, которые весной пойдут за нашими войсками в Архангельск; на них провоз обойдется по 100 франков с человека до Архангельска. Как

говорил мне гр. Нессельроде, было бы весьма желательно в некоторых случаях выдавать небольшие суммы эмигрантам для расплаты с долгами, за квартиру и пр. Таким образом, расходы по водворению до русской границы должны быть определены в 500 или 1000 франков с человека, смотря по тому, совершается ли путешествие через Архангельск или Норвегию. О числе же желающих ехать пока нет никакой возможности составить себе даже приблизительное представление, тем более что неизвестно, сколько еще прибудет из Швейцарии, Италии и даже Англии, в случае водворения через Архангельск. Так как одновременный проезд семей недопустим из-за подводной войны, то может возникнуть вопрос, о чем прошу указаний, равно как и о том, следует ли считать политическими эмигрантами дезертиров и уклонившихся от военной повинности, объясняющих свое поведение побуждениями политического характера»[188].

Временное правительство, исходя из внутриполитических соображений, стремилось максимально сбросить на Центральный аппарат МИДа и его загранучреждения все сложные вопросы, связанные с отбором тех эмигрантов, «кого пускать и кого не пускать». Речь шла, в частности, о возвращения на родину эмигрантов, покинувших ее по национальным и религиозным причинам.

Министерство иностранных дел полагало, что русские граждане, покинувшие Россию по причинам национального и религиозного характера, «всецело входят в категорию политических эмигрантов» и поэтому на них распространяются льготы, предоставленные этим последним. Подобный подход встретил резкую оппозицию Военного министерства, настаивавшего на том, что принадлежность к какой бы то ни было национальности не считалась в России нелегальной и до государственного переворота и не вызывала специальных преследований. Лишь для некоторых национальностей (главным образом, евреев) существовали известные правоограничения в отношении, например, места жительства и в других областях. Поэтому к категории «национальных эмигрантов» формально не должно быть причислено ни одно лицо русского подданства.

«Что же касается категории эмигрантов, покинувших Россию по причинам религиозным, то среди них могут оказаться лица самых разнообразных категорий. Сюда могут относиться все лица, подлежавшие или подвергшиеся уголовному преследованию за какие-либо религиозные преступления или проступки; лица, принадлежащие к нелегальным, не разрешенным ранее или прямо воспрещенным, например изуверским, сектам и вероучениям, и т. д. Некоторые из таких лиц в настоящее время

после указов об амнистии и об отмене религиозных ограничений могли бы свободно проживать в России, другие же и ныне оказались бы лишенными этой возможности. Поэтому и в отношении эмигрантов «религиозных» предоставление общей льготы, допущенной при возвращении в Россию эмигрантов политических, казалось бы, не вызывается соображениями справедливости и могло бы с точки зрения наших военных интересов оказаться явно опасным, ввиду естественного предположения о возможном наплыве под видом таких эмигрантов самых нежелательных элементов, ручательств за коих, разумеется, не может быть дано русскими эмигрантскими заграничными комитетами политических эмигрантов»[189].

Наибольшую тревогу реэмиграция вызывала в Военном министерстве. Об этом свидетельствует многочисленные обращения к министру А.Ф. Керенскому Главного управления Генерального штаба России.

Военное ведомство настаивало на немедленном прекращении льготного порядка возвращения политэмигрантов. Главное управление генерального штаба (далее – ГУГШ) докладывало, что в результате состоявшейся в марте 1917 г. договоренности между министрами военным и иностранных дел, согласно которой всем находящимся за границей русским политическим эмигрантам была предоставлена возможность льготного возвращения в Россию, из-за границы прибыло уже значительное количество эмигрантов. Они продолжают прибывать большими партиями, что делает практически невозможным контроль над возвращающимися гражданами. Все чаще выясняются случаи недостаточно тщательной проверки и установления личности эмигрантов со стороны наших заграничных представителей, благодаря чему под видом политических эмигрантов в Россию проникают лица, не принадлежащие к этой категории. Таким способом, в частности, направляются в Россию (главным образом через Владивосток) огромные партии (по несколько тысяч человек) русских подданных, причисляющих себя к представителям крайнего анархизма, в действительности же не принадлежащих вовсе к определенным политическим партиям, а лишь прикрывающихся партийным именем и составляющих категорию беглых уголовных преступников и военных дезертиров.

Германские агенты или лица, способствующие неприятелю в его военных против России действиях, проникают в Россию не только под ложным именем политических эмигрантов, но нередко и действительно принадлежа к категории последних, заставляет признать, что, при осуществлении и впредь льготного порядка впуска эмигрантов, обеспечение нашей границы является

совершенно недостаточным.

Во многих случаях эмигранты получают консульские визы на въезд в Россию одновременно громадными партиями, что создает значительное скопление их в посещаемых проездом союзных и нейтральных странах и чрезвычайно затрудняет их перевозку до российской границы и дальнейшее движение по стране.

В записке на имя министра обороны А.Ф. Керенского руководство Генерального штаба указывало, что, по его сведениям, «ожидается прибытие в Россию до 250 тыс. человек, и количество это, особенно при прибытии большими партиями, не может не вызывать самых грозных перспектив как по заботам о снабжении их продовольствием, так и по чрезмерной обременительности для наших железных дорог; главнейшие линии, по коим происходит движение эмигрантов – Сибирская магистраль и линия Торнео – Петроград – являются вместе с тем главнейшими путями доставления нам снабжения из-за границы; пункты Торнео, и особенно Владивосток, до чрезвычайности перегружены ожидающими отправления внутрь страны грузами, железные дороги обладают весьма слабой провозоспособностью, и, в связи с этим, наплыв большого количества эмигрантов создает новую угрозу правильного снабжения армии. Сосредоточение же эмигрантов в пограничных с нами странах в ожидании отправления в Россию вызывает явное недовольство Японии и Швеции, указывавших уже на то, что правительства этих стран могут счесть себя вынужденными арестовывать группы наших эмигрантов и насильственно водворять их в наши пределы.

Наконец, в связи с установившимся порядком призыва русских граждан в союзные армии, массовое передвижение их в Россию, как указала уже практика, способствует тому, что многие эмигранты намеренно уклоняются от призыва как в местах их жительства, так и в России[190].

В связи с такими обстоятельствами и особенно озабочиваясь принятием мер против проникновения под видом политических эмигрантов лиц, вредных для наших военных интересов или прямых шпионов и агентов неприятеля, Главное управление Генерального штаба находится в непрерывных сношениях с министерством иностранных дел по надлежащему урегулированию вопроса о возвращении эмигрантов в Россию.

Находя посему, что единственным более или менее надежным средством для ограждения нашей границы от легального проникновения неприятельских агентов и для уменьшения силы и значения прочих указанных выше крайне нежелательных явлений должно быть признано неуклонное применение в полной мере всех паспортных формальностей,

установленных правилами 25 октября 1916 г. <…> представлялось бы крайне необходимым приостановить впредь до нового распоряжения действие упомянутого выше льготного порядка выдачи разрешений на въезд в Россию, допуская таковой въезд лишь на точном основании указанных правил 25 октября, и при том только для лиц, относительно коих нашими заграничными дипломатическими представителями могут быть представлены достаточно уважительные ходатайства»[191].

В секретной справке Главного управления Генерального штаба России от 12 июля 1917 г. отмечалось, что со времени объявления амнистии эмигранты неполитические исполняли в местах своего выезда при посредстве русских консулов все требуемые формальности наряду с обыкновенными путешественниками, то есть заполняли опросные листы и затем ожидали ответа из Петрограда на поданное ходатайство.

«В совершенно иное положение, – подчеркивается в справке, – были поставлены политические эмигранты. Им для получения от консулов удостоверения, дающего право на въезд, достаточно было простого заявления нашим консулам о желании возвратиться, сопровождаемого поручительством местного эмигрантского комитета о том, что данное лицо действительно состоит в эмиграции по мотивам политического характера. После этого фамилии отъезжающих сообщались по телеграфу через Правовой департамент Министерства иностранных дел в Главное управление Генерального штаба, но сообщались в сущности лишь для сведения, потому что в распоряжении Главного управления Генерального штаба не было никаких средств, чтобы воспрепятствовать проезду нежелательных эмигрантов через границу. Эмигранты ехали обычно большими партиями и сплошь да рядом держали себя вызывающе по отношению к чинам пограничного надзора.

В случае каких-либо затруднений, чинимых им, они терроризировали пограничные власти угрозами принести жалобу в Петроградский или Гельсингфорский Совет рабочих и солдатских депутатов. Представители обоих Советов неизменно обнаруживали тенденцию становиться на сторону эмигрантов против военных властей, не входя в рассмотрение дела по существу. Совершенно несомненно, что среди эмигрантов могли находиться лица, подозрительные с точки зрения шпионажа. Так, в числе прочих беспрепятственно были допущены Лев Бронштейн (псевд. Троцкий) и Анжелика Балабанова, которые значились в черном списке, составленном Междусоюзническим иностранным бюро в Париже. Число лиц, лишь недавно нанятых германским правительством, еще не занесенных ни в какие списки и успевших

проехать, пользуясь временным ослаблением надзора, разумеется, не может быть установлено.

Их вызывающее поведение есть лишь частный случай общего порядка, нетерпимого с точки зрения государственной обороны, но установившегося в силу того, что военные власти были объектами давления со стороны чуждых им и недостаточно компетентных органов»[192].

Дипломатические представители России за рубежом (в частности, поверенный в делах в Лондоне К.Д. Набоков) также настаивали на временной приостановке отправки политэмигрантов на родину. В телеграмме от 11/24 июля 1917 г. он сообщал: «Вопрос о дальнейшей отправке на государственный счет политических эмигрантов с континента и из Лондона в Россию становится настолько серьезным, что я вынужден всецело присоединиться к мнению некоторых вполне заслуживающих доверия лиц из эмигрантской среды. Не подлежит сомнению, что из Европы под видом политических эмигрантов уже проникли в Россию анархисты и уголовники и иные антигосударственные элементы. Ни посольства, ни консульства не имеют фактически возможности проверять подлинную принадлежность людей к политической эмиграции и должны полагаться на отзывы эмигрантских комитетов. Ввиду того, что взгляды таковых изменились с возвращением в Россию огромного большинства эмигрантов, отзывы комитетов не имеют теперь того значения и не дают тех гарантий, как прежде. Мне представляется необходимым, чтобы правительство циркулярно оповестило посольства в Лондоне, Париже и Риме и бернскую миссию, что впредь до назначения особых комиссаров здесь и в Париже с широкими полномочиями и ответственностью отправка эмигрантов временно приостанавливается. Это даст возможность переправить в Россию большее количество военнопленных и военнообязанных»[193].

В отличие от Набокова поверенный в делах в Швейцарии А.М. Ону, напротив, настаивал на скорейшем выезде из Швейцарии на родину тех эмигрантов, которые бы способствовали укреплению позиций Временного правительства и продолжению войны. В своей телеграмме в МИД 24 июля / 6 августа 1917 г. он настаивал на незамедлительном коллективном отъезде 120 эмигрантов-оборонцев». Аргументы дипломата сводились к следующему: «Около 500 эмигрантов, преимущественно интернационалистов и пацифистов, уехали отсюда через Германию. «Оборонцы», то есть националисты, до сих пор уезжали чрез Англию и Францию, при этом в весьма небольшом числе. По вполне понятным политическим соображениям оборонцы желают возможно скорее

прибыть в Россию, дабы принять участие в политической борьбе против центробежных сил. Для характеристики отъезжающих отсюда оборонцев надо отметить, что ни одному из лиц, рекомендованных комитетом оборонцев, не было отказано в визе ни англичанами, ни французами – все решительно признаны достойными доверия»[194].

Нередко между возвращавшимися на родину на одном пароходе эмигрантами и бывшими военнопленными возникали ссоры из-за разности политических взглядов.

Так, генеральный консул России в Бергене докладывал, что в проследовавшей в июле 1917 г. через Берген партии соотечественников, среди которых насчитывалось 300 политэмигрантов и 400 возвращающихся из плена солдат, происходили во время переезда из Англии на пароходе трения, обострившиеся до такой степени, что со стороны солдат слышались угрозы выбросить в море слишком ярых пацифистов. В Бергене, где партия оставалась три дня, солдаты были помещены отдельно от эмигрантов, и настроение было более покойное, хотя все-таки проявлялись некоторое недоверие и зависть к тому вниманию, с которым местные социалисты относились к нашим эмигрантам, и, в конце концов, солдаты, опасаясь какого-либо предпочтения эмигрантам, настояли на том, чтобы их отправили отдельно с первым поездом, заказанным для перевозки партии.

Все эти трения до эксцессов не доходили, но все-таки отправление наших соотечественников большими партиями, и в особенности эмигрантов вместе с солдатами, крайне нежелательны по причине всегда возможных осложнений, не говоря уже о крайних затруднениях в отношении пропитания, помещения и отправки. Вообще предпочтительнее было бы отправлять хотя бы только солдат из Франции или Англии в Россию прямо морем через Архангельский или Мурманский порт»[195].

Между тем внутриполитическая обстановка в России продолжала накаляться – власть разваливалась, общество погружалось в хаос. С тем, чтобы реально оценить складывавшуюся в стране ситуацию, уместно напомнить слова российского гимна – «Рабочей Марсельезы» – более известного как песня «Отречемся от старого мира»:

Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Вставай на врага, люд голодный!
Раздайся, клич мести народной!
Вперёд, вперёд, вперёд, вперёд, вперёд!

Именно ее через 5 дней после отречения от престола Николая II в марте 1917 г. Временное правительство утвердило в качестве государственного гимна.

В октябре 1917 г., буквально за день до переворота, в МИДе подвели итог своей трехлетней гуманитарной деятельности. В составленной по этому поводу справке давалась краткая история вопроса[196]. В преамбуле документа напоминалось, в частности, что забота о русских гражданах, оставшихся за границей по военным обстоятельствам или задержанным в неприятельских странах, была поручена образованному при Первом департаменте Министерства временному Отделу денежных переводов. К нему впоследствии присоединили делопроизводство по сводке отчетностей о выданных заграничными учреждениями и защищающими российские интересы в неприятельских странах нейтральными дипломатическими и консульскими учреждениями ссудах и пособиях неимущим русским гражданам.

Деятельность «Отдела денежных переводов и ссуд» до Февральской революции ограничивалась проведением операций по переводу денег в воюющие страны, а также составлением сводок поступавших из посольств, миссий и консульств отчетов о выданных ими неимущим соотечественникам ссудах и пособиях. Вопросы принципиального характера, включая запрос валютных средств, решались в Первом департаменте. В марте 1917 г. Отдел денежных переводов и ссуд обрел самостоятельный статус с подчинением его непосредственно товарищу министра.

Объединив разбросанные по различным отделениям бывшего Первого департамента дела, Отдел по соглашению с Министерством финансов значительно расширил круг своего ведения. Имея текущий счет в Петроградской конторе Государственного банка, получая непосредственно от Особенной канцелярии по кредитной части и от главного управления по заграничному снабжению иностранную валюту и ведая распределением кредитов, отпускаемых на нужды оставшихся за границей по военным обстоятельствам соотечественников, Отдел за истекшие со времени Февральской революции месяцы объединил нижеследующие операции:

1. Денежные переводы по льготному курсу от частных лиц нуждающимся русским гражданам, оставшимся по обстоятельствам военного времени в Германии, Австро-Венгрии, Бельгии, Турции, Болгарии и занятых неприятелем местностях России, а также в исключительных случаях (тяжкой болезни, невозможности вернуться на родину и т. д.) в Швейцарии. Ввиду ограниченности отпускаемой валюты Отдел принимает для перевода лишь до 100–150 рублей на одно лицо и до 200–300 на

семью, при этом не более одного раза в месяц. Деньги переводятся по телеграфу через посредство испанских посольств в Берлине и Вене, испанской миссии в Брюсселе и нидерландских миссий в Константинополе и Софии.

С начала войны по октябрь 1917 г. Отделом переведено свыше 18 млн рублей по 118 860 переводам.

2. Выдача ссуд и пособий неимущим русским гражданам, оставшимся за границей по обстоятельствам военного времени и не имеющим возможности возвратиться на родину. Ссуды, подлежащие возмещению, выдаются заграничными учреждениями лишь в тех случаях, когда получатели представляют достаточные гарантии последующего их возмещения. На одно лицо выдается ежемесячно до 300 рублей. До революции безвозмездные пособия выдавались более щедро, но, с сокращением отпускаемых правительством кредитов, министерство вменило в обязанность посольствам ограничить выдачу пособий нуждающимся, но трудоспособным гражданам месячным сроком до их трудоустройства. Более крупные пособия выдавались лишь в самых исключительных случаях безусловной нужды, болезни и нетрудоспособности.

Ссуд и пособий с начала войны по июль 1917 г. выдано за границей и в оккупированных местностях на сумму свыше 6500 тыс. рублей, не считая помощи, оказанной русским гражданам в Турции через иностранные представительства. Размер этой помощи, по имеющимся в Отделе сведениям (отчеты американского правительства еще не поступили), превысил за время с июня 1915 г. по апрель 1916 г. 2 млн рублей.

На предмет взыскания с недоимщиков, возвратившихся в Россию и не возместивших полученных ими ссуд, Отделом направлено в Департамент государственного казначейства требований на сумму в 1 885 388 рублей по 60 343 выдачам.

3. Помимо переводов денег по льготному курсу от частных лиц за границу на отдел с августа 1917 г., по соглашению с Министерством финансов, возложены операции по переводу денег различным комитетам и организациям благотворительного характера, находящимся как в неприятельских странах и на оккупированных территориях, так и в дружественных и нейтральных государствах. Переводы эти имеют целью оказание помощи русским военнопленным и бедствующему населению оккупированных местностей и поступают главным образом от Центрального комитета о военнопленных при Российском обществе Красного Креста и других благотворительных организаций – русских, польских, литовских и еврейских.

В целях уточнения потребностей упомянутых учреждений в

иностранной валюте для производства указанных переводов до конца 1917 г. Отделом составлена на основании их обращений предварительная заявка, выражающаяся в нижеследующих цифрах.

На нужды военнопленных требуется: 4 млн французских франков, 8 млн швейцарских франков, 300 тыс. фунтов стерлингов, 500 тыс. шведских крон, 370 тыс. норвежских крон, 2 млн датских крон, 1500 тыс. голландских гульденов, 800 тыс. итальянских лир и 12 млн американских долларов, что в русской валюте составляет около 40 млн рублей.

На нужды бедствующего русского, польского, еврейского и литовского населения оккупированных местностей необходимо в разной иностранной валюте до 3 млн рублей. Из этих сумм Отделом при посредстве заграничных учреждений и благотворительных комитетов уже переведено в разные страны заграничной валюты более чем на 4 млн рублей. Общий оборот Отдела денежных переводов и ссуд за истекшее время войны составил более 30 млн рублей.

В заключение обзора деятельности по оказанию помощи русским гражданам руководство МИД отмечает, что Отдел денежных переводов и ссуд стал практически самостоятельным учреждением – своего рода банком с благотворительными функциями. Вряд ли кто из составлявших данный документ мог себе представить, что через несколько недель все огромное и внешне могучее здание Российской империи уйдет в безвозвратное прошлое.

Пленные играют в карты, 1914 год

Наши во вражеском плену. Май 1915 г.

Русские военнопленные встречаются с вернувшимися из плена австрийцами

Глава 8
Интернирование тяжелобольных и раненых военнопленных в нейтральные страны

Одним из важнейших направлений деятельности Министерства иностранных дел Российской империи в годы Первой мировой войны стало оказание помощи военнопленным. На бытовом уровне в России распространено двойственное отношение к этой категории лиц, чужих – жалели, подкармливали, когда возможно, своих – недолюбливали, чурались, как прокаженных. В верхних эшелонах власти еще хуже – всех побывавших в плену автоматически причисляли к шпионам и никого не интересовали реальные причины попадания несчастного человека во вражеский плен. Был ли он безоружен, тяжело ранен или попал в плен по дурости собственных командиров – эти оправдания в расчет никто и никогда брать не хотел. Между тем война показала не только значительную техническую отсталость России, но и, мягко говоря, «бесталанность» ее генералитета.

Об этом, в частности, свидетельствует значительное количество русских генералов, оказавшихся в плену у германских войск. В сражениях при Танненберге 26–30 августа 1914 г., в Августовских лесах в феврале 1915 г. и при сдаче крепости Новогеоргиевск 19 августа 1915 г. русская армия понесла значительные потери в генеральском составе. По приводимым российским исследователем О.С. Нагорной данным, при окружении 2-й (Наревской) армии в Восточной Пруссии в плену оказались 16 генералов. При окружении 20-го армейского корпуса 10-й армии в Мазурии к немцам попали 13 генералов. Еще 17 генералов сдались при осаде крепости Новогеоргиевск. Во время Лодзинской операции в ноябре 1914 г. в плену оказались 12 генералов[197].

Согласно официальным данным, представленным МИДу Главным управлением Генерального штаба, Центральным справочным Бюро и соответствующими союзными правительствами количество военнопленных на декабрь 1916 г. составляло: см. таблицу на след, странице.

Всего в России было зарегистрировано 1 451 160 военнопленных, а во вражеских странах – 2 501 250 русских. В России офицерских чинов германской армии – 2371, из них

генералов – нет, полковников – 3, штаб-офицеров – 12, врачей – 98.

В Германии офицерских чинов русской армии – 20 486 (генералы, офицеры, военные чиновники, священники, сестры милосердия), из них генералов – 57, врачей приблизительно – 600–800[198].

Данные о числе русских, попавших до 1 января 1918 г. в плен, в разных источниках отличаются друг от друга. Но все источники подтверждают, что число российских пленных было наибольшим. В статье российского исследователя Е.Ю. Сергеева приведены цифры: 3 млн 395 тыс. нижних чинов и 14 323 офицера и «классных чинов», что составило 74,9 % боевых потерь русской армии, или 21,2 % от общего числа мобилизованных в нее. Большинство русских военнопленных находились в лагерях на территории Германии и Австро-Венгрии (соответственно 42,14 и 56,9 %)[199].

Уместно вспомнить, что количество советских военнопленных, попавших в плен в 1941–1945 гг., до сих пор является предметом дискуссий как в российской (советской), так и в немецкой историографии. Германское командование в официальных данных указывает цифру в 5 млн 270 тыс. человек. По данным Генштаба Вооруженных Сил Российской Федерации, потери пленными составили 4 млн 559 тыс. человек[200].

Наиболее сложным в жизни военнопленных в Германии и Австро-Венгрии был первый период (1914 – конец 1915 г.), когда страны не были готовы к приему огромного количества военнопленных, не предполагая, что содержать их придется несколько лет. Сеть лагерей и отделений военнопленных в Германии и Австро-Венгрии сложилась лишь позднее – к марту 1916 г.

	В России	Во Франции	В Англии	В Германии	В Австро-Венгрии	В Турции	В Болгарии
Германцев	134 000	162 541	50 000	—	—	—	—
Австрийцев	1 300 000	—	—	—	—	—	—
Турок	17 160	—	—	—	—	—	—
Болгар	—	—	—	—	—	—	—
Французов	—	—	—	335 000	—	—	—
Англичан	—	—	—	32 000	—	—	—
Русских	—	—	—	1 400 000	1 095 000	6 200	50

Лагеря военнопленных в Германии и Австро-Венгрии делились на две категории. К первой относились так называемые «главные». К ним были приписаны военнопленные солдаты и офицеры, находящиеся в отделениях главных лагерей и рабочих командах в 20 военных округах Германии: 113 лагерей для нижних чинов, 37 – для офицеров и 149 лазаретов. Ко второй

категории относились 235 лагерей, расположенных на территории, занятой Германией. В Австро-Венгрии существовала такая же классификация: на ее территории насчитывалось 300 лагерей, а на территориях, занятых австро-венгерскими войсками, – еще 68.

В лагерях «первой категории» (для офицеров) условия содержания были сносными и даже удовлетворительными: некоторые группы русских офицеров размещались в старинных замках или в бывших санаториях и пансионатах, как, например, в городе Аугустабаде. В лагерях «второй категории» (солдатских) условия были несравнимо худшими.

В Российской империи для содержания военнопленных также организовали более 400 лагерей, в которых содержались от 1,8 млн до 2,3 млн человек (в том числе около 190 тыс. немцев, 450 тыс. австрийцев, 500 тыс. венгров). Количество неприятельских военнопленных, занятых в экономике России, составляло 1,5 млн человек. На некоторых заводах Урала пленные составляли от 1/3 до половины всех работающих. В металлургической промышленности юга России – свыше 25 %, а в железорудной – около 60 %[201].

16 декабря 1915 г. в составе МИДа создали Отдел о военнопленных во главе с бывшим министром-резиден-том в Дармштадте С.Д. Боткиным[202]. В числе первостепенных задач, поставленных министром перед новым подразделением, стоял сбор информации о реальном положении военнопленных и наиболее серьезных случаях нарушения международного права[203].

Директор Отдела о военнопленных С.Д. Боткин одновременно входил в состав созданной 9 апреля 1915 г. Чрезвычайной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками. Комиссия при поддержке МИДа проводила расследования нарушений законов и обычаев ведения военных действий и военных преступлений, совершавшихся по отношению к русским военнослужащим и мирному населению войсками Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Расследовала также обвинения, выдвигавшиеся против России[204].

Об объемах проводимой Комиссией работы свидетельствует то, что уже в первые шесть месяцев она изучила 6632 дел. Наибольшее количество расследованных дел (5723) относилось к правонарушениям по отношению к российским войскам, причем первое место занимало применение неприятелем разрывных пуль (4234 дела). Подробно изучался Комиссией вопрос об использовании отравляющих газов.

Что касается положения русских военнопленных, то Комиссия допросила с апреля по декабрь 1915 г. в качестве потерпевших и свидетелей 222 инвалида из числа вернувшихся через Швецию и 386 (из них 240 из Австро-Венгрии) бежавших из плена и опросила, кроме того, почти всех (около 1500) вернувшихся инвалидов. По результатам своей работы Комиссия опубликовала 4 брошюры с описанием отдельных расследованных ею случаев на трех языках – русском, французском и английском[205].

Российская законодательная база о военнопленных к началу войны основывалась на положениях Гаагской конвенции 1907 г. «О законах и обычаях сухопутной войны», в которой особо оговаривалось «человеколюбивое отношение» неприятельского правительства к попавшим в плен. В рамках этого во многом декларативного международно-правового акта 7 октября 1914 г. в России утвердили Положение о военнопленных. По нему военнопленными считались только «лица неприятельских сухопутных и морских вооруженных сил (кроме шпионов)», подданные воюющих с Россией государств, входящие в состав экипажей торговых судов и сопровождающие неприятельскую армию – газетные корреспонденты и репортеры, маркитанты, поставщики и др. С ними предписывалось «обращаться человеколюбиво», не препятствовать в «исполнении обрядов их вероисповеданий», сохранять при них собственность в неприкосновенности (кроме оружия, лошадей, военных бумаг) и т. д. Военнопленных разрешалось привлекать к «казенным и общественным работам», но «не изнурительным и не имеющим отношения к военным действиям». «Оплате вознаграждением» они не подлежали.

В соответствии с указанным Положением на территории России военнопленных предполагалось содержать при местных войсках в виде команд в ведении тех начальников воинских частей, при которых они состояли. Пищевое довольствие предполагалось «по возможности наравне с нижними чинами русских войск». Высшие офицерские чины должны были кормиться сами из выплат согласно табели окладов жалования по чинам в русской армии от 1 мая 1899 г[206].

Огромные потери воюющих государств и беспримерная жестокость, с которой велись боевые действия, показали иллюзорность принятых норм международного права. Более того, масштабы взятых в плен военнослужащих и гражданских лиц настолько превосходили возможности воюющих государств по их содержанию, что они даже гипотетически не смогли бы применить указанное законодательство.

С первых же дней своей деятельности руководство Отдела о

военнопленных стремилось обеспечить контроль за тем, как обращаются с попавшими в плен офицерами и рядовыми русской армии. Поскольку испанские дипломаты, взявшие на себя защиту российских интересов в Германии и Австро-Венгрии (не бесплатно!), весьма неохотно посещали места заключения военнопленными, МИД настаивал на плановой проверке концлагерей.

Министр иностранных дел С.Д. Сазонов просил поверенного в делах России в Испании Ю.Я. Соловьева обратить внимание испанцев на следующие вопросы:

«1. Дурное питание, равносильное голоданию, наших военнопленных в Германии.

2. Связанные с жестокими наказаниями за непослушание принудительные посылки пленных на французский и австро-итальянский фронты и другие работы, связанные с военными целями, а также в Болгарию и Сербию на железнодорожные и иные тяжелые работы.

3. Очень желательно добиться от германского правительства заключения соглашения об обмене пленных врачей и санитарного персонала.

4. Мы были бы крайне признательны за возможно частые командирования чинов посольства в разные лагеря для проверки многочисленных жалоб о положении пленных, о которых мы ему сообщаем, Вы могли бы дать мысль об увеличении личного состава посольства в Берлине по примеру американского в Петрограде, к которому ныне прикомандировываются еще новых пять лиц для объезда германских лагерей в России. Все расходы по объездам лагерей посол может покрывать из уже переведенных ему в марте ста тысяч рублей»[207].

Результатом этих усилий стало учреждение при испанском посольстве в Берлине специального отдела по делам русских пленных, во главе с особым уполномоченным в звании чрезвычайного посланника. В состав отдела вошли 9 офицеров и врачей испанской армии. Контролирующая деятельность испанского посольства стала носить постоянный характер, и российский МИД чаще получал необходимую информацию о положении дел в местах заключения. В июне 1916 г. посольство Испании в Берлине направило в испанское посольство в Петрограде развернутый отчет по 4 наиболее острым вопросам содержания военнопленных в немецких лагерях.

Здесь, как представляется, вполне уместно упомянуть о той практической помощи, которую оказали России испанские дипломаты и лично король Альфонс XIII[208]. С первых же месяцев войны российское посольство в Мадриде попало в центр

европейской политики, поскольку Испания, объявившая о своем нейтралитете, стала одной из немногих стран, способных выполнять посреднические функции между враждующими сторонами. Ключевым элементом российско-испанских отношений стало тесное гуманитарное сотрудничество, благотворно отразившееся на судьбах многих наших соотечественников.

Российское посольство в Мадриде вело через секретариат короля Альфонса XIII переговоры с Германией и Австро-Венгрией по вопросу об обмене пленными. Разбор дел по защите русских на вражеской территории превратился в годы войны в одно из основных направлений деятельности дипломатического представительства. С осени 1914 г. и почти до конца войны испанские посольства в Берлине и Вене представляли интересы России.

Посол Испании в Берлине Луис Поло де Бернабе, посол в Вене Антонио де Кастро-и-Касалеис, а также посланник в Брюсселе маркиз де Вильялобар относились весьма ревностно к возложенным на них обязанностям. Дипломаты короля Альфонса помогали возвращению россиян всем, чем могли. Благодаря их поддержке многим соотечественникам, испытавшим в пути немало трудностей и лишений, все же удавалось прорваться домой через нейтральную Швецию и русскую Финляндию.

Испанский король принял самое деятельное участие в работе на гуманитарном направлении. При своем личном секретариате Альфонс XIII распорядился создать Бюро помощи пленным, которому за годы войны удалось разыскать и репатриировать 21 тыс. военнопленных и около 70 тыс. гражданских лиц разных национальностей. Немалое число среди них составляли наши соотечественники. Благодаря столь ответственному подходу Альфонса XIII к взятым на себя гуманитарным обязательствам посольства Испании в Берлине и Вене превратились за годы войны в координационные центры работ, направленных на облегчение участи русских военнопленных, а также спасение невинно осужденных российских подданных. Наиболее сложные ситуации контролировались лично королем. Зачастую его вмешательство обеспечивало успех деятельности, от исхода которой зависела жизнь человека.

К февралю 1917 г. Отдел о военнопленных располагал более чем 225 донесениями испанских делегатов, представлявших подробные сведения о посещенных ими 200 лагерях. Полученная информация давала основания для заявления протестов как относительно общего режима того или иного лагеря, так и отдельных военнопленных.

Помимо информирования Министерства о положении военнопленных испанские дипломаты были уполномочены оказывать посильную помощь путем выдачи денежных пособий и приглашением адвокатов для ведения дел лиц, оказавшихся под судом.

С первых месяцев войны МИД пересылал поступавшие в его адрес денежные переводы для военнопленных, ограничив их суммой от 150 до 300 рублей на одно лицо. Деньги перечислялись по телеграфу за счет отправителя, но для военнопленных сделали исключение и отправка проходила бесплатно с дипломатической почтой из Петрограда в Копенгаген. За период с 11 августа по 31 декабря 1914 г. Первым департаментом МИД зарегистрировано 2000 переводов военнопленным в Германии и Австро-Венгрии на сумму около 70 тыс. рублей[209].

Германские власти, чувствуя постоянный контроль испанских дипломатов, понимали, что любое происшествие или распоряжение во вред военнопленным будет известно русскому правительству и вызовет ответные меры к находящимся в России военнопленным. Правда, в отношении репрессалий против германских подданных Отделу о военнопленных приходилось действовать с большей осторожностью, ввиду огромного численного превосходства русских пленных в этой стране над германскими пленными в России.

Путем переговоров с германским и австрийским правительствами Министерству иностранных дел удалось добиться соглашения по целому ряду вопросов, касающихся условий содержания пленных во вражеских странах. Например, по вопросу об определении содержания некоторым категориям пленных, о курсе обмена денег, о предельной сумме, оставляемой у офицеров на руках, о вычетах из содержания, об освобождении унтер-офицеров от принудительных работ и т. д.

Важной функцией Отдела о военнопленных Министерства иностранных дел было наблюдение за доставкой русским военнопленным отправляемых им почтовых посылок с продуктами и прочими необходимыми предметами. Принимались меры к расследованию поступающих жалоб на порчу и пропажи посылок и к улучшению способов их доставки. Так, в январе 1916 г. Отделом было обращено внимание соответствующих учреждений на заявление германского правительства о том, что некоторые посылки, получаемые в Германии для русских военнопленных, доходят в испорченном виде, а также предпринято расследование по поводу обнаруженных залежей посылок на шведской границе, на станции Хапаранда.

Поступали жалобы русских пленных офицеров в Германии на то, что они не получают из России консервов, чая, сахара и иных съестных продуктов, тогда как французские и английские пленные снабжаются с родины пищевыми продуктами в изобилии. Ввиду скопления на финской станции Торнио осенью 1916 г. большого количества посылок, предназначавшихся русским военнопленным в Германии, Отдел зафрахтовал шведский пароход для их перевозки морем.

Когда германское правительство запретило русским военнопленным офицерам выписывать из-за границы за свой счет съестные припасы, мотивируя это тем, что германским гражданам невозможно получать съестные припасы из-за границы, Отдел возбудил вопрос о необходимости принятия в России репрессивных мер. Германским пленным офицерам запретили приобретать на рынке пищевые продукты в увеличение или улучшение установленного для них казенного пайка.

В российской прессе постоянно обсуждалась проблема расхищения германскими и австро-венгерскими солдатами посылок, направленных из России в Германию и Австро-Венгрию для российских военнопленных[210]. Не раз звучали утверждения о том, что, отсылая продукты, россияне, тем самым, «кормят врага». В результате до Февральской революции 1917 г. правительство России выделило для оказания помощи военнопленных всего 150 тыс. рублей. В лагеря для военнопленных из России в 1915–1916 гг. поступило около 131 тыс. посылок. Этого было катастрофически мало с учетом численности военнопленных, оказавшихся в германском и австро-венгерском плену.

Министерство добилось разрешения на получение русскими военнопленными корреспонденции на родном языке. Установился регулярный обмен списками военнопленных, наладилась беспошлинная доставка посылок. Началась также переписка с воюющими державами об установлении телеграфных сношений военнопленных, но соглашения по этому вопросу удалось достичь только с Австро-Венгрией. Путем длительной переписки удалось договориться о возможности передачи дипломатическим путем военнопленным отдельных документов для подписи, доставлять акты о смерти военнопленных и об оставляемом ими имуществе. Разумеется, решение упомянутых «технических» вопросов не внесло значительных послаблений в лагерный режим.

Большие трудности возникли в переговорах об обмене захваченного в плен санитарного персонала между Россией, Германией и Австро-Венгрией. Германцы всячески затягивали переговоры, ставя вопрос об обмене санитарного персонала в зависимость от обмена гражданскими лицами. В августе 1916 г.

германское правительство через испанского посла в Берлине представило свой проект соглашения, в котором предлагало договориться об обмене всеми категориями санитарного персонала, но освободить из плена лишь 189 из 58 914 взятых в плен русских врачей. Немцы объясняли это необходимостью оставить по одному врачу и по 10 санитаров на каждые 2500 русских военнопленных. Таким образом, все 2558 российских санитаров не подлежали освобождению.

Отдел о военнопленных МИДа России, рассмотрев указанный германский проект и согласовав свою позицию с Военным министерством, направил ответ через Стокгольм в начале ноября 1916 г. Российская сторона соглашалась на предложение Германии об освобождении 189 русских врачей и взамен предлагала освободить 25 германских врачей.

Переговоры на эту же тему с Австрией начались еще в августе 1914 г. Российская сторона предлагала освободить весь санитарный персонал, но австрийцы, соглашаясь с этим лишь частично, высказали встречное пожелание – оставить в плену некоторое число врачей и санитаров для обслуживания нужд русских военнопленных. Их предложение было принято, и в апреле 1915 г. российское правительство согласилось на задержание в плену по одному врачу на 1500 военнопленных. В результате в течение лета и осени 1916 г. австро-венгерские власти освободили 40 врачей и 1 представителя Южнорусской Общественной Организации Всероссийского Земского Союза, 2 женщин-врачей, 3 студентов-медиков, 4 братьев милосердия, 126 фельдшеров и 365 санитаров. Со своей стороны, Россия освободила 41 врача, 21 аптекаря, 13 студентов-медиков, 154 фельдшера и 365 санитаров[211].

Переговорный процесс, инициированный российской дипломатией в рамках порученной ей руководством страны гуманитарной миссии, сталкивался с серьезными внешними и внутренними препятствиями. Оппонентами МИДа выступали Военное министерство и Министерство финансов – и те, и другие полагали нецелесообразным тратить средства на «отработанный людской материал». Никакая мидовская аргументация на них не действовала.

Говоря о внутренних препятствиях, мешавших переговорному процессу, важно подчеркнуть, что с самого начала войны тема о военнопленных в русской печати была неофициально под запретом, а уже к концу 1914 г. стала строго подцензурной: любое упоминание о взятых в плен русских солдатах и офицерах вычеркивалось. Под запретом находились любые воззвания в защиту пленных, а также публичный сбор денег в их пользу.

Например, на заседании Комитета по оказанию помощи военнопленным 16 марта 1916 г. предлагалось напечатать альбомы под названием «военнопленные», состоящие из пяти открыток каждый, изображающие жизнь русских и союзных России военнопленных. Однако руководству Комитета было предложено «признать нежелательным распространение в России фотографических и других карточек с изображением как военнопленных, так равно и их жизни». Над деятелями Московского комитета помощи военнопленным, одной из наиболее эффективных общественных организаций, учредили негласный надзор и даже предпринимались попытки изобличить некоторых его сотрудников в тайной связи с противником.

Среди российских организаций, активно помогавших военнопленным и раненым, особое место принадлежит Русской православной церкви. Через Действующую армию прошло более 5 тыс. священнослужителей. Около 2 тыс. из них получили различные награды и поощрения. При этом 14 пастырей были удостоены «за отличие в военных подвигах» офицерскими Георгиевскими крестами. Заметим, что со времени основания этого ордена в 1796 г. и до русско-японской кампании его получили всего 4 священника[212].

В ходе боевых действий 400 священнослужителей были ранены или контужены, более 100 попали в плен, многие, отказываясь бросить свою паству, добровольно оставались в лагерях для военнопленных.

В те годы Церковь, чье имущественное благосостояние (капитал одних только монастырей составлял 60 млн рублей, а ежегодный доход – 1 млн) не давало спать спокойно представителям радикальных партий, продемонстрировала способность решать общенациональные задачи. По данным отчета обер-прокурора Святейшего Синода, опубликованного в 1916 г., уже в конце первого года войны 207 обителей открыли лазареты для раненых. Среди самых крупных были госпитали Троице-Сергиевой лавры (на 300 человек), Киево-Михайловского монастыря (на 450), Киево-Печерской лавры, в которой отвели 10 корпусов для размещения раненых. Создавались лазареты и при приходах. В одной лишь Московской епархии в 1914 г. начали работать 157 таких госпиталей, на чье содержание общины затратили 425 тыс. рублей.

Помощь раненым осуществлялась и по линии Красного Креста. Издававшиеся при Святейшем Синоде «Церковные ведомости» сообщали, что к 31 марта 1917 г. в кассу главного управления этого общества поступило пожертвований «от лиц и учредителей духовного ведомства» на сумму более 16 млн

рублей.

Действенным церковно-общественным органом, осуществляющим поддержку семей фронтовиков, стали приходские попечительские советы, массовое создание которых началось после начала войны. К августу 1915 г. советы выделили нуждающимся более 6 млн рублей. Кроме денежных пособий семьи ушедших на фронт обеспечивались хлебом, топливом, одеждой и обувью.

Министерству иностранных дел приходилось не только вести переговоры с союзниками и воюющими государствами по вопросам военнопленных, но и постоянно отчитываться за то, что происходило с иностранными военнопленными внутри России. Переписка велась в основном с посольством США в Петрограде, взявшим на себя защиту интересов Германии в России.

В составленной в начале 1915 г. МИД записке о положении задержанных германских и австро-венгерских подданных, предпринималась попытка в ответ на поступившие посольству США жалобы изложить собственную версию положения дел. В записке напоминается, что «по соглашениям, состоявшимся между российским правительством и правительствами германским и австровенгерским, все русские подданные от 17 до 45 лет, находящиеся в Германии и Австро-Венгрии, не подлежат возвращению на родину, равно как и германские и австро-венгерские подданные того же возраста, находящиеся в России». Задержанные на основании указанного соглашения в России германские и австро-венгерские подданные высланы во внутренние губернии, главным образом в Вятскую и Вологодскую.

Ознакомившись с содержанием писем военнопленных, Министерство иностранных дел сделало вывод, что положение германских и австро-венгерских подданных, задержанных в России, «отнюдь не является бедственным – из 212 просмотренных министерством писем в 98 пленные указывают, что они довольны своей участью, а из остальных не более 10 содержат жалобы на недостаток денежных средств». Поэтому, по мнению МИД, положение всех германских подданных, имеющих при себе некоторые, хотя и незначительные, материальные средства, является «более чем удовлетворительным»[213].

В переписке с посольством США по вопросу об улучшении быта военнопленных российская сторона предложила, чтобы на условиях взаимности воюющие обменялись правилами содержания военнопленных, включая порядок размещения, выдачи одежды и продовольствия, а также о корреспонденции, переводе денег и снабжении вещами. Выражалось также согласие на создание «при Российском обществе Красного Креста особого

комитета для попечения о германских военнопленных, на тех же основаниях, на коих ныне в Петрограде устроен комитет для попечения об австрийских пленных. Все переговоры об учреждении этого комитета предлагалось вести непосредственно между российским и германским Бюро о военнопленных[214].

Что касается сокращения продовольствия пленным германцам – уменьшение хлебной и мясной порции, а также лишение пленных чайного довольствия – то речь идет об «общей ограничительной мере, введенной для всех пленных германцев. Вызвана же она совершенно недопустимым, с человеческой точки зрения, режимом, применяемым к пленным чинам нашей армии, находящимся в концентрационных лагерях Германии. Не только в смысле жестокого обращения с названными пленными, но и, главным образом, в предоставлении им пищи в таком ограниченном количестве и такого дурного качества, которые не оправдываются решительно никакими заслуживающими внимания соображениями и не удовлетворяют самым основным требованиям гигиены, не говоря, конечно, о гуманитарности»[215].

Руководствуясь внешнеполитическими соображениями, Отдел о военнопленных предложил разделить находившихся в России военнопленных на несколько категорий по национальным признакам и создать для некоторых из них более привилегированные условия. Так, пленных славян переквалифицировали из военнопленных в «трудообязанных». Министерство иностранных дел (Второй политический отдел) также стало посредником в вопросе об ассигновании сербам, находящимся в германском и австро-венгерском плену, в размере 940 тыс. рублей для снабжения их одеждой и пищевыми продуктами.

Помимо этого, ввиду обращения французского и итальянского правительств о выдаче им французов и итальянцев, бывших в составе германской и австро-венгерской армий, уроженцев Эльзас-Лотарингии, Тироля и населенных итальянцами провинций, Отдел о военнопленных ходатайствовал перед Военным министерством об удовлетворении этой просьбы. В результате почти все эльзасцы, а также значительное число итальянских солдат и офицеров были освобождены[216].

С каждым месяцем войны в воюющих государствах нарастала проблема продовольственного снабжения не только собственной армии и населения, но и военнопленных. Среди оказавшихся в плену миллионов солдат и офицеров многие были ранены, искалечены или страдали от болезней, связанных с плохим питанием и изнурительным трудом. Многие сходили с ума и кончали жизнь самоубийством:

Душа без Родины. Какое испытанье!
Ни добрых слов, ни теплого участья.
Вокруг чужие беды, мрак, несчастья,
И вечный плач, и вечное страданье.
Потухший взгляд тебя едва коснется.
Никто тебя не слышит. Всюду страх.
И горечь остается на губах,
И от молчанья сердце захлебнется[217].

Содержание и охрана военнопленных отвлекали немалые финансовые, людские и продовольственные ресурсы. Если здоровых людей еще можно было использовать на работах и в определенной степени компенсировать затраты на их содержание, то лечение инвалидов, раненых и тяжело больных представлялось обременительным для воюющих государств. Тем более что широко распространенный в этот период туберкулез «косил» не только военнопленных, но и гражданское население многих стран.

Наибольшую заинтересованность в обмене искалеченными и неизлечимо больными пленными проявили Германия и Франция. В 1915 г. при посредничестве Ватикана они договорились об обмене военнопленными-инва-лидами («о взаимном возврате на родину»). Между Россией и Центральными державами переговоры велись при посредничестве нейтральной Швеции. Для координации этой деятельности был образован «Комитет по обмену и эвакуации военнопленных калек», осуществлявший свою деятельность через Отдел о военнопленных МИДа.

Дипломатам России, Франции, Англии и Бельгии, с одной стороны, и Германии с Австро-Венгрией, с другой, удалось достичь взаимопонимания о «реестре увечий» при наличии которых возможно взаимное освобождение военнопленных инвалидов. В соответствии с договоренностью освобождению подлежали все тяжелораненые и больные, увечья и болезни которых делали их длительно или навсегда неспособными к строевой службе, а офицеров и унтер-офицеров также негодными к обучению молодых солдат и к канцелярской службе.

Увечьями и болезнями, дающими право на освобождение, признавались:

1. Частичная или полная потеря одной или нескольких конечностей (по крайней мере, одна рука или одна нога).

2. Потеря возможности владеть одним или несколькими членами вследствие потери или сокращения мускула и т. п. неверное сокращение; заболевания позвоночного хребта,

вызывающие полное расстройство в движениях, болезни лучевой артерии, имеющие тяжелые последствия.

3. Полный или по месту и распространению своему значительный паралич.

4. Повреждения мозга с тяжелыми последствиями (паралич одной стороны или повреждение важных функций мозга).

5. Повреждение спинного хребта с тяжелыми последствиями.

6. Утрата зрения на оба глаза (слепота), равной слепоте считается утрата одного глаза при значительном уменьшении зрения оставшегося целым глаза.

7. Существенное повреждение лица и тяжелое ранение гортани.

8. Полная слабость вследствие ран.

9. Раны в грудь с тяжелыми последствиями.

10. Раны в живот и в пах с тяжелыми последствиями.

11. Острый туберкулез.

12. Полная слабость вследствие внутренних болезней и неизлечимые душевные болезни[218].

Эвакуацию российских инвалидов предполагалось осуществить через Швецию. 8 июля 1915 г. Германия и Швеция согласились с российскими условиями обмена. Шведский министр иностранных дел запросил срочно перевести ему аванс в 100 тыс. крон на расходы по эвакуации инвалидов и настаивал на немедленном начале русско-германского обмена. Деньги были переведены. Российская сторона сформировала и оборудовала три санитарных поезда, разработала графики их движения применительно к приходу и отходу шведских санитарных поездов шведской станции Хапаранда, а также оборудовала на финляндской станции Торнио эвакуационный и изоляционный пункты. В казармы Московского полка начали свозить для обмена военнопленных инвалидов из отдаленных частей России[219].

Ввиду значительного количества русских военноплен-ных-туберкулезников Отдел о военнопленных выработал совместно с Генеральным штабом условия соглашения с австро-венгерским правительством, выразившим согласие на взаимный обмен частью туберкулезных пленных на следующих условиях:

1. С обеих сторон освобождается равное число (для начала австро-венгерским правительством предлагалось обменяться 4000 больными туберкулезом в первой стадии).

2. С учетом перегрузки железных дорог инвалидами и интернируемыми в нейтральные страны больными туберкулезных перевозить морем, для чего согласовать вопросы обеспечения безопасности судна.

3. Для контактов с военным министерством и иными

местными властями каждая сторона командирует одного врача и одну сестру милосердия[220].

Шведский Красный Крест организовал транспортировку русских тяжелораненых: морем между Засницем (немецким портом в Померании) и шведским портом Треллеборг близ Мальме; далее по шведским железным дорогам между Треллеборгом и шведско-финляндской границей. На этом направлении работали оборудованные шведами санитарные поезда с медицинским персоналом. В обратном направлении, с севера на юг, те же санитарные поезда и пароходы везли из России германских и австрийских инвалидов.

Несмотря на строгую цензуру в отношении любых сообщений о положении военнопленных, информация о реальном положении дел проникала в Россию и способствовала росту пацифистских настроений в обществе. Кроме того, интенсивное использование военной пропагандой воюющих государств образа военнопленных, страдающих от произвола противника, порождало настоятельные требования общественности предпринять действенные шаги для улучшения их положения. По инициативе российской вдовствующей императрицы Марии Федоровны и Международного Красного Креста, а также при посредничестве Красного Креста Дании в 1915 г. государства-противники на Восточном фронте договорились об обмене делегациями для осмотра лагерей военнопленных.

10 апреля 1915 г. товарищ министра иностранных дел А.А. Нератов обратился в Главное управление Красного Креста с предложением обсудить вопрос о желательности осмотра представителями Датского Общества Красного Креста мест заключения русских военнопленных в Германии. Российский МИД обратился к Датскому Обществу Красного Креста с просьбой командировать своих представителей в Германию и осуществить эту операцию в сопровождении одного из русских подданных, назначенным русским Главным управлением Красного Креста[221].

Деятельность сестер милосердия в Первую мировую войну заслуживает особого внимания. К сожалению, сведения о ней весьма неполны. Известно, что к 1915 г. в России существовало 115 общин, находившихся в ведении Общества Красного Креста, кроме того, сестры состояли при трех местных управлениях и двух Комитетах РОКК, Евангелическом госпитале и четырех иностранных больницах Петрограда. Самой крупной организацией, насчитывавшей 1603 человека, являлась община святого Георгия. Следующими по численности были «Петроградские сестричества» имени генерал-лейтенанта М.П. фон Кауфмана (952 человека) и святой Евгении (465 человек).

Свято-Троицкая община в это время насчитывала 129 сестер, а Крестовоздвиженская – 228. В Иверской и Александровской («Утоли моя печали») организациях Москвы состояло, соответственно, 365 и 183 сестры. Всего в Москве к началу войны существовало семь общин. Следует уточнить, что в названные списки включались не только женщины, находившиеся на действительной службе, но и сестры запаса, так что реальное их число оказывалось меньшим.

В 1916 г. по официальным спискам на фронт было отправлено 17 436 сестер, которые обслуживали более 2000 полевых и тыловых учреждений Красного Креста: 71 госпиталь, рассчитанный на 44 600 человек, этапные и подвижные лазареты, 11 санитарных поездов, передовые отряды, санитарные транспорты, питательные и перевязочные пункты, дезинфекционные камеры, рентгеновские и летучие хирургические отряды, два плавучих госпиталя на Черном море, три бактериологические лаборатории, шесть полевых складов. Средствами передвижения для нестационарных учреждений служило около 10 тыс. лошадей и 800 автомобилей.

Деятельности сестер милосердия по оказанию помощи на театре военных действий и в тылу в годы Первой мировой войны посвящена уникальная монография А.В. Срибной «Сестры милосердия в годы Первой мировой войны». На основе архивных документов и официальных публикаций в ней дается описание общей структуры учреждений Российского общества Красного Креста (РОКК), рассказывается об основных принципах самоотверженной работы общин сестер милосердия на благо русской армии[222].

На первое ноября 1915 г. во всех названных заведениях лечилось около 780 тыс. человек. К этому времени 28 сестер скончалось, заразившись инфекционными заболеваниями, четверо погибло в результате несчастных случаев, пятеро было убито, а двенадцать покончили жизнь самоубийством. После войны предполагалось издать «Золотую книгу» с биографиями всех умерших сестер, но этот проект так и не осуществился[223].

Опасения сторон, что инспекции лагерей военнопленных могут быть использованы в целях шпионажа, привели к включению в состав комиссий сестер милосердия, которые казались в меньшей степени склонными к разведывательной деятельности[224].

В 1915 г. в комиссии Красного Креста, которыми проводился осмотр германских концентрационных лагерей для русских военнопленных, были включены три сестры милосердия. Аналогичная комиссия с тремя немецкими сестрами была

послана для осмотра российских лагерей, где содержались пленные немцы. Русские сестры получили опросные карточки-анкеты, в них указывались общие данные каждого пленного, в том числе его вероисповедание, условия, при которых он попал в плен, общее состояние здоровья – на помощь этим несчастным Красный Крест выделил 60 тыс. рублей. Всего русскими сестрами было осмотрено 115 лагерей.

В целом за период войны в германских лагерях побывало 6 таких комиссий. Каждая делегация состояла из русской сестры милосердия, представителя Красного Креста Дании и сопровождающего немецкого офицера. В обязанности сестер входило проведение бесед с пленными, передача их жалоб комендатуре немецких лагерей и командованию армейских корпусов. Им была доверена раздача крупной суммы денег, а также право, пусть формального, выступления в Военном министерстве Пруссии. При подготовке поездки немецкие военные органы исключили из маршрута рабочие команды прифронтовых областей и некоторые концентрационные лагеря. Чтобы скрыть от международной общественности и от русского правительства факты привлечения русских военнопленных к работам на военных предприятиях Германии, немецкие военные органы во время пребывания в лагере комиссии перемещали солдат, работавших на военных объектах, в другие лагеря.

Большинство командированных в Германию и Австрию сестер Российского общества Красного Креста принадлежали к высшему свету. Австрийский император и немецкая императрица принимали у себя российских медсестер во время их путешествия через Вену и Берлин. Императрица Александра Федоровна также дала официальную аудиенцию немецким и австрийским сестрам по причине отсутствия вдовствующей императрицы, которая возглавляла Российское общество Красного Креста. Императрица встречалась с российскими медсестрами перед их отъездом и после их возвращения. Однако подобные приемы вызвали столь жесткую критику русской общественности, что из программ последующих делегаций светские визиты были исключены.

Германские военные органы первыми обнаружили, что посещения сестер милосердия оказывают отрицательное воздействие на пленных солдат. Последние, после бесед со своими соотечественницами, проходившими в соответствии с международными соглашениями без свидетелей, стали в массовом порядке отказываться от работы.

На основе взаимности для осмотра мест заключения германцев и австро-венгров в России были допущены делегаты Датского Общества Красного Креста в сопровождении сестер

милосердия Германского и Австро-Венгерского Красного Креста. Судя по материалам заседаний Совета министров 12, 15, 26 июля и 5 августа 1916 г. эти поездки вызвали большую обеспокоенность российского руководства[225].

Военные утверждали, что опыт посещения германскими и австро-венгерскими сестрами милосердия мест водворения неприятельских военнообязанных дал им «достаточно материала, рисующего деятельность названных сестер с крайне неблагоприятной стороны». Из донесений местных губернских властей стало известно, что при посещении военнообязанных сестры милосердия неоднократно пытались раздавать им привезенные из-за границы книги, брошюры и картины тенденциозного содержания, а также добывать всякого рода сведения, могущие быть полезными для их правительств. Ввиду этого и находя, что подобная деятельность германских и австро-венгерских сестер должна быть признана по своим задачам близко соприкасающейся с военной разведкой, Министерство внутренних дел сочло необходимым издать распоряжение о недопущении делегаций упомянутых сестер к посещению военнообязанных неприятельских подданных.

Товарищ министра иностранных дел А.А. Нератов[226], представлявший на этих заседаниях министерство, напомнил, что согласно достигнутой договоренности территория каждого из обследуемых государств делится на районы, причем каждый отдельный район предоставляется, с разрешения военного ведомства, для обследования одной сестры милосердия. Не отрицая того, что в предыдущие посещения со стороны некоторых сестер милосердия предпринимались попытки к снабжению военнопленных неразрешенными предметами и к сбору недозволенных сведений, Нератов настаивал на том, что это не должно быть поводом для введения каких-либо существенных изменений в действующий порядок, а требует лишь установления более строгого надзора за иностранными сестрами милосердия.

Нельзя не предвидеть, пояснял дипломат, что всякая ограничительная мера с нашей стороны вызовет соответствующие меры, затрудняющие деятельность наших сестер милосердия в Германии. Поэтому он высказался против закрытия для иностранных сестер милосердия каких-либо областей империи, предложив ограничиться недопущением их в те или другие лагеря по усмотрению военного ведомства, с установлением строгого надзора за этими сестрами милосердия во все время их пребывания и путешествий в России.

«В Германии находится большое количество русских гражданских пленных, как из числа лиц, задержанных при

объявлении войны, так и уведенных из занятых неприятелем губерний. Среди них немало чиновников, пенсионеров и офицеров, отставных и состоящих на действительной службе, притом нередко людей женатых и обремененных семьями. Положение всех этих лиц, сосредоточенных в особых концентрационных лагерях, является крайне тяжелым, и оказание им возможной помощи через русских сестер милосердия, командированных в Германию, должно быть признано необходимым. Так как русским сестрам, несомненно, запретят посещение заключенных в лагерях соотечественников, если мы закроем германским сестрам милосердия возможность посетить задержанных в России германских военнообязанных, было бы желательным не прибегать к указанной запретительной мере».

В результате Совет министров все же запретил прибывающим в империю для осмотра мест размещения неприятельских военнопленных делегациям посещение местностей, расположенных вдоль Мурманской железной дороги и в окрестностях города Архангельска. Этот запрет объяснялся использованием 33 тыс. германских и австро-венгерских военнопленных на строительстве Мурманской железной дороги, которое велось в тяжелейших условиях. Через скалистые горы, леса, тундры и болота предстояло в кратчайшие сроки проложить полотно железной дороги, построить станции, разъезды, мосты и другие сооружения. Здесь круглосуточно трудились более 30 тыс. крестьян из Нижегородской, Казанской, Симбирской, Пензенской, Калужской и Смоленской губерний. Кроме того, летом 1916 г. сюда же доставили 10 тыс. маньчжурских китайцев, имевших опыт строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Смертность среди строителей была настолько высокой, что ни о каких визитах иностранцев речи быть не могло.

Запрещено было также посещение мест «вольного поселения» неприятельских военнообязанных и лиц гражданского состояния, а также мест производства военнопленными продукции для нужд государственной обороны. Все остальные маршруты, в том числе Транссибирская магистраль, не подлежали запрету.

В условиях многочисленных потерь как на фронте, так и среди гражданского населения оккупированных стран, появления на улицах западноевропейских городов сотен безруких и безногих инвалидов практически во всех воюющих странах стали возникать общественные организации с целью оказания помощи жертвам войны. При российских миссиях и посольствах также создавались различные комитеты взаимопомощи, возглавляемые представителями Русской православной церкви и местных благотворительных организаций.

Под влиянием неблагоприятной ситуации на фронте деятельность по оказанию помощи военнопленным стала приобретать более отчетливые контуры и в России, где упоминание об этой проблеме было фактически под запретом.

Со стороны МИДа поступали настойчивые предложения Военному министерству, Государственной думе незамедлительно включиться в миротворческую деятельность, развернувшуюся в Западной Европе. Отношение Николая II и «силовых ведомств» к этим инициативам было негативное. В качестве контраргумента говорилось о том, что в России уже существует Центральное справочное бюро Российского общества Красного Креста, и этого «вполне достаточно».

Однако с учетом «прохладного» отношения со стороны государственных органов к работе РОКК, отсутствия опыта и нехватки кадров Общество даже не смогло наладить систематизированный учет попавших в плен солдат и унтер-офицеров, ограничиваясь офицерскими чинами, что вызывало постоянную критику со стороны общественности[227]. По этой причине в составе РОКК был создан специальный комитет во главе с сенатором А.Д. Арбузовым, который сосредоточился на работе с российскими военнопленными.

Летом 1915 г. в России создается Комитет помощи русским военнопленным под покровительством императрицы Александры Федоровны. Официально он считался общественной организацией, но практически работал в тесной увязке с государственными органами и, в первую очередь, с МИДом.

Неоценимую практическую поддержку российским благотворительным организациям оказали организованные в Стокгольме осенью 1915 и весной 1916 г. международные конференции по вопросам положения военнопленных.

После проведенного летом 1915 г. совещания в Копенгагене представителей Московского комитета и Гамбургского Красного Креста при посредничестве Обществ Красного Креста Дании и Швеции принц Карл Шведский обратился к России и другим государствам – участникам войны с предложением делегировать своих представителей на конференцию по вопросам плена в Стокгольм.

Конференция в Стокгольме открылась 22 ноября 1915 г. под председательством принца Карла Шведского. Материалы инспекционных поездок с участием русских сестер милосердия, проведенных за два с половиной месяца, были обнародованы в Стокгольме российскими делегатами.

Первая Стокгольмская конференция проделала огромную работу, изучив все материалы обследования лагерей. Результатом

стала разработка кодекса положений и правил об условиях содержания военнопленных обеих сторон, получившего неофициальное наименование «кодекса военнопленного». Стороны согласились ввести службу справок, наладить обмен списками, почтовыми сообщениями, обеспечить медико-санитарный уход, своевременную доставку посылок и распределение пожертвований, удовлетворение духовных нужд пленных. Предлагалось организовать в лагерях комитеты помощи военнопленным и смешанные комиссии как органы общественного контроля за условиями содержания людей. Постановления конференции были приняты к исполнению правительствами воюющих сторон и приобрели значение международно-правовой конвенции. Это стало первым практическим шагом в международно-правовом урегулировании вопроса о военнопленных. Заключительный протокол приняли и подписали через полгода, на II Стокгольмской конференции в мае 1916 г.

Под влиянием решений Стокгольмской конференции заметно активизировалась русская знать, проживавшая в Европе. В апреле 1916 г. группа русских аристократов в Швейцарии во главе с баронессой М.А. Будберг, княгиней А.А. Голицыной, княжной И.Л. Урусовой, русским консулом в Лозанне А.Н. Макеевым решила «взять шефство» над концлагерем Цвикау в Саксонии. Затем ее деятельность распространилась еще на двадцать два лагеря в Германии и Австро-Венгрии, лазареты в Гейльбронне, Ульме и в лагере Геттинген. Созданный российскими аристократами Комитет помощи русским пленным отправлял посылки с продуктами, бельем, одеждой и обувью.

Выделяемых государством и российской общественностью средств на оказание помощи пленным не хватало – их было слишком много. Коррупция, бюрократизм и отсутствие точных сведений о количестве военнопленных мешали эффективной работе общественных и государственных организаций. Большой резонанс в стране вызвала речь Председателя Государственной думы М.В. Родзянко, потребовавшего от правительства навести порядок и принять решительные меры по оказанию помощи военнопленным.

За рубежом, при активной поддержке российских загранучреждений создавались благотворительные общества, пользовавшиеся покровительством местной общественности.

При Датском Красном Кресте в Копенгагене создаются два отделения (германское и российское), взявшие на себя функции оказания помощи пленным обеих воюющих сторон. В Швеции принцесса Ингеборга, жена принца Карла и одновременно

племянница российской императрицы Марии Федоровны, покровительствовала *Русскому коми-тешу помощи военнопленным* во главе с сестрой посланника России в Швеции В.В. Неклюдова. Эта организация с ноября 1915 г. получала ежемесячную российскую субсидию в 3000 рублей и, кроме того, немалые средства от «Татьянинского комитета». С начала войны перед Стокгольмским комитетом ставилась задача оказать помощь русским подданным, застигнутым войной за границей и возвращавшимся в Россию через Норвегию и Швецию. Впоследствии комитет принял на себя и снабжение военнопленных посылками, а также передачу всякого рода ходатайств и наведение справок.

Настоящим заграничным центром по оказанию помощи российским военнопленным стала Швейцария, где было создано несколько комитетов, ориентированных на отправку в Германию и Австро-Венгрию продовольственных посылок. Швейцарская конфедерация превратилась в обширный концентрационный лагерь, в котором скопилось множество германских, австрийских, французских и английских интернированных раненых. В отелях и пансионах проживало большое количество лиц, лишенных возможности выехать из этой страны в каком бы то ни было направлении. То были особого рода жертвы войны. Они не допускались ни во Францию, ни на территорию Центральных держав. В таком положении оказались смешанные по национальности браки, например: муж – немец, а жена – француженка или же муж – итальянец, а жена – австриячка и наоборот.

С ноября 1914 г. в Берне начал действовать Центральный Комитет помощи русским гражданам, в том числе военнопленным и интернированным[228]. Комитет координировал деятельность всех благотворительных организаций в Швейцарии, помогавших российским гражданам, в том числе военнопленным. На съезде представителей организаций председателем Комитета был избран профессор Н.М. Райхсберг, его заместителем графиня Сологуб, казначеем представитель Министерства торговли и промышленности в Женеве В.М. Фелькнер. Комитет получал средства от благотворительных акций и перечисления от московских организаций. Для сбора средств проводились различные благотворительные акции, в том числе аукционы, выставки художников и т. д.

Бернский комитет с июня 1915 г. получил единовременную правительственную субсидию в 180 тыс. франков и стал получать ежемесячно по 100 тыс. франков, а с октября 1915 г. ежемесячная субсидия была увеличена до 400 тыс. франков. Район «шефства»

Русской секции по оказанию помощи военнопленным определялся в 600–700 тыс. офицеров и солдат.

Действовали благотворительные организации и в других городах Швейцарии. В Цюрихе – Комитет помощи русским военнопленным, израсходовавший на эти цели с мая по ноябрь 1916 г. 4,8 тыс. франков. Лозаннский Комитет по оказанию помощи русским и сербским военнопленным в Австрии сосредоточил свою деятельность исключительно на Австро-Венгрии. На счет, предназначавшийся для сбора средств российским военнопленным, с ноября 1915 по ноябрь 1916 г. поступило 19,1 тыс. франков, а на счет, куда приходили деньги для сербских пленных, 3,1 тысячи. Из 22,2 тыс. франков, полученных комитетом, 10,2 тыс. франков составляли пожертвования частных лиц и организаций, от комитета, покровительствуемого Александрой Федоровной, поступило всего 3,7 тысячи. Комитет жаловался на острую нехватку средств, поэтому ему за год удалось отправить всего 3702 посылки. Большая часть была адресована сербским военнопленным, интернированным в Германии и Болгарии.

В Лозанне действовал еще один Комитет, ориентировавшийся на оказание помощи пленным россиянам, евреям по происхождению. Комитет не имел недостатка в средствах и расходовал ежегодно не менее 47,5 тыс. франков. Кроме российских спонсоров, комитету оказывали активную помощь еврейские организации стран Западной

Европы и США. Следует подчеркнуть, что лозаннский еврейский комитет оказывал помощь всем российским военнопленным вне зависимости от их национальной и религиозной принадлежности.

Созданный *во Франции Парижско-Лионский комитет* под председательством супруги посла в Париже М.К. Извольской получал ежемесячную правительственную субсидию с ноября 1915 г. по 100 тыс. франков, а с ноября 1916 г. это сумма возросла до 300 тыс. франков. О деятельности комитета можно судить по представленному им отчету за декабрь 1916 г. о том, что в течение одного месяца им отправлено в германские лагеря русских пленных 1530 наборов продуктов и белья. В район его «опекунской деятельности» входило до 60 тыс. военнопленных.

Марсельский комитет под председательством супруги российского агента Министерства торговли и промышленности госпожи Бачевой образовался в апреле 1916 г. и в течение 9 месяцев отправил в Кассельский лагерь русских военнопленных (около 12 тыс. человек) одних съестных припасов более чем на 100 тыс. франков. Однако ходатайство этого комитета об

оказании ему ежемесячной субсидии в 15 тыс. франков, поддержанное Отделом о военнопленных, не было удовлетворено.

Лондонский комитет для помощи русским военнопленным в Германии, состоявший под председательством супруги посла графини С.П. Бенкендорф, оказывал помощь ориентировочно 240 тыс. военнопленных. Деятельность этого комитета поддерживалась ежемесячной субсидией с ноября 1915 г. по 2,5 тыс. фунтов, с января 1916 г. по 5 тыс. фунтов, а с ноября 1916 г. по 15 тыс. фунтов.

Русская секция в Гааге Маастрихтского комитета помощи военнопленным снабжала русских пленных продуктовыми посылками.

Копенгагенский комитет работал от имени Российского общества Красного Креста. Отправлял русским военнопленным посылки с продуктами и одеждой.

Русский кружок в Христиании, основанный посланником К.Н. Гулькевичем, получал ежемесячно на покрытие расходов 200 крон и отправлял из Норвегии почтовыми посылками ежедневно до 25 килограммов съестных припасов[229].

Многочисленность зарубежных общественных организаций, отсутствие централизации в их работе и проблемы с отчетностью за полученные государственные деньги настоятельно требовали единого руководства. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов предложил «принять меры к объединению деятельности всех частных комитетов помощи русским военнопленным за границей в руках состоящего под августейшим покровительством ее императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны и под председательством сенатора князя Голицына Особого комитета помощи военнопленным»[230].

Несмотря на многочисленные попытки воюющих государств как-то «сбросить» с себя груз расходов, связанных с содержанием военнопленных, особых сдвигов в этой сфере не наблюдалось. Расходы росли, а тяжелые инфекционные заболевания, широко распространенные среди пленных, грозили эпидемией гражданскому населению. Может быть, кто-то из европейских руководителей, развязавших эту кровавую бойню, и согласился бы «обменять всех на всех», но ни о каком сепаратном мире не могло быть и речи. Война продолжалась, и ее конца пока не было видно.

По инициативе французского правительства Святейший Престол в Риме обратился в мае 1915 г. к воюющим державам с предложением заключить соглашение о переводе в нейтральные страны для лечения раненых и больных военнопленных.

Первым принять у себя военнопленных согласилось

правительство нейтральной Швейцарии, где из-за войны пустовала большая часть гостиниц, туристических пансионатов и туберкулезных санаториев, а их владельцы несли убытки. Медико-санитарная служба швейцарской армии предлагала взять на себя размещение и уход за ранеными и больными при условии, что оплачивать все расходы по устройству, размещению и лечению своих соотечественников будут правительства воюющих стран. Швейцарские предложения были признаны приемлемыми и послужили в дальнейшем образцом для других нейтральных государств.

Соглашение о размещении больных между французами и немцами было достигнуто, и в январе 1916 г. в Швейцарию прибыли первые французские пленные из Германии и немецкие – из Франции. Впоследствии к заключенному с Германией соглашению (об интернировании больных и раненых в нейтральных странах) присоединились правительства Великобритании и Бельгии.

Отдел военнопленных российского Министерства иностранных дел докладывал Совету министров, что к сентябрю 1916 г. в Швейцарии разместили: французов – 8941, англичан – 452, бельгийцев – 1076 и германцев – 2948. Всего 13 417 человек. Обслуживание интернированных возложили на главного начальника медицинской части швейцарской армии. Интернированных распределили по 16 округам, каждый из которых находится в ведении военного врача, ответственного перед главным врачом швейцарской армии. Начальник округа выбирает из пленных унтер-офицеров одного, которого назначает начальником над всеми пленными, живущими в одном месте. Тем же способом назначаются начальники над пленными, живущими в отдельных гостиницах или пансионах. Последние, в свою очередь, назначают старших по этажам.

На интернированных распространяются правила дисциплинарного устава швейцарской армии. Что касается размещения, то выбор гостиниц и пансионов сделан федеральным правительством, исходя из предложений Ассоциации швейцарских отелей. Помещения для интернированных ничем не напоминают больницы, комнаты большие и светлые, в каждой не более 4 пленных.

С точки зрения трудоустройства собранные в Швейцарии больные немцы и французы разделены на 4 категории: 1. Совершенно неспособные ни к какому труду. 2. Те, которые находят себе занятия, находясь в качестве денщиков у интернированных офицеров, или работая для своих сотоварищей в качестве портных, сапожников и т. д. 3. Некоторые

интернированные нашли себе работу у крестьян того места, где они поселены. 4. Способные к труду, но не имеющие работы. Для них учреждены особые бюро, которые должны находить им работу в зависимости от того, чем они занимались в довоенной жизни.

Офицерам могут подыскивать себе занятия сами.

Родственники больного пленного могут жить в одной с ним гостинице только в исключительных случаях, но имеют право свободно селиться в одном с ним городе или местечке. Покидать место, определенное для жительства, интернированные могут лишь с особого разрешения начальника округа. В этих случаях им выдаются особые отпускные билеты, которые они должны предъявлять военному начальству тех мест, куда направляются[231].

Несмотря на подобные весьма вольготные условия российское Военное министерство сочло предложение о размещении военнопленных в нейтральных странах в принципе неприемлемым. Вполне вероятно, что военные «стратеги» полагали нахождение большого количества русских солдат и офицеров во вражеском плену более полезным, поскольку оно обременяло противника, находившегося в тисках экономической блокады Антанты, и усугубляло его продовольственные проблемы. Поскольку больные и раненые русские солдаты и офицеры не могли непосредственно повлиять на расклад военных сил и исход войны, они списывались со счетов. Приоритетной задачей Генштаба, как свидетельствуют архивные документы, являлось не спасение наибольшего числа русских военнопленных от голода, болезней и смерти. Их судьба волновала в последнюю очередь. Главной опасностью генералитет считал возможное развертывание с участием германских и австрийских военнопленных шпионажа против России с территории нейтральных стран.

На фоне преступного безразличия царского генералитета к судьбам тяжелораненых и изувеченных войной солдат и офицеров трагически звучат строки из «Песни павших» Лиона Фейхтвангера:

Мы здесь лежим, желты, как воск.
Нам черви высосали мозг.
В плену могильной немоты
Землей забиты наши рты.
Мы ждем ответа!
Плоть наша – пепел и труха,
Но, как могила ни глуха,

Сквозь глухоту, сквозь сон, сквозь тьму
Вопрос грохочет: «Почему?»
Мы ждем ответа![232]

Очевидно, здесь уместно было бы напомнить о деятельности Советского правительства в годы Второй мировой войны по вопросам военнопленных.

Председатель Международного комитета Красного Креста М. Юнод 22 июня 1941 г. предложил правительствам СССР, Германии, Румынии и Финляндии совершать обмены списками убитых, раненых и попавших в плен. Сам Красный Крест должен был заботиться обо всех пострадавших на фронте. 27 июня нарком иностранных дел В.М. Молотов телеграфировал председателю МККК о готовности СССР осуществлять обмены списками военнопленных и о готовности пересмотра отношения к Гаагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны». Одновременно СССР утвердил постановлением Совнаркома СССР от 1 июля 1941 г. «Положение о военнопленных», основанное на этой конвенции и содержавшее документальное подтверждение заявления о соблюдении международно-правовых норм ведения войны. В дополнение к Положению были выпущены приказы НКВД СССР «О порядке содержания и учёта военнопленных в лагерях НКВД» от 7 августа 1941 г. и «О состоянии лагерей военнопленных» от 15 августа 1941 г.

17 июля 1941 г. В.М. Молотов официальной нотой через посольство и Красный Крест Швеции довел до сведения Германии и ее союзников согласие СССР выполнять требования Гаагской конвенции 1907 г. «О законах и обычаях сухопутной войны». В документе подчеркивалось, что Советское правительство будет соблюдать требования конвенции в отношении Германии «лишь постольку, поскольку эта конвенция будет соблюдаться самой Германией». Вопреки ожиданиям Советского правительства положительного ответа руководство нацистской Германии оставило ноту без внимания. Позднее дважды, в ноте НКИД от 25 ноября 1941 г. и от 25 ноября 1942 г., Советский Союз заявлял о выполнении принципов Гаагской конвенции по отношению к германским военнопленным, обвиняя немецкую сторону в ее несоблюдении.

Фактически, положение конвенции, по отношению друг к другу не соблюдали ни Германия, ни СССР. Международному Красному Кресту не удалось осуществить ни одной инспекции лагерей для военнопленных на территории СССР. Попытки обмена информацией между Германией и ее союзниками с

Советским Союзом также не увенчались успехом. НКИД СССР в разъяснительном письме весной 1942 г. сообщил, что никаких переговоров с МКК, Германией и ее союзниками СССР не ведет и на обращения не отвечает.

В суровой обстановке 1916 г. представители Министерства иностранных дел Российской империи продолжали отстаивать интересы военнопленных, несмотря на противодействие Военного министерства. Не отрицая важности военных соображений и расчетов, дипломаты не могли не беспокоиться и о поддержании международного престижа царского правительства. Не собирались они игнорировать и все более настойчивые требования общественного мнения внутри страны о помощи пленным. Для решения проблемы спасения от гибели больных и раненых важно было расширить круг государств, готовых принять большее количество русских и качественно позаботиться о них.

Ватикан в обращении к русскому правительству предложил русских пленных из Германии и Австро-Венгрии разместить в Швейцарии, а германо-австрийских пленных перевезти для интернирования из России в Швецию и Данию. Однако Швейцария, где уже нашли приют и медицинский уход свыше 13 тыс. пленных из Франции, Англии, Бельгии и Германии, могла принять дополнительно лишь небольшое число русских. В дипломатической переписке речь шла о примерно 200-х больных туберкулезом русских офицерах.

Такой вариант не устраивал военное министерство. Прежде всего потому, что оно крайне отрицательно отнеслось к идее разместить пленных немцев в Швеции, чей официально объявленный «строгий» нейтралитет на деле носил прогерманский характер, а среди населения доминировали германофильские настроения. Военный министр заявил, что «военнопленные германцы могут быть использованы для военных надобностей». Но даже если этого не случится, скопление в Швеции «большого числа неприятельских военнопленных способно усилить шпионаж в пользу Германии». С не меньшим предубеждением в Генштабе относились и к Дании, имевшей с Германией общую границу. В качестве альтернативы военный министр предложил Норвегию. Как он считал, в этой стране «климат сравнительно хорош, а раненые германцы едва ли могут быть использованы в несоответствующих нашим интересам целях»[233].

С учетом негативной реакции Генерального штаба 22 марта 1916 г. С.Д. Сазонов обратился к царю с просьбой о заключении соглашения с Германией и Австро-Венгрией по примеру других стран Антанты. Он аргументировал свою просьбу постоянно

ухудшающимся положением русских пленных, развитием у них туберкулеза и других тяжелых заболеваний.

Отдел о военнопленных собрал подробные данные относительно нейтральных стран, которые могли бы оказать приют русским военнопленным из вражеских стран и вражеским из России, и внес вопрос на обсуждение Междуведомственного совещания, образованного из представителей заинтересованных ведомств.

В ходе двух заседаний Междуведомственного совещания 14 июня и 9 августа 1916 г. вопрос внимательно изучили. Из всех нейтральных стран, предложивших свои услуги, военные сочли возможным допустить интернирование русских и неприятельских военнопленных лишь в Норвегию и Швейцарию. От предложений других государств военные наотрез отказались «по военно-политическим соображениям», несмотря на возражения Министерства иностранных дел, считавшего предложения Дании, а также Голландии, вполне приемлемыми.

МИД составил проект соглашения с неприятельскими государствами, который, после его одобрения военным ведомством, был в середине ноября 1916 г. отправлен для вручения правительствам Германии, Австро-Венгрии и Турции, а также Норвегии и Швейцарии для сведения.

На это предложение Германия в середине января 1917 г. представила свои замечания, развивающие те пункты соглашения, которые касались состава медицинских комиссий для осмотра подлежащих к переводу в нейтральную страну военнопленных и числа пленных врачей, сопровождающих отпускаемых больных. Германия предлагала отпускать вместе с пленными врачей из расчета одного на 2,5 тыс. пленных.

Что касается окончательного выбора нейтральных стран, в которые предполагается интернировать военнопленных, то вопреки возражениям Военного министерства Николай II лично настоял, чтобы в их число включили Данию.

В итоге дипломатических переговоров выяснилось, что Швейцария примет по 200 русских пленных офицеров из Германии и Австро-Венгрии и такое же число германских и австро-венгерских офицеров из России, предрасположенных к туберкулезу или больных туберкулезом в начальной стадии. Большего количества Швейцария пока разместить не в состоянии.

Норвегия предложила каждой группе воюющих держав по 300 мест, причем Россия может получить все 300 мест, так как союзники отказались в ее пользу от предназначавшейся им квоты. В будущем Норвегия надеется довести это число до 1000 для каждой стороны, но она не примет больных туберкулезом,

поскольку это – самая распространенная в стране болезнь. Из семи смертей одна приходится на чахотку. Борьба норвежцев с этой болезнью ведется недостаточно энергично в силу нехватки врачей и отсутствия специальных санаториев. Не могут быть приняты также сифилитики в первичной и вторичной форме, алкоголики, нервные и душевнобольные, требующие особого ухода.

Пленные передаются на границе государств, где они до того содержались, вымытыми, остриженными и без вшей. Гражданские пленные не принимаются. Число офицеров определяется один на четырех нижних чинов.

Расходы по провозу и содержанию оплачиваются норвежцам соответствующим правительством по представлении счетов. Расходы по устройству и содержанию помещений норвежская сторона берет на себя[234].

Февральская революция 1917 г. внесла серьезные коррективы как во внешнюю политику страны, так и в работу Министерства иностранных дел по оказанию помощи российским военнопленным.

16 марта 1917 г. МИД направил в правительство свои соображения по данному вопросу[235]. Предлагалось, в частности, объединить деятельность всех правительственных и общественных организаций, работающих в помощь военнопленным, взяв за образец Французскую внепарламентскую комиссию, имеющую значительные полномочия. Указанное предложение неоднократно высказывалось как по линии Российского общества Красного Креста, представившего разработанный совместно с МИД соответствующий проект, так и Председателем Государственной думы М.В. Родзянко на заседании Главного управления Российского общества Красного Креста. В обоих случаях предложения об объединении не получили одобрения правительства.

Что касается проблемы интернирования военнопленных в нейтральных странах, то МИД предлагал не только принять предложение Дании о значительном увеличении числа переводимых в эту страну пленных, но и не ограничивать в принципе предельного количества. Высказывалось также пожелание о возобновлении переговоров с Голландией, предлагавшей принять пленных, число которых могло бы достичь нескольких тысяч. МИД настаивал на немедленном согласии с предложениями Австро-Венгрии об обмене туберкулезными и отпуске на родину всех военнопленных, которые имели бы право на интернирование в нейтральную страну, но лишены этой возможности вследствие ограниченного числа свободных мест в

нейтральных странах.

Дипломаты предлагали срочно вывести тему о военнопленных из компетенции цензурных органов и отменить запрет воззваний по сбору средств в пользу пленных соотечественников, обеспечив публичность этого процесса. Предлагалось также облегчить получение русскими пленными корреспонденции и ускорить ее доставку неприятельским пленным в России, пропускать письма без цензуры по истечении определенного срока по их получении; отменить цензуру книг; ускорить досмотр посылок и принять меры против порчи их содержимого.

Конечно, все эти предложения касались лишь технических вопросов облегчения участи иностранных военнопленных в России. Радикальные перемены в правовом положении этих несчастных, подавляющее большинство которых составляли крестьяне и рабочие центральных и сибирских губерний, стали возможны только после Октябрьской революции 1917 г. Большевистские структуры в Германии и Австро-Венгрии проводили постоянную работу по «большевизации солдат» в лагерях. Угнетенное моральное состояние, физическое изможение, тоска по родине – все эти обстоятельства использовались агитаторами.

Официально страны – участницы войны после заключения перемирия поставили вопрос о военнопленных в добавлении к договору о перемирии между Россией и Болгарией, Германией, Австро-Венгрией и Турцией от 2(15) декабря 1917 г. Согласно этому договору и договору между Россией и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией от 3 марта 1918 г., пленные обеих сторон подлежали обмену и отправке на родину.

Детали самого процесса стороны оговорили в дополнительных договорах. Все годные к военной службе подлежали отправке на родину «наивозможно быстрее», остальные – «возможно скорее», имущество и часть невыплаченного жалования возвращалась пленным, правительства возмещали издержки на содержание военнопленных в стране пребывания. Интернированным и гражданским пленным предоставлялось право «остаться или выехать в другую страну», остальные возвращались на родину бесплатно. Вопрос о возвращении на родину раненых и больных пленных, а также лиц старше пятидесяти пяти лет в течение шести месяцев, был разрешен в конце января 1918 г. специальным соглашением между странами-участницами этого процесса. Отпущенных из лагерей переправляли через Швецию, Ригу, Двинск, Барановичи сухопутным путем, водным – через

Балтийское и Черное моря и по Дунаю. Восьмая статья мирного договора, подписанного в Бресте, также оговаривала отпуск всех военнопленных на родину.

Гуманитарная деятельность новых российских дипломатов, направленная на возвращение на Родину гражданских лиц и военнопленных в период 1918–1920 гг., как тематически, так и хронологически выходит за рамки нашего повествования. Однако логика исторического исследования требует хотя бы краткого упоминания этих не всегда дипломатических шагов Советского правительства.

В отличие от царской дипломатии Народный комиссариат иностранных дел максимально политизировал внешнеполитическую работу, направленную на подготовку «мировой революции», создав дополнительные трудности для возвращения тех, кто пожелал вернуться в охваченную Гражданской войной Россию. С учетом «большевистского настроя» русских военнопленных страны Антанты преднамеренно тормозили их отправку на родину, мотивируя это необходимостью возвращения лишь «в те русские области, возвращение в которые допустимо по экономическим и политическим условиям». На деле же они намеревались использовать военнопленных для усиления белогвардейских формирований. Предлагалось, в частности, направить 25 тыс. военнопленных для усиления «русской северной армии» и 40 тыс. – генералу Деникину.

По подсчетам российского историка И.Б. Беловой, численность русских военнопленных к середине 1917 г. составляла 2417 тыс. До 1918 г. в Россию прибыли из плена 715 тыс. инвалидов и 60 тыс. бежали из лагерей, всего 775 тыс. (32 %). На начало 1918 г. в плену оставались 1642 тыс. (68 %). За исключением умерших в плену 190 тыс. остались в Европе – 95 тыс., вернулись в прибалтийские государства – 215 тыс. Таким образом, не вернулись в Россию 500 тыс. (21 %) русских военнопленных[236].

Весной 1917 г. с целью объединения усилий общественных организаций и государственных структур в деле помощи военнопленным при Главном управлении Российского общества Красного Креста был создан Центральный комитет по делам военнопленных. В октябре-ноябре 1917 г. на очередной международной конференции в Копенгагене между Россией и Центральными государствами были согласованы правила по содержанию, управлению и организации помощи военнопленным.

После заключения 3 марта 1918 г. Брестского мирного договора для планомерного обмена военнопленными в апреле

была создана русско-германская смешанная комиссия, а в июле-августе – русско-австрийская и русские комиссии попечения о пленных на территории Германии и Австро-Венгрии.

Декретом Совета народных комиссаров (СНК) от 23 апреля 1918 г. для согласования, объединения и направления деятельности всех учреждений и организаций, ведавших делами военных и гражданских пленных, заложников и беженцев, учреждалась Центральная Коллегия о пленных и беженцах (Центропленбеж), открывшая затем свои органы на местах. Коллегия назначалась СНК и имела право доклада непосредственно СНК. Решения Коллегии были обязательны для всех ведомств РСФСР. Решением, принятым 21 июня 1918 г., СНК установил, что Центропленбеж призван оказывать помощь возвращающимся русским военнопленным без отклонений в состоянии здоровья до времени их водворения, а больным и инвалидам – до передачи их органам государственного призрения.

Ноябрьские революционные события 1918 г. в Австро-Венгрии и Германии нарушили начавшуюся планомерную работу по обмену военнопленными, способствуя их массовому стихийному возвращению. В связи с этим неконтролируемым потоком реэмигрантов В.И. Ленин 23 ноября 1918 г. утвердил циркуляр Центропленбежа, подтверждавший полномочия этой организации как высшей инстанции, ведавшей делами военнопленных. Все ведомства и учреждения обязывались оказывать Центропленбежу и его органам на местах самое широкое и решительное содействие.

В политизированный до крайности процесс возвращения на родину бывших военнопленных включилось практически все руководство Советской республики. При этом особый акцент делался на солдат Экспедиционного корпуса русской армии во Франции (РЭК).

Русский экспедиционный корпус – обобщающее наименование экспедиционных войск, участвовавших в Первой мировой войне на территории Франции и Греции в рамках интернациональной помощи и обмена между двумя союзниками по Антанте.

Особые экспедиционные войска РИА включали в себя четыре отдельные особые пехотные бригады общей численностью личного состава в 750 офицеров и 45 тыс. унтер-офицеров и солдат, которые прибыли в течение 1916 г. во Францию.

В августе 1918 г. Франция через шведское правительство сделала официальное заявление Советской России о том, что не будет препятствовать возвращению в Россию находящихся во

Франции русских солдат при содействии Международного Красного Креста и трех представителей Российского общества Красного Креста (РОКК). 9 января 1919 г. французский консул в Копенгагене Дюшен прибыл в Москву для переговоров об обмене военнопленными. Об итогах переговоров Дюшен информировал правительство Франции и просил сообщить решение, дату отплытия судна из Франции и прибытия его в Ревель. 15 января 1919 г. французское правительство приняло условия обмена, переданные Дюшеном. Число отправляемых русских военнослужащих– 1150, гражданских лиц – 57, что было в 20 раз больше, чем число французов в России (68 человек)[237].

Кроме того, правительству РСФСР сообщалось, что французское правительство приступает к систематической репатриации не только находящихся во Франции русских солдат, но и 33 тыс. русских пленных из Германии, перешедших во Францию в период перемирия. Первые эшелоны с российскими солдатами инвалидами из Франции в Россию отправились весной 1919 г.

20 апреля 1920 г. в Копенгагене Франция заключила Соглашение с Советской Россией и Украиной об отправке всех русских военных, составлявших РЭК во Франции и в Македонии, а также тех военных, которые стали военнопленными и находились во Франции, Алжире, Салониках и др. территориях, куда могли быть посланы французским правительством. Число подлежащих отправке определялось в 22 тыс. человек, по 2,5 тыс. русских на 100 французов, которых в России и Украине всего 900 человек. Обмен намечалось начать немедленно и закончить за 3 месяца с доставкой через черноморские порты.

В январе 1922 г. премьер-министр Р. Пуанкаре сообщил советскому правительству, что большая часть личного состава русских воинских частей, сражавшихся на французском фронте во время мировой войны, отправлена на родину в 1920 г., остальных, пожелавших остаться во Франции, около 5 тыс. человек. Местонахождение 1,3 тыс. человек бывших русских военнопленных, бежавших из Германии и укрывшихся во Франции, неизвестно. Французское правительство готово перевезти в любой черноморский порт всех лиц, относящихся к этим категориям. Лица, которые до 1 октября 1922 г. не выразят согласия вернуться в свою страну, утратят право на бесплатную репатриацию за счет французских властей.

19 июня 1923 г. из Марселя отправилась группа русских репатриантов в количестве 587 человек. Из них 516 бывших русских военнослужащих. Французское правительство объявило, что репатриация русских за счет французского правительства

закончена, и теперь все оставшиеся смогут вернуться на родину самостоятельно. 26 июня 1923 г. последняя партия русских солдат на пароходе «Брага» прибыла из Марселя в Новороссийск.

Надежды на мирный труд, которыми поддерживали себя русские военнопленные в лагерях на чужбине, не оправдались – сразу после возвращения им пришлось пережить еще большие испытания в кровавом море Гражданской войны или вновь оказаться на положении военнопленных – уже в большевистских лагерях.

Гражданская война в России и польско-советская война 1920 г. приостановили процесс возвращения военнопленных на родину. Тем не менее, в апреле-мае 1920 г. были подписаны двусторонние соглашения между РСФСР и Германией, Венгрией, Италией об отправке на родину военнопленных и интернированных, если они того пожелают.

Впоследствии, после завершения официального обмена военнопленными, эта тема в Советской России вновь стала полузапретной. Память о погибших в лагерях сохраняли только те эмигранты, кто помнил ужасы плена. Так, во Франции при кладбище бывшего лагеря Ла Куртин, где были расстреляны восставшие русские военнопленные, в 30-х гг. прошлого века выстроена часовня, где совершаются панихиды по погибшим.

В связи со столетним юбилеем начала войны летом 2014 г. прошли памятные церемонии во многих европейских странах.

Появился памятник Героям Первой мировой войны на Поклонной горе в Москве. Выступая 1 августа 2014 г. на церемонии его открытия, президент Российской Федерации В.В. Путин сказал: «Сегодня мы восстанавливаем связь времен, непрерывность нашей истории, и Первая мировая война, ее полководцы, солдаты обретают в ней достойное место (как у нас в народе говорят, «лучше поздно, чем никогда»), а в наших сердцах приобретается та священная память, что заслужили по праву воины Первой мировой. Справедливость торжествует на страницах книг и учебников, в средствах массовой информации, в кинолентах и, конечно, в таких мемориалах, который мы с вами открываем сегодня.

Это должно продолжаться. Необходима масштабная просветительская работа, серьезные исследования в архивах. Они позволят точно узнать и причины, и ход этой войны, составить поименный список ее участников, чтобы новые поколения узнали о судьбе своих предков, сложили историю своих семей.

Принципиально важно достойно увековечить память о русских бойцах, найти и обустроить захоронения Первой мировой войны, которых в России немало – их сотни. Там покоятся воины

разных стран, но все они навеки связаны общей трагедией.

Она напоминает о том, к чему приводят агрессия и эгоизм, непомерные амбиции руководителей государств и политических элит, берущие верх над здравым смыслом, и вместо сохранения самого благополучного континента мира – Европы – подвергают ее опасностям. Хорошо бы помнить об этом и сегодня.

В мировой истории так много примеров, какой страшной ценой оборачивается нежелание слышать друг друга, попрание чужих прав и свобод, законных интересов в угоду своим интересам и амбициям. Неплохо бы научиться смотреть и считать хотя бы на шаг вперед.

Человечеству давно пора понять и принять одну самую главную истину: насилие порождает насилие. А путь к миру и процветанию слагается доброй волей и диалогом и памятью об уроках прошедших войн, о том, кто и зачем их начинал.

Памятник воинам Первой мировой – не только дань великим подвигам. Это предостережение о том, что мир хрупок, напоминание всем нам об этом. И мы обязаны беречь мир, помнить, что самое ценное на земле – мирная, спокойная, стабильная жизнь!»[238].

И все же до сих пор вопрос о судьбах интернированных после репатриации в Россию практически не исследован. Эта задача не стояла перед российскими и советскими государственными и общественными структурами. По большей части их имена забыты.

Как писал великий русский поэт Г.Державин:

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

Заключение

Подводя итоги гуманитарной миссии Министерства иностранных дел Российской империи, связанной с реализацией многоплановой работы по оказанию помощи попавшим в беду соотечественникам и военнопленным в годы Первой мировой войны, можно вполне обоснованно дать высокую оценку деятельности как центрального аппарата ведомства, так и его загранучреждений. Эта непривычная для МИДа работа велась в нелегких условиях военного времени весьма ограниченными силами дипломатов и консульских работников. Безразличие царской камарильи к судьбам простых людей, «шапкозакидательское» отношение Военного министерства и открытое противодействие со стороны Министерства финансов любым действиям по оказанию гуманитарной помощи соотечественникам создавали дополнительные трудности в работе министерства. Несмотря на это, как отмечал товарищ министра иностранных дел В.А. Арцимович, консульские учреждения и миссии оказали поддержку многим тысячам людей. Причем не только финансовую и юридическую. С помощью загранучреждений МИД ответил на 20 тыс. запросов россиян о судьбе и местонахождении их близких, способствовал освобождению пленных и воссоединению семей.

Работу дипломатов прервала Октябрьская революция 1917 г. Подавляющее число сотрудников, отказавшись сотрудничать с новым режимом, закончили свою жизнь трагически. Вместе с тем старая русская дипломатия сошла с исторической сцены с чувством исполненного профессионального и патриотического долга. «Плохо ли, хорошо ли мы понимали интересы России, – писал в эмиграции уже упоминавшийся на этих страницах князь Г.Н. Трубецкой, – пусть об этом рассудят другие, но мы служили им честно, в меру разумения, совести и сил. Когда-нибудь придется воздать должное русской бюрократии, которая для людей, живущих трафаретами, представляется просто бранной кличкой.

Тогда, я не сомневаюсь, получит признание огромная патриотическая и культурная работа, ею проделанная, и те сокровища государственного опыта и самоотвержения, которые были с нею связаны. Они, без сомнения, опирались на лучшие традиции русского служилого сословия и не могут быть затушеваны темными сторонами интриг и личных страстей, которые находили себе почву в некоторых общих нездоровых условиях государственного строя»[239].

Конец существования дореволюционного МИДа прервал, но не уничтожил преемственность дипломатических традиций России. Для истории в одинаковой степени важен как положительный, так и отрицательный опыт. Применительно к царской дипломатической службе значение этого опыта ни в чем не умаляется ее недостатками, требующими столь же беспристрастного и объективного подхода, как и ее сильные стороны. Вспоминаются немеркнущие строки А.С. Пушкина, имеющие, на наш взгляд, непосредственное отношение к дипломатической службе:

Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры!
Металися смущенные народы;
И высились, и падали цари;
И кровь людей то Славы, то Свободы,
То Гордости багрила алтари…

За годы советской власти дипломаты вписали немало славных страниц в историю нашего государства. Как и их предшественники, они всегда были на передних рубежах борьбы. Посол СССР в Швеции Ф.Т. Гусев, вспоминая о своей работе в годы Второй мировой войны, писал: «Когда я пытаюсь обозревать пройденный мною длинный путь в условиях мира и войны, то прихожу к заключению, что дипломатическая работа в условиях военного времени представляла наибольший интерес. Она была трудной, порой сопряжена с большими лишениями и риском. И, тем не менее, эта работа полностью захватывала, увлекала, ее результаты были полезны родине»[240].

А вот как оценивал работу советских дипломатов народный комиссар по иностранным делам (впоследствии министр) Вячеслав Михайлович Молотов. На заданный ему вопрос, были ли у Советского Союза в годы войны сильные дипломаты, нарком ответил: «У нас централизованная дипломатия. Послы никакой самостоятельности не имели и не могли иметь, потому что в сложной обстановке какую-нибудь инициативу проявить послам было невозможно. Это неприятно было для грамотных людей, послов, но иначе мы не могли… Все было в кулаке у Сталина, у меня – иначе мы не могли в тот период. Дипломатия у нас была неплохая. Но в ней решающую роль сыграл Сталин, а не какой-нибудь дипломат… Послы были только исполнителями определенных указаний… Наши послы не всегда хорошо знали иностранный язык. И, тем не менее, мы умели поддерживать

неплохие отношения с тем, с кем нужно, и в тех пределах, в каких допустимо»[241].

Как и в прошлые годы, вопросы гуманитарного сотрудничества по-прежнему находятся в центре внимания российского Министерства иностранных дел. Разумеется, с годами меняются приоритеты и на этом направлении деятельности. Сегодня в числе первостепенных задач – действия по обеспечению прав человека путем участия в Совете ООН по правам человека, конвенционных органах ООН по правам человека и Управлении Верховного комиссара ООН по правам человека. Важная роль принадлежит международному гуманитарному сотрудничеству. Россия вносит достойный вклад в работу Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев и Международной организации по миграции, взаимодействует с Советом Европы и ОБСЕ.

К сожалению, после развала Советского Союза на территории бывших советских республик и между ними возникли кровавые конфликты. Попытки их мирного разрешения вновь выдвинули на передний план гуманитарного сотрудничества вопросы личной безопасности граждан, спасение из беды гражданского населения и урегулирование проблем, связанных с военнопленными. Организация гуманитарных конвоев в «горячие точки», экстренная медицинская помощь и другие задачи вновь стоят на повестке дня деятельности МИДа. Как и всегда, в моменты тяжких испытаний для нашей страны дипломатическая служба остается неразрывной частью своего государства и народа. Сохранение памяти о славном прошлом отечественной дипломатии необходимо не только как подтверждение преемственности истории нашей страны, ее славных традиций, но и как пример, достойный подражания для новых поколений российских дипломатов.

Приложения

Приложение 1
Речь министра иностранных дел С.Д. Сазонова в Государственной думе 10 мая 1914 г.

Господа члены Государственной думы.

Прежде чем Вы приступите к рассмотрению сметы Министерства иностранных дел, я хочу, с высочайшего соизволения государя императора, дать Вам обзор нынешнего международного положения и по возможности осветить Вам деятельность русской дипломатии за последнее время.

Пережив в прошлом году тяжелый кризис, сопровождавшийся сильными потрясениями на Ближнем Востоке и не раз угрожавший распространением осложнений и за пределами Балканского полуострова, мы, к счастью, вступили теперь в более спокойную пору и, хотя еще остается упорядочить многое, однако уже нет той напряженности, которая еще недавно вызывала серьезные заботы.

Благополучному исходу упомянутого кризиса в значительной степени способствовало единение, обнаруженное державами Тройственного согласия, к которому принадлежит Россия.

Как Вам известно, во внешней политике Россия продолжает опираться на незыблемый союз свой с Францией и на дружбу свою с Англией. О значении франко-русского союза едва ли нужно еще распространяться, так как за свое 20-летнее существование он дал уже достаточно доказательств своей плодотворности. Убеждение в его необходимости для блага обоих связанных им государств глубоко проникло в сознание двух союзных народов. Предстоящий нынешним летом приезд сюда г-на Пуанкаре даст новый случай проявить взаимные сердечные чувства, которыми воодушевлены Россия и Франция.

Помня, что основным условием крепости и плодотворности союза является согласованность в направлении политики, императорское и французское правительства находятся в постоянном общении между собой для совместного обсуждения всех вопросов, их интересующих. Установившиеся же прочные дружеские отношения между Францией и Англией, а также между Англией и Россией, позволили расширить рамки такого общения, и в нем ныне принимает участие также Великобритания. Как я уже упомянул, это обстоятельство оказало несомненную услугу делу сохранения мира в недавно пережитые трудные минуты.

Это, в свою очередь, побудило нас по окончании прошлогодней конференции послов в Лондоне оставить на представителях России и Франции в великобританской столице обязанность совместного обсуждения с английским министром иностранных дел целого ряда вопросов, связанных с окончательным разрешением недавних осложнений. Мы могли убедиться, что такой прием, ускоряя и упрощая переговоры между державами Тройственного согласия, приносит существенную пользу.

По этому поводу последнее время много говорилось о превращении Тройственного согласия в новый Тройственный союз. Мне кажется, что в данном случае вопросу о форме придавалось несколько преувеличенное значение. Можно себе представить формальный союз, не основанный на действительной общности интересов и не опирающийся на взаимном сочувствии народов; с другой стороны, есть политические сочетания держав, которые напрашиваются сами собой благодаря единству преследуемых целей. В последнем случае дружное стремление к этим целям обеспечено даже независимо от формы и объема письменных соглашений. Вообще, жизненно лишь то, что не застыло на одной точке, а способно двигаться вперед. В этом смысле наш союз с Францией и наша дружба с Англией вполне удовлетворяют указанному условию, так как и тот, и другая продолжают крепнуть и развиваться.

При этом считаю долгом отметить, что как с годами исчезло беспокойство, обнаруживавшееся в первые времена существования Тройственного союза, так теперь, надо надеяться, все уже могут спокойно относиться к народившемуся позднее новому сочетанию держав, именуемому Тройственным согласием. Лишенное всякой агрессивности, оно только поддерживает необходимое равновесие в Европе и, как мы видели недавно, всегда готово сотрудничать с Тройственным союзом в общих интересах сохранения мира.

Принадлежность к одной группировке, разумеется, не исключает добрых отношений к остальным державам. В частности, мы продолжаем стремиться к поддержанию давнишних дружеских отношений с Германской империей.

За последнее время было несколько случаев, когда казалось, что эти отношения могут омрачиться, и, если удалось избежать нежелательных последствий подобных инцидентов, то лишь в силу именно упомянутой давнишней дружбы между Россией и Германией и стремлению их правительств и на будущее время сохранить таковую. В этом стремлении правительства, к сожалению, не всегда встречают должную поддержку со стороны печати по обеим сторонам границы. Поддерживание тревожного

состояния в обществе без достаточного на то основания неразумно, а может быть при известных обстоятельствах и опасно. Поэтому я не могу не высказать пожелания, чтобы печать как германская, так и русская, прекратила бесплодную полемику и более спокойно обсуждала вопросы, касающиеся взаимных наших отношений. Не надо забывать, что мы накануне заключения нового торгового договора с Германией, и что таковой может быть плодотворен лишь под условием соответствия справедливым требованиям обеих договаривающихся сторон. Для достижения такого результата необходимо, чтобы переговоры велись в спокойной и деловой обстановке, а не под шум беспрестанных обвинений и подозрений, создающих взаимное раздражение и недоверие.

Сделанное недавно в делегациях заявление австровенгерского министра иностранных дел о том, что отношения между Россией и двуединой монархией носят вполне дружественный характер, и выраженная министром надежда, что таковые сохранят этот характер и впредь, соответствуют и нашему взгляду на взаимоотношения обоих государств, а также нашему искреннему желанию поддерживать хорошие отношения с нашими соседями. Поэтому, если даже за последнее время в Галиции и было заметно среди враждебных нам слоев населения известное движение, направленное к тому, чтобы создать нам затруднения в наших приграничных владениях, мы рассчитываем, что австро-венгерское правительство не даст этому движению омрачить наши добрососедские отношения.

Между Россией и Италией отношения продолжают быть доброжелательными, и с нашей стороны в них ничего не будет внесено, что могло бы изменить их дружелюбный характер.

Переходя к положению дел на Ближнем Востоке, я не буду останавливать долго Вашего внимания на событиях минувшего года.

Мне трудно что-нибудь прибавить к документальным данным Оранжевой книги, поставившей своей целью осветить отношение России к Балканскому кризису. С другой стороны, я полагаю, нам надо с осторожностью подходить к еще не залеченным ранам и неулегшимся страстям. Задача России – задача умиротворения. Ее заветы – беспристрастное благожелательство ко всем одинаково Балканским государствам, посильная поддержка каждого из них, при условии, конечно, взаимной искренности, взаимного доверия.

События минувших войн расширили пределы каждого из Балканских государств, но стоили многих жертв, многой пролитой крови. Теперь для каждого из них наступило время сосредоточенной мирной работы во вновь приобретенных

областях.

Мы хотим верить, что, осуществляя эту благодарную задачу, Балканские правительства придут к сознанию, что в целях укрепления государственности недостаточно приобрести земли, нужно стяжать привязанность и доверие новых граждан.

Только при этом условии может быть достигнуто как внутреннее умиротворение, так и взаимное сближение всех этих государств. Сближение же необходимо в интересах каждого из них, для их мирного преуспеяния и ограждения независимости на основе всем понятного и близкого им лозунга: «Балканы для балканцев».

Говоря о Балканах, я не могу не упомянуть недавнего посещения Петербурга наследным принцем и принцессой румынскими. В сердечном приеме, им оказанном, наши высокие гости могли воочию убедиться в искренно дружеском отношении России к их стране и уважении к ее мудрому государю.

В ближайшем будущем предстоит посещение на румынской земле его величеством государем императором его величества короля Карла. Встреча эта, отвечая взаимным чувствам обоих монархов, в то же время, я уверен, послужит новым поощрением на пути взаимного сближения двух народов, связанных узами славного прошлого и обоюдными интересами и симпатиями. Что касается Албании, то, конечно, мы с должным вниманием следим за событиями в этой стране, поскольку эти события затрагивают интересы соседних государств. В настоящее время страна эта находится в состоянии, близком к анархии.

Разрешение Балканского кризиса благоприятно отразилось на наших отношениях с Турцией. В европейских владениях Турции крылся источник ее слабости, а не силы. Отныне перед ней естественно встают новые задачи внутреннего переустройства для общего блага населяющих ее народов. В этом направлении правительство султана, конечно, встретит готовность со стороны России поддержать его усилия, направленные к достижению этих целей. Только при мирном развитии Турции может быть обеспечена свобода торгового мореплавания в Проливах, отвечающая как ее интересам, так и жизненным потребностям России.

Признаком примирительных намерений нынешнего правительства Турции является направление, которое получил за последнее время армянский вопрос. Сопредельность восточных областей Анатолии с Россией, насчитывающей в составе своего населения многочисленных армян, не могла оставить императорское правительство безучастным к положению вещей вблизи нашей границы. В результате дружеских переговоров с

Турцией были выработаны основания для усовершенствования административного управления и обеспечения правопорядка, а также удовлетворения культурных нужд армян и прочих народностей, населяющих граничащие с Россией области. Семь вилайетов Восточной Анатолии будут, как уже известно, распределены на два сектора, во главе каждого из которых будет поставлен европейский генерал-инспектор по выбору Порты из кандидатов, представленных великими державами.

Права населения – личные, имущественные и гражданские – получают новые обеспечения, которые послужат залогом мирного развития христианского населения Восточной Анатолии.

С удовлетворением я отмечу здесь, что во время наших переговоров по этому поводу с Турцией Германия оказала нам существенное содействие.

В связи с новыми условиями, в которых складываются русско-турецкие отношения, мы надеемся на укрепление уже существующих экономических связей России с соседними турецкими местностями и на оживление торговых сношений между нами и Турцией.

В заключение я добавлю, что беседы, которые мне пришлось иметь в Крыму с членами чрезвычайного турецкого посольства, явившегося от имени султана приветствовать государя императора, и в состав которого вошли виднейшие представители турецкого правительства, произвели во мне впечатление серьезного желания Турции установить отношения с Россией, отвечающие интересам обеих стран, в соответствии с новыми политическими условиями.

В Персии, при продолжающемся дружественном взаимодействии России и Англии, наступило за последнее время сравнительное затишье. Этому способствовало, между прочим, подавление смут на западе Персии благодаря усилиям императорской миссии и удачным действиям отряда шахской казачьей бригады под руководством русских офицеров. Вместе с тем и самим персидским правительством приняты были зависящие меры для обеспечения общественного порядка, в особенности в г. Тегеране, путем роспуска иррегулярных частей, увеличения состава Персидской казачьей бригады, сформирования регулярной полицейской стражи в столице и т. п. Эти обстоятельства дали императорскому правительству возможность отозвать из Казвина большую часть находившегося там русского отряда. Что касается отрядов наших, расположенных в других местностях северной Персии, в частности, в Азербайджане, то неуверенность в прочности установившегося там порядка, покоящегося главным образом на присутствии этих

отрядов, лишает пока императорское правительство возможности отозвать означенные воинские части. Продолжая по-прежнему считать пребывание наших войск в Персии временным явлением, императорское правительство предоставляет себе определить момент, когда удаление их оттуда станет возможным без ущерба для насущных наших интересов.

Весьма важным для нас политическим событием в жизни Персии за последнее время является заключение в Константинополе, при деятельном участии России и Англии, договора о границе между турецкими и персидскими владениями. Постановления этого договора приводятся ныне в исполнение на месте особой разграничительной комиссией при участии представителей не только непосредственно заинтересованных стран, но и держав посредниц – России и Англии. Означенным актом положен, как известно, предел вековому спору между обоими соседними государствами и неопределенному положению на их границе, постоянно грозившему серьезными осложнениями. Следует отметить, что направление, приданное турецко-персидской границе в ближайшем к нашему Закавказью районе, совпадает с тем, которое существовало еще 10 лет тому назад и которое вполне обеспечивало спокойствие в областях, соседних с Закавказьем.

Наша политика в отношении Персии остается неизменно благожелательной и чуждой каких бы то ни было агрессивных намерений. Наша цель – по-прежнему способствовать установлению в этой смежной стране, тесно связанной с нами существенными экономическими интересами, прочного порядка, столь необходимого для дальнейшего развития взаимных торговых сношений и преуспеяния самой Персии и наших многочисленных экономических предприятий в ней. К последним относится, как известно, постройка первой железной дороги в этой стране – Джульфа-Тавризской, – которая осуществляется вполне успешно. Наше соглашение с Англией и дружественное сотрудничество с этой державой на почве персидских дел являются ручательством мирного разрешения назревающих в Персии задач.

Центральное место в нашей дальневосточной политике по-прежнему занимают китайские дела. Образовавшееся в Китае после отречения маньчжурской династии правительство президента Юань-ши-кая оказалось жизнеспособным, и в сентябре минувшего года державы сочли возможным признать его. При этом они заручились его обязательством соблюдать все международные договоры, которые были заключены правительством маньчжурских императоров, и все те права,

которыми иностранцы пользуются в Китае как в силу писаных соглашений, так и освященных практикой обычаев. Правительство Юань-ши-кая дало доказательства своего желания ограждать жизнь и имущество иностранцев в северных областях Китая, где оно пользуется для того достаточным авторитетом; мы не видели поэтому более необходимости содержать в Пекине и Тяньцзине отряды для защиты проживающих там русских подданных. В марте текущего года мы вывели из Чжилийской провинции находившиеся там наши войска. Нам известно, что некоторые иностранные правительства имеют намерение последовать нашему примеру.

Появление в Пекине признанной державами центральной власти, не уклоняющейся от ответственности за общее направление политики государства, выгодно отразилось на наших отношениях к Китаю и дало нам возможность приступить к улажению разных вопросов, возникших за время Китайской революции. На первом месте в ряду этих вопросов следует поставить монгольский.

Как Вам известно, господа, в декабре минувшего года князья Внешней Монголии объявили себя независимыми от китайского правительства и избрали своим повелителем ургинского первосвященника хутухту. С этого времени, несмотря на возражения китайского правительства, желавшего рассматривать Монголию как свою провинцию, правительство хутухты пользовалось фактической независимостью. Возникал поэтому вопрос, какие права принадлежат в его владениях русским подданным. Имея в Монголии значительные интересы, мы не могли долго оставлять этот вопрос в неопределенном положении. Мы сочли поэтому необходимым оформить эти права соглашением с правительством хутухты, фактически осуществлявшим полноту власти во Внешней Монголии. С этой целью мы заключили с ним 21 октября 1912 г. договор, по которому закрепили в более ясной и точной формулировке права, которыми, в силу договоров с Китаем, пользуются в Монголии русские подданные и торговля. В свою очередь, мы гарантировали по этому договору правительству хутухты нашу поддержку против попыток китайского правительства ввести в его владения китайскую администрацию, расквартировать в них китайские войска и колонизовать их китайцами. Мы гарантировали, таким образом, монголам те вольности, на сохранении которых мы еще до декабрьских событий 1911 г. настаивали перед Китаем, как я имел случай объявить в сообщении, которое я сделал в апреле 1912 г. Государственной думе третьего созыва. Заключая этот договор, мы оговорили в особой ноте, переданной нашим

уполномоченным ургинскому правительству наше право определить, на какие монгольские области распространяются вышеуказанные гарантии.

Министерство иностранных дел опубликовало сборник документов, касающихся наших переговоров с китайским правительством относительно признания Ургинского соглашения и торгового протокола 1912 г. В этом сборнике Вы найдете, господа, подробности этих переговоров, которые могут заинтересовать Вас. Переговоры привели к подписанию 23 октября 1913 г. декларации по монгольскому вопросу, по которой китайское правительство признало существование Монгольского государства, находящегося под сюзеренитетом Китая и пользующегося автономией не только во внутренних своих делах, но и в области международных отношений по вопросам торговли и промышленности. Что касается пределов Автономного монгольского государства, то в него вошли 4 аймака Халхи и Кобдосский округ. Мы отстояли, таким образом, все положения, которые мы ставили себе целью. В моем апрельском сообщении 1912 г. я подробно остановился на соображениях, которыми мы руководились, намечая именно такое решение монгольского вопроса, и повторять их теперь я поэтому не буду.

Несмотря на неоднократно делавшиеся нами предупреждения, министры хутухты, переоценивающие свою военную силу и политическое значение, считали, тем не менее, возможным добиваться силой оружия объединения всех монгольских племен под властью своего повелителя. В их представлении рисовалась картина отторжения от Китая, при денежной и военной помощи России, всех территорий, хотя бы отчасти населенных монголами. Не умея организовать сколько-нибудь сносного управления у себя дома, они мечтали о владычестве над такими своими сородичами, от которых географические и исторические условия уже давно отделили их и которые поэтому питают к ним далеко не доброжелюбные чувства. Не считаясь с международной обстановкой, мало доступной их пониманию, они мечтали о договорах с великими державами, которые должны были оказать им поддержку против китайцев взамен предоставления им экономических выгод. Само собой разумеется, что мы не могли и не можем поощрять этих несбыточных мечтаний, которые неизбежно должны рассеяться от соприкосновения с действительностью, мы, русские, – не враги Китая, и не можем терять из вида возможности разграничить к обоюдному удовлетворению наши и китайские интересы. Мы не можем также не видеть, что Автономная Монголия, чтобы стать государством не только по имени, нуждается, прежде всего, в

организации управления и финансов. Деятельности монгольского правительства в этом созидательном направлении мы, конечно, можем лишь сочувствовать и содействовать ее успеху.

Я считаю нужным особо остановиться на одной из монгольских областей, не вошедшей в силу декларации 21 октября 1913 г. в состав Автономного монгольского государства. Область эта, лежащая между рекой Аргунью и Хинганским хребтом, носит у нас обычно название Барги. Пользуясь китайской смутой, жители также провозгласили себя независимыми от Китая и заговорили о присоединении к владениям ургинского хутухты. Свои отношения к его правительству они понимают однако своеобразно: они охотно принимают помощь ургинского правительства, но вместе с тем отказываются повиноваться его распоряжениям и платить ему какие-либо налоги. Вопрос об участи Барги приходится поэтому решать отдельно. В этой области, за время ее фактической независимости, образовались крупные русские интересы, основанные на контрактах, заключенных русскими предпринимателями с баргут-скими властями. Охранить эти интересы и удовлетворить естественному желанию баргутов пользоваться внутренним самоуправлением – такова двойная задача, которую мы ставим себе в переговорах, идущих между китайским правительством и баргутами при нашем посредничестве. Эти переговоры еще настолько мало подвинулись, что я лишен возможности подробнее посвятить вас в их ход.

Наша деятельность в китайских областях, примыкающих к русской границе, где мы, естественно, имеем особые интересы, встречает доброжелательное отношение со стороны держав. Как на пример такого отношения я могу указать на оборот, который принимает вопрос о положении иностранцев в наших поселках в Маньчжурии. В течение долгих лет державы оспаривали обязанность своих подданных подчиняться введенным нами в поселках на территории железной дороги порядкам. Юридическое существо этого спора слишком сложно, чтобы касаться его здесь. Ныне державы стали на более практическую почву. Пример этого подала наша союзница Франция, которая заявила, что признает безусловную обязанность своих граждан и лиц, находящихся под покровительством Франции, подчиняться издаваемым нами обязательным постановлениям и платить устанавливаемые для удовлетворения общественных нужд налоги. Вслед за тем между нашим генеральным консулом в Харбине и его английским и германским сотоварищами было выработано подлежащее еще рассмотрению и одобрению правительств соглашение о

подчинении английских и германских подданных обязательным постановлениям наших общественных управлений в Маньчжурии и устанавливаемых ими общественным сборам.

Особое положение в этом вопросе занимало японское правительство. Верное соглашениям с нами о солидарном образе действий в Маньчжурии, оно с самого начала признало обязательность для своих подданных установленных нами в наших поселках порядков.

Тем же духом проникнуты наши отношения к Японии по всем возникающим между нами вопросам. События последнего времени в Китае не раз давали нам повод к параллельным с японским правительством действиям. В вопросах международного характера, каков, например, вопрос о китайских займах, мы неоднократно опирались друг на друга для ограждения наших интересов.

Господа!

Покончив с обзором наших международных отношений и политической сторон: деятельности русского правительства, я позволю себе отнять у вас еще несколько минут, чтобы в кратких словах коснуться некоторых вопросов, входящих в крут ведения вверенного мне ведомства.

Сюда относится, прежде всего, наболевший вопрос о русских переселенцах за границей. Я не буду распространяться о том, в какие тяжелые условия часто попадают наши соотечественники, отправляющиеся в чужие края либо на заработки, либо в надежде обосноваться в далеких странах, о коих имеют в большинстве случаев преувеличенно радужное представление. Все это достаточно известно, и мне хочется только сказать, что Министерство иностранных дел, озабоченное изысканием выхода из такого положения вещей, обратило внимание своих заграничных учреждений в местностях, где наблюдается прилив переселенцев из России, на необходимость оказывать последним всякую поддержку. Министерство, кроме того, поручило своим представителям доставить подробные сведения и предположения, основанные на знании местных условий для выработки мер к упорядочению существующего положения.

Правительство имеет в виду внести на обсуждение Государственной думы законопроект в этом смысле. Со своей стороны, могу только высказать надежду, что вы отнесетесь к нему сочувственно, так как без широких мероприятий и соответствующих затрат самое внимательное отношение заграничных представителей Министерства иностранных дел к переселенцам и ищущим заработков не в силах одно помочь делу.

Если, в связи с переселенческим делом, а может быть и в

некоторых других случаях могли оказаться недочеты в деятельности наших агентов за границей, то таковые являются не общим правилом, а исключением, и едва ли было бы справедливо ставить это в упрек всему личному составу заграничной службы.

В заключение считаю долгом отметить, что, в заботе об осуществлении необходимых преобразований в устройстве и деятельности вверенного мне ведомства, я предполагаю внести на обсуждение законодательных учреждений проект нового Консульского судебного устава, работы по составлению коего почти закончены; сверх того при Министерстве иностранных дел созвано в настоящее время междуведомственное совещание для обсуждения реформы заграничной службы министерства, которая призвана дополнить проект преобразования центральных установлений ведомства, принятый комиссиями законодательных предположений и бюджетной Государственной думы, и проект, который будет внесен на Ваше рассмотрение в самом начале осенней сессии.

Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Ф. 138. Оп. 467. Д. 723. А. 2—26.

Приложение 2
Особый журнал совета министров России 11/24 июля 1914 г.

По заявлению министра иностранных дел о последних выступлениях австро-венгерского правительства в отношении Сербии.

Министр иностранных дел довел до сведения Совета министров, что согласно полученным им сведениям и сделанному австро-венгерским послом при императорском дворе сообщению австро-венгерское правительство обратилось к сербскому правительству с требованиями, являющимися, по существу, для Сербского королевства как суверенного государства совершенно неприемлемыми и изложенными в ультимативной форме, причем сербскому правительству назначен для ответа срок, истекающий завтра, 12/25 июля, в 6 часов вечера. Таким образом, предвидя, что Сербия обратится к нам за советом, а быть может, и за помощью, настоит надобность ныне же подготовиться к тому ответу, который может быть нами дан Сербии.

Обсудив изъясненное заявление гофмейстера Сазонова в связи с доложенными совету министрами военным, морским и финансов сведениями о современной политической и военной обстановке, Совет министров положил:

I. Одобрить предположение министра иностранных дел снестись с кабинетами великих держав в целях побуждения австро-венгерского правительства к предоставлению Сербии некоторой отсрочки в деле ответа на предъявленные ей австро-венгерским правительством ультимативные требования, дабы дать тем возможность правительствам великих держав исследовать и изучить документы по поводу совершившегося в Сараево злодеяния, которыми австро-венгерское правительство располагает и которые оно готово, по удостоверению австро-венгерского посла, сообщить российскому правительству.

II. Одобрить предположение министра иностранных дел посоветовать сербскому правительству на случай, если положение Сербии таково, что она собственными силами не может защищаться против возможного вооруженного наступления Австро-Венгрии, не противодействовать вооруженному вторжению на сербскую территорию, если таковое вторжение последует, и заявить, что Сербия уступает силе и вручает свою судьбу решению великих держав.

III. Предоставить военному и морскому министрам, по

принадлежности, испросить высочайшее вашего императорского величества соизволение на объявление в зависимости от хода дел мобилизации четырех военных округов – Киевского, Одесского, Московского и Казанского, Балтийского и Черноморского флотов.

IV. Предоставить военному министру незамедлительно ускорить пополнение запасов материальной части армии.

V. Предоставить министру финансов принять меры к безотлагательному уменьшению принадлежащих финансовому ведомству сумм, находящихся в Германии и Австро-Венгрии.

О таковых своих заключениях Совет министров всеподданнейшим долгом почитает довести до вашего императорского величества сведения.

И. Горемыкин. В. Саблер. В. Сухомлинов. И. Григорович. /7. Харитонов. А. Кривошеий. С. Сезонов. Н. Маклаков. С. Тимашев П. Барк. А. Веревкин. П. Думитрашко. В. Шевяков.
И. д. упр. делами Сов, мин. *И. Лодыженский.*
Помета Николая II: *«Согласен».*
Красное Село. 12/25 июля 1914 г.

Международные отношения в эпоху империализма. Серия III. Т. I. М.} 1935. С. 436–437. Далее: МОЭИ.

Приложение 3
Высочайший манифест от 20 июля 1914 г. Об объявлении состояния войны России с Австро-Венгрией

Божиею милостию Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем верным Нашим подданным:

Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови со славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особою силою пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования.

Презрев уступчивый и миролюбивый ответ Сербского правительства, отвергнув доброжелательное посредничество России, Австрия поспешно перешла в вооруженное нападение, открыв бомбардировку беззащитного Белграда.

Вынужденные в силу создавшихся условий принять необходимые меры предосторожности, Мы повелели привести армию и флот на военное положение, но, дорожа кровью и достоянием Наших подданных, прилагали все усилия к мирному исходу начавшихся переговоров.

Среди дружественных сношений союзная Австрии Германия, вопреки Нашим надеждам на вековое доброе соседство и не внемля заверению Нашему, что принятые меры отнюдь не имеют враждебных ей целей, стала домогаться немедленной их отмены и, встретив отказ в этом требовании, внезапно объявила России войну.

Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Нам страну, но оградить честь, достоинство, целость России и положение ея среди Великих держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные Наши подданные.

В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага,

С глубокою верою в правоту Нашего дела и смиренным упованием на Всемогущий Промысел, Мы молитвенно призываем

на Святую Русь и доблестные войска Наши Божие благословение.

Дан в Санкт-Петербурге, в двадцатый день июля, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот четырнадцатое, Царствования же Нашего в двадцатое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ»

Оранжевая книга (до войны). Сборник дипломатических документов. Переговоры от 10 до 24 июня 1914 г. Высочайшие манифесты о войне. Историческое значение Государственной думы 26 июля 1914 г. СПб., 1914. С. 60–61. Далее: Оранжевая книга.

Приложение 4
Сообщение Министерства иностранных дел России от 20 июля 1914 г.

О событиях последних дней

Вследствие того, что в иностранной печати появилось искаженное изложение событий последних дней, Министерство иностранных дел считает долгом дать следующий краткий обзор дипломатических сношений за указанное время.

10 июля сего года австро-венгерский посланник в Белграде вручил сербскому министру-президенту ноту, заключающую в себе обвинение сербского правительства в поощрении великосербского движения, приведшего к убийству наследника австро-венгерского престола. Ввиду сего Австро-Венгрия требовала от сербского правительства не только осуждения в торжественной форме означенной пропаганды, но также принятия под контролем Австро-Венгрии ряда мер к раскрытию заговора, наказанию участвовавших в нем сербских подданных и пресечению в будущем всяких посягательств на территории королевства. Для ответа на означенную ноту сербскому правительству предоставлялось 48 часов.

Имперское правительство, осведомившись из сообщенного ему австро-венгерским послом в Санкт-Петербурге по истечении уже 17 часов текста врученной в Белграде ноты о сущности заключавшихся в ней требований, не могло не усмотреть, что некоторые из таковых по существу своему являлись невыполнимыми, некоторые же были предъявлены в форме, несовместимой с достоинством независимого государства. Считая недопустимым заключающееся в таких требованиях умаление достоинства Сербии и проявленное этим самым Австро-Венгрией стремление утвердить свое преобладание на Балканах. Российское правительство в самой дружеской форме указало Австро-Венгрии на желательность подвергнуть новому обсуждению содержащиеся в австро-венгерской ноте пункты. Австро-венгерское правительство не сочло возможным согласиться на обсуждение ноты. Равным образом умеряющее действие других держав в Вене не увенчалось успехом.

Несмотря на осуждение Сербией преступного злодеяния и на выказанную Сербией готовность дать удовлетворение Австрии в мере, которая превзошла ожидания не только России, но и других держав, австро-венгерский посланник в Белграде признал сербский ответ неудовлетворительным и выехал из Белграда.

Еще ранее, сознавая чрезмерность предъявленных Австриею требований, Россия заявила о невозможности остаться равнодушной, не отказываясь в то же время приложить все усилия к изысканию мирного выхода, приемлемого для Австро-Венгрии и не затрагивающего ее самолюбия как великой державы. При этом Россия твердо установила, что мирное разрешение вопроса она допускает, лишь поскольку оно не вызовет умаления достоинства Сербии как независимого государства, К сожалению, однако, все приложенные императорским правительством в этом направлении усилия оказались тщетными. Австровенгерское правительство, уклонившись от всякого примирительного вмешательства держав в его ссору с Сербией, приступило к мобилизации, официально объявило Сербии войну, и на следующий день Белград подвергся бомбардировке, В манифесте, сопровождающем объявление войны, Сербия открыто обвиняется в подготовке и выполнении сараевского злодеяния. Подобное обвинение целого народа и государства в уголовном преступлении своей явной несостоятельностью вызвало по отношению к Сербии широкие симпатии европейских общественных кругов.

Вследствие такого образа действий австро-венгерского правительства, вопреки заявлению России, что она не может остаться равнодушной к участи Сербии, императорское правительство сочло необходимым объявить мобилизацию Киевского, Одесского, Московского и Казанского военных округов.

Такое решение представлялось необходимым ввиду того, что со дня вручения австро-венгерской ноты сербскому правительству и первых шагов России прошло пять дней, а между тем со стороны венского кабинета не было сделано никаких шагов навстречу нашим мирным попыткам и, наоборот, была объявлена мобилизация половины австро-венгерской армии.

О принимаемых Россией мерах было доведено до сведения германского правительства с объяснением, что они являются последствием австрийских вооружений и отнюдь не направлены против Германии. Вместе с тем императорское правительство заявило о готовности России путем непосредственных сношений с венским кабинетом или же согласно предложению Великобритании путем конференции четырех незаинтересованных непосредственно великих держав – Англии, Франции, Германии и Италии – продолжать переговоры о мирном улаживании спора.

Однако и эта попытка России не увенчалась успехом, Австро-Венгрия отклонила дальнейший обмен мнений с нами, а

берлинский кабинет уклонился от участия в предположенной конференции держав.

Тем не менее, Россия и здесь продолжала свои усилия в пользу мира. На вопрос германского посла указать, на каких условиях мы еще согласились бы приостановить наши вооружения, министр иностранных дел заявил, что таковым условием является признание Австро-Венгрией, что австро-сербский вопрос принял характер европейского вопроса, и заявления ее, что она согласна не настаивать на требованиях, несовместимых с суверенными правами Сербии.

Предложение России было признано Германией неприемлемым для Австро-Венгрии. Вместе с тем в Петербурге было получено известие об объявлении Австро-Венгрией общей мобилизации.

В то же время продолжались военные действия на сербской территории, и Белград подвергся новой бомбардировке.

Последствием такого неуспеха наших мирных предложений явилась необходимость расширения военных мер предосторожности.

На запрос по этому поводу берлинского кабинета было отвечено, что Россия вынуждена была начать вооружение, дабы предохранить себя от всяких случайностей.

Принимая такую меру предосторожности, Россия вместе с тем продолжала всеми силами изыскивать исход из создавшегося положения и выразила готовность согласиться на всякий способ разрешения спора, при коем были бы соблюдены поставленные нами условия.

Несмотря на такое миролюбивое сообщение, германское правительство 18 июля обратилось к Российскому правительству с требованием к 12 часам 19 июля приостановить военные меры, угрожая в противном случае всеобщей мобилизацией.

На следующий день, 19 июля, германский посол передал министру иностранных дел от имени своего правительства объявление войны.

Оранжевая книга. С. 61–64.

Приложение 5
Высочайший манифест от 26 июля 1914 г. Об объявлении состояния войны России с Германией

Божиею милостию Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем Нашим верным подданным:

Немного дней, тому назад Манифестом Нашим оповестили Мы русский народ о войне, объявленной Нам Германией.

Ныне Австро-Венгрия, первая зачинщица мировой смуты, обнажившая посреди глубокого мира меч против слабейшей Сербии, сбросила с себя личину и объявила войну не раз спасавшей ее России.

Силы неприятеля умножаются: против России и всего славянства ополчились обе могущественные немецкие державы. Но с удвоенною силою растет навстречу им справедливый гнев мирных народов, и с несокрушимою твердостью встает перед врагом вызванная на брань Россия, верная славным преданиям своего прошлого.

Видит Господь, что не ради воинственных замыслов или суетной мирской славы подняли Мы оружие, но, ограждая достоинство и безопасность Богом хранимой Нашей Империи, боремся за правое дело. В предстоящей войне народов Мы не одни: вместе с Нами встали доблестные союзники Наши, также вынужденные прибегнуть к силе оружия, дабы устранить, наконец, вечную угрозу германских держав общему миру и спокойствию. Да благословит Господь Вседержитель Наше и союзное Нам оружие, и да поднимется вся Россия на ратный подвиг с жезлом в руках, с крестом в сердце.

Дан в Санкт-Петербурге, в 26 день июля, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот четырнадцатое, Царствования же Нашего в двадцатое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

«Николай»

Оранжевая книга. С. 69—*70.*

Приложение 6
Из стенографического отчета о заседании Государственной думы 26 июля 1914 г.

Председатель М.В. Родзянко. Слово принадлежит г-ну министру иностранных дел. (Пуришкевич: Да здравствует Сазонов! *Продолжительные рукоплескания)*.

Министр иностранных дел Сазонов. Гг. члены Государственной думы. В трудные минуты ответственных решений правительство почерпало силы в сознании полного единомыслия своего с народной совестью. (Голоса: браво). Когда наступит время для истории произнести свой беспристрастный суд, ее решение – я твердо в это верю – не будет иным как то, которым мы руководились: Россия не могла уклониться от дерзкого вызова своих врагов, она не могла отказаться от лучших заветов своей истории, она не могла перестать быть Великой Россией. *(Бурные рукоплескания)*. Наши враги стремятся перенести на нас ответственность за бедствия, которые они навлекли на Европу, но их лживые наветы не могут ввести в заблуждение никого, кто добросовестно следит за политикой России за последние годы и за последние дни. В сознании необъятных задач, связанных с ее внутренним развитием и преуспеянием, Россия не со вчерашнего дня дала многочисленные доказательства своего искреннего миролюбия, только благодаря этому миролюбию в Европе был предотвращен пожар, готовый разгореться, когда в 1912–1913 гг. возникла борьба на Балканах. Не в ней, не в русской политике заключалась угроза европейскому миру. Свое достоинство великая Россия никогда не полагала в тщеславном бряцании оружием, в попрании чужого самолюбия, в пренебрежении к правам слабых. Спокойная, мирная мощь России не давала покоя ее врагам. Нужно ли напоминать вам о всех попытках Австро-Венгрии подорвать историческое положение России на Балканах? Пришел час, когда я могу здесь, не обинуясь, сказать, что ее старанием удалось посеять братоубийственную рознь между Болгарией и ее союзниками. Но подвергшееся тяжелым испытаниям дело единения православных народов Балканского полуострова, Бог даст, не погибнет. Вы знаете повод войны. Раздираемая внутренними неурядицами, Австро-Венгрия решила выйти из них каким-нибудь смелым шагом, который создал бы впечатление ее силы, нанеся в то же время России унижение. Для этой цели была выбрана Сербия, с которой нас связывают узы истории,

происхождения и веры. Вам известны условия, при которых Сербии был предъявлен ультиматум. Согласившись на него, Сербия стала бы вассалом Австрии. Было явно, что для нас не вступиться в дело – значило бы не только отказаться от вековой роли России, как защитницы балканских народов, но и признать, что воля Австрии и стоящей за ее спиною Германии для Европы есть закон. На это не могли согласиться ни мы, ни Франция, ни Англия. Не менее нас наши доблестные союзники прилагали свои усилия к укреплению мира в Европе. Наши враги ошиблись, приняв эти усилия за проявление слабости, и после вызова, брошенного Австрией, Россия не отвергла ни одной попытки, которая могла бы привести к мирному разрешению конфликта. В этом направлении были честно до конца исчерпаны все усилия наши и наших союзников. Вы убедитесь в этом из документов, которые будут обнародованы и которые излагают последовательный ход переговоров. Мы твердо стояли на одном условии: готовые принять всякий компромисс, способный без умаления ее достоинства быть принятым Австрией, мы исключали все, что могло задеть самостоятельность и независимость Сербии. С самого начала мы не скрывали нашей точки зрения; несомненно, что, если бы берлинский кабинет захотел, он мог бы еще вовремя одним властным словом остановить свою союзницу, также как он сделал это во время Балканского кризиса. Между тем Германия, которая за самые последние дни не переставала высказывать на словах свою готовность воздействовать на Вену, отвергла одно за другим делавшиеся ей предложения и, со своей стороны, выступала с пустыми заверениями. Время шло, переговоры не подвигались. Австрия подвергла Белград ожесточенной бомбардировке. Это был организованный правительством погром – естественное продолжение погромов беззащитного сербского населения Сараева после известного злодеяния 15 июня. Явная цель всего была выиграть переговорами время, поставить нас и Европу перед совершившимся фактом унижения Сербии. При таких условиях мы не могли не принять естественных мер предосторожности, тем более что Австрия уже мобилизовала половину своей армии. Когда в России была объявлена мобилизация армии и флота, государю императору благоугодно было своим царственным словом поручиться перед германским императором, что Россия не приступит к применению силы, пока есть надежда на мирный исход переговоров на тех полных умеренности началах, о которых я упомянул. Этот голос не был услышан. Германия объявила войну сначала нам, потом нашей союзнице. Потеряв всякое самообладание, она стала попирать общепризнанные права

государств, нейтралитет коих обеспечен торжественной подписью ее самой, наравне с другими государствами. Нельзя не преклониться перед героизмом бельгийского народа, борющегося против огромной германской армии. *(Бурные рукоплескания находящемуся в ложе дипломатического корпуса бельгийскому посланнику гр. Конраду де-Буиссерэ-Стеенбеке-де-Блариениен).* Образ действия Германии не мог не вызвать глубокого негодования всего цивилизованного мира *(бурные рукоплескания)* и, прежде всего, благородной Франции, которая вместе с нами встала на защиту попранного права и справедливости. (*.Бурные рукоплескания находящемуся в ложе дипломатического корпуса французскому послу Морису Палеологу).* Нужно ли говорить, что те же чувства одухотворяли Англию *(бурные рукоплескания находящемуся в ложе дипломатического корпуса великобританскому послу сэру Джорджу Бъюкэнену),* Англию, которая, как один человек, сплотилась в общем чувстве – необходимости дать отпор Германии в ее стремлении наложить на Европу тяжелую руку своей гегемонии. Теперь тот повод, из-за которого возникла война, отступает перед значением, которое она приобретает для каждого из нас и наших союзников. Германия нам объявила войну 19 июля, а через пять дней после нее и Австрия, мотивировавшая свое решение нашим вмешательством в свой спор с Сербией, а также тем, что мы открыли враждебные действия против Германии. Этим будто бы и вызвана война последней против нас. Неприятельские войска вступили на русскую землю. Мы боремся за нашу родину, мы боремся за свое достоинство и положение великой державы. Владычества Германии и ее союзницы в Европе мы допустить не можем. Те же побуждения руководят нашими союзниками. Мы не предавались пустому тщеславию. Мы знаем, что на нашем пути могут быть тяжелые испытания; они уже учитываются нашими врагами. Не зная России и презрев ее историю, они рассчитывают на возможность малодушия с нашей стороны. Но Бог, не оставивший Россию в самые тяжелые годины ее истории, не покинет и теперь нашу родину, которая вся сплотилась вокруг своего царя в общем чувстве любви и самопожертвования. *(В центре, справа и слева продолжительные рукоплескания и голоса:* браво, верно). Со смиренным упованием на помощь Божью, с непоколебимой верой в Россию правительство с горячим доверием обращается к вам, народным избранникам (голоса: браво), убежденное, что в вашем лице отражается образ нашей великой родины, над которой да не посмеются наши враги *(Члены Государственной думы стоя приветствуют министра иностранных дел продолжительными и бурными рукоплесканиями;*

голоса: браво; *голоса справа:* молодчина, вот это здорово).

Известия МИД, 1914, Кн, V, С, 12–15,

Приложение 7
Речь министра иностранных дел С.Д. Сазонова в Государственной думе 27 января 1915 г.

Гг. члены Государственной думы,

Ввиду важности переживаемой нами исторической минуты, я счел долгом испросить высочайшего соизволения представить вам общую картину настоящего политического положения.

Прошло шесть месяцев с тех пор, как, обращаясь к вам с этой трибуны, я указал, почему Россия перед грубым покушением Австрии и Германии на независимость Сербии и Бельгии не могла принять иного решения, кроме того, которое она приняла, ставши на защиту попираемого права. Призванная на этот единственно достойный ее путь великодушным своим государем, Россия без всякого колебания поднялась как один человек и с верой в Провидение ополчилась на врага, навязавшего ей войну. Правительство и народ, движимые одним чувством и общим сознанием великой ответственности перед Родиной, действовали заодно в полном согласии, ивы, представители народа, запечатлели эту историческую минуту редким единодушием, в котором вы в горячих словах здесь заявили о своем единении с правительством.

Тесно сплоченная, Россия не осталась одинокой, и с ней вместе выступили единомышленные с нами Франция и Англия, к которым вскоре примкнула и Япония.

За истекшие шесть месяцев наши доблестные войска под водительством своего верховного главнокомандующего не переставали творить чудеса храбрости, вплетая новые лавры в неувядаемый венец славы русского оружия. Рука об руку с нашими союзниками воины наши идут твердым шагом к своей цели, и мы, гордясь их доблестью и стремясь облегчить им выполнение их задачи, спокойно ждем светлой минуты конечного торжества.

Наш противник, обманувшись в расчете на легкую и скорую победу, продолжает нести кровавые жертвы на полях сражений и напрягает все усилия, чтобы бороться с нами всеми способами. Для этого он не брезгует никакими средствами и не останавливается ни перед намеренным искажением истины, ни перед самыми недобросовестными происками.

Прежде всего, чтобы оправдаться перед собственными

согражданами в легкомысленно затеянной им войне, германское правительство прилагает все старания, чтобы ввести в заблуждение общественное мнение и вопреки действительности утверждает, будто эта война была навязана Германии. Лишний раз повторяется старая басня о грозившей, будто бы, Германии со времени короля Эдуарда VII опасности окружения врагами. Между тем миролюбие этого мудрого государя известно всему свету. Безмерное властолюбие берлинских правящих кругов давно стало для него очевидно, и он понял, что только сближение держав, связанных общностью мирных интересов, может дать устойчивость политическому равновесию в Европе. Соглашения, им заключенные, или подготовленные, преследовали, таким образом, исключительно оборонительные цели. Совсем иное направление имела работа, все настойчивее проводимая за последние годы Германией. Я не коснусь здесь ее напряженных стараний опередить Англию в отношении морского могущества, для достижения которого Германия отвергала все попытки Великобритании договориться на этой почве. Я не коснусь также постоянных посягательств на интересы Франции, как например, в пресловутом Агадирском деле, ни плохо скрываемых желаний Германии подчинить своей воле соседние нейтральные государства. Но я напомню вам ряд признаков, обличающих с достаточной ясностью отношения Германии к России. В то время как мы, оставаясь верными вековым преданиям, честно поддерживали добрососедские отношения, нам все чаще приходилось наталкиваться повсюду на противодействие Германии. Как бы в силу общего предписания, немецкая дипломатия стала орудовать против нас во всех соседних с нами странах, особенно же в тех, с которыми мы связаны наиболее существенными интересами. Сначала эта работа велась довольно осторожно, затем она стала все более откровенной. В скандинавских государствах немцами и их приспешниками систематически внедрялось недоверие к России в надежде подорвать хорошие отношения между соседними народами. В Галиции на присылаемые из Берлина деньги искусственно поддерживалось так называемое украинское движение с целью внести раскол в самое сердце единого русского народа. В Румынии немецкое влияние годами затемняло у единоверного нам народа сознание общности наших интересов как экономических, обусловленных соседством, так и политических, вытекающих из факта нахождения большого числа наших соплеменников под игом Австро-Венгрии. Даже связанную с нами особыми историческими узами Болгарию Германия всячески старается подчинить своим видам.

Но ярче всего сказалась направленная против России германская интрига в Турции. Едва ли мне нужно напомнить вам, как на другой день после казавшихся доверчивыми объяснений со мной в Берлине германское правительство постаралось поставить нас перед совершившимся фактом захвата немецкими офицерами военной власти в оттоманской столице. С этой минуты окончательное порабощение Турции Германией пошло ускоренным шагом. Об этом, впрочем, я предоставляю себе сказать подробнее в другом месте; здесь же я хочу только подчеркнуть, с какой настойчивостью Германия пыталась опутать нас цепью своей политической интриги вдоль всей нашей европейской границы.

То же было и в Азии. В Персии, в явное нарушение духа Потсдамского соглашения и данных нам в связи с ним торжественных обещаний, немецкие агенты предавались усиленной деятельности, чтобы создать нам всякие затруднения в этой области преимущественных русских и английских интересов. Те же немецкие интриги мы видим в Китае и в Японии, где Германия прилагала все усилия, чтобы возбудить против России эти государства, к счастью, безуспешно.

Сказанного достаточно, чтобы ответить на вопрос, не имеется ли больше основания говорить о попытках окружения России Германией, нежели жаловаться на мнимое окружение Германии Тройственным согласием.

Ясно, что уверения Германии о том, что война начата не по ее воле, не имеют никакой под собой почвы, так как подлинные документы, оглашенные за последнее время, с полной очевидностью доказывают противное.

К числу клеветнических слухов, злонамеренно распространяемых Германией, относятся также слухи о произведенных будто бы русскими войсками погромах еврейских домов и массовом избиении еврейского населения. Я пользуюсь думской трибуной, чтобы решительно опровергнуть эту клевету. Если еврейское население пострадало в районе военных действий, то это, к сожалению, явление, неразрывно связанное с войной и от которого в равной мере страдает все население затронутой военными действиями местности. При этом очевидцы сходятся в утверждении, что наибольшие опустошения как у нас в Польше, так и в Бельгии и Сербии являются делом австро-германских рук.

Особенно усердно распространяется упомянутая клевета германскими официальными источниками с несомненной целью вызвать неприязненное к нам настроение в Северо-Американских Соединенных Штатах. Но здравый смысл американцев не

позволит им поддаться такому грубому обману. Я надеюсь, что дружелюбные отношения наши с Америкой не потерпят от германских происков никакого ущерба.

Но есть еще один способ борьбы Германии против нас, о котором я считаю нелишним сказать вам несколько слов. Это – попытки внести рознь или хотя бы охлаждение между союзниками. Для этого постоянно распускаются ложные слухи то о склонности, будто бы, того или другого союзника вступить в переговоры об отдельном мире то о неравномерности распределения тягот войны между союзниками. Эти измышления не нашли нигде отклика. В России все хорошо знают, что единение между нами и нашими союзниками незыблемо и становится с каждым днем теснее. Связанные общими интересами, мы идем к одной цели – сокрушению военного могущества врага для установления такого порядка, который позволил бы Европе пользоваться впредь благами прочного мира. Союзники неразрывно сплочены между собой, и эта связь торжественно подтверждена Лондонским соглашением 23 августа минувшего года.

В общее наше дело каждый из нас вкладывает полноту своих сил. Наши союзники отдали дань удивления усилиям России, которая послала на поле брани свои несметные дружины и успешно борется с тремя империями на фронте громадного протяжения. Мы со своей стороны ценим чрезвычайно высоко беспримерную доблесть, проявляемую нашими союзниками, и отдаем себе ясно отчет в существенном значении для нас их содействия как на суше, так и на море.

Не могу не упомянуть также об услуге, оказанной общему делу героической Бельгией, которая своими страданиями и подвигами стяжала себе бессмертную славу.

Я рад настоящему случаю выразить здесь среди представителей русского народа нашим союзникам сердечную признательность за их искреннее и деятельное содействие.

Нынешнее наше тесное с ними единение имеет цену, выходящую далеко за пределы настоящего времени.

Наше взаимодействие на почве политической и военной расширено на этих днях новым соглашением финансово-экономического характера. Значение этого соглашения для успешного завершения предстоящих нам сложных задач не ускользнет, конечно, от вашего внимания. Из него с полной очевидностью вытекает, что как Россия, так и ее союзники организовали дело борьбы своей с Германией соответственно с бесповоротно принятым ими решением довести ее до конца.

Из недавно опубликованной Оранжевой книги вы имели

возможность подробно ознакомиться с событиями на Босфоре, предшествовавшими нашей войне с Турцией. Я должен и тут подчеркнуть ту предательскую роль, которую при этом сыграла Германия.

Приглашая на свою службу германских инструкторов, а затем и военную миссию генерала фон Сандерса, турецкое правительство думало, конечно, только об усилении боевой силы своей армии и о лучшем обеспечении своей независимости против русской опасности, о которой ему усердно нашептывали из Берлина. Германия же воспользовалась своим проникновением в турецкую армию для того, чтобы постепенно обратить ее в орудие своих политических замыслов. Допущение «Гебена» и «Бреслау» в турецкие воды окончательно отдало Турцию в руки Германии.

Действия Турции со дня появления у Дарданелл «Гебена» должны быть рассматриваемы, как совершенные под давлением германского правительства. Стремление оттоманского правительства сложить с себя ответственность за произведенное нападение на наши берега не могло уже остановить Турцию на той роковой для нее наклонной плоскости, на которую ее толкнула Германия. Совершившиеся на русско-турецкой границе события, надеюсь, откроют глаза туркам, и помогут им понять, что германская опека неудержимо ведет их к погибели. События эти не только увенчали новой славой наше оружие, но приблизят минуту разрешения экономических и политических задач, связанных с выходом России к свободному морю.

Как Вы можете убедиться из предложенного Вам сегодня сборника документов, касающихся проведения реформ в Армении, императорское правительство за последние годы неуклонно стремилось к облегчению участи турецких армян, руководствуясь при этом как бескорыстными заветами русской политики, так и государственными нашими интересами. Когда в Берлине убедились в непреклонности наших намерений добиться преобразований в Армении, германская дипломатия выразила готовность разделить наши труды с задней мыслью затормозить их правильное проведение в жизнь. Русско-турецкое соглашение 26 января 1914 г. является историческим актом, подписанием которого Порта признала наше исключительное положение в армянском вопросе. При окончании войны это исключительное положение будет использовано императорским правительством в благожелательном для армянского населения направлении.

Обнажив свой меч на защиту Сербии, Россия была верна своим заветным чувствам по отношению к братским народам. Только настоящая война дала нам истинное представление о

величии сербского духа и сковала русский народ с сербским тесными узами.

С чувством удовлетворения могу я упомянуть о Черногории, мужественно сражающейся вместе с нами за общеславянское дело.

Отношение наше к Греции, испытанному другу нашей союзницы *Сербии*, носит самый сердечный характер.

Стремление эллинского народа положить конец страданиям своих соплеменников, находящихся еще под игом Турции, не могут не вызвать сочувствия императорского правительства.

Отношения с румынским королевством сохранили тот дружественный характер, который они приобрели после посещения государем императором в минувшем июне Констанцы. Непрекращавшиеся в течение всей осени сочувственные по адресу России манифестации, как в самой столице Румынии, так и в различных частях страны – подчеркивали в то же время враждебные чувства румынского народа по отношению к Австро-Венгрии

Господа, вы, вероятно, ждете от меня ответа на вопрос, который теперь занимает всех, а именно, каково отношение к нынешней войне тех из невоюющих государств, интересы коих, казалось бы, должны были давно подсказать им вмешательство в борьбу на стороне России и ее союзниц. Действительно, в этих государствах общественное мнение, чуткое ко всему, что воплощает народный идеал, уже давно высказалось в этом смысле. Но вы поймете, что мне нельзя подробнее коснуться этого вопроса ввиду того, что правительств означенных государств, с которыми мы находимся в дружественных отношениях, по-видимому, не пришли еще к окончательному решению, а таковое решение принадлежит им, ибо они одни понесут ответственность перед своими соотечественниками, если бы случай осуществить давнишние народные вожделения остался ими неиспользованным.

Заговорив о невоюющих государствах, я не могу не отметить с искренней признательностью услуг, оказываемых нам Испанией и Италией, которые приняли на себя нелегкую задачу покровительства нашим соотечественникам во враждебных нам странах.

Не могу не сказать также о том, с какой заботливостью относилась к русским путешественникам Швеция, через которую лежал путь этих несчастных жертв германского насилия. О таком сердечном обращении шведов свидетельствуют все прибывающие сюда русские, и я надеюсь, что это послужит новым поводом к закреплению наших добрососедских отношений, упрочения и

развития коих мы, со своей стороны, искренне желаем.

По поводу наших соотечественников, задержанных в Германии и Австрии, считаю долгом уверить вас, что императорское правительство принимает все меры к облегчению их участи и, по возможности, к водворению их на родину.

Также и в отношении наших военнопленных русское правительство предприняло шаги к улучшению их положения и одно из первых откликнулось на человеколюбивый почин Папы Бенедикта XV с целью возвращения, на основании взаимности, по крайней мере, тех из наших воинов, которые утратили боеспособность, и удержание коих в плену было бы для них лишь жестоким нравственным мучением.

Остается только надеяться, что великодушные предложения Папы будут приняты всеми воюющими державами.

До начала войны с Турцией нам удалось, хотя и не без труда, завершить начатое осенью 1913 г. дело турецко-персидского разграничения от Персидского Залива до Арарата и положить тем конец вековому спору между Турцией и Персией, постоянно грозившему серьезными осложнениями. Благодаря заботам держав-посредниц, Англии и

России, сохранены были за Персией около 20 тыс. квадратных верст персидской территории, на которую турки без всякого права претендовали и которая частью была ими захвачена.

С началом военных действий с Турцией шахское правительство поспешило заявить о своем намерении соблюдать строгий нейтралитет. Это не помешало, однако, представителям Германии, Австрии и Турции начать усиленную агитацию в Персии в надежде привлечь персов на свою сторону. С этой целью распространялись воззвания, якобы исходившие от высшего шиитского духовенства в Неджефе и Кербеле, призывавшие персов на участие в священной войне против России и Англии, сообщались ложные сведения о победах германских, австрийских и турецких войск и внушалась персам мысль, что наступил удобный момент освободиться от англо-русских притязаний на Персию.

Интриги эти велись особенно настойчиво в Азербайджане, где туркам удалось привлечь этим путем на свою сторону часть местных курдских племен. Еще до начала войны эти племена вместе с турецкими курдами, а также при участии турецких солдат начали враждебные нам действия в Урмийском и Хойском районах. После же начала военных действий турецкие войска, в прямое нарушение персидского нейтралитета, перешли границу Персии и, подкрепленные многочисленными бандами курдов, двинулись в местности, в которых расположены были наши

отряды, превратив, таким образом, Азербайджан в часть театра русско-турецкой войны.

Следует тут же отметить, что присутствие наших войск на персидской территории отнюдь не является нарушением нейтралитета Персии. Наши отряды были двинуты в эту страну уже несколько лет назад с определенной целью восстановления и поддержания порядка в смежных с нашими владениями местностях, имеющих для нас первостепенное экономическое значение, а равно для предотвращения захвата некоторых из этих местностей турками, явно стремившимися создать себе там, в особенности в Урмийском районе, удобную базу для военных действий против Кавказа. Персидское правительство, не имеющее возможности фактически отстаивать свой нейтралитет, ответило на турецкое нарушение последнего протестами, которые, однако, не имели никаких последствий.

В заключение я должен с удовольствием отметить, что наши отношения с Англией на почве персидских дел больше, чем когда-либо, покоятся на полном обоюдном доверии и искреннем взаимодействии. Это обстоятельство служит наилучшим залогом к успешному разрешению всех, даже самых сложных вопросов, которые могли бы в будущем возникнуть на персидской почве.

Политические соглашения, которые мы заключили с Японией в 1907 и 1910 гг., ныне особенно ярко доказали свою пользу и принесли обильные плоды. В настоящей войне Япония оказалась на нашей стороне, и наши отношения фактически являются союзными. Война, которую Япония объявила Германии, привела к изгнанию германцев из вод Тихого океана и к переходу в японские руки баз германской деятельности в Китае – территории Киао-Чао. Хотя на соглашении 23 августа и нет подписи японского правительства, но так как в союзном англо-японском договоре содержится обязательство договорившихся сторон не заключать отдельно мира, то и в настоящей войне германское правительство не может рассчитывать заключить мир с Японией ранее заключения его с Англией, а, следовательно, с Россией и Францией. Установившиеся между нами и Японией отношения дают нам уверенность в том, что и в тех требованиях, которые ныне японское правительство сочло нужным поставить китайскому, не содержится ничего, противного нашим интересам.

Что касается наших отношений к Китаю, то за последнее время я могу с удовольствием отметить их дальнейшее улучшение. Переговоры, которые ведутся в Кяхте нашими и китайскими делегатами относительно Монголии, идут, правда, медленно, но миролюбиво, и я надеюсь, что когда мне представится случай вновь излагать перед вами обзор наших

отношений с иностранными державами, я буду иметь возможность сообщить вам о благополучном завершении этих переговоров и о состоявшемся подписании тройного русско-китайско-монгольского договора, удовлетворяющего желанию монголов Внешней Монголии быть вполне самостоятельными в своем внутреннем управлении. Такой договор оградил бы русские интересы в этой стране и вместе с тем не оставил бы чувства обиды в душе китайцев.

Господа, в заключение позвольте мне высказать одно пожелание.

Полгода тому назад, в грозный час великих решений, правительство и народ, которого вы являетесь представителями, тесно сплотились вокруг престола и дружно стали на защиту общего русского дела. Обнаруженное тогда единодушие нас всех окрылило и подвинуло на трудный подвиг. Будем же и впредь дружно работать для довершения начатого, и, когда настанет час подводить итоги достигнутому доблестью наших славных войск, пусть и тогда правительство найдет в народном представительстве ту же дружную поддержку для разрешения предстоящих ему сложных политических вопросов на благо и на славу России.

АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 723. Л. 29–49. Подлинник. Рус. яз.

Приложение 8
Речь министра иностранных дел С.Д. Сазонова в Государственной думе 19 июля 1915 г.

Гг. члены Государственной думы,

В годовщину рокового дня, когда, вопреки нашим усилиям сохранить мир, Германия объявила нам войну и зажгла во всей Европе и за пределами ее доселе еще невиданный по своим размерам пожар, необходимо бросить взгляд назад и подвести итог пережитому за истекший год. За этот срок, с высочайшего соизволения государя императора, я сегодня в третий раз обращаюсь к Вам с этой кафедры. Из двух моих предшествующих обращений, равно как из обнародованной подлинной переписки Министерства иностранных дел, Вы уже достаточно знакомы с обстоятельствами, приведшими к настоящему великому столкновению народов, и знаете, что не на России и ее союзницах лежит тяжелая ответственность за неисчислимые бедствия, которыми сопровождается нынешняя война. Поэтому не стану возвращаться к общеизвестным этим предметам. В настоящую минуту крайнего напряжения всех сил и, когда мы здесь все собраны для одной цели – содействия нашим геройским войскам в одолении врага, – более чем когда-либо время Ваше дорого для дела, и я ограничусь лишь кратким изложением нынешнего политического положения. При этом считаю долгом предупредить Вас, что если, может быть, Вы не найдете в моих словах исчерпывающего ответа на некоторые из волнующих Вас вопросов, я уверен, что Вы поймете, насколько трудно было бы для меня коснуться сегодня тех из них, о которых пока еще не закончены переговоры.

Со дня последнего моего обращения к Вам в области международных отношений произошло немного перемен. Россия по-прежнему тесно связана с доблестными своими союзницами, причем сложное дело согласования деятельности отдельных государств прочно налажено, так что силы каждого из них наилучшим образом использованы для достижения одной общей всем цели.

В дружную среду союзников ныне вступил еще один новый участник в лице Италии. Народ ее в неудержном порыве уже давно стремился освободить от иноземного ига своих соплеменников. Имена Триеста и Трентино давно являлись

боевым кличем среди потомков борцов за итальянское «возрождение». Правительство г. Саландры в течение первых месяцев войны тщательно подготовляло свое выступление, и когда настало время, примкнуло к России, Франции и Англии во имя осуществления идеала итальянского народа. Я искренне рад случаю здесь вместе с Вами приветствовать союзную Италию.

Если бы примеру Италии последовали и другие державы, то это, конечно, способствовало бы скорейшему окончанию войны и сокращению кровопролития и таким образом приблизило бы время, когда воюющие народы были бы в состоянии вернуться к мирной, созидательной работе. Но час для соответствующих решений пока еще не упущен, и можно надеяться, что этим воспользуются те из невоюющих, которым иначе не разрешить стоящих перед ними национальных задач.

За последнее время много говорилось о настроении, теперь господствующем у наших северных соседей в Швеции. Из слов, произнесенных недавно ее государственными деятелями, выводились различные заключения. Наше дружественное отношение к шведам и наше искреннее желание поддержать с ними самые лучшие добрососедские отношения до того общеизвестны, что мне едва ли нужно его еще раз подтвердить.

Мы вместе с тем вполне отдаем себе отчет в неизбежных затруднениях, создаваемых шведской торговле, благодаря положению страны, окруженной воюющими державами, но я рад отметить прямодушие, с которым шведское правительство оберегает своей нейтралитет, хотя оно заботится в то же время об охране своих отечественных интересов.

Ведущиеся ныне в Стокгольме англо-шведские переговоры, оставаясь на чисто деловой почве, обнаружили у обеих сторон несомненное стремление найти почву для соглашения, и мы искренно желаем, чтобы эти переговоры пришли в скором времени к успешному окончанию.

Чудовищные способы ведения войны, применяемые Германией, не останавливающейся ни перед массовым отравлением наших воинов, ни перед истреблением женщин, детей и мирных граждан, не могли не вызвать чувства справедливого отвращения в нейтральных странах. Возмущение по этому поводу замечается в равной мере за океаном.

Население Северо-Американских Соединенных Штатов, проникнутое чувством человеколюбия, не могло не отозваться самым решительным образом на случаи, подобные ужасной гибели «Лузитании», стоившей жизни стольких американских граждан. Это беспримерное по жестокой бесцельности злодейство ложится неизгладимым пятном на имени Германии. Последуют

ли за строгой отповедью, данной президентом Вильсоном германскому правительству, более решительные меры со стороны Северо-Американских Соединенных Штатов, пока сказать трудно, но уже теперь ясно, что американское общественное мнение возмущается действиями германцев, несмотря на все старания последних снискать себе расположение Америки.

Единодушное наше восхищение вызывает беззаветная храбрость союзных войск, сражающихся на Галлиполийском полуострове. Неся крупные жертвы при одолении почти неприступных препятствий, воздвигнутых самой природой и тщательно использованных немцами, наши доблестные союзники с непоколебимым упорством постепенно приближают нас к желанному моменту установления близкой и прямой связи между нами и ими.

Чуя надвигающуюся грозу, турки с особенным ожесточением обрушились на находящиеся еще во власти их христианские народы.

Армяне подвергаются неслыханным гонениям, не сломившим, однако, их духа, и армянские дружины мужественно сражаются вместе с нами против своих угнетателей; так, в Ване продержались они около месяца против напора турок до освобождения города нашими войсками.

Такие же тяжкие преследования турками местного греческого населения, женщин и детей, не могут не вызвать чувств сострадания и возмущения в эллинском народе и его правительстве. Последнему ныне придется решить роковой вопрос, возможно ли для него помочь малоазиатским соплеменникам, не присоединяясь к державам, борющимся за право и свободу.

Я не сомневаюсь, что и в остальных странах, не вышедших еще из нейтралитета, правительства окажутся в полном единении со стремлениями своих народов, если решатся вступить на путь, указываемый им жизненными их интересами и всем их прошлым.

При этом случае я должен отметить давление, которое приходится выносить Румынии от австро-германских агентов. Несмотря на все их усилия, румынское правительство не поддается соблазну, и мы продолжаем поддерживать с ним дружественную связь, укрепление и развитие коей составляет предмет обоюдных забот.

Мне нет необходимости вновь отмечать то участие, которое принимает в борьбе с нашими врагами наша союзница Сербия.

После явленных ею чудес мужества и самопожертвования, сербская армия, собравшись с новыми силами и опираясь на оказываемую как нами, так и Францией и Англией помощь, снова

готова присоединиться к союзникам. Я убежден, что в сознании своего патриотического долга сербский народ почерпнет решимость пойти и на иные жертвы, вызываемые нынешними чрезвычайными событиями и падающие в одинаковой степени на всех союзников.

Занятие черногорскими силами Скутари было вызвано, согласно заявлению черногорского правительства, необходимостью прекратить разбойничью деятельность албанских шаек, мешавших правильному подвозу продовольствия в Черногорию. Правительство короля Николая подтвердило при этом, что оно не стремится предрешить участь города, зависящую исключительно от воли союзных держав.

Ведя с нами борьбу на полях сражений, наши враги одновременно развили в нейтральных странах широкую, как явную, так и тайную агитацию с целью восстановить против союзников общественное мнение в этих странах, а где возможно, и вовлечь их в открытое столкновение с ними. Так, ими ведутся усиленные происки в Персии с целью вызвать там смуту, раздаются деньги, вербуются вооруженные шайки, привозятся оружие, пулеметы и снаряды. К противодействию этим происка нами принимаются меры. К сожалению, длительные неурядицы в Персии, постоянные беспорядки, разлад между правительством и демократическими кругами и длящийся уже около месяца министерский кризис, не могущий до сих пор придти к благополучному разрешению, значительно затрудняют задачу умиротворения страны. Однако планомерная и безусловно солидарная деятельность императорских и британских представителей в Персии, дружно прилагающих все усилия к тому, чтобы помочь шахскому правительству в деле противодействия смуте, дает нам основание надеяться, что происки наших врагов не увенчаются успехом и что спокойствие в стране будет восстановлено. При этом я должен добавить, что, если наши усилия окажутся тщетными и если меры, принимаемые в настоящее время, не приведут к желательному умиротворению, нам придется прибегнуть к иным, более решительным способам воздействия.

Вы, конечно, обратили внимание, господа, на то, что за последнее время японская печать обсуждает вопрос о желательности тесного политического единения между Россией и Японией. Эта мысль нашла себе сочувственный отклик и в нашей печати. На самом деле борьба с общим врагом и весьма существенные услуги, которые Япония оказала нам и нашим союзникам в этой борьбе, не могли не повлиять на правительства держав Тройственного согласия и на их общественное мнение,

создавая ту атмосферу, в которой выковываются прочные политические связи между народами. Истекшие со времени Портсмутского договора десять лет доказали, что мирное сожительство России и Японии вполне возможно и обоюдно для них выгодно. Нынешние наши фактически союзные отношения с Японией должны явиться преддверием еще более тесного единения.

Военные действия японской армии против германской крепости Цинтао привели к переходу этой крепости и самой арендованной Германией территории Киао-чао в японские руки. В связи с этим обстоятельством между японским и китайским правительствами возникли переговоры, приведшие к подписанию между ними 12 мая соглашения, которым оформлены и закреплены особые права японцев в областях Китая, где сосредоточены японские интересы. Наши дружеские отношения как к японскому, так и к китайскому правительствам давали нам уверенность в том, что при этих переговорах не будут нарушены русские интересы, и дозволили нам спокойно следить за их ходом, даже в минуту их обострения. Такое наше отношение было по достоинству оценено и в Японии, и в Китае.

Те же доверчивые отношения, установившиеся у нас с китайским правительством, дали нам возможность прийти с ним к окончательному соглашению относительно положения Внешней Монголии. 25 мая в Кяхте русским, китайским и монгольским уполномоченными было подписано соглашение, которое будет на днях опубликовано. По этому акту Внешняя Монголия окончательно признается внутренне самостоятельным государством, находящимся в вассальной зависимости от Китая. Монголам Внешней Монголии обеспечивается право самостоятельного внутреннего управления и распоряжения в вопросах торговых и промышленных включительно, до заключения по таким вопросам международных соглашений. Лишь в области политических отношений с иностранными государствами самостоятельность Внешней Монголии ограничивается правом голоса, который будут иметь в этой области Россия и Китай.

Господа, в заключение не могу не сказать Вам, что если по истечении целого года войны итоги стольких усилий могут показаться им несоответствующими, не следует забывать, что залог успеха – в твердости и стойкости. Могу с полной уверенностью заявить, что правительство, в единодушии с общественным мнением, не допускает мысли о заключении мира до окончательного одоления врага. Наши верные союзники одушевлены в этом отношении той же непоколебимой

решимостью.

Наконец, есть требования, которые и не зависят от нашей воли и создаются стихийно под влиянием исторического хода событий. Мы не можем с ним не считаться.

Навязанная нам год тому назад война выдвинула и властно предуказала нам такие задачи, которые еще в июле 1914 г. были только отдаленной мечтой. Эти задачи, которые теперь нам всем до того ясны, что я считаю излишним останавливаться на более точном их определении, требуют от нас сугубого напряжения всех сил, ибо мы обязаны перед Россией их осуществить. Мы не в праве от них отказаться. Поэтому, каковы бы ни были временно ниспосланные нам испытания, мы должны остаться непреклонными в решении бороться до победы над врагом. Для этого сохраним нерушимую твердую веру в конечное торжество нашего правого дела.

АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 724. Л. 4—14.

Приложение 9
Речь министра иностранных С.Д. Сазонова в Государственной думе 9 февраля 1916 г.

Гг. члены Государственной думы,

Вновь обращаюсь к Вам сегодня, чтобы с высочайшего соизволения государя императора в четвертый раз с начала войны представить Вам картину общего политического положения.

Небывалая мировая борьба продолжает развиваться, и менее чем когда-либо, возможно предвидеть срок ее окончания. Но я могу заявить, что императорское правительство по-прежнему остается непреклонным в своей решимости довести дело до одоления врага. В этом отношении оно вполне единодушно как с русским народом, так и с нашими верными союзниками.

Нынешняя война является величайшим преступлением перед человечеством, и те, которые ее вызвали, несут за это тяжкую ответственность. В настоящее время уже с достаточною ясностью установлено, кто виновник обрушившихся на Европу неисчислимых бедствий. Поэтому едва ли стоило бы еще возвращаться к этому вопросу, если бы германские государственные деятели и печать не продолжали упорно стремиться переложить означенную ответственность на нас и наших союзников. Впрочем, это их упорство объясняется главным образом необходимостью для германского правительства искать оправдания перед общественным мнением своей собственной страны, которое начинает понимать, что оно было одурачено теми, которые сочли, вследствие плохой осведомленности немецкой дипломатии, что настала минута для осуществления давно лелеянных ими хищнических замыслов. По мере того, как на это открываются глаза у германского народа, недовольство его растет и начинает находить себе выражение, тогда как у нас в России и союзных с нами государствах сознание неизбежности навязанной нам войны в защиту священнейших наших прав поддерживает бодрость духа и помогает спокойно нести необходимые жертвы и лишения.

Залог успеха – в тесном единении союзников и полной согласованности их действий.

Несмотря на трудность достижения такой согласованности при дальности расстояния, отделяющего Россию от ее западных союзниц, все меры в указанном направлении приняты, и наши представители, снабженные надлежащими полномочиями, принимают живое участие в совместном обсуждении всех

важнейших вопросов, рассматриваемых союзниками на происходящих с этой целью во Франции и в Англии совещаниях. Не довольствуясь подобными совещаниями по предметам военным и политическим, союзники решили приступить к совместному обсуждению и тех мероприятий, которые должны сплотить их также на почве экономической.

Важность поставленной задачи сама собой очевидна. Действительно, если объединение союзников необходимо для достижения общими усилиями успеха во время борьбы, то не менее насущным является таковое объединение для обеспечения их мирного существования в будущем. Когда имеешь дело с таким врагом, как Германия, который в течение долгих лет под личиной дружбы и охраны унаследованных от минувших поколений традиций старался усыпить внимание соседей, оттачивая в то же время против них свой нож, приходится заблаговременно подумать о том, как застраховать себя от возможного повторения тех событий, которые с такой быстротой развернулись полтора года тому назад.

Подобно тому, как некоторые германские военачальники перед нападением спаивают своих солдат, чтобы сделать их натиски более стремительными, германское правительство в целях возбуждения немецкого народа для более ожесточенной борьбы постаралось внушить ему, что его противники задались мыслью полного его уничтожения.

Нужно ли говорить, что подобное утверждение явно несостоятельно, ибо кто мог бы серьезно рассчитывать на исчезновение с лица земли 70-миллионого народа. Союзники никогда не имели подобной мысли, и, требуя для себя самих возможности спокойного и свободного развития, они не посягают на законные права других. То, против чего они из чувства самосохранения должны решительно ополчиться, это беспощадный эгоизм и хищнические инстинкты, составляющие отличительные признаки того, что известно под именем «пруссачества», не пользующегося, впрочем, симпатиями даже в самой Германии. Это «пруссачество» должно быть навсегда обезврежено, иначе все жертвы, принесенные союзниками, могут оказаться напрасными.

В понимании целей, которые нам надлежит преследовать, мы столь же единодушны с нашими союзниками, как и в твердом намерении неослабно и дружно идти по раз намеченному пути. При этом нам удалось достигнуть полного единения без утраты в каждом из союзников своего самостоятельного и духовного обличья. Не то мы видим у наших противников, где союзники Германии являются ее вассалами, ибо трудно говорить об Австро-

Венгрии, о Турции и о Болгарии как о независимых государствах после того, как цепкие немецкие руки захватили в них власть, как в армии, так и во многих отраслях управления.

Долголетний опыт тесного сотрудничества с нашей союзницей Францией позволил нам особенно легко и быстро наладить всестороннее взаимодействие наших сил с тех пор, как союз наш получил ныне боевое крещение. Я рад случаю вновь принести дань искреннего удивления энергии и талантливости французского народа, благодаря коим так много достигнуто в смысле подготовки победы. Часто незаметные для поверхностного наблюдателя заслуги в этом отношении Франции не менее велики, чем блестящие успехи ее доблестной армии. Скрепленные ныне пролитой за общее дело кровью, связующие нас узы сердечной дружбы неразрывны.

Я счастлив также ответить еще раз, что роковые недоразумения, долго затемнявшие наши отношения с Англией, теперь окончательно рассеялись, исчезнув при более ясном взгляде на вещи, как исчезают ночные призраки при свете дня. Наше сотрудничество в нынешнее время общей опасности и общего, дружного труда еще ускорит указанный поворот и положит, я надеюсь, прочное основание для дальнейшего развития наших добрых отношений.

Гг. члены Государственной думы!

Те из вас, которые вскоре посетят наших союзников, увидят воочию все, что сделано ими и их славными бойцами на суше и на море. Передайте же им лично при этом горячий привет от дружеского русского народа.

Преодолевая трудности военных действий в горной местности, итальянские войска шаг за шагом вытесняют австрийцев из областей, население которых давно мечтает о воссоединении с родной Италией. На Балканском побережье Адриатического моря итальянцы также борются вместе с союзниками против общего врага, и мы приветствуем установившееся между нами и Италией братство по оружию.

Вам уже известно, что с целью положить конец распускаемым нашими врагами ложным слухам о возможности заключения кем-либо из союзников отдельного мира, Россия, Франция и Англия еще в самом начале войны заявили, что в этом вопросе они неотделимы друг от друга, и в подтверждение сказанного подписали памятное соглашение 23 августа / 5 сентября 1914 г. Ныне к этому соглашению пожелали присоединиться наши союзницы Япония и Италия, и договор, устанавливающий твердое намерение всех пяти держав заключить мир не иначе, как сообща, подписан в Лондоне 17/30 ноября 1915 г. Этим, казалось бы,

должны быть раз навсегда опровергнуты постоянно вновь всплывающие вздорные слухи об отдельном мире, ибо державы, скрепившие своей подписью означенный договор, не взирают на международное соглашение, как на необязательный для себя «клочок бумаги».

Печальные вести доходят до нас из временно занятых неприятелем областей. Взгляните на родную нам Польшу, на геройскую Бельгию, на многострадальную Сербию. Там всюду царит неумолимый террор, повсюду разорение, голод и нищета. Довольно вспомнить хоть один яркий пример – чудовищное убийство несчастной мисс Кавель, чтобы оценить, как живется под немецким господством в тех странах, на которые Германия наложила всю тяжесть своего железного кулака. Злополучным жертвам, томящимся под бременем тяжелых испытаний, мы можем пока лишь сказать: «крепитесь, час избавления настанет».

Как жестокая ирония звучит похвальба немцев благами, которыми они наградили население занятых ими чужих областей. Особенно гордится теперь германская печать учреждением в Варшаве Польского университета, но это уловка, рассчитанная на снискание доверия разоренной германцами Польши, и как таковая едва ли может оправдать их расчеты.

С самого начала войны Россия ясно начертала на своем знамени объединение расчлененной Польши. Эта цель, предуказанная с высоты престола, возвещенная верховным главнокомандующим, близкая сердцу всего русского общества и сочувственно встреченная нашими союзниками, – эта цель остается для нас неизменной и теперь.

Каково же отношение Германии к осуществлению этой заветной мечты всего польского народа? Как только ей и Австро-Венгрии удалось вступить в Царство Польское, они тот час поспешили поделить между собой и эту, досель сплоченную часть польских земель, а чтобы несколько сгладить впечатление от этого нового посягательства на главный предмет всех польских чаяний, они сочли уместным удовлетворить некоторые из побочных пожеланий польского населения. К числу таких мероприятий относится и открытие упомянутого Университета, но нельзя забывать, что в объем провозглашенной здесь, с этой самой трибуны, по высочайшему повелению главой правительства автономии Польши естественно входит и национальная польская школа всех степеней, не исключая высшей. Поэтому едва ли можно ожидать, что из-за предложенной ему немцами чечевичной похлебки польский народ откажется от своих лучших заветов, закроет глаза на подготавливаемое новое порабощение Германией и забудет своих братьев в Познани, где под властью

гакатистов в угоду немецкой колонизации упорно вытравливается все польское.

Говорят о намерении Германии ценой новых посулов и призрачных уступок забрать в занятых ею областях несколько сот тысяч поляков, чтобы использовать их, как пушечное мясо, посылая их на убой для торжества германизма. Я не хочу верить, чтобы одушевленный высоким национальным чувством польский народ, с самого начала войны спешивший в ряды русских войск, чтобы сразиться за понятный всякому поляку идеал национального объединения, мог поддаться обману и согласиться проливать свою кровь за поработителей Познани.

Обращаясь к настоящему положению в невоюющих государствах, я коснусь, прежде всего, наших отношений со скандинавскими соседями. Мне уже часто приходилось заявлять, как в стенах Государственной думы, так и в беседах с разными лицами и представителями печати, что с нашей стороны по отношению к Швеции нет иных чувств, кроме самого искреннего дружелюбия и желания поддерживать тесные добрососедские сношения. К сожалению, по ту сторону Ботнического залива есть еще люди, которые в силу вкоренившихся предрассудков и под некоторым влиянием наветов наших врагов относятся к нам с предубеждением и недоверием. Между тем всякому должно быть ясно, что Россия и Швеция самой природой предназначены для мирного взаимодействия на почве обоюдных экономических интересов, и повод к вооруженному столкновению между ними может быть создан только искусственно. Ни Швеция, по утверждению ее общественных деятелей, не ищет земельных приращений за счет Финляндии, ни мы не стремимся к каким-либо захватам в сторону наших северных соседей. Чем на самом деле мог бы прельстить нас в этом отношении скандинавский полуостров? Незамерзающей гаванью на Ледовитом океане? У нас уже есть таковая в наших собственных пределах, и благодаря напряженной работе русских инженеров она будет скоро связана железнодорожным путем с сердцем России.

Не к скандинавским берегам исторически тяготеет Российское государство. Оно должно получить в совершенно ином направлении выход к свободному морю.

Румыния продолжала все это время держаться избранного ей нейтралитета. Державы Согласия мирятся с занятым ею положением, не сомневаясь в том, что Румыния не пойдет против своих собственных интересов и будет, когда пробьет ее час, добиваться осуществления своего национального единения ценой собственной крови. Она может быть уверена, что в борьбе против посягательств на независимость ее решений со стороны общего

врага она найдет действительную поддержку у тех, к кому влекут ее естественные симпатии ее народа.

В последней моей речи я указывал на военные действия наших союзников на Галлипольском полуострове. Не останавливаясь перед крупными жертвами, они упорно боролись за установление морским путем прямой связи с нами. Вследствие требований изменившегося стратегического положения союзные войска были уведены. Часть этих войск была направлена в Салоники. По поводу высадки там союзнических отрядов и тех толкований, которые событие это вызвало в Берлине, я считаю не лишним заметить следующее. В речи, произнесенной 9 декабря, германский канцлер коснулся отношения держав Согласия к Греции и приравнял их действия к поведению Германии в Бельгии. Если вторжение и разгром этой страны действительно является нарушением принятого на себя Пруссией в 1839 г. священного обязательства, то в мирной высадке союзных войск в Солуни момент юридического правонарушения отсутствует совершенно. 8 статья второго Лондонского договора 3 февраля 1830 г. обусловливала право каждой из трех держав-покровительниц вводить войска в освобожденную ими греческую территорию только с согласия на то двух остальных.

Нужно ли добавлять, что согласие России было с самого начала обеспечено нашим союзникам и что, следовательно, требования указанной статьи в точности соблюдены. Помимо этого, войска союзников были посланы в Солунь по приглашению главы эллинского кабинета, видевшего исключительно в доставлении ему этой вооруженной помощи возможность для Греции выполнить ее союзнические обязательства в отношении Сербии.

Уверенность в выполнении греками принятых на себя по договору обязательств вынуждала Сербию и ее союзников к особой осторожности, дабы не лишиться греческой помощи. Сербская верховная команда имела возможность предупредительным движением помешать доведению до конца болгарской мобилизации; не было ни малейшего сомнения в том, что эта мобилизация являлась враждебным против Сербии и ее союзников актом, а потому в то время, когда болгарские войска сосредотачивались, нападение на Болгарию было бы только мерой самозащиты. Однако сербское правительство не пожелало взять на себя ответственность за начало братоубийственной войны, но великодушие, проявленное им, не нашло отклика в Греции, правительство которой дало своеобразное толкование обязательствам, взятым на себя в отношении к Сербии. Не обезопасив себя вовремя со стороны болгар и не получив

следуемой по договору помощи от греков, сербская армия, которую ни на минуту не покинули король и его правительство, явила чудеса стойкости и несокрушимого мужества. Отстаивая каждую пядь родной земли и нанося тяжелые потери численно превосходившим их врагам, сербы пробились наконец до последнего их убежища – моря. Я могу засвидетельствовать перед вами, что сербское правительство и армия с беспримерной самоотверженностью исполнили свой долг по отношению к общему делу. Ныне, благодаря особой заботливости и усилиям наших союзников и в особенности Франции, сербская армия перевезена на Корфу. Конечно, численностью она уступает той воинской силе, на которую в минувшем октябре набросились со всех сторон германцы, австрийцы и болгары. Но армия эта крепка духом, и в этой силе духа лежит верный залог возрождения Сербии.

Трагическая участь, временно постигшая Сербию, не миновала и Черногорию.

Вражеские полчища заняли и ее территорию. Король Николай с семейством и частью правительства покинул свою страну, чтобы не подписывать позорного мира. Из давшей ему убежище Франции он предписал князю Мирко заботиться исключительно о спасении черногорских отрядов, о присоединении их к сербской армии и запретил ему и оставшимся с ним членам кабинета вступать в какие бы то ни было соглашения с Австро-Венгрией.

Австрийский ставленник, правящий злосчастным болгарским народом, повторил, усугубив его, преступление, совершенное им в 1913 г. Союзная дипломатия подверглась строгому осуждению за то, что ей не удалось привлечь на свою сторону Болгарию. В правительственном сообщении от 24 сентября минувшего года указывалось, что не наступило еще время для обнародования всех документов, которые пролили бы свет на деятельность дипломатии. Я готов признать, что для достижения своих целей ей пришлось избрать не самый краткий и верный путь. Своевременным занятием портов Черного моря и Дедеагача можно было бы повлиять на психику болгарского народа и помочь ему удержать чуждого ему по духу Кобурга от братоубийственной затеи. Тем не менее, не исключена возможность того, что и в этом случае союзникам не удалось бы отвратить от Сербии обрушившуюся на нее в октябре катастрофу, ибо совместные действия союзников на Балканах представляли во всякое время огромную трудность. С целью ослабления тяжелого впечатления, произведенного своей изменой, сторонники принца Кобургского прибегают к позорному для всякой страны отречению от национального облика, и, отказываясь от своей

принадлежности к славянской семье, ищут установления родственных связей с турками и мадьярами.

Россия, ценой своей крови освободившая болгарский народ от угнетавших его турок, с негодованием смотрит на братание болгар с их вековыми врагами. Трезвый болгарский народ не может долго поддаваться этому обману. Он поймет, лишь бы не чересчур поздно, что под видом осуществления своих идеалов его принудили служить чуждым ему германским интересам. Я не буду останавливаться на упреках, которые нам ставили за то, что мы не в достаточной мере опирались на сочувствующие нам так называемые русофильские круги. Я позволю себе напомнить Вам, что первое преступление, которым заклеймил себя Кобургский принц, было совершено им в то время, когда у власти находился не стамбуловистский, а русофильский кабинет Данева.

Недавние заявления, сделанные Гешовым сотруднику «Фоссовой газеты», подтверждают мое убеждение в том, что болгарская оппозиция благодаря своей неорганизованности являлась слабым тростником, на который не могла опереться деятельность русской дипломатии.

3 февраля пал Эрзерум. Наши доблестные войска идут вперед, преодолевая тяжелые препятствия. За время, последовавшее за отступлением нашим из Вана, турки удесятерили свои жестокости по отношению к армянам. Мне уже раньше приходилось упоминать перед вами о неслыханных мучениях этого несчастного народа. Под благосклонным оком союзной Германии турки, по-видимому, намереваются осуществить свою давнишнюю мечту о полном истреблении армянского населения, не поддающегося слиянию с мусульманской массой, и таким образом служащего помехой германским планам экономического и политического подчинения себе Турецкой империи. Планы эти, над которыми трудились как немецкие государственные люди, так и ученые, миссионеры и финансисты нам всем давно известны. Стремления эти, проводившиеся в жизнь с чисто немецкой последовательностью, должны были выразиться в создании огромной, тянувшейся от устьев Шельды до Персидского залива германо-мусульманской империи. Государство это, которое представляется в грезах пангерманских политиков чем-то вроде нового Халифата, который можно было бы назвать по исторической аналогии Берлинским, должно, по их замыслу, нанести смертельный удар историческому бытию России и Великобритании. Страшен сон, но милостив Бог. Берлинские политики, лелея этот смелый замысел, упускают из виду одно обстоятельство, из которого мы и наши великобританские друзья можем почерпнуть некоторое утешение,

а именно, что если бы такая империя, плод их горделивой фантазии, и могла быть скована германским молотом, то она не просуществовала бы ни единого дня не в силу одной своей внутренней слабости, а потому, что ей недоставало бы насущно необходимого для поддержания своего существования владычества на морях. Таковое, к счастью всего света, находится в крепких руках нашей славной союзницы Великобритании, и пока это так, Берлинский халифат не представляется угрозой нашему существованию.

Агитация, предпринятая германцами с самого начала войны в восточных странах и имевшая, очевидно, целью создать нам новые международные осложнения, достигла минувшим летом в Персии высшего напряжения. Внушая персам преувеличенные представления о своей силе, агенты враждебных нам держав не только склонили на свою сторону так называемые националистические круги Персии, давно враждебно относившиеся к нам и нашим союзникам, но в значительной мере подчинили своему влиянию и слабое персидское правительство, опиравшееся на эти круги.

При помощи крупных денежных затрат и широкого снабжения персов оружием и боевыми припасами нашим противникам удалось сформировать более или менее крупные шайки и даже привлечь на свою сторону большую часть находившейся под руководством шведских инструкторов персидской жандармерии.

Под напором этих сил и ввиду невозможности добиться принятия беспомощным и опутанным нашими врагами шахским правительством каких-либо мер к поддержанию порядка в стране, мы вынуждены были, как и англичане, эвакуировать несколько наших консульств из более отдаленных местностей. Вместе с тем отдельные мелкие партии немцев и турок стали проникать в Афганистан с явной целью поднять против нас и это ханство путем пропаганды священной войны.

Императорская и великобританская миссии в Тегеране, действуя по-прежнему в полном согласии, не переставали всеми доступными средствами бороться против германо-турецких интриг, всячески воздействуя на шахское правительство и на общественное мнение страны. Однако давно уже было ясно, что против грубого нарушения нашими противниками персидского нейтралитета можно успешно бороться только силой. Поэтому Министерство иностранных дел давно настаивало на необходимости усиления состава наших отрядов в Персии для реального воздействия на наших противников; с осени минувшего года представилось возможным меру эту осуществить.

После того, как в Персию направлены были значительные силы и наши войска одержали там несколько решительных успехов, положение дел в стране стало заметно изменяться к лучшему. Совсем решившийся было покинуть Тегеран, вместе с представителями враждебных нам держав, молодой шах не только остался в своей столице, но и заявил о своей полной преданности государю императору и своем твердом намерении придерживаться впредь дружественной в отношении нас и наших союзников политики.

Вслед за тем составлен был новый кабинет, в который вошли персидские сановники, сознающие необходимость ради блага самой Персии полного единения с могущественными соседями последней – Россией и Англией, с которыми судьбы этой страны связаны самым тесным образом.

Все это дает основание полагать, что наши отношения с шахским правительством отныне приняли нормальный характер. Однако на скорое восстановление полного порядка в этой разъедаемой внутренними смутами и неурядицами стране едва ли можно рассчитывать, и она, вероятно, еще и впредь будет служить ареной происков и враждебных выступлений наших противников.

Наш восточный сосед и друг Япония и после одержанных успехов продолжает участвовать в войне, оказывая свое содействие общему делу и, в частности, нам в тех размерах и формах – весьма для нас ценных, – которые вызываются совокупностью условий, характеризующих наши взаимоотношения.

Свое решение довести борьбу с Германией до конца японское правительство подтвердило состоявшимся 6 сентября обменом нот с Россией, Францией и Англией, в которых оно присоединяется к обязательству не заключать мира с врагом иначе, как с общего согласия.

Мне особенно приятно удостоверить, что поездка великого князя Георгия Михайловича, на которого было возложено высочайшее поручение приветствовать японского императора по случаю его коронования, дала новый повод проявиться чувствам взаимной симпатии, связывающей оба народа, и, конечно, не останется без влияния на дальнейшее ее укрепление. Августейшему гостю и его спутникам был оказан особенно предупредительный и любезный прием как со стороны японского императора и его августейшей семьи, так и правительства и широких кругов населения; все мы глубоко ценим такое внимание, благодарны за него и искренне желаем процветания и успехов нашему дальневосточному союзнику.

Я должен заметить, что с точки зрения отношений между Россией и Японией пронесшаяся над миром буря оказалась живительной: она рассеяла последние остатки былых предубеждений и отныне перед обеими странами открыты широкие возможности – которые, я уверен, и осуществятся – теснее согласовать свои взаимные интересы и надежным образом предохранить себя от общих опасностей. В Японии не меньше, чем у нас, понимают, что политическое и экономическое засилие Германии в Китае будет постоянной угрозой миру на Дальнем Востоке.

Я не буду подробно останавливаться на последних событиях в Китае: они всем известны из сообщений печати. Скажу лишь, что императорское правительство остается и здесь верным принципу невмешательства во внутренние дела других государств. Если оно вместе с 4-мя державами преподало главе исполнительной власти в Китае дружеский совет несколько повременить с официальным провозглашением нового строя, то оно не имело в виду посягать на суверенные права Китая: оно обращало лишь его внимание на то, что при нынешней напряженной международной обстановке внутренние замешательства могут особенно вредно отразиться как на интересах самого Китая, так и держав Согласия. Правительство Юань-Ши-Кая оценило добрые намерения императорского правительства, и наши отношения продолжат сохранять прежний добрососедский характер.

Я должен с удовлетворением отметить, что старания Германии создать себе на китайской территории базу для действий против союзников не встречали поддержки китайского правительства, которое принимало в пределах возможного меры противодействия нарушению китайского нейтралитета. Однако особые условия правового уклада иностранцев в Китае делают борьбу с германскими происками весьма затруднительной, и правительства держав согласия озабочены изысканием средств для более успешной охраны своих прав и интересов, нарушаемых германцами, мало считавшимися с суверенными правами китайского государства.

В заключение могу с удовольствием отметить, что неумелая и назойливая работа немецких агентов в Северной Америке не только не достигла цели, но даже вызвала известное раздражение и в значительной степени отвратила от Германии симпатии американцев. С другой стороны, замечающийся интерес американской промышленности к нашему рынку позволяет надеяться, что при существующих между Россией и Америкой дружественных политических отношениях экономическому сближению между нами предстоит широкое развитие на пользу

обеих стран. К этому, во всяком случае, будут направлены усилия русского правительства.

Считаю долгом еще упомянуть перед вами о дружеском содействии, которое оказывают нам правительства их величеств короля испанского и королевы нидерландской в деле защиты наших соотечественников в воюющих с нами государствах, за каковое содействие мы приносим им искреннее выражение нашей благодарности.

Гг. члены Государственной думы!

Последними моими словами к вам будет выражение надежды, что то высокое воодушевление, которое вы проявили в начале войны и которое дало за границей как нашим друзьям, так и противникам картину полного единомыслия между вами и правительством на почве решительной борьбы за отечество, не претерпит никакого ущерба, чтобы ни друг, ни враг не мог сказать, что сила русского духа пошла на убыль, ибо в этой силе залог нашего успеха.

АВПРИ. Ф. *138. Оп. 467'.* Д. *724. Л. 29—2.*

Приложени 10
Циркулярная телеграмма министра иностранных дел П.Н. Милюкова дипломатическим представителям России в союзных странах № 967 4/17 марта 1917 г.

Откр[ытая] цирк[уляр]ная тел[еграмма] представителям при союзниках.

Известия, переданные Петроградским телеграфным агентством, уже ознакомили Вас с событиями последних дней и с падением старого политического строя в России, который беспомощно рухнул под напором народного негодования, вызванного несостоятельностью этого режима, его злоупотреблениями и преступной непредусмотрительностью. Ненависть к павшему режиму объединила все здоровые элементы нации и обусловила легкое и скорое завершение кризиса. После того, как все население страны с небывалым энтузиазмом встало под знамена революции и армия оказала ему быструю действенную помощь, народное движение в течение одной недели одержало решительную победу. Скорая победа позволила сократить количество жертв до размеров, неслыханных в летописях переворотов подобного размаха и такого значения.

Император Николай II актом, датированным: Псков, 2/15 марта 1917 г., – отрекся от престола за себя и за наследника, великого князя Алексея Николаевича, в пользу великого князя Михаила Александровича. При сообщении ему об этом великий князь Михаил Александрович в свою очередь отказался актом, датированным: Петроград, 3/16 марта 1917 г. – от принятия верховной власти до того момента, когда Учредительное собрание, избранное всенародным голосованием, установит новую форму правления и новые основные законы России. Этим же актом великий князь Михаил Александрович призвал всех русских граждан подчиниться, в ожидании окончательного выявления народной воли, Временному правительству, созданному по почину Государственной думы и облеченному всею полнотою власти.

Состав Временного правительства и его политическая программа обнародованы и сообщены за границу.

Правительство, принимая на себя бремя власти в момент тягчайшего внутреннего и внешнего кризиса, равного которому

Россия не переживала за все время своей истории, ясно сознает всю громадную ответственность, падающую на него. Правительство прежде всего приложит усилия к устранению результатов тяжких ошибок, совершенных в прошлом, к обеспечению порядка и спокойствия внутри страны и, наконец, к подготовке условий, необходимых для того, чтобы суверенная воля нации могла свободно определить ее судьбу.

В области внешней политики кабинет, в котором я принял портфель министра иностранных дел, будет относиться с неизменным уважением к международным обязательствам, принятым павшим режимом, верный обещаниям, данным Россией. Мы будем неуклонно укреплять отношения, связывающие нас с другими дружескими и союзными нациями, и мы уверены в том, что эти отношения сделаются еще более близкими и прочными при установленном Россией новом режиме, который будет руководствоваться демократическими принципами уважения к малым и большим нациям, свободы их развития и доброго согласия между народами.

Но правительство ни на минуту не забывает о тех тяжелых внешних обстоятельствах, при которых оно принимает власть. Россия не желала войны, обагряющей мир кровью почти три года. Однако, являясь жертвой давно задуманного и подготовленного нападения, она будет, как и до сих пор, бороться с завоевательными замыслами хищнической расы, увлеченной мечтой об установлении недопустимой гегемонии над соседними народами, попытавшейся заставить Европу XX века пережить позор господства прусского милитаризма.

Верная договору, неразрывными узами связующему ее со славными союзниками, Россия решила, подобно им, во что бы то ни стало добиться установления эры мира между народами путем образования международной организации, прочной и обеспечивающей уважение к праву и справедливости. Бок о бок с ними она будет сражаться с общим врагом до конца, непоколебимо и неутомимо. Правительство, членом которого я являюсь, посвятит всю свою энергию достижению победы и приложит все усилия к исправлению в возможно короткий срок ошибок прошлого, которые могли парализовать до сего времени порыв и дух самопожертвования русскою народа. Оно твердо уверено, что великий энтузиазм, воодушевляющий ныне всю нацию, удесятерит силы и приблизит час окончательного торжества возрожденной России и ее доблестных союзников.

Я прошу Вас сообщить министру иностранных дел содержание настоящей телеграммы и оставить ему ее в копии.

Милюков

АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 684. Л. 2–4.

Приложение 11
Приказ комиссара по иностранным делам. Об увольнении послов, посланников и членов посольств

Статья № 63

Приказ Комиссара по Иностранным Делам.

Об увольнении послов, посланников и членов посольств.

В виду неполучения ответа на посланные телеграммы и радиотелеграммы послам, посланникам, членам посольств и пр. Российской Республики с предложением немедленного ответа о согласии работать под руководством советской власти на основе платформы 2 Всероссийского Съезда они увольняются со своих постов без права на пенсию и поступления на какие-либо государственные должности. Равным образом они лишаются права производить с сегодняшнего дня какие бы то ни было выдачи из государственных средств.

Чрезвычайный посланник, полномочный министр в Англии – Константин Дмитриевич Набоков.

Посол в Японии – Василий Николаевич Крупенский.

Посол в Сев. – Амер. Соединенных Штатах – Георгий Петрович Бахметев.

Посол в Италии – Михаил Николаевич Гире.

Посланник в Китае – бывший князь Николай Александрович Кудашев.

Посол в Испании – Анатолий Васильевич Неклюдов.

Советник посольства во Франции – Николай Александрович Базили.

Генеральный консул в Париже – Сергей Владимирович Зарин.

Посланник в Швеции – Константин Николаевич Гулькевич.

Поверенный в делах во Франции – Матвей Маркович Севастопуло.

Поверенный в делах в Голландии – Генрих Генрихович Бах.

Поверенный в делах в Швейцарии – Андрей Михайлович Ону.

Генеральный консул в Лондоне – Александр Михайлович Ону.

Советник посольства в Вашингтоне – Константин Михайлович Ону.

Чрезвычайный посланник полном, министр в Бельгии – Дмитрий Александрович Нелидов.

Посланник в Португалии – Николай Севастьянович Эттер.

Чрезвычайный посланник полномочн. министр при Бразильских Соед. Штатах и при Республиках: Уругвайской, Парагвайской и Чилийской – Александр Ипполитович ГЦербатский.

Посланник при Аргентинской Республике – Евгений Федорович Штейн.

Посланник в Египте – Алексей Александрович Смирнов.

Посланник в Румынии – Станислав Альфонсович Паклевский-Козелл.

Консул в Канаде – Сергей Александрович Лихачев.

Посланник в Сиаме – бывший граф Иосиф Григорьевич Лорис-Меликов.

Генеральный консул в Корее – Яков Яковлевич Лютш.

Генеральный консул в Барселоне – бывший князь Александр Александрович Гагарин.

Посланник в Греции – Илим Павлович Демидов.

Советник при посольстве в Афинах – Василий Николаевич Штрандман.

Генеральный консул в Риме – Георгий Парамонович Забелло.

Первый секретарь посольства в Париже – Владимир Михайлович Горлов.

Народный Комиссар по иностранным делам *Л. Троцкий.*

26 ноября 1917 г.

Распубликовано в № 20 Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 28 ноября 1917 г.

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР М., 1942. С. 51–52.

Приложение 12
Перемирие между РСФСР, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с другой стороны, заключенное в Брест-Литовске 2/15 декабря 1917 г.

Между полномочными представительствами верховных главнокомандований Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции, с одной стороны, и России – с другой, заключается нижеследующее перемирие для достижения длительного и для всех сторон почетного мира.

1. Перемирие начинается с 17 декабря 1917 г. в полдень (4 декабря 1917 г. в 14 часов по русскому времени) и продлится до 14 января 1918 г. до полудня (1 января 1918 г. 14 часов по русскому времени). Договаривающиеся стороны вправе денонсировать перемирие на 21-й день с семидневным сроком. Если этого не последует, то перемирие будет автоматически продолжать действовать, пока одна из сторон не денонсирует его с семидневным сроком.

2. Перемирие распространяется на все сухопутные и воздушные силы названных держав на сухопутном фронте, на русском Черном море и на Балтийском море. На русско-турецких военных театрах в Азии перемирие вступает в силу одновременно. Договаривающиеся стороны обязуются не усиливать находящиеся на этих фронтах… войсковые части… Далее договаривающиеся стороны обязуются… не производить оперативных передвижек войск с фронта от Балтийского до Черного моря…

4. Для развития и укрепления дружеских отношений между народами договаривающихся сторон разрешается организованное общение войск на следующих условиях:

1) Общение разрешается для парламентеров, для членов комиссий по перемирию и для их представителей… 2) На каждом участке русской дивизии может иметь место примерно в двух или в трех местах организованное общение. Для этого в нейтральной зоне по соглашению с противостоящей дивизией должны быть устроены пункты для сообщения между демаркационными линиями, причем эти пункты должны быть обозначены белыми флагами. Общение допускается лишь днем от восхода до захода солнца. В местах для общения могут находиться одновременно не более 25 лиц от каждой стороны без оружия. Обмен сведениями и

газетами разрешается. Открытые письма могут быть передаваемы для дальнейшей доставки. Продажа и обмен товарами повседневного потребления разрешается в пунктах для общений…

9. Договаривающиеся стороны приступят немедленно после подписания договора о перемирии к мирным переговорам.

10. Исходя из принципа свободы, независимости и территориальной неприкосновенности нейтрального Персидского государства турецкое и русское главнокомандование заявляют о готовности отозвать войска из Персии. Они вступят немедленно в сношения с персидским правительством, чтобы урегулировать подробности отозвания и те мероприятия, которые были бы еще необходимы для закрепления указанного выше принципа.

Ключников Ю. В., Сабанин А. В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2. М., 1926. С. *97–98.*

Приложение 13
Декларация, сделанная уполномоченным РСФСР Л.Д. Троцким на заседании политической комиссии мирной конференции в Брест-Литовске 28 января /10 февраля 1918 г.

…Мы полагаем, что после продолжительных прений и всестороннего рассмотрения вопроса наступил час решений. Народы ждут с нетерпением результатов мирных переговоров в Брест-Литовске. Народы спрашивают, когда кончится это беспримерное самоистребление человечества, вызванное своекорыстием и властолюбием правящих классов всех стран? Если когда-либо война и велась в целях самообороны, то она давно перестала быть таковой для обоих лагерей. Если Великобритания завладевает африканскими колониями, Багдадом и Иерусалимом, то это не есть еще оборонительная война; если Германия оккупирует Сербию, Бельгию, Польшу, Литву и Румынию и захватывает Моонзундские острова, то это также не оборонительная война. Это – борьба за раздел мира.

Теперь это ясно: яснее, чем когда-либо.

Мы более не желаем принимать участия в этой империалистической войне, где притязания имущих классов явно оплачиваются человеческою кровью. Мы с одинаковою непримиримостью относимся к империализму обоих лагерей, и мы более не согласны проливать кровь наших солдат в защиту интересов одного лагеря империалистов против другого.

В ожидании того – мы надеемся, близкого – часа, когда угнетенные трудящиеся классы всех стран возьмут в свои руки власть, подобно трудящемуся народу России, мы выводим нашу армию и наш народ из войны. Наш солдат-пахарь должен вернуться к своей пашне, чтобы уже нынешней весной мирно обрабатывать землю, которую революция из рук помещика передала в руки крестьянина. Наш солдат-рабочий должен вернуться в мастерскую, чтобы производить там не орудия разрушения, а орудия созидания и совместно с пахарем строить новое социалистическое хозяйство.

Мы выходим из войны. Мы извещаем об этом все народы и их правительства. Мы отдаем приказ о полной демобилизации наших армий, противостоящих ныне войскам Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Мы ждем и твердо верим, что

другие народы скоро последуют нашему примеру. В то же время мы заявляем, что условия, предложенные нам правительствами Германии и Австро-Венгрии, в корне противоречат интересам всех народов. Эти условия отвергаются трудящимися массами всех стран, в том числе и народами Австро-Венгрии и Германии. Народы Польши, Украины, Литвы, Курляндии и Эстляндии считают эти условия насилием над своей волей; для русского же народа эти условия означают постоянную угрозу. Народные массы всего мира, руководимые политическим сознанием или нравственным инстинктом, отвергают эти условия в ожидании того дня, когда трудящиеся классы всех стран установят свои собственные нормы мирного сожительства и дружеского сотрудничества народов. Мы отказываемся санкционировать те условия, которые германский и австро-венгерский империализм пишет мечом на теле живых народов. Мы не можем поставить подпись русской революции под условиями, которые несут с собой гнет, горе и несчастье миллионам человеческих существ.

Правительства Германии и Австро-Венгрии хотят владеть землями и народами по праву военного захвата. Пусть они свое дело творят открыто. Мы не можем освящать насилия. Мы выходим из войны, но мы вынуждены отказаться от подписания мирного договора.

В связи с этим заявлением я перелаю объединенным союзническим делегациям следующее письменное и подписанное заявление:

Именем Совета Народных Комиссаров правительство Российской Федеративной Республики настоящим доводит до сведения правительств и народов воюющих с нами, союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексионистского договора. Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией. Турцией и Болгарией прекращенным. Российским войскам одновременно отлается приказ о полной демобилизации по всему фронту

Л. Троцкий, А. *Иоффе, М. Покровский, А. Биценко, В. Карелин*

Ключников Ю. В., Сабанин А. В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2. М., 1926. С. 112–114.

Примечания

[1] kremlin.ru›События›46385

[2] Архив внешней политики Российской империи. Путеводитель. МИД Российской Федерации. East View Publications, Inc. Minneapolis, 1995; Справочник по фондам Архива внешней политики Российской Федерации (1917–1962). МИД РФ. М.: Международные отношения, 2002.

[3] Министерство иностранных дел. Департамент личного состава и хозяйственных дел. Изложение дела о штатных консульствах. МИД. СПб., 1893; Очерк истории Министерства иностранных дел 1802–1902. СПб., 1902; Справочная книга по торгово-промышленной части для Императорских Российских Консулов. СПб., 1912; Дополнение к Справочной книге по торгово-промышленной части для Императорских Российских Консулов. СПб., 1914; Сборник практических сведений о городах, в коих имеют местопребывание российские дипломатические и консульские представители. Под редакцией Надворного Советника М.Э. Никольского. СПб., 1914; Министерство иностранных дел. Сборник дипломатических документов. Переговоры от 10 до 24 июля 1914 г., предшествовавшие войне. СПб.: Государственная типография, 1914.

[4] «Известия Министерства иностранных дел», журнал, издававшийся в Петрограде в 1912—17 гг. под редакцией барона Б.Э. Нольде 6 раз в год. Публиковал международные договоры, консульские донесения, законодательный материал, мемуары русских и иностранных дипломатов, статьи по вопросам международного права, по истории международных отношений и внешней политики России 19–20 вв. Помещал международную политическую хронику, библиографию по международному праву

[5] Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: Сборник документов / Министерство иностранных дел Российской Федерации. Тула: Аквариус, 2014.

[6] Оранжевая книга (до войны). Сборник дипломатических документов. Переговоры от 10 до 24 июля 1914 г. Высочайшие манифесты о войне. Историческое заседание Государственной думы 26 июля 1914 г. СПб., 1914; Книга лжи. Германская белая книга. О возникновении германо-русско-французской войны. По представленным Рейхстагу материалам. Полный перевод. Книжный магазин б. Мелье и Ко. Петроград, 1915; Синяя сербская книга. Сербская дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914 г. Книжный магазин б. Мелье и Ко. Петроград, 1915; Белая книга. Переписка Англии, относящаяся к европейскому

кризису, представленная обеим палатам по повелению Его Величества короля Георга V. Август 1914. Петроград, 1914; Официальное издание бельгийского правительства. Нейтралитет Бельгии. Петроград, Изд-во «Библиотека Великой войны», 1915; Серая книга. Бельгийская дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914 г. 24 июля – 29 августа. С издания бельгийского посольства в Гааге. Книжный магазин б. Мелье и Ко. Петроград, 1915; Зеленая книга. Итальянская дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914 г. 9 декабря 1914 г. – 4 мая 1915 г. Книжный магазин б. Мелье и Ко. Петроград, 1916.

[7] *Извольский А.П.* Воспоминания. М.: Международные отношения, 1989. С. 42.

[8] Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002. В 3-х т. Т. 1. 860—1917 гг. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 515–577.

[9] *Котляревский СЛ.* Русская внешняя политика и национальные задачи // Великая Россия. Сборник статей по военным и общественным вопросам. Кн. вторая. СПб., 1911. С. 43.

[10] Первый агент был назначен в 1817 г. в Берлин. В 1829 г. такой же пост учрежден в Париже, в 1830 г. – в Вене, в 1836 г. – в Лондоне, в 1847 г. – в Константинополе, Берне, Брюсселе и Иокогаме. В 1893 г. вышло новое положение о коммерческих агентах, расширявшее прежнюю программу их деятельности по торгово-политической информации. Были учреждены новые агентства – в США, Италии и Персии. В 1894 г. учреждаются должности агентов в Париже, Берлине, Лондоне и Генуе «для непосредственной охраны торговых интересов России и заботы о развитии наших коммерческих сношений с иностранными государствами» (Министерство финансов 1802–1902 гг. Ч. 2. СПб., 1902. С. 18).

[11] 28 мая 1912 г. был утвержден Закон об учреждении должностей агентов Министерства торговли и промышленности за границей.

[12] *Котляревский С.А.* Русская внешняя политика и национальные задачи // Великая Россия. Сборник статей по военным и общественным вопросам. Кн. вторая. СПб., 1911. С. 43.

[13] Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), фонд 2-й (газетной) экспедиции Канцелярии МИД России за 1832–1914 гг. Оп. 476, д. 505. Вырезки из русских газет о реорганизации МИД 02–05. 1909. Л. 40.

[14] Там же. Л. 43.

[15] *Элпидин Михаил Константинович* – русский революционер-шестидесятник, деятель вольной русской печати. В 1863 г. арестован по делу о Казанском заговоре 1863, приговорен к 5

годам каторги, 6 июля 1865 г. бежал из Казанского тюремного замка, эмигрировал, примкнул к «Молодой эмиграции». В 1866-м организовал в Женеве русскую типографию, в 1881-м – книжную лавку. Вместе с Н.Я. Николадзе издавал журнал «Подпольное слово»; в типографии Э. печатались журналы «Современность» и «Народное дело», газета «Общее дело», одним из издателей которой он был. За 40 лет Элпидин выпустил около 200 книг, в том числе первое отдельное издание романа «Что делать?» (1867) и сборник сочинений Н.Г. Чернышевского (т. 1–4, 1868-70), запрещенные цензурой произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого и др.

[16] *Элпидин М.К.* Наши посольства и консульства. Посвящается русским путешественникам. Carouge (Geneve), M.Elpidine, libraire-editeur. 1894, с. 7.

[17] *Набоков К.Д.* Испытания дипломата. Стокгольм, 1921. С. 32–33.

[18] *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата 1893–1922. Минск: Харвест, 2003. С. 261.

[19] *Григорьев Б.Н.* Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 74.

[20] *Георгий Николаевич Михайловский (Гарин-Михайловский)* (1890–1946) – юрист, сын известного русского писателя Н.Г. Гарина-Михайловского. Окончил в 1911 г. юридический факультет Санкт-Петербургского университета (а также историко-филологический) и был оставлен при университете на кафедре международного права. Для сбора материала к диссертации по морскому праву был направлен за границу; занимался в Париже – на консульско-дипломатическом отделении Высшей школы политических наук. Первая мировая война прервала его научные занятия. В 1914–1917 годах служил в Министерстве иностранных дел: за короткое время прошел путь от секретаря юрисконсульского отдела до начальника Международно-правового отдела министерства.

В 1918–1919 гг. работал во внешнеполитических ведомствах Белого движения: сначала у генерала А.И. Деникина, затем – генерала П.Н. Врангеля. В феврале 1920 г. эвакуировался в Константинополь, был юрисконсультом Русской миссии. Не желая больше участвовать, по его словам, в «загробной жизни дипломатического ведомства», он в октябре 1921 г. приехал в Чехословакию, где стал профессором кафедры международного права на Русском юридическом факультете Пражского университета. Здесь он написал «Историю международных отношений России» (издана не была). В 1945 г., 17 апреля, был арестован военной контрразведкой «СМЕРШ», вывезен в СССР, где

осужден на 10 лет лагерей; вскоре погиб.

[21] *Михайловский ГН* Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Т. 1. М., 1993. С. 37.

[22] Одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон об установлении новых Учреждения Министерства Иностранных Дел и штата центральных установлений этого Министерства // Известия МИД. 1914. Кн. 5. СПб., 1914. С. 50–67.

[23] Чему свидетели мы были… Сборник документов. Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940. Сборник документов в двух книгах. Книга вторая; 1938–1940. М.: ГЕЯ, 1998. С. 379–381.

[24] Известия МИД, кн. 5. СПб., 1914. С. 54.

[25] *Григорьев Б.Н.* Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 74.

[26] Известия МИД. 1912. Кн. 2. С. 129–134.

[27] Там же. 1914. Кн. 2. С. 62–63.

[28] *Лиманская ТО.* С.Д. Сазонов (министр иностранных дел 1910–1916 гг.) // Дипломатический вестник. 2001. Ноябрь.

[29] *Таубе МЛ.* Зарницы. Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917). М.: РОССПЭН, 2007. С. 165.

[30] *Абрикосов Д.И.* Судьба русского дипломата. М.: Русский путь, 2008, С. 279.

[31] *Штрандман В.Н.* Балканские воспоминания. Книжница, Русский путь, 2014.

[32] *Таубе МЛ.* Зарницы». Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917). М.: РОССПЭН, 2007. С. 166.

[33] АВПРИ. Ф. 138. Он. 467. Д. 723. Л. 2—26.

[34] Известия. 1941. 14 июня.

[35] Оранжевая книга (до войны). Сборник дипломатических документов. Переговоры от 10 до 24 июня 1914 года. Высочайшие манифесты о войне. Историческое значение Государственной думы 26 июля 1914 г. Спб., 1914. С. 60–61. (Далее: Оранжевая книга.)

[36] *Соколов В.В.* Наркоминдел Вячеслав Молотов// Международная жизнь. 1991. № 5. С. 106–107.

[37] АВПРИ. Ф. 133. Он. 470. 1914. Д. 384. Л. 41 об. 42 об.

[38] В ноябре 1914 г. в числе других депутатов-социалистов арестован и за антигосударственную деятельность приговорен к ссылке в Туруханский край.

[39] *Бадаев А.* Большевики в Государственной думе. Воспоминания. Изд. 8-е. М., 1954. С. 332.

[40] *Князь Николай Александрович Кудашев* – первый секретарь

российского посольства в Токио (1902), первый секретарь российского посольства в Константинополе (1906). В 1910–1913 гг. временный поверенный в делах России в США. В 1914–1916 гг. – директор Дипломатической канцелярии в Ставке Верховного Главнокомандующего. В 1916–1917 гг. – посланник в Китае вплоть до 1920 г., когда китайские власти закрыли русские дипломатические представительства. Умер в 1925 г.

[41]АВПРИ. Ф. Дипломатическая канцелярия при Ставке. Оп. 617. Д. 5. Л. 4.

[42] АВПРИ. Ф. 155. 1–5. Оп. 709. Д. 2216. Л. 3.

[43] *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата 1893–1922. Минск.: Харвест, 2003. С. 254–255.

[44] АВПРИ. Ф. 155. 1–5. Оп. 709. Д. 2216. Л. 38–38 об.

[45] *Бентковский Альфред Карлович* (1860–1930) – действительный статский советник (1908), тайный советник (1914). В 1882 г. поступил на службу в МИД сверхштатным чиновником Департамента внутренних сношений. Делопроизводитель 8-го (1890), 7-го (1892), 6-го (1894) и 5-го (1898) классов этого департамента. Вице-директор (1903) и директор (1905) 2-го департамента МИД, сенатор (1916). Умер в эмиграции.

[46] АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД, Реорганизация МИД. Оп. 731. Д. 234. **Л. 1.**

[47] АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД, Справочный материал. Оп. 664/1. Д. 105. Л. 6.

[48] *Гилберт Мартин*. Первая мировая война. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016. С. 5.

[49] *Филиппова Ту Баратов П*. Враги России. Образы и риторика вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. М.: Аиро XX, 2014.

[50] Le Petit Parisien, 03 aout 1915, № 14157.

[51] *Бьюкенен Джордж.* Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910–1918. М.: Центрполиграф, 2006. С. 325.

[52] *Сазонов С.Д.* Воспоминания. Париж: книгоиздательство Е. Сияльской, 1927. С. 259–260.

[53] *Брусилов А. А*. Воспоминания. М.: Воениздат, 1963. С. 25.

[54] Донесение коллежского советника Протопопова, управлявшего Императорским генеральным консульством в Вене, от 25 января 1915 г. // Известия МИД. Петроград, 1915. Кн. 2. С. 52–61.

[55] Князь Феликс Юсупов. Мемуары. М.: Изд. Богат, Захаров, 2007. С. 12.

[56] *Боткин С.Д*. Три последних дня пребывания

Императорского Посольства в Берлине // Известия МИД. Петроград, 1916. Кн. 1. С. 68–74.

[57] В Германии в этот период было несколько загранучреждений МИД России – генконсульство в Гамбурге, консульства в Лейпциге, Кенигсберге, Любеке, Мюнхене, Дрездене, Штеттине и Данциге, в каждом из которых числилось по одному сотруднику.

[58] *Юсупов Ф.Ф.* Мемуары. М., 2007. С. 153.

[59] Здесь и далее информация о российских послах дается по материалам сайта Wikipedia.org.

[60] *Лопухин Б.Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства Иностранных Дел. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 223.

[61] АВПРИ. Ф. 155, 7–5. Он. 709. Д. 11. Л. 16–16 об.

[62] О постигших русских подданных невзгодах см.: *Пахалюк К.А.* Русские туристы в Германии в августе 1914 г. // Рейтар. 2010. № 3. С. 161–168.

[63] Теодор Крамер (1897–1958) – австриец, участник Первой мировой войны.

[64] АВПРИ. Ф.159. Он. 749/3. Д. 2636. Л. 14–14 об.

[65] Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 82. Оп. 25, пор. № 34, папка 89. Л. 1–7.

[66] *Бережков В.М.* Годы дипломатической службы. М., 1972. С. 88–94.

[67] АВПРИ. Ф. 159. Оп. 743/1. Д. 547. Л. 2–7.

[68] АВПРИ. Ф. 159. Оп. 726. 1915. Д. 86. Л. 1–8 об.

[69] *Хейстнигс Макс.* Первая мировая война. Катастрофа 1914 года. АНФ, 2014. С. 37.

[70] *Лопухин Б.Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства Иностранных Дел / отв. ред. С.В. Куликов. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 223.

[71] *Троцкий А.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. М.: Панорама, 1991. Т. 1. С. 226.

[72] Донесение коллежского советника Протопопова, управлявшего Императорским генеральным консульством в Вене, от 25 января 1915 г. // Известия МИД. Петроград, 1915. Кн. 2. С. 56.

[73] После 1917 – участник Добровольческой армии, с 1920 в эмиграции во Франции. Был членом Центрального комитета Русского народно-монархического союза (с 1922) и общества «Икона», председателем Союза Пажей. Похоронен в Ментоне (Франция).

[74] *Сабанин А.В.* К вопросу о положении консульской службы и её задачах // Известия МИД. СПб., 1913. Кн. 2. С. 141–142.

[75] Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 1. 860-1917 гг. М.: Олма-пресс, 2002. С. 587–593.

[76] Донесение Императорской Миссии в Копенгагене от 26 января 1915 года № 347 // Известия МИД, Петроград, 1915. Кн. 2. С. 82.

[77] *Буксгевден К.К.* скончался в 1935 г. в Брюсселе.

[7*] *Кудрина Ю.В.* Дания и Первая мировая война // Новая и Новейшая история. 2004. № 1. С. 31–46.

[79] Отчет о деятельности Генерального Консульства в Лондоне от 9/22 июля 1915 года, № 5967 // Известия МИД. Петроград, 1915. Кн. 4. С. 170–172.

[80] Сборник практических сведений о городах, в коих имеют местопребывание российские дипломатические и консульские представители. Под редакцией Надворного Советника М.Э. Никольского. Спб., 1914. С. 89.

[81] *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата 1893–1922. Минск: Харвест, 2003. С. 261.

[82] Отчет о деятельности Генерального Консульства в Лондоне от 9/22 июля 1915 года, № 5967 // Известия МИД. Петроград, 1915. Кн. 4. С. 172.

[83] Сборник практических сведений о городах, в коих имеют местопребывание российские дипломатические и консульские представители. Под редакцией Надворного Советника М.Э. Никольского. Спб., 1914. С. 97–98.

[84] Донесение коллежского асессора Дерюжинского, командированного для усиления состава Императорского Консульства в Ньюкасле-на-Тайне за время с 19 августа / 1 сентября по 19 ноября / 3 декабря 1914 года. От 10 января 1915 года // Известия МИД. Петроград, 1915. Кн. 2. С. 62–64.

[85] Сборник практических сведений о городах, в коих имеют местопребывание российские дипломатические и консульские представители. Под редакцией Надворного Советника М.Э. Никольского. Спб., 1914. С. 84–86.

[86] Извлечение из прений Бюджетной комиссии Государственной думы по проекту сметы Министерства иностранных дел на 1915 год. Заседания 14 и 17 января 1915 года. С. 8.

[87] Татьяна Алхимова, современная российская поэтесса.

[88] Дипломатический словарь. 4-е изд. М.: Наука, 1985. Т. 2. С. 19–20.

[89] Сборник практических сведений о городах, в коих имеют местопребывание российские дипломатические и консульские представители. Под редакцией Надворного Советника М.Э. Никольского. Спб., 1914. С. 228.

[90] *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата 1893–1922. Минск: Харвест, 2003. С. 260.

[91]АВПРИ. Ф. 159. Он. 743/1. Д. 547. Л. 2–7.

[92] Донесение посланника в Норвегии д. с. с. Арсеньева от 15 января, № 27 // Известия МИД. Петроград, 1915. Кн. 2. С. 116–126.

[93] Отчет о командировке в Христианию и Берген секретаря Императорского Консульства в Праге, колл. асес. Казанского от 15 января, № 27 // Известия МИД. Петроград, 1915. Кн. 2. С. 126.

[94] Донесение Императорской Миссии в Стокгольме // Известия МИД. Петроград, 1915. Кн. 2. С. 142–150.

[95] АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 724. Л. 4—14.

[96] В апреле 1917 года А.В. Неклюдов назначен Временным правительством послом России в Испании. В августе, после неудачи корниловского выступления, ушел с дипломатической службы; жил в эмиграции на юге Франции. Участвовал в жизни русской эмиграции. Автор ряда мемуаров; публиковался в La Revue de deux mondes, Le Gaulois, Petit nicˆois. Умер в 1943 году, похоронен во Франции.

[97] АВПРИ. Ф. 138. Он. 467. Д. 723. Л. 29–49.

[98] АВПРИ. Ф. 159. Он. 743/1. Д. 547. Л. 2–7.

[99] *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата 1893–1922. Минск: Харвест, 2003. С. 258–259.

[100] АВПРИ. Ф.155, 1–5. Оп. 709. Д. 2435. Л. 7–8.

[101] Извлечение из прений Бюджетной комиссии Государственной думы по проекту сметы Министерства иностранных дел на 1915 год. Заседания 14 и 17 января 1915 года. С. 9.

[102] Сборник практических сведений о городах, в коих имеют местопребывание российские дипломатические и консульские представители. Под редакцией Надворного Советника М.Э. Никольского. Спб., 1914. С. 50–51.

[103] После революции жил в эмиграции. Обосновался во Франции, сначала в По (департамент Атлантические Пиренеи), затем в Медоне. Занимался садоводством. Скончался 5 июля 1933 г. под Парижем, похоронен на кладбище в Версале.

[104] Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. М.: Соцэкгиз, 1934. Т. V. № 543. С. 411.

[105] АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. 1914–1917 гг. Д. 574/606. Л. 26.

[106] Донесение императорской Российской Миссии в Антверпене от 19 января 1915 г., № 29 // Известия МИД. Петроград, 1915. Кн. 2. С. 67–71.

[107] В связи с германским наступлением российская миссия уже в середине августа 1914 г. вместе с бельгийскими

правительственными учреждениями переехала в Антверпен.

[108] Сборник практических сведений о городах, в коих имеют местопребывание российские дипломатические и консульские представители. Под редакцией Надворного Советника М.Э. Никольского. Спб., 1914. С. 48–49.

[109] *Нурдаль Григ* (1902–1943), норвежский поэт, драматург, прозаик.

[110] АВПРИ. Ф. 155, 1–5. Оп. 709. Д. 2432. Л. 36–38.

[111] Донесение императорской Российской Миссии в Антверпене от 19 января 1915 г., № 29 // Известия МИД. Петроград, 1915. Кн. 2. С. 67–71.

[112] Донесение Императорской Российской Миссии в Гааге от 1/14 февраля 1915 г. № 93 // Известия МИД. Петроград, 1915. Кн. 2. С. 110–115.

[113] http://www.kommersant.ru/doc/2535133

[114]*Игнатьев А.А.* 50 лет в строю. М.: Гослитиздат, 1955. В 2-х тт. Т. 1. С. 147.

[115] Донесение Императорского Российского Посольства в Париже от 24 января / 6 февраля 1915 г., № 64 // Известия МИД. Петроград, 1915. Кн.2. С. 133–141.

[116]*Игнатьев АЛ.* 50 лет в строю. М.: Гослитиздат, 1955. В 2 т. Т. 1. С. 149.

[117] *Элпидин М.К.* Наши посольства и консульства. Посвящается русским путешественникам. Carouge (Geneve), M.Elpidine, libraire-editeur, 1894. С. 21.

[118] Сборник практических сведений о городах, в коих имеют местопребывание российские дипломатические и консульские представители. Под редакцией Надворного Советника М.Э. Никольского. Спб., 1914. С. 447.

[119] Использованы материалы сайта http://100top.ru/encyclo-pedia/

[120] После Февральской революции он выразил готовность сотрудничать с Временным правительством, однако, когда в мае 1917 года состав его изменился, А.П. Извольский должен был выйти в отставку, предпочтя остаться во Франции. К социалистической революции в России А.П. Извольский, как и подавляющее большинство бывших царских дипломатов, отнесся враждебно. Он пережил ее всего на два года. Умер 16 августа 1919 г. в Париже.

[121] *Пуанкаре Раймон.* На службе Франции 1915–1916 гг. Воспоминания. Мемуары. М.-Минск: АСТ-Харвест, 2002.

[122] *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата 1893–1922. Минск: Харвест, 2003. С. 264.

[123] Сборник практических сведений о городах, в коих имеют

местопребывание российские дипломатические и консульские представители. Под редакцией Надворного Советника М.Э. Никольского. Спб., 1914. С. 444.

[124]*Дивильковский А.* В кольце огня (письмо из Швейцарии) // Вестник Европы. Кн. 12. Петроград, декабрь 1914 г. С. 265–280.

[125] *Журавская З.* В швейцарской мышеловке // Вестник Европы. 1914. № 11. Ноябрь. С. 132.

[126] *Журавская З.* В швейцарской мышеловке // Вестник Европы. 1914. № 11. Ноябрь. С. 136.

[127] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-6402. Он. 1. Д. 26.

[128] Донесение о деятельности Императорской Миссии в Швейцарии по делу о водворении на Родину русскоподдан-ных, находившихся в Швейцарии во время объявления войны // АВПР. Фонд Экономический департамент, IV д-во. Оп. 452. Д. 678. 1914 г. Ал. 1–8.

[129] *Арцимович Владимир Антонович* (1857 г.р.). Учился на юридическом факультете Петербургского университета. В 1880 г. поступил на службу в Министерство юстиции. В 1881 г. перешел в МИД на должность сверхштатного чиновника Департамента внутренних сношений. Делопроизводитель 8-го класса (1882). Консул в Сан-Франциско (1891), генеральный консул в Берлине (1900). Директор Департамента личного состава и хозяйственных дел (1910) и старший советник (1914) МИДа, товарищ министра иностранных дел (1914). В 1916–1917 – сенатор. Умер в 1917 г. в эмиграции.

[130] Извлечение из прений Бюджетной комиссии Государственной Думы по проекту сметы Министерства Иностранных Дел на 1915 год. Заседания 14 и 17 января 1915 года. С. 6.

[131] *А.К Крупенский* после революции остался в Италии, скончался в 1923 г. в Риме.

[132] *Святой Пий X* (до интронизации – Джузеппе Мелькиоре Сарто) скончался 20 августа 1914 г.

[133] Донесение Императорского Российского Консульства в Риме от 2/15 февраля 1915 г. № 261 // Известия МИД. Петроград, 1915. Кн. 2. С. 52—109.

[134] Сборник практических сведений о городах, в коих имеют местопребывание российские дипломатические и консульские представители. Под редакцией Надворного Советника М.Э. Никольского. Спб., 1914. С. 191–192.

[135] *Журавская З.* В швейцарской мышеловке // Вестник Европы. 1914. № 11. Ноябрь. С. 137.

[136] Сборник практических сведений о городах, в коих имеют

местопребывание российские дипломатические и консульские представители. Под редакцией Надворного Советника М.Э. Никольского. Спб., 1914. С. 183–184.

[137] *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата 1893–1922. Минск: Харвест, 2003. С. 274.

[138] АВПРИ. Ф. 159. Он. 726. 1915 г. Д. 31. Л. 1–2.

[139] Донесение генерального консула в Фиуме, действительного статского советника Каля от 7 января 1915 г. № 33 // Известия МИД. Петроград, 1915. Кн. 2. С. 75.

[140] Сообщение Российской Императорской Миссии в Афинах от 14 января 1915 г., № 33 // Известия МИД. Петроград, 1915. Кн. 2. С. 73–74.

[141] В канун февральских событий 1917 г. Е.П. Демидов состоял при посольстве в Греции. В Россию не вернулся. В 1920 г. представлял правительство генерала Врангеля, скончался Елим Демидов в 1943 г. в Афинах.

[142] Донесение Российской Императорской Миссии в Сербии от 13 января 1915 г., № 46 // Известия МИД. Петроград, 1915. Кн. 2. С. 131–132.

[143] *Абрикосов Д.И.* Судьба русского дипломата. М.: Русский путь, 2008. С. 279.

[144] АВПРИ. Ф. 138. Он. 467. Д. 722. Л. 32–33 об.

[145] *Таубе МЛ.* Зарницы. Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917). М.: РОССПЭН, 2007. С. 182.

[146] Князья Трубецкие. Россия воспрянет! М.: Воениздат, 1996. 527 с.

[147] АВПРИ. Ф. 159. Он. 749/3. Д. 2636. Л. 136–137.

[148] АВПРИ. Ф. 159. Он. 749/3. Д. 2636. Л. 134–135.

[149] АВПРИ. Ф. 146. Он. 495. Д. 8685. Л. 44–46 об.

[150] АВПРИ. Ф. 151. Он. 482. Д. 4040. Л. 75.

[151] *Каширин В.Б.* Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М.: ВИКМО-М, 2014. С. 269.

[152] Донесение Российской Императорской Миссии в Болгарии от 15 января 1915 года, № 44 // Известия МИД. Петроград, 1915. Кн. 2. С. 72–73.

[153] *Нотович Ф.И.* Дипломатическая борьба в годы Первой мировой войны. Т. 1: Потеря союзниками Балканского полуострова. М.-Л.: Академия наук СССР, 1947. С. 81.

[154] Центрархив. Царская Россия в мировой войне. Л., Государственное Издательство, 1925. Т. 1. С. 140.

[155] Там же.

[156] АВПРИ. Ф. 138. Он. 467. Д. 724. Л. 29—2.

[157] Донесение Российской Императорской Миссии в Румынии от 31 января 1915 г., № 134 // Известия МИД. Петроград, 1915. Кн. 2. С. 128–130.

[158] После Октябрьской революции работать на большевиков отказался, остался в Румынии. В 1920–1930 годах был представителем Верховного комиссара по делам беженцев при Лиге Наций (Нансеновского комитета) в Румынии, занимался вопросами оказания помощи русским эмигрантам.

[159]*Гарт Бэзил Лиддел.* История Первой мировой войны. М.: АСТ, Neoclassic, 2015. С. 193–196.

[160] Центрархив. Царская Россия в мировой войне. Л.: Государственное Издательство, 1925. Т. 1. С. 18.

[161] Центрархив. Царская Россия в мировой войне. Л.: Государственное Издательство, 1925. Т. 1. С. 46.

[162] Центрархив. Царская Россия в мировой войне. Л.: Государственное Издательство, 1925. Т. 1. С. 54.

[163]*Лукин В.К.* Заметки о боевой деятельности Черноморского флота в период 1914–1918 гг. М.: Петроний, 2009.

[164] АВПРИ. Ф. 138. Он. 467. Д. 386. Л. 11–12.

[165] АВПРИ. Ф. 323. Он. 617. Д. 8. Л. 7–7 об.

[166]*Морозова И.М.* Некоторые аспекты взаимодействия Министерства иностранных дел России и Государственной думы в 1905–1917 годах // Дипломатический вестник. 2001. Ноябрь.

[167] Извлечение из прений Бюджетной комиссии Государственной думы по проекту сметы Министерства иностранных дел на 1915 год. Заседания 14 и 17 января 1915 года. С. 1.

[168] Там же. С. 3.

[169] АВПРИ. Ф. 138. Он. 467. Д. 723. Л. 29–49.

[170] *Родзянко М.В.* Крушение империи. «Архив русской революции». Берлин, 1926. Т. XVII. С. 100.

[171] АВПРИ. Ф.163. Он. 3. Д. 2759. Л. 1–1 об. Д. 1760. Л. 1—2 об.

[172] АВПРИ. Ф. 163. Он. 3. Д. 367. Л. 2–9.

[173] АВПРИ. Ф. 155, 1–5. Он. 709. Д. 25. Л. 3—16.

[174] АВПРИ. Ф.159. Он. 726. 1915. Д. 163. Л. 1–6.

[175] *Познахирев В.В.* Турецкие военнопленные и гражданские пленные в России в 1914–1924 гг. СПб.: Нестор-История, 2014.

[176] Источник: http://ivran.ru/component/content/article/16/380

[177] АВПРИ. Ф.159. Оп. 664/1. Д. 229. Л. 1–3 об.

[178] АВПРИ. Ф. 159. Он. 664/1. Д. 229. Л. 1–3 об.

[179] 28 февраля 1917 г. Б.В. Штюрмера арестовали и заключили в Петропавловскую крепость. Затем перевели в больницу тюрьмы

«Кресты», где он и скончался.

[180] Деятельность дипломатов царского и Временного правительств в эмиграции в 1917–1938 годах // Международная жизнь. 2001. № 9—10. С. 71.

[181] *Сергей Григорьевич Сватиков* (1880–1942) – общественный деятель, журналист, член РСДРП (меньшевик), впоследствии перешел на позиции ликвидаторства. С 17 мая 1917 г. был назначен на должность комиссара Временного правительства с особым поручением. Отчеты Сватикова Временному правительству и другие материалы, связанные с ним, см.: ГАРФ. Ф. 324. С 1920 г. Сватиков находился в эмиграции, где изучал историю русского общественного движения.

[182] Дипломатия Временного правительства в борьбе с революцией // Красный архив. Исторический журнал. Т. XX. Центрархив. М.-Л., 1927. С. 25–38.

[183] АВПРИ. Ф. 133. Он. 470. 1917. Д. 97. Т. 1. Л. 52.

[184] *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. Новый хронограф, 2015. С. 512.

[185] Дипломатия Временного правительства в борьбе с революцией // Красный архив. Исторический журнал. Т. XX. Центрархив. М.-Л., 1927. С. 3–9.

[186] АВПРИ. Ф. 757. Он. 455 г. Д. 1а. Л. 45–45 об.

[187] Дипломатия Временного правительства в борьбе с революцией // Красный архив. Исторический журнал. Т. XX. Центрархив. М.-Л., 1927. С. 5.

[188] Там же. С. 11.

[189] Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2000. Он. 16. Д. 2450. Л. 70–71.

[190]13 и 28 июля 1917 г. были подписаны соглашения Временного правительства с Англией и Францией о взаимном привлечении подлежащих военной службе русских граждан, проживавших в Англии и Франции, соответственно в английскую и французскую армии, а английских и французских граждан в России – в русскую армию (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 1957. Л. 127, 130).

[191] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 2450. Л. 87–88 об.

[192] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 2450. Л. 52–53.

[193] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 2450. Л. 84.

[194] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 2413. Л. 314.

[195] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 508. Оп. 1. Д. 53. Л. 136–137.

[196] АВПРИ. Ф. 159. Оп. 731. Д. 234. Л. 1–4 об.

[197] *Нагорная О. С.* Другой военный опыт. Русские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922).

М., **2010**.

[198] АВПРИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 78. Л. 31–55.

[199] *Сергеев Е.Ю.* Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 66.

[200] Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 91– **112**.

[201] *Солнцева С.А.* Военнопленные в России в 1917 г. // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 144.

[202] *Сергей Дмитриевич Боткин* на службе в МИД с 1892 г. Летом 1914 г. назначен посланником в Дармштадте, но из-за начала войны не успел вступить в эту должность, а должен был вместе с другими дипломатами из Берлина вернуться в Россию. В 1919–1920 гг. – посол «белой» России в Берлине, где одновременно возглавлял Русский Красный Крест (до 1936 г.).

[203] Известия МИД. 1916. Кн. I. С. 63.

[204] Документы Комиссии находятся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Ф. 13159. 1914–1918 гг. Оп. 1–7.

[205] АВПРИ. Ф. 156. Он. 457. Д. 112. Л. 187–190.

[206] Известия МИД. 1915. Кн. I. С. 49–61.

[207] АВПРИ. Ф. 160. Он. 708. Д. 2685. Л. 4–4 об.

[208] См. подробнее: *Медников И.Ю*. Испания в годы Первой мировой войны. М., 2007.

[209] АВПРИ. Ф.155. Он. 709. Д. 25. Л. 3—16.

[210] В начале 1917 г. стандартная посылка, подготовленная в Москве и оценивавшаяся в 3 рубля, включала 7 фунтов сухарей, 1 фунт сахара, 1/8 фунта чая и 0,5 фунта мыла. Кроме этого формировались еще два вида посылок, опять же исходя из расчета 3 рубля за посылку. Первый вариант включал 6 фунтов сухарей, 1/8 фунта чая, фунт сахара, 0,5 фунта мыла и 100 папирос. Второй вариант предполагал отправку 6 фунтов сухарей, фунт сахара и одну банку мясных консервов.

[211] АВПРИ. Ф. 323. Он. 617. Д. 78. Л. 31–55.

[212] *Лебедев* О. Духовенство в годы Первой мировой войны // Независимая газета. 1997. 26 июня.

[213] АВПРИ. Ф.755, 1–5. Он. 709. Д. 2169. Л. 6–7.

[214] АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 1494. Л. 42–43.

[215] АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 2907. Л. 14–16 об.

[216] АВИРИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 78. Л. 55.

[217] *Альма Иоганна Кениг* (1889–1942), австрийская поэтесса и прозаик.

[218] АВПРИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 78. Л. 31–55.

[219] АВПРИ. Ф.160. Оп.708. Д. 6213. Л. 86—87а.

[220] АВПРИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 78. Л. 31–55.

[221] АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 1604. Л. 7.

[222] *Срибная А.В.* Сестры милосердия в годы Первой мировой войны. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2015.

[223] *Постернак А. В.* Очерки по истории общин сестер милосердия usefulnurse.narod.rmbiblioteka/Posternak.html

[224] *Нагорная О. С.* Военный плен и тендерные стереотипы: воспоминания сестер милосердия в российской дискуссии о войне (1914–1917). Война и общество. Самара, 2004. С. 112–119.

[225] АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 1601. Л. 152—54.

[226] *Анатолий Анатольевич Нератов* в 1886 г. поступил в Азиатский департамент МИД и прошел последовательно ступени от делопроизводителя до чиновника особых поручений при министре и старшего вице-директора того же департамента (с 1904). За все годы службы не занимал ни одного заграничного поста. С 1910 и до 1916 – товарищ министра иностранных дел С.Д. Сазонова. В ноябре-декабре 1916 года – временно исполняющий обязанности Министра иностранных дел. С 1916 и до Февральской революции 1917 – товарищ министра иностранных дел Н.Н. Покровского. В ноябре 1917 Нератов уехал на Юг к А.И. Деникину. После окончания Гражданской войны – в эмиграции. Скончался в русском госпитале города Вильжюиф (Франция) 10 апреля 1938 года.

[227] Российское общество Красного Креста. Центральное Справочное Бюро о военнопленных. Регистрация военнопленных. Петроград, 1915.

[228] Отчеты и доклады комитетов помощи русским военнопленным 1914–1916. Швейцария. Издание русского Инициативного агентства. Женева, 1916.

[229] АВПРИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 78. Л. 31–55.

[230] АВПРИ. Ф.159. Оп. 726. 1915. Д. 80. Л. 1–2 об.

[231]АВПРИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 78. Л. 16–21.

[232]*Лион Фейхтвангер* (1884–1958), германский драматург, прозаик и поэт.

[233] АВПРИ. Ф.160. Оп. 708. Д. 6044. Л. 33–41 об.

[234] АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 1529. Л. 10–13 об.

[235] АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 6208. Л. 12–13.

[236] *Белова И.Б.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России 1914–1925 гг. М.: АИРО XXI, 2014. С. 190.

[237] *Павлов А.Ю.* «Русская одиссея» эпохи Первой мировой. Русские экспедиционные силы во Франции и на Балканах. М.: Вече; СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2011.

[238] kremlin.ru›События›46385

[239] Памяти кн. Гр. Н.Трубецкого. Сборник статей. Париж, 1930. С. 117–118.

[240] Некоторые вопросы советской внешней политики и дипломатии. М., 1969. С. 125.

[241] *Чуев Ф.И.* Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 98–99.

Список литературы

Абрикосов Д.И. Судьба русского дипломата. М.: Русский путь, 2008.

Архив внешней политики Российской империи. Путеводитель. МИД Российской Федерации. East View Publications, Inc. Minneapolis, 1995.

Бадаев А. Большевики в Государственной думе. Воспоминания. Изд. 8-е. М., 1954.

[Серая книга] Бельгийская дипломатическая переписка, относящаяся до войны 1914 г.: 24 июля – 29 августа. С издания бельгийского посольства в Гааге. Петроград: Книжный магазин б. Мелье и К, 1914.

Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России 1914–1925 гг. М.: АИРО XXI, 2014. С. 431.

Бережков В.М. Годы дипломатической службы. М., 1972.

Богомолов С. В Европе летом 1941 года // Международная жизнь. 1989. № 2. С. 127–139.

Болгин В., Вебер Ю. Очерки мировой войны 1914–1918 гг. М.: Госвоениздат, 1940.

Боткин П. С. Картинки из дипломатической жизни. Париж, 1930.

Брусилов А.А. Воспоминания. М.: Воениздат, 1963.

Булдаков В.П., Аеонтъева ТГ Война, породившая революцию. М.: Новый хронограф, 2015.

Бьюкенен Джордж. Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910–1918. М.: Центрполиграф, 2006.

Виллмот Г Первая мировая война. М.: Ломоносову 2010. *Воронин Е.Р.* Первая мировая война. Errare humanum. Кто виноват? М.: МГИМО-Университет, 2014.

Гарт Бэзил Аиддел. История Первой мировой войны. М.: АСТ, Neoclassic, 2015.

Гилберт Мартин. Первая мировая война. КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016.

Готлиб В.В. Тайная дипломатия во время Первой мировой войны. М.: Соцэзгиз, 1960.

Григорьев Б.Н. Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. М.: Молодая гвардия, 2010.

Дивильковский А. В кольце огня (письмо из Швейцарии) // Вестник Европы. Кн. 12. Петроград, 1914. С. 265–280.

Дипломатический словарь. Четвертое издание. М.: Наука, 1985. Т. 2. С. 19–20.

Дополнение к Справочной книге по торгово-промышленной части для Императорских Российских Консулов. СПб., 1914.
Жорэн Ауи. Записки посла. М.: НКИД, 1925.
Журавская З. В швейцарской мышеловке // Вестник Европы. 1914. № 11. Ноябрь. С.131–143.
Игнатьев А.А. 50 лет в строю. М.: Гослитиздат, 1955. В 2 т. Извлечение из прений бюджетной комиссии Государственной Думы по проекту сметы Министерства иностранных дел на 1915 год. Заседания 14 и 17 января 1915 года.
Извольский А.П. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1989.
История внешней политики России. Конец XIX – начало
XX века: от русско-французского союза до Октябрьской революции. М., 1999.
История внешней политики России. Конец XV в. – 1917 г. М., 1995–1999.
История дипломатии. Т. 1–3. М., 1941–1945.
Карелин В.А. Проблема интернирования военнопленных Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 93—105.
Каширин В.Б. Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М.: ВИКМО-М, 2014.
Князь Феликс Юсупов. Мемуары. М.: Изд-во Богат, Захаров, 2007.
Князья Трубецкие. Россия воспрянет! М.: Воениздат, 1996.
Козырев Н.И. Дипломатия в экстремальных ситуациях. М.: Восток-Запад, 2010.
Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 1–2. М., 1992.
Кононова М.М. Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925 гг.), М., 2004.
Котляревский С.А. Русская внешняя политика и национальные задачи // Великая Россия. Сборник статей по военным и общественным вопросам. Кн. вторая. СПб., 1911. С. 43.
Кудрина Ю.В. Дания и Первая мировая война // Новая и Новейшая история. 2004. № 1. С. 31–46.
Аиманская ТО. С.Д. Сазонов (министр иностранных дел 1910–1916 гг.) // Дипломатический вестник. 2001. Ноябрь.
Лопухин Б.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства Иностранных Дел. СПб.: Нестор-История, 2008.
Милюков П.Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002.
Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991.

Министерство иностранных дел. Сборник дипломатических документов. Переговоры от 10 до 24 июля 1914 г., предшествовавшие войне. СПб.: Государственная типография, 1914.

Министерство иностранных дел в годы Первой мировой войны. Сборник документов / МИД РФ. Тула: Аквариус, 2014.

Министерство Иностранных Дел. Департамент личного состава и хозяйственных дел. Изложение дела о штатных консульствах. МИД. СПб., 1893.

Министерство финансов 1802–1902 гг. Ч. 2. Спб., 1902.

Михайловский Г.Н. Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Т. 1. М., 1993.

Морозова ИМ. Некоторые аспекты взаимодействия Министерства иностранных дел России и Государственной думы в 1905–1917 годах // Дипломатический вестник. 2001. Ноябрь.

Набоков К.Д. Испытания дипломата. Стокгольм: Северные огни, 1921.

Нагорная О. С. Другой военный опыт. Русские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010.

Нагорная О. С. Военный плен и тендерные стереотипы: воспоминания сестер милосердия в российской дискуссии о войне (1914–1917). Война и общество. Самара, 2004.

Некоторые вопросы советской внешней политики и дипломатии. М., 1969.

Новиков Н.В. Воспоминания дипломата. Записки 1938–1947. М., 1989.

Новицкий В. Мировая война 1914–1918 гг. Кампания 1914 г. в Бельгии и во Франции. Т.1–2. М.: Воениздат, 1938.

Нольде Б.Э. Далекое и близкое. Париж, 1930.

Нотович Ф.И. Дипломатическая борьба в годы Первой мировой войны. Т. 1: Потеря союзниками Балканского полуострова. М.-Л.: Академия наук СССР, 1947.

Оранжевая книга (до войны). Сборник дипломатических документов. Переговоры от 10 до 24 июня 1914 года. Высочайшие манифесты о войне. Историческое значение Государственной думы 26 июля 1914 г. СПб., 1914.

Отчеты и доклады комитетов помощи русским военнопленным 1914–1916. Швейцария. Издание русского Инициативного агентства. Женева, 1916.

Очерк истории Министерства иностранных дел (1802–1902). СПб., 1902.

Очерки истории Министерства иностранных дел России. М., 2002. Т. 1, 3.

Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой.

Русские экспедиционные силы во Франции и на Балканах. М.: Вече; СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2011.

Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.: Международные отношения, 1991.

Палеолог М. Дневник посла / Пер. с франц. М., 2003.

Памяти кн. Гр. Н.Трубецкого: сб. статей с предисловием П.Б.Струве. Париж, 1930.

Пахалюк К.А. Русские туристы в Германии в августе 1914 г. // Рейтар. 2010. № 3. С. 161–168.

Познахирев В.В. Турецкие военнопленные и гражданские пленные в России в 1914–1924 гг. СПб.: Нестор-История, 2014.

Попова С. Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде. М.: Ладомир, 2010.

Пуанкаре Раймон. На службе Франции 1915–1916 гг. Воспоминания. Мемуары. М.-Минск: АСТ-Харвест, 2002.

Родзянко М.В. Крушение империи. «Архив русской революции». Т. XVII. Берлин, 1926.

Российское общество Красного Креста. Центральное Справочное Бюро о военнопленных. Регистрация военнопленных. Петроград, 1915.

Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. В 2 томах. М.: Гея, 1998.

Сабанин А.В. К вопросу о положении консульской службы и её задачах // Известия МИД. СПб., 1913. Кн. 2. С. 141–142.

Савинский А.Л. Дневник. АВПРИ. Ф. 340. Оп. 834. 1891–1917. Д. 27.

Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж: книгоиздательство Е. Сияльской, 1927.

Сакун О.Ф. Дипломатическое ремесло. М.: изд-во «Международные отношения», 2007.

Сборник практических сведений о городах, в коих имеют местопребывание российские дипломатические и консульские представители. Под редакцией Надворного Советника М.Э. Никольского. СПб., 1914.

Сергеев Е. Ю. Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии// Новая и новейшая история. 1996. № 4.

Симонова Т Русские в германском и австрийском плену в период Первой мировой войны // Журнал Московской Патриархии. 2006. № 5. С. 72–89.

Соколов В.В. Наркоминдел Вячеслав Молотов // Международная жизнь. 1991. № 5. С.106–107.

Солнцева С А. Военнопленные в России в 1917 г. // Вопросы истории. 2002. № 1.

Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата 1893–1922. Минск: Харвест, 2003.

Справочная книга по торгово-промышленной части для Императорских Российских Консулов. СПб., 1912.

Справочник по фондам Архива внешней политики Российской Федерации (1917–1962). МИД РФ. М.: Международные отношения, 2002.

Срибная А.В. Сестры милосердия в годы Первой мировой войны. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2015.

Степанов А.Ж Репатриация советских граждан из Швейцарии (1945 г.) /…Каждый делал все, что мог, чтобы защитить Москву… Ветераны дипломатической службы вспоминают. М.: МИД РФ, 2006. С.149–162.

Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 91—112.

Такман Б. Первый блицкриг. Август 1914. М.: АСТ, 1999.

Таубе М.Л. Зарницы. Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917). М.: РОССПЭН, 2007.

Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М.: Панорама, 1991. Т. 1.

Трубецкой Г.Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983.

Уткин А. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск: Русич, 2000.

Филиппова Т, Баратов П. Враги России. Образы и риторика вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. М.: Аиро XX, 2014.

Хейстнигс Макс. Первая мировая война. Катастрофа 1914 года. АНФ, 2014.

Центрархив. Царская Россия в мировой войне. Т. 1. Л.: Государственное Издательство, 1925.

Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. М., 2006.

Чему свидетели мы были… Сборник документов. Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940. Кн. вторая; 1938–1940. М.: ГЕЯ, 1998. С. 379–381.

Чернявский С.И. Российские дипломаты в Первой мировой войне. М.: МГИМО-Университет, 2014.

Шацилло В. Первая мировая война 1914–1918. Факты. Документы. М.: ОЛМА-Пресс, 2003.

Штрандман В.Н. Балканские воспоминания. Книжница, Русский путь, 2014.

Элпидин К. Наши посольства и консульства. Посвящается русским путешественникам. Carouge (Geneve), M. Elpidine, libraire-editeur, 1894.

Юдин Н.В. Патриотический подъем в начале Первой мировой войны: конструктивистский ракурс // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 4 (37).С. 17–23.

Юсупов Ф.Ф. Мемуары. М., 2007.